ПОБѢДЫ И ПОРАЖЕНІЯ

въ войнѣ 1870 года

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ИХЪ ПРИЧИНЫ.

Опытъ критическаго описанія

ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

до Седанской битвы включительно.

Генеральнаго штаба Генералъ-Маіора ***Войде.***

ТОМЪ I

съ семью чертежами.

ВАРШАВА.

Типографія А. ГИНСА. Новозельная, № 47.

1889.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 31 Декабря 1888 года.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23123 1970 г.

Чужимъ опытомъ — учись.

„Даже величайшій геній полководца не замѣнитъ ему самостоятельнаго содѣйствія частныхъ начальниковъ.“
Блюме. „Стратегія.“

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года возгорѣлась война между Франціею и Пруссіею, поддержанной всѣми остальными Германскими государствами. На двадцатый день мобилизаціи своей нѣмцы открыли дѣйствія Вейсенбургскою побѣдою, а ровно четыре недѣли спустя они уже покончили съ французскою арміею. Одна часть ея, вмѣстѣ съ императоромъ Наполеономъ III, сдалась въ плѣнъ въ Седанскомъ погромѣ, другую же, запертую въ Мецѣ, ожидала та же печальная участь. Ото всѣхъ наличныхъ вооруженныхъ силъ Франціи уцѣлѣли только жалкіе обломки, которые не поспѣли еще въ дѣйствіе.

Такъ безвременно, терпя пораженіе за пораженіемъ, сошли съ поля безспорно блистательно храбрыя французскія войска. Такъ, подобно безсильной жертвѣ, погибла армія, законная наслѣдница великой Наполеоновской славы, которую она до того съ честью поддерживала все новыми и новыми подвигами, совершавшимися во всѣхъ частяхъ свѣта.

Если поставить вопросъ о причинахъ этого поразительнаго явленія, то общепринятый отвѣтъ будетъ, что „произошло это отъ общаго численнаго превосходства нѣмцевъ (послѣдствіе лучшей военной системы) и образцоваго общаго командованія“. Но вѣрно это только отчасти.

Если допустить, что нѣмцы побѣждали собственно числительностью своею, то общее свое превосходство силъ на театрѣ войны

они должны были сохранить и въ каждой побѣдоносной встрѣчѣ въ отдѣльности. Если же нѣмцы одерживали верхъ образцовымъ общимъ управленіемъ своими войсками, то оно заявило бы о себѣ и во всѣхъ перипетіяхъ борьбы съ французами. Однако факты далеко этого не подтверждаютъ, что видно изъ нижеслѣдующаго.

Извѣстно, что одна прусская пѣхотная дивизія, Камеке, 6 августа подъ Шпихерномъ аттаковала цѣлый французскій корпусъ Фроссара (въ составѣ трехъ дивизій пѣхоты). Во время боя къ Камеке подоспѣли на помощь разные прусскіе отряды, въ общемъ, силою почти въ двѣ дивизіи пѣхоты. Но и маршалъ Базенъ, начальникъ передовой французской арміи, двинулъ на поддержку Фроссара болѣе трехъ пѣхотныхъ дивизій. Однако французы отступили, и побѣда осталась за пруссаками.

Подъ Марсъ-ля-Туромъ, 16 августа, наступавшій 3^{ій} прусскій корпусъ Альвенслебена (въ составѣ двухъ дивизій пѣхоты, съ двумя кавалерійскими) наткнулся на цѣлую армію маршала Базена. Въ теченіе боя на помощь Альвенслебену прибылъ 10ый корпусъ, Фохтсъ-Реца (тоже двѣ пѣхотныя дивизіи), и части отъ 8го и 9го прусскихъ корпусовъ, силою равною всего одной дивизіи пѣхоты. Эти нѣмецкія войска выдержали успѣшно бой противъ Базена (имѣвшаго тутъ въ распоряженіи своемъ 14$^{3}/_{4}$ дивизій пѣхоты и двѣ отдѣльныя кавалерійскія) и заставили французовъ отказаться отъ предпринятаго ими движенія къ Вердену.

Маршалъ Базенъ во время вылазки своей изъ Меца съ цѣлью прорыва нѣмецкой блокады имѣлъ на правомъ берегу р. Мозеля, 31 августа (первый день Нуасевильскаго сраженія), почти тройныя силы противъ нѣмцевъ, раскинутыхъ вдобавокъ по 20^{ти} верстной блокадной линіи. Однако французы не разбили нѣмцевъ, а напротивъ того, на другой день Базенъ былъ отброшенъ и отошелъ обратно въ Мецъ предъ силами противника, вдвое меньшими.

Факты эти прямо показываютъ, что нѣмцы въ столкновеніяхъ своихъ съ французами побѣждали послѣднихъ отнюдь не одною лишь числительностью своею. Съ другой стороны, на основаніи тѣхъ же данныхъ, позволительно усомниться по меньшей мѣрѣ въ непрерывной, такъ сказать, непогрѣшимости такого командованія, которое, при общемъ значительномъ превосходствѣ силъ на

театрѣ войны, неоднократно подвергало свои слабѣйшія войска ударамъ сильнѣйшаго непріятеля.

Сказанное нисколько не умаляетъ истинныхъ заслугъ и дѣйствительно большихъ достоинствъ нѣмецкаго общаго командованія. Заключались онѣ главнымъ образомъ въ раціональномъ пониманіи сути войны и систематической общей и частной подготовкѣ къ предстоявшей борьбѣ. Во время же самой войны нѣмецкое начальство отличалось крайне энергическимъ, вполнѣ сознательнымъ преслѣдованіемъ цѣлей самыхъ крупныхъ, ясно поставленныхъ (напр. обходъ арміи Базена). Оно умѣло пользоваться и совершенно неожиданными счастливыми обстоятельствами и, такъ сказать, ловить успѣхъ налету (походъ Седанскій).

Но за всѣмъ тѣмъ, даже исчисленными выше фактами (меньшія силы нѣмцевъ при Шпихернѣ, Марсъ-ля-Турѣ и Нуасевиль) далеко не исчерпывается рядъ такихъ проявленій, которыя, освѣщая нѣмецкое командованіе надлежащимъ свѣтомъ, въ состояніи, кажется, значительно умѣрить слишкомъ оптимистическое о немъ мнѣніе.

Перехожу къ этимъ проявленіямъ.

Командиръ 3ей нѣмецкой арміи рѣшилъ аттаковать Вертскую позицію Макъ-Магона только 7 августа, а 6 число употребить для надлежащей подготовки аттаки. А между тѣмъ сраженіе, не безъ вины начальства нѣмецкой арміи, возгорѣлось и разыгралось именно еще 6 числа. Велось оно нѣмцами, надо признать, довольно безпорядочно. Побѣда куплена ими жертвами непомѣрными. Результатъ оказался далеко не такой полный, какой былъ желателенъ нѣмцамъ и при громадномъ превосходствѣ ихъ силъ — вполнѣ возможенъ.

Далѣе, при подробномъ изученіи дѣйствій блокадной нѣмецкой арміи подъ Мецомъ, становится яснымъ, что само же начальство ея, дѣйствуя въ противность стратегической обстановкѣ, отдалило срокъ гибели арміи Базена почти на цѣлыхъ два мѣсяца.

Наконецъ, нельзя не констатировать, что нѣмецкіе корпуса, нѣмецкія дивизіи, бригады и даже болѣе мелкіе отряды, въ общей связи и въ совокупности между собою, одерживали вмѣстѣ побѣды не только безъ всякихъ предварительныхъ на то распоряженій свыше, но даже и безъ всякаго общаго въ бою управленія. Тако-

го управленія не могло быть при Шпихернѣ, гдѣ опрометчиво ввязавшаяся въ бой дивизія Камеке поддержана была некрупными частями отъ трехъ корпусовъ (двухъ различныхъ армій), вступавшими въ бой разновременно и торопливо.

Точно также внимательное изслѣдованіе подробностей сраженій при Вертѣ и Марсъ-ля-Турѣ показываетъ, что дѣйствительное и рѣшающее въ нихъ участіе командировъ нѣмецкихъ армій, непредвидѣвшихъ этихъ столкновеній и поздно спохватившихся, сводится, можно сказать, почти къ нулю, такъ какъ одни изъ запоздалыхъ ихъ приказаній были уже предупреждены распорядительностью частныхъ начальниковъ, а другія оказались просто неисполнимыми.

Наконецъ, въ бою 14 августа передъ Мецомъ, составлявшимъ первое звено стратегической цѣпи, совершенно спутавшей армію Базена, командиръ 1ой нѣмецкой арміи, генералъ Штейнмецъ, прибылъ на поле битвы лишь настолько благовременно, чтобы, въ виду уходившихъ уже французовъ, пожурить своихъ подчиненныхъ за побѣду, одержанную ими не только безъ его разрѣшенія и управленія, но даже въ противность прямому съ его стороны предварительному воспрещенію.

Такимъ образомъ на основаніи всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ (разобранныхъ и выясненныхъ въ настоящемъ сочиненіи возможно полно) выходитъ въ концѣ концовъ, что нѣмцы били французовъ и меньшими силами или при такихъ условіяхъ командованія свыше, которыя не только нельзя признать образцовыми, но на первый взглядъ даже едва-ли нормальными. Съ другой стороны видно, что французы терпѣли пораженія и при самыхъ выгодныхъ для себя шансахъ.

Спрашивается наконецъ, чему-же нѣмцы обязаны своими непрерывными успѣхами, а французы постоянными неудачами? Какое же новое средство ввели въ дѣло нѣмцы, и чего именно недоставало французамъ?

Этимъ съ виду новымъ (а въ сущности какъ война старымъ) средствомъ была оффиціально, такъ сказать, признанная нѣмцами и обязательная у нихъ „самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ“. Нѣмцы обладали этою силою съ относительнымъ со-

вершенствомъ. Она-то въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ помогала нѣмецкому начальству успѣшно, почти безъ запинки, справляться со сложнымъ механизмомъ громадной современной арміи. Частные нѣмецкіе начальники, исполняя приказанія свыше, превосходили иногда не только ожиданія, но и самыя смѣлыя надежды своихъ старшихъ начальниковъ; такъ было подъ Седаномъ. Они нерѣдко исправляли болѣе или менѣе неизбѣжные промахи старшихъ и дарили ихъ далеко не всегда заслуженною побѣдою. Однимъ словомъ, благодаря частнымъ своимъ начальникамъ, „нѣмцами“ (по изреченію профессора Г. А. Леера) „въ теченіе всей кампаніи не было потеряно ни одной благопріятной минуты“. А французы?... Они какъ будто не подозрѣвали даже о существованіи подобной силы, а потому терпѣли пораженія даже тамъ, гдѣ побѣда принадлежала имъ, такъ сказать, по праву.

Дѣйствительно, если внимательно прослѣдить весь ходъ перваго періода кампаніи, законченнаго Седанскимъ погромомъ французовъ, то не трудно замѣтить, что промахи ихъ противниковъ или, если угодно, счастье французовъ неоднократно давало послѣднимъ немалое превосходство силъ на полѣ дѣйствій. Мужеству нѣмцевъ французы противоставляли свою всегдашнюю порывистую храбрость. Подавляющее дѣйствіе нѣмецкой артиллеріи французы удачно уравновѣшивали губительнымъ огнемъ своей пѣхоты, вооруженной несравненно лучше нѣмецкой. Но разумному, смѣлому, хотя впрочемъ подчасъ едва-ли не заносчивому почину частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ французы какъ въ общемъ, такъ и въ частности, умѣли противоставить только рутинную пассивность, всегда выжидавшую толчка извнѣ.

Вотъ гдѣ кроется настоящая причина „непрерывныхъ неудачъ“ и безвременной гибели храброй французской арміи; вотъ въ чемъ состояла „сила“ нѣмцевъ.

Противники нѣмцевъ въ грядущихъ войнахъ должны будутъ серіозно посчитаться съ этою въ проявленіяхъ своихъ почти стихійною силою и заранѣе изыскать средства и способы для противовѣса; эту же силу, какъ неизбѣжный во всякомъ случаѣ факторъ современнаго военнаго искусства (хотя бы одного только нѣмецкаго), не можетъ игнорировать ни одна благоустроенная армія.

Первенствующій засимъ интересъ представляетъ рѣшеніе вопроса:

Какую роль въ побѣдахъ и пораженіяхъ франко-германской войны играло командованіе свыше, и что именно падаетъ на долю частныхъ начальниковъ?

Поэтому казалось бы, что изученіе франко-германской войны съ этой именно точки зрѣнія представляетъ интересъ не только исторически — научный, но и прямо практическій.

Въ дѣлѣ военномъ надо учиться чужимъ опытомъ; свой обходится дорого и зачастую приходитъ слишкомъ поздно.

Подъ наименованіемъ „частнаго начальника“ приходится подразумѣвать всякаго подчиненнаго по отношенію къ непосредственно высшей инстанціи. Такимъ образомъ въ разрядъ этотъ входятъ всѣ начальники по нисходящей степени, начиная съ подчиненныхъ главному вождю командировъ армій. Командиры корпусовъ суть частные начальники относительно командира арміи; начальники дивизій — относительно корпусныхъ, бригадные — относительно дивизіонныхъ.

Вообще въ кругъ изслѣдованій настоящаго сочиненія, по каждому эпизоду войны, вошла дѣятельность всѣхъ тѣхъ частныхъ начальниковъ, которые по обстоятельствамъ находились въ такой обстановкѣ, что проявили или должны были проявить самостоятельную дѣятельность съ замѣтнымъ вліяніемъ на общій ходъ событій. Подробное же изслѣдованіе тактическаго, такъ сказать, почина во всѣхъ его частныхъ, мелкихъ проявленіяхъ не входитъ въ кругъ изслѣдованій настоящаго сочиненія.

Сочиненія и документы, послужившіе источниками при составленіи настоящаго труда, поименованы въ немъ по мѣрѣ ссылокъ.

Мѣсяцы и числа ихъ, во избѣжаніе недоразумѣній при справкахъ въ источникахъ, приводятся согласно послѣднимъ, т. е. по *новому стилю*.

Иностранныя названія мѣстъ и лицъ пишутся въ сочиненіи по возможности по ихъ произношенію; для облегченія же справокъ въ источникахъ и картахъ, названія, первый разъ упоминаемыя, прописаны и въ подлинномъ ихъ видѣ.

I.

Причины войны и стратегическія предположенія обѣихъ сторонъ.

Возвышеніе Пруссіи послѣ войны 1866 года. Неудовольствіе Франціи. Внѣшняя борьба—средство сплоченія Германіи. Война неизбѣжна.—Военныя предположенія Пруссіи: мемуаръ начальника Прусскаго главнаго штаба, генерала Мольтке.—Планъ дѣйствій, приписываемый императору Наполеону III. Игнорированіе дѣйствительныхъ данныхъ. Участь предостереженій Стоффеля. Причина преждевременной войны—новый династическій кризисъ во Франціи.

Въ 1866 году Пруссія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль поборола Австрію, а равно и германскихъ союзниковъ послѣдней.

Европа не была приготовлена къ столь быстрому окончанію войны, и Пруссія въ полной мѣрѣ воспользовалась своею побѣдою. Она выбросила Австрію изъ Германскаго союза, присоединила къ Прусскому королевству обширныя германскія территоріи; наконецъ, Пруссія посредствомъ торговыхъ договоровъ и военныхъ конвенцій въ большей или меньшей степени подчинила себѣ всѣ прочія, независимыя еще по имени, государства Германіи.

Полное политическое объединеніе Германіи повидимому должно было совершиться въ недалекомъ будущемъ.

Франція искони основывала свою внѣшнюю политику на слабости и разъединеніи Германіи. Французы привыкли свысока смотрѣть на слабый и тяжелый на подъемъ союзъ Германскій. Они не хотѣли мириться съ новымъ порядкомъ вещей, который казался имъ неестественнымъ и какъ будто даже противозаконнымъ.

Неудовольствіе народа обращалось на правительство Франціи, глава коего, императоръ Наполеонъ III, сверхъ того считалъ все случившееся въ Германіи какъ бы личною для себя обидою, доказательствомъ малой политической его прозорливости. Мысль о необходимости войны съ Пруссіею для возстановленія равновѣсія носилась, такъ сказать, въ воздухѣ; она одинаково охватывала умы народа, какъ и правительства Франціи.

Германіи, съ другой стороны, при далеко подвинутомъ фактическомъ объединеніи, недоставало связи нравственной; въ ней чувствовалась повсемѣстная потребность, но основать ее было не на чемъ. Любовь и довѣріе, какъ корни общей связи, не скоро могли окрѣпнуть въ почвѣ, приготовленной междоусобною войною 1866 года.

За неимѣніемъ почвы для чувствъ положительныхъ въ настоящемъ, нѣмцы должны были искать единства мысли хотя бы въ чувствахъ отрицательныхъ. Они нашли ихъ въ прошедшемъ; это была общая, если можно такъ выразиться, „архаическая“ ненависть „къ исконному врагу“, т. е. къ Франціи. Ненависть эту—наслѣдіе борьбы, прекратившейся болѣе полувѣка тому назадъ,—можно сказать, искусственно лелѣяли въ народахъ Германіи: она звучала въ пѣсняхъ поэтовъ и проповѣдывалась съ каѳедры. Это считалось едва ли не единственнымъ общедоступнымъ массамъ чувствомъ, въ которомъ нѣмцы вполнѣ сознавали свое историческое и племенное единство. Правда, что проявлявшіеся время отъ времени, хотя и платоническіе, взрывы гальскаго завоевательнаго шовинизма до нѣкоторой степени оправдывали нѣмцевъ.

Итакъ, Франція стремилась къ войнѣ для того, чтобы разбить единство Германіи. Германія, наоборотъ,—готовилась къ рѣшительной внѣшней борьбѣ, чтобы довершить свое національное соединеніе. Французы мечтали о непрерывной для себя рейнской границѣ, а между тѣмъ прусскіе государственные люди порѣшили уже отбросить Францію далеко за Рейнъ, считая его исключительнымъ достояніемъ Германіи.

При такой обстановкѣ война была только вопросомъ времени, во всякомъ случаѣ недальняго.

За предлогомъ дѣло не стало. Съ формальной точки вызывающею стороною была Франція, правительство которой обратилось къ королю Прусскому со странными и невозможными требованіями и, встрѣтивъ рѣшительный отказъ, объявило Пруссіи войну [1]). Пруссія же не колеблясь приняла вызовъ: она приготовилась къ рѣшительной борьбѣ не одними лишь вооруженіями, но главное весьма искусною политикою.

---

[1]) 3 іюля новаго стиля 1870 г. появилось въ газетахъ телеграфическое извѣстіе, что испанское министерство предлагаетъ корону принцу Леопольду Гогенцоллерну. Общественное мнѣніе во Франціи встревожилось или вѣрнѣе искусственно было тревожимо своимъ правительствомъ перспективою, что прусскій принцъ возсядетъ на престолѣ Карла V. Хотя принцъ Леопольдъ былъ католическаго вѣроисповѣданія и приходился сродни не только королю Вильгельму Прусскому, но и императору Наполеону III, однако французское правительство ухватилось за этотъ предлогъ и обратилось къ королю съ требованіемъ, чтобы послѣдній воспретилъ принцу принять испанскую корону. Когда же принцъ самъ отклонилъ предложеніе испанцевъ,

Къ началу войны Пруссія сумѣла охладить симпатіи Англіи, оказываемыя ею имперской Франціи. Она заранѣе еще заручилась благосклоннымъ нейтралитетомъ или вѣрнѣе могущественною дружбою, чтобы не сказать — покровительствомъ Россіи. Полагаясь на Россію, Пруссія могла бросить для разгрома Франціи всѣ силы и всѣ средства Германіи. Ей можно было не бояться Австріи, жаждавшей тогда еще отмести за Садову, ей нечего было заботиться объ остальныхъ врагахъ и завистникахъ.

Итакъ, Пруссіи въ начатой борьбѣ предстояло рѣшить только задачу чисто военную. Хотя новая организація прусской арміи не была еще вполнѣ окончена, а предположенное перевооруженіе пѣхоты уже не могло состояться, тѣмъ не менѣе всѣ шансы успѣха были на сторонѣ Пруссіи. Шансы эти давно взвѣшены были пруссаками. Они рѣшили открыть дѣйствія стратегическимъ упрежденіемъ противника, со значительнымъ превосходствомъ наличныхъ на театрѣ войны боевыхъ силъ. Въ этомъ отношеніи все расчитано было до мельчайшихъ подробностей. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ оффиціальная исторія войны 1870-71 г., изданная прусскимъ генеральнымъ штабомъ [1]).

„Къ числу обязанностей генеральнаго штаба въ мирное время принадлежитъ разработка разныхъ предположеній о передвиженіи и стратегической группировкѣ войскъ для войны въ предвидѣніи всевозможныхъ внѣшнихъ усложненій“.

„При первоначальной стратегической группировкѣ войскъ принимаются въ расчетъ многосторонніе политическіе и географическіе условія, независимо военныхъ“.

„Ошибки въ начальной группировкѣ войскъ едва ли могутъ быть исправлены въ теченіе всей кампаніи. Между тѣмъ всѣ распоряженія, требуемыя для исполненія начальной группировки, могутъ быть вполнѣ взвѣшены заблаговременно, и въ такомъ случаѣ они непремѣнно приведутъ къ желаннымъ послѣдствіямъ, лишь бы только войска были къ сроку готовы (мобилизированы) и перевозочная часть“ (желѣзно-дорожная) „въ порядкѣ“.

то французское правительство потребовало, чтобы король Вильгельмъ письменно поручился, что подобныя предложенія не повторятся въ будущемъ, и изъявилъ бы въ видѣ извиненія сожалѣніе о случившемся. Король конечно отклонилъ это требованіе, и когда французскій посланникъ Бенедетти не переставалъ лично назойливо безпокоить короля по этому дѣлу, то послѣдній отказалъ Бенедетти въ аудіэнціи. Это обстоятельство сочтено было Наполеономъ обидою, нанесенною французской націи, и послужило императору предлогомъ для объявленія Пруссіи войны. („Оффиціальная прусская исторія войны“). Der deutsch-französische Krieg 1870-71 bearbeitet von der kriegsgeschichtlichen Abtheilung des Großen Generalstabs. Berlin. 1872.

[1]) Томъ I, стр. 72.

„Не то встрѣтится при дальнѣйшей стратегической работѣ, то есть при употребленіи въ дѣло подготовленныхъ для войны средствъ, иными словами — при военныхъ операціяхъ".

„Тутъ воля наша тотчасъ натыкается на самостоятельную волю противника. Если мы своевременно готовы и будемъ дѣйствовать рѣшительно, то конечно можемъ ограничить противодѣйствующую намъ волю, но сломить ее можно только боемъ".

„Нравственныя и матеріальныя послѣдствія каждаго большаго боеваго столкновенія обыкновенно столь значительны, что порождаютъ совершенно новое положеніе дѣлъ, которое, въ свою очередь, служитъ исходною точкою для новыхъ соображеній и мѣропріятій".

„Поэтому никакія начальныя стратегическія предположенія не могутъ забѣгать впередъ далѣе встрѣчи съ главными силами противника. Только несвѣдующіе видятъ съ разыгранной кампаніи проведеніе въ дѣло плана, впередъ задуманнаго и исполненнаго во всѣхъ его подробностяхъ".

„Полководецъ стремится, конечно, къ достиженію своей главной цѣли, не сбиваясь случайностями войны, по пути, по которымъ онъ стремится къ этой цѣли, никакимъ образомъ впередъ опредѣлены быть не могутъ".

Подробныя соображенія объ организаціи армій и сосредоточеніи войскъ на случай войны съ Франціею заключались въ мемуарѣ прусскаго генеральнаго штаба, составленномъ зимою 1868—1869 года [1]).

Ближайшимъ „предметомъ дѣйствій" мемуаръ опредѣлялъ „главныя силы противника"; ихъ слѣдовало „отыскать и разбить". При всей несложности этого плана указывалось однако же на значительныя затрудненія, сопряженныя съ управленіемъ очень большими массами войскъ.

Засимъ прусская оффиціальная исторія войны добавляетъ, что „съ самыхъ первыхъ движеній проглядывала основная мысль: стараніе оттѣснить противника отъ его сообщеній съ Парижемъ и прижать къ сѣверу".

Мѣстомъ сосредоточенія германскихъ войскъ мемуаромъ назначалась пограничная полоса противъ французской территоріи, между Бельгіею съ Люксембургомъ и р. Рейномъ. Это пространство было единственно возможною сферою соприкосновенія съ противникомъ въ случаѣ нейтралитета южно-германскихъ государствъ

[1]) Мемуаръ этотъ, сколько извѣстно, разработанъ лично начальникомъ главнаго штаба прусской арміи, генераломъ Мольтке.

и въ особенности Бадена. Нейтралитета зарейнскаго Пфальца-Баварскаго пруссаки конечно уважить не могли.

Въ случаѣ нейтралитета германскихъ государствъ предполагалось, не теряя времени, открыть кампанію десятью корпусами силою въ 330 тысячъ человѣкъ, которымъ французы (по расчету Мольтке) на первыхъ порахъ могли противоставить только 250 тысячъ.

Превосходство силъ надъ французами увеличивалось въ значительной степени въ случаѣ участія въ войнѣ южно-германскихъ государствъ въ роли союзниковъ Пруссіи. Въ послѣднемъ случаѣ возможный театръ войны раздвигался по Рейну до самой Швейцаріи, по генералъ Мольтке тѣмъ не менѣе расчитывалъ, какъ и въ первомъ предположеніи, собрать германскія арміи между Люксембургомъ и Рейномъ и этимъ фланговымъ расположеніемъ прикрыть прирейнскую границу. Не безъ основанія расчитывалось, что всякія зарейнскія попытки французовъ при данной обстановкѣ обращались въ концѣ концовъ въ пользу нѣмцевъ.

Собранныя въ указанномъ пространствѣ германскія силы были всѣ подъ рукою верховнаго ихъ вождя. Своевременность сосредоточенія обезпечивалась подробно выработаннымъ планомъ (росписаніемъ) передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ.

Французскія войска (по мнѣнію Мольтке) по условіямъ квартированія своего и направленія рельсовыхъ путей, по необходимости, должны были вначалѣ собраться въ двѣ разъединенныя группы: одна въ окрестности Меца, другая — Страсбурга.

При этихъ условіяхъ тѣсное сгруппированіе нѣмцевъ сулило имъ важныя преимущества передъ разъединенными силами французовъ.

Мѣсто высадокъ нѣмецкихъ войскъ назначалось въ мемуарѣ почти на самомъ граничномъ рубежѣ Германіи съ Франціею. На восемнадцатый день мобилизаціи должно было собраться тамъ 300 тысячъ человѣкъ нѣмецкихъ войскъ, и на двадцатый къ нимъ прибывали почти всѣ обозы. Наконецъ въ мемуарѣ не упускалось изъ виду, что французы могутъ сдѣлать попытку вторженія болѣе ранняго противъ нормальнаго расчета и помѣшать исполненію предначертаннаго плана сосредоточенія нѣмецкихъ армій, а именно въ мемуарѣ допускалось, что французы, не ожидая укомплектованія полковъ отпускными, могутъ быстро перейти границу арміею силою приблизительно въ 150 тысячъ человѣкъ, при обильномъ снабженіи ея кавалеріею и артиллеріею.

Тогда пункты высадокъ германскихъ войскъ мемуаръ предполагалъ отнести на р. Рейнъ; тамъ на четырнадцатый день германской мобилизаціи французовъ ожидали бы уже превосходныя силы

нѣмцевъ, которые спустя еще нѣсколько дней переходили въ наступленіе двойнымъ противъ французовъ числомъ войскъ.

Достойно вниманія то обстоятельство, что мемуаръ, принявшій въ расчетъ раннее или, вѣрнѣе сказать, „преждевременное“ вторженіе неукомплектованныхъ французскихъ войскъ, — то есть такое дѣйствіе, которое самимъ мемуаромъ признавалось въ концѣ концовъ весьма вреднымъ для французовъ же, мемуаръ, повторяю, повидимому вовсе упустилъ изъ виду возможность кавалерійскаго налета французовъ на нѣмецкіе рельсовые пути, хотя бы на лѣвомъ берегу Рейна. Средства для подобной попытки въ самомъ началѣ мобилизаціи были у французовъ на лицо, что и подтверждается мемуаромъ. Удачными кавалерійскими налетами французы могли отдалить время сосредоточенія противника на сѣверной своей границѣ, ничуть не лишая своихъ остальныхъ войскъ выгодъ спокойной и правильной мобилизаціи. Положимъ, что, какъ оказалось на дѣлѣ впослѣдствіи, французы вообще, а кавалерія ихъ въ особенности, далеки были отъ мысли о подобныхъ операціяхъ, но мемуаръ не долженъ былъ упускать изъ виду и этой эвентуальности и указать средства противодѣйствія. Однако ничего подобнаго не видно. Если поставить вопросъ о причинахъ столь важнаго пробѣла, то безошибочно кажется можно допустить, что и пруссаки въ то время чуждались мысли о возможности большихъ самостоятельныхъ кавалерійскихъ операцій. Это доказывается, между прочимъ, и дѣйствіями нѣмецкой кавалеріи во время самой войны съ Франціею.

Императору Наполеону III не было неизвѣстно значительное численное превосходство соединенныхъ германскихъ силъ сравнительно съ французскими, но онъ расчитывалъ на быстроту дѣйствій и выгодныя политическія комбинаціи послѣ первыхъ удачъ.

По плану, приписываемому самому императору, французскія силы должны были собраться первоначально слѣдующимъ образомъ: 150 тысячъ у Меца, 100 тысячъ у Страсбурга и 50 тысячъ у Шалона. Затѣмъ Мецкая армія должна была двинуться на востокъ и вмѣстѣ со Страсбургской переправиться черезъ Рейнъ у Максау. Шалонская армія обязана была прикрыть ихъ тылъ.

Вторженіемъ въ южную Германію предполагалось отклонить ее отъ Пруссіи и затѣмъ двинуться противъ войскъ послѣдней державы, силы коей опредѣлялись французами въ 350 тысячъ. По мѣрѣ успѣха расчитывалось на присоединеніе Австріи и Италіи [1]).

[1]) Этотъ планъ дѣйствій французовъ указанъ въ оффиціальной прусской исторіи войны 1870—71 г., и достовѣрность свѣдѣній остается на ея отвѣтственности.

Но планъ этотъ, чтобы не сказать — стратегическая фантазія, не былъ основанъ на точномъ изслѣдованіи дѣла и на реальныхъ данныхъ.

Начать съ того, что мобилизація въ прусской арміи была быстрѣе французской. Далѣе, средства передвиженія къ границамъ по свойству и направленію рельсовыхъ путей далеко не благопріятствовали быстрому сосредоточенію французовъ къ рѣшительному пункту — переправѣ у Максау. Эта несостоятельность французской рельсовой сѣти по отношенію быстраго открытія наступленія за Рейнъ черезъ Максау ярко обрисована даже въ самомъ предположеніи императора Наполеона, по коему 150 тысячъ войскъ, назначенныхъ для переправы у Максау, собирались не близъ этого пункта или ближайшихъ его окрестностей, а у отдаленнаго Меца. Изъ всего видно, что французами въ мирное время вовсе не было выработано росписаніе передвиженія войскъ по желѣзнымъ дорогамъ на случай войны, основанное на точно опредѣленномъ времени мобилизаціи войскъ на мѣстѣ и на желѣзнодорожныхъ средствахъ.

Наконецъ и силы, которыя одна Пруссія могла выставить въ поле, оцѣнены были французами слишкомъ низко въ 350 тысячъ. Уже въ войнѣ 1866 года Пруссія выставила 350 тысячъ войскъ. Съ тѣхъ же поръ силы ея увеличились немаловажнымъ приращеніемъ трехъ дѣйствующихъ корпусовъ, а именно: 9го, 10го и 11го и 50тью баталіонами ландвера[1]). Тутъ еще не приняты въ расчетъ корпусъ 12й саксонскій и гессенская дивизія, которые никакъ не могли уклониться отъ присоединенія къ прусской арміи, даже въ случаѣ нейтралитета южной Германіи.

Изъ всего этого видно, что французскія правительственныя сферы вовсе не давали себѣ отчета въ настоящемъ положеніи дѣла. Спрашивается, дѣйствительно ли онѣ лишены были истинныхъ свѣдѣній? Вовсе нѣтъ. Невзирая на систему протекціонизма и нераздѣльной съ нею бездарности или по меньшей мѣрѣ несоотвѣтственности лицъ по отношенію даваемыхъ имъ назначеній, Франція, можно сказать, совершенно случайно имѣла въ Берлинѣ отличнаго военнаго агента въ лицѣ полковника Стоффеля. Стоффель вполнѣ вникъ въ дѣло; о военныхъ силахъ Германіи онъ доставлялъ свѣдѣнія полныя и обстоятельныя. Онъ справедливо былъ высокаго мнѣнія о военной силѣ и средствахъ Германіи, въ особенности — объ отличномъ управленіи и начальствованіи. Донесенія Стоффеля были лучшимъ и весьма серіознымъ пред-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. I, стр. 52.

остереженіемъ французскому правительству. Они основывались на приводимыхъ Стоффелемъ фактическихъ данныхъ. Но каковы были послѣдствія всѣхъ этихъ донесеній?

По объявленіи республики послѣ Седанскаго погрома, въ Парижѣ носились слухи, что донесенія Стоффеля, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, найдены были нераспечатанными. Эта народная молва доказываетъ впрочемъ только, что прямодушная толпа никакъ не могла понять, чтобы правительство Франціи, въ виду правдивыхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Стоффелемъ, бросилось въ войну столь опрометчиво и легкомысленно. Прямодушная, повторяю, толпа никакъ не пойметъ, что прежде всего надо желать знать истину, и что безъ этого желанія даже самыя точныя свѣдѣнія и убѣжденія пойдутъ прахомъ.

Вторая французская имперія, подобно первой, не любила правды. Назойливостью своею правда бываетъ непріятна и подчасъ считается пожалуй непатріотичною, а потому отстаивать ее слишкомъ горячо не всегда и безопасно. Не даромъ же говорятъ французы: „chaque verité n'est pas bonne à dire“.

Поэтому можно быть увѣреннымъ, что донесенія Стоффеля вскрывались своевременно въ установленномъ порядкѣ, снабжались канцелярскими помѣтками и докладывались въ должной постепенности; но на этомъ дѣло и кончалось: не можетъ узнать и усвоить истины тотъ, кто знать ея не хочетъ.

Болѣе всѣхъ, надо полагать, чувствовалъ всю серіозность положенія самъ императоръ Наполеонъ III, но онъ увлеченъ былъ безвыходнымъ внутреннимъ политическимъ положеніемъ.

Шелъ вопросъ, быть или не быть Бонапартамъ на престолѣ Франціи, и въ Люи-Наполеонѣ проснулся искатель приключеній изъ — подъ Страсбурга и Булони, мистическій мечтатель Гамскаго заточенія. Наполеонъ видимо шелъ на борьбу съ Германіею не съ расчетомъ на реальныя данныя, а только съ вѣрою въ призваніе и звѣзду Бонапартовъ. Но звѣзда Бонапартовъ, эта блестящая комета, отвернулась уже отъ Люи-Наполеона.

Внутренній политическій или, вѣрнѣе сказать, династическій вопросъ Бонапартовъ неоднократно не къ добру врывался и въ стратегическія соображенія французовъ во время войны 1870 года. Виноваты тутъ не одинъ лишь Наполеонъ III и его система. Это фальшивое внутреннее положеніе Франціи было послѣдствіемъ кроваваго ея разрыва со всѣми прежними преданіями и съ исторической властью въ памятный ей 1793 годъ.

Съ тѣхъ поръ Франція не имѣла настоящихъ правителей и истинно національнаго правительства: въ ней брала верхъ

БИБЛІОТЕКА

то та, то другая партія или ненавистная многимъ диктатура. Опасность и несчастіе, которыя въ другихъ странахъ сильнѣе еще сплачиваютъ народъ съ верховною властью, служили во Франціи сигналомъ къ розни и переворотамъ.

Упуская изъ виду эти обстоятельства и забывая династическій вопросъ Наполеонидовъ, никакъ не возможно понять побужденій многихъ чисто военныхъ операцій и дѣйствій французовъ въ эту войну. Въ этихъ обстоятельствахъ кроется разгадка и рискованныхъ маневровъ, кончившихся Седанскимъ погромомъ; онѣ же бросаютъ свѣтъ на двусмысленное поведеніе Базена въ Мецѣ.

Таково было положеніе дѣлъ до начала войны. Таковы были виды и намѣренія обѣихъ противныхъ сторонъ.

II.

Мобилизація и сосредоточеніе вооруженныхъ силъ обѣихъ сторонъ.

Начало мобилизаціи обѣихъ сторонъ. — Мобилизація, организація и сосредоточеніе нѣмецкихъ войскъ. — Мобилизація, организація и поспѣшное сосредоточеніе французскихъ войскъ. — Нѣмцы относятъ назадъ пункты высадокъ своей центральной арміи.

(Чертежъ 1).

Повелѣніе императора Наполеона о созывѣ резервистовъ, т. е. о мобилизаціи французской арміи, состоялось 14го іюля 1870 года, въ 3 часа по полудни и послѣ временной задержки, по политическимъ соображеніямъ, объявлено было 15го числа утромъ. Въ тотъ же день внесены въ законодательное собраніе и въ сенатъ требованія о военномъ кредитѣ.

Король Прусскій объявилъ повелѣніе о мобилизаціи войскъ Сѣверо-Германскаго союза въ ночь съ 15го на 16ое число іюля; это послѣднее число приказано считать первымъ днемъ мобилизаціи.

Южно-Германскія государства, связанныя съ Пруссіею особыми договорами, начали мобилизацію: Баварія 17го іюля, Виртембергъ 18го, а ближе всѣхъ угрожаемый Баденъ опередилъ даже Пруссію, начавъ вооруженія 15го числа. Уже 16го числа іюля баденцы прервали мостовую переправу у Келя противъ Страсбурга и телеграфное сообщеніе, по всей граничной чертѣ съ Франціею.

Рѣшительная борьба за первенство между двумя могущественными сосѣдними народами, давно предрѣшенная обоюднымъ положеніемъ дѣлъ, сдѣлалась теперь безповоротно неизбѣжною, такъ что оффиціальное объявленіе войны Пруссіи отъ имени Франціи посланникомъ послѣдней, состоявшееся въ Берлинѣ 19го іюля, было не болѣе какъ застарѣлою дипломатическою формальностью.

Формальность эта давала нѣкоторое удовлетвореніе чувству гордости французовъ, сильно возбужденныхъ обидою, якобы нанесенною Франціи королемъ Вильгельмомъ, въ лицѣ ея представителя посланника Бенедетти. Съ другой стороны, надо сказать, что оффиціальное объявленіе войны Пруссіи со стороны Франціи сразу бросало на послѣднюю, передъ судомъ общественнаго мнѣнія Европы, всю вину за нарушеніе всеобщаго мира.

Мобилизація первыхъ эшелоновъ сѣверо-германскихъ войскъ окончена была на мѣстѣ на 8й день по объявленіи ея, а въ Баваріи и Виртембергѣ на 10й и 11й, такъ что перевозка войскъ могла быть начата въ сѣверной Германіи 23го іюля, въ южной 27го.

Система нѣмецкихъ рельсовыхъ путей, сооруженныхъ по дробнымъ частямъ, разновременно, подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ частныхъ, не рѣдко враждебныхъ интересовъ многихъ независимыхъ небольшихъ государствъ, представляла собою сѣть сложную и запутанную. Тѣмъ не менѣе количество этихъ линій было такъ значительно, что для перевозки войскъ съ мѣстъ мобилизаціи (на правомъ берегу Рейна) до французской границы представилась возможность избрать девять сквозныхъ рельсовыхъ путей: шесть для сѣверной Германіи и три для южной.

Обиліе подвижнаго состава дозволяло двинуть первые 10 корпусовъ безъ возврата поѣздовъ, при чемъ еще $^2/_5$ наличныхъ въ Германіи вагоновъ и $^3/_5$ паровозовъ оставались нетронуты.

Благодаря дружнымъ усиліямъ всѣхъ германскихъ желѣзнодорожныхъ дирекцій подвижной составъ поспѣвалъ вездѣ благовременно, число осей въ поѣздахъ и количество отправляемыхъ въ сутки поѣздовъ увеличено: на одноколейныхъ дорогахъ до 12ти и на двойныхъ до 18ти. Для перевозки одного корпуса нужно было $3^1/_2$ сутокъ по двойному пути, а $5^1/_2$ по — одиночному.

Каждая сквозная линія эксплоатировалась возможно болѣе; полное усиленное движеніе продолжалось 14 дней. Все исполнялось въ точности согласно расписанію передвиженія, составленному заранѣе въ мирное время. Королевскій поѣздъ, который пришлось вставить въ готовое уже расписаніе войсковыхъ поѣздовъ, ни чуть не нарушая движенія послѣднихъ, долженъ былъ поэтому идти

очень медленно, такъ что король Прусскій, выѣхавъ изъ Берлина 31го іюля, въ 6 часовъ пополудни, прибылъ въ Майнцъ только утромъ 2го августа.

Расписаніе нѣмецкихъ силъ по арміямъ, составленное на основаніи помянутаго мемуара генерала Мольтке, утверждено было королемъ Прусскимъ 18го іюля.

Формировались три арміи:

1я армія, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Штейнмеца, изъ 7го и 8го армейскихъ корпусовъ и 3й кавалерійской дивизіи.

Армія эта, составленная преимущественно изъ войскъ зарейнскихъ, занимала правый флангъ общаго начальнаго стратегическаго расположенія германскихъ силъ; она собиралась пѣшкомъ и по желѣзнымъ дорогамъ, подвигаясь къ югу вдоль Люксембургской границы. Главная квартира г. Триръ на р. Мозель.

2я армія генерала отъ кавалеріи, принца Фридриха Карла Прусскаго, изъ корпуса королевской гвардіи, 3го, 4го, 10го армейскихъ корпусовъ и 5й и 6й кавалерійскихъ дивизій, должна была занять центръ общаго расположенія, тѣсно примыкая къ 1й арміи; она состояла изъ сѣверо-германскихъ войскъ, которыя подъѣзжали по желѣзнымъ дорогамъ и должны были высаживаться возможно ближе къ границѣ. Главная квартира арміи была первоначально въ Майнцѣ.

3я армія генерала отъ инфантеріи, наслѣднаго принца Прусскаго изъ 5го и 11го сѣверо-германскихъ корпусовъ, 1го и 2го баварскихъ, виртембергской и баденской полевыхъ дивизій и 4й кавалерійской дивизіи. Армія эта собиралась на Рейнѣ, въ окрестностяхъ Ляндау; она нѣсколько удалена отъ 2й арміи.

Баденцы и виртембергцы первоначально собрались въ окрестности Максау на правомъ берегу Рейна; остальныя войска — прямо на лѣвомъ. Главная квартира въ Шпейерѣ.

Общій резервъ всѣхъ силъ на театрѣ войны составляли 9й и 12й (саксонскій) корпуса, пока подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ главной королевской квартиры; впрочемъ къ 1му августа корпуса эти значились уже въ составѣ 2й нѣмецкой арміи.

Прусскіе корпуса 1й, 2й и 6й съ 1ю и 2ю кавалерійскими дивизіями, оставаясь на мѣстахъ мобилизаціи, безъ особаго назначенія въ восточной части Пруссіи, пока образовали нѣчто въ родѣ обсервационной арміи противъ Австріи. Впрочемъ, за переполненіемъ всѣхъ желѣзно-дорожныхъ линій, войска эти безъ того временно должны были оставаться на мѣстѣ. На театръ войны онѣ прибыли все-таки еще въ первой половинѣ августа.

*

Для наблюденія за приморскою чертою и противудѣйствія высадкамъ назначены: 17[я] пѣхотная дивизія и 4 ландверныя, а именно: гвардейская, 1[я], 2[я] и 3[я] пѣхотныя. [1])

Не малый трудъ представляло сформированіе личнаго состава штабовъ армій и другихъ учрежденій, вновь формируемыхъ для войны или значительно усиливаемыхъ. Неоднократно приходилось брать лицъ, занимающихъ въ арміи важныя должности; замѣщеніе этихъ лицъ составляло новую заботу. Но, благодаря благовременной разработкѣ этого дѣла въ мирное время, при особой заботливости, съ которою высшее начальство въ Пруссіи старается изучить и взвѣсить способности, знаніе и пригодность всѣхъ въ отдѣльности кандидатовъ на разныя должности, весь этотъ трудъ законченъ былъ быстро и безъ промаховъ. Успѣху этого дѣла не мало способствовали недавнія войны, давшія возможность всякому выказать свои способности.

Замѣщеніе вызванныхъ на разныя должности лицъ тоже не представило особыхъ затрудненій. Въ Германіи, замѣтить можно мимоходомъ, будущіе начальники воспитываются тамъ, гдѣ они современемъ понадобятся, они не составляютъ въ арміи чужаго, наноснаго, такъ сказать, пласта, напротивъ того, замѣстители убывающихъ начальниковъ всегда готовы на мѣстѣ. Поэтому ни одна часть нѣмецкихъ войскъ, даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, не остается безъ дѣйствительнаго начальника; готовый замѣститель всегда налицо, а сроснееся съ германскою арміею

[1]) Всѣ нѣмецкіе армейскіе корпуса состояли каждый изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, всего 25 баталіоновъ. При каждой дивизіи находилось 4 эскадрона конницы и 4 батареи, всего 24 орудія. Сверхъ того, въ корпусахъ находилась особая корпусная артиллерія; всего съ дивизіонною отъ 84 до 96 орудій на корпусъ. Прусскій гвардейскій и Саксонскій армейскій корпуса имѣли по 29 баталіоновъ. Излишняя конница сверхъ дивизіонной (по 8 эскадроновъ на корпусъ) находилась въ корпусахъ прусскомъ гвардейскомъ — кавалерійская дивизія въ 24 эскадрона, въ саксонскомъ — дивизія въ 16 эскадроновъ при 6 орудіяхъ; при каждомъ изъ двухъ баварскихъ корпусовъ — по бригадѣ въ 12 эскадроновъ съ 6 орудіями.

Баденская и виртембергская полевыя дивизіи имѣли по 15 баталіоновъ и по 54 орудія, первая изъ нихъ 10 эскадроновъ, а послѣдняя 12.

Отдѣльныя нѣмецкія кавалерійскія дивизіи, въ числѣ 6, имѣли среднимъ числомъ каждая 24 эскадрона съ 6—12 орудіями, самая слабая была 3-ая — въ 16 эскадроновъ и самая сильная 5-ая, имѣвшая 36 эскадроновъ.

Ландверныя пѣшія дивизіи имѣли 12—16 баталіонъ по 4 эскадрона и по 18 орудій.

Общій составъ нѣмецкихъ дѣйствующихъ войскъ къ 1 августа былъ слѣдующій:

1 армія	50 баталіоновъ	32 эскадрона	180 орудій
2	156	148	546
3	128	102	480
Внѣ состава армій	140	100	378
Всего	474 баталіона	382 эскадрона	1584 орудій.

Войска, показанныя тутъ въ составѣ армій, находились уже на театрѣ войны, остальныя-же внутри государства; изъ послѣднихъ три корпуса и одна ландверная дивизія прибыли на театръ войны до половины августа.

чувство долга и повиновенія въ младшихъ, вмѣстѣ со строгою, но разумною требовательностью со стороны старшихъ, сразу ставитъ новаго, иногда только временнаго, начальника въ должное къ подчиненнымъ отношеніе.

Вновь назначенные штабы трехъ армій начали свою дѣятельность 23го іюля, но не имѣли права распоряжаться войсками, во время перевозки послѣднихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Командующіе арміями и штабы ихъ прибывали по назначенію съ 28 по 30^е^ іюля. Король Прусскій, какъ уже сказано, прибылъ въ Майнцъ 2го августа вмѣстѣ съ главнымъ штабомъ и начальникомъ онаго, генераломъ Мольтке, и принялъ главное начальство надъ всѣми германскими силами.

Мобилизація всѣхъ германскихъ войскъ, какъ уже замѣчено, совершилась на мѣстахъ мирнаго квартированія. Только по сухопутной французской границѣ, въ ожиданіи нападенія противника, пришлось тронуть съ мѣстъ нѣкоторыя войска или учрежденія, отодвинувъ ихъ назадъ.

Между тѣмъ собственно граничная черта Германіи прикрывалась или, вѣрнѣе сказать, маскировалась особыми отрядами изъ немобилизированныхъ пока войскъ. Отряды эти комплектовались и усиливались съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ 40^му^ пѣхотному полку съ семью эскадронами поручено было прикрытіе пространства отъ люксембургской границы до Саарбрюкена (Saarbrücken). Прибывшій на 5^й^ день мобилизаціи 5^й^ драгунскій полкъ двинутъ былъ восточнѣе Саарбрюкена для связи съ баварцами, занимавшими Пфальцъ-Баварскій.

Баварцы поставили на границѣ въ Пфальцѣ-Баварскомъ вначалѣ два баталіона и пять эскадроновъ.

Слабыя силы на пограничной чертѣ постепенно усиливались: 8^й^ прусскій корпусъ окончилъ свою мобилизацію 26го іюля и 28го началъ свое сосредоточеніе ближе къ границѣ. Баварцы же 24го числа имѣли уже въ полѣ 10 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 2 батареи.

На правомъ берегу Рейна баденская дивизія на 4^й^ день мобилизаціи объявила, что она готова къ бою [1]); она наблюдала южную часть пограничной своей черты по Рейну до Келя (Kehl). Всѣ переправы черезъ Рейнъ попорчены.

---

[1]) Нѣмцы отличаютъ въ мобилизаціи два періода или состоянія войскъ: 1) готовность къ бою (gefechtsbereitschaft), когда части укомплектованы, снабжены патронами и проч. 2) готовность къ операціямъ или походу (operationsfähigkeit), когда онѣ снабжены обозами.

Для прикрытія укрѣпленной переправы у Максау уже 18го іюля выдвинутъ на лѣвый берегъ Рейна баталіонъ и эскадронъ; къ 22му іюля туда же подоспѣли по желѣзной дорогѣ 10 эскадроновъ виртембергцевъ. Этотъ слабый отрядъ усиленъ былъ 25го числа первыми эшелонами 3ей арміи, прибывшими на лѣвый берегъ Рейна; къ вечеру того же дня 3я армія считала на лицо 33 баталіона, 38 эскадроновъ и 14 батарей; въ каждый послѣдующій день она усиливалась приблизительно одною пѣхотною дивизіею.

Рѣшившись на войну, французы, не теряя ни минуты, спѣшили исполненіемъ задуманнаго ими плана дѣйствій. Уже 16го іюля, т. е. на другой день послѣ объявленія мобилизаціи, значительное число немобилизированныхъ войскъ вступило въ пограничные пункты или, вѣрнѣе, районы, въ которыхъ войска должны были получить укомплектованіе и всякое снабженіе.

Рѣшено было собрать на сѣверной границѣ въ окрестности Меца 4 корпуса, а именно:

2й корпусъ генерала Фроссара (Frossard) — въ центрѣ у Сенъ-Аволь (St. Avold) по дорогѣ изъ Меца въ Саарбрюкенъ. Корпусъ этотъ, бывшій до того въ сборѣ въ Шалонскомъ лагерѣ, нѣсколько болѣе другихъ войскъ подготовленъ былъ къ дѣйствіямъ.

4й корпусъ генерала Лямиро (Ladmirault), на лѣвомъ флангѣ у Тіонвиля (Thionville) на р. Мозелѣ, сѣвернѣе Меца.

5й корпусъ генерала Фальи (Failly), на правомъ флангѣ у Бича (Bitche), держалъ вмѣстѣ съ тѣмъ связь съ войсками, собиравшимися въ Эльзасѣ.

3й корпусъ маршала Базена (Bazaine) въ Мецѣ (Metz) въ видѣ резерва.

Особая группа формировалась въ Эльзасѣ, а именно:

1й корпусъ маршала Макъ-Магона (Mac-Mahon) въ Страсбургѣ (Strasbourg) и 7й корпусъ генерала Фелікса Дуэ (Douay) въ Бельфорѣ (Belfort).

Сверхъ того собирались:

Корпусъ императорской гвардіи генерала Бурбаки (Bourbaki) въ Нанси (Nancy) и 6й корпусъ маршала Канробера (Canrobert) въ Шалонѣ (Châlons).

Конечно, не всѣ эти войска собирались на сборные пункты одновременно: въ 1й корпусъ назначались войска, находившіяся въ Алжирѣ, корпуса 6й и 7й занимали частями своими важные пункты: Парижъ, Ліонъ и другіе, которые нельзя было бросить до смѣны резервными войсками.

Гвардейскій корпусъ имѣлъ двѣ пѣхотныя дивизіи, 1й, 3й и 6й по четыре пѣхотныя дивизіи, остальные по три, каждый корпусъ имѣлъ кавалерійскую дивизію, а именно: въ корпусахъ 2мъ, 4мъ и 5мъ по 16 эскадроновъ въ каждомъ; въ остальныхъ—отъ 20 до 28 эскадроновъ. Резервная кавалерія арміи состояла изъ 3хъ дивизій, всего 48 эскадроновъ.

Всѣ эти дѣйствующія войска значились подъ неопредѣленнымъ названіемъ Рейнской арміи (l'armée du Rhin), начальство надъ коею принялъ самъ императоръ Наполеонъ III. Начальникомъ штаба (Major-général) у него былъ генералъ Ле-Бефъ (Le Boeuf). [1])

На испанской границѣ, въ Африкѣ и въ Италіи (Чивита-Векіи) оставалось всего 36 баталіоновъ и 32 эскадрона; наконецъ формировалось 115 (четвертыхъ въ полкахъ) баталіоновъ и подвижная національная гвардія, которая имѣла кадры на 150 до 180 тысячъ.

Замѣчено уже было, что сосредоточеніе неукомплектованныхъ французскихъ войскъ производилось очень поспѣшно, чтобы не сказать торопливо: такъ, напр., 2й корпусъ уже 18го іюля въ полномъ составѣ прибылъ изъ Шалонскаго лагеря по назначенію въ окрестности Сенъ-Аволь; а въ Бичѣ въ тотъ же день собралось уже 17 баталіоновъ 5го корпуса.

Однако французскія немобилизированныя войска, прибывъ на сборные пункты, вынуждены были ожидать укомплектованія и снабженія; при чемъ не обошлось безъ большой путаницы и значительныхъ проволочекъ времени. Не будучи въ состояніи предпринять противъ непріятеля что либо существенное, французы безъ

---

[1]) По расписанію числилось въ Рейнской Французской арміи:

Гвард. корпусъ	24 баталіона	24 эскадрона	60 орудій	12 картечницъ
1 корпусъ	52	28	96	24
2	39	16	72	18
3	52	28	96	24
4	39	16	72	18
5	39	16	72	18
6	49	24	114	6
7	38	20	72	18
резервная кавалерія		48	30	6
артиллер. резервъ		—	96	—
итого	332 баталіона	220 эскадроновъ	780 орудій	144 картечницъ

Въ составѣ каждой пѣхотной дивизіи находилось по 13 баталіоновъ при 12 орудіяхъ и 6 картечницахъ. Кавалеріи постоянной при пѣхотныхъ дивизіяхъ небыло; придавалась она по усмотрѣнію. При каждой кавалерійской дивизіи находилось отъ 6 до 12 конныхъ орудій.

Французскіе баталіоны и эскадроны въ дѣйствительности были слабѣе нѣмецкихъ; полные баталіоны можно считать—нѣмецкіе 1000 челов., французскіе 800, а эскадроны—нѣмецкіе 150 коней, французскіе 125.

всякой выгоды лишались только удобствъ спокойной мобилизаціи на мѣстѣ; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе оффиціальной прусской исторіи. На дѣлѣ однако видно, что демонстративное только въ сущности раннее сосредоточеніе французовъ впереди Меца побудило пруссаковъ отнести назадъ къ Рейну пункты высадокъ своихъ корпусовъ и, соразмѣрно этому, отсрочить свое вторженіе въ предѣлы Франціи; а это былъ прямой выигрышъ французовъ. Какими затѣмъ жертвами и неудобствами окупили французы этотъ выигрышъ опредѣлить въ точности трудно, за неимѣніемъ нужныхъ для того свѣдѣній [1]).

Около 24го числа іюля сѣверная группа французской арміи стянулась нѣсколько гуще къ центру, т. е. къ 2^му^ корпусу и заняла нѣсколько близъ границы пунктовъ: Базенъ (Bazaine) съ 3^мъ^ корпусомъ сталъ между 2^мъ^ и 4^мъ^ корпусомъ; 5^й^ корпусъ занялъ 2^мя^ дивизіями Сааргемюндъ (Saargemünd или Sarreguemines). Гвардія перешла на мѣсто Базена въ Мецъ.

Императоръ Наполеонъ прибылъ въ Мецъ 28го іюля и убѣдился, что войска къ серіознымъ операціямъ совершенно не готовы. Надежда на стратегическое предупрежденіе противника окончательно рухнула.

Сосредоточеніе значительныхъ французскихъ силъ на границѣ, къ сѣверу отъ Меца, не ускользнуло, конечно, отъ вниманія нѣмцевъ; подобный образъ дѣйствій противника предвидѣнъ былъ въ мемуарѣ генерала Мольтке.

Французскія силы ближе всего угрожали вторженіемъ въ районъ предполагаемаго сбора 2^й^ нѣмецкой арміи. Нѣмецкое главное начальство предполагало, что, вслѣдъ за сосредоточеніемъ французовъ, послѣдуетъ ихъ вторженіе въ предѣлы зарейнской Германіи, а потому пункты высадокъ 2ой нѣмецкой арміи отнесены назадъ—на Рейнъ. Оттуда нѣмцы, въ ожиданіи ежечаснаго вторженія французовъ, подвигались впередъ пѣшкомъ, постепенно, какъ бы ощупью, понемногу перенося впередъ пункты высадокъ.

---

[1]) Правило совершать мобилизацію на мѣстѣ квартированія, въ общемъ совершенно вѣрное, не можетъ однако быть возводимо въ непарушимую аксіому. Война, дѣло по существу чисто практическое, должна во всемъ и вездѣ преслѣдовать ближайшія практическія цѣли, не стѣсняясь никакими общими, такъ называемыми правилами. На этомъ основаніи кажется, что части, коихъ мобилизація достаточно подготовлена въ мирное время, какъ напр. наши войска, имѣющія при себѣ даже обозы, безбоязненно могутъ быть выдвигаемы впередъ, или вообще—передвигаемы, для важныхъ цѣлей, напр. занятія переправъ желѣзныхъ дорогъ и т. п., съ тѣмъ только, чтобы склады со снаряженіемъ отпускныхъ оставались на своихъ мѣстахъ. Снаряженные въ складахъ отпускные могутъ быть направляемы въ свои части въ видѣ строевыхъ маршевыхъ командъ.

Этотъ безцвѣтный для исторіи періодъ кампаніи былъ между тѣмъ временемъ самаго лихорадочнаго выжиданія со стороны нѣмцевъ, потому что въ этотъ короткій срокъ общій починъ дѣйствій, повидимому, былъ въ рукахъ французовъ.

Пока нѣмецкія войска собрались и подошли къ границѣ, не обошлось безъ существенныхъ измѣненій въ начальныхъ предначертаніяхъ.

Главная королевская квартира, озабоченная возможностью внезапнаго наступленія противника, дѣлала разныя предположенія и распоряженія; обстоятельства вызывали и самостоятельныя дѣйствія начальниковъ, при чемъ обнаружилось крупное разногласіе во взглядахъ и воззрѣніяхъ между главною квартирою короля и командиромъ 1ой арміи генераломъ Штейнмецомъ (Steinmetz).

Къ этому же періоду относится намѣченное французами наступательное движеніе, разыгравшееся стычкою у Саарбрюкена.

По всѣмъ этимъ причинамъ, не отличающійся боевыми фактами, короткій промежутокъ времени до дѣла при Вейссенбургѣ, тѣмъ не менѣе, достоинъ вниманія съ точки зрѣнія разбираемыхъ тутъ вопросовъ.

III.

Саарбрюкенская стычка 2 августа и приближеніе 1ой и 2ой нѣмецкихъ армій къ пограничной рѣкѣ Саарѣ 5 августа.

Французская армія еще не готова къ серіознымъ операціямъ. Рекогносцировочное наступленіе ея къ Саарбрюкену въ видахъ побѣдной реляціи. Стычка у Саарбрюкена 2 августа трехъ дивизій противъ трехъ ротъ. Характерныя черты начальства обѣихъ сторонъ въ Саарбрюкенскомъ эпизодѣ.— Методическое движеніе нѣмецкихъ армій. Нетерпѣніе командира 1ой арміи генерала Штейнмеца: разногласіе его съ начальникомъ главнаго штаба, генераломъ Мольтке. Самовольное опасное наступленіе Штейнмеца на р. Саару — послѣдствіе ненормальныхъ къ нему отношеній начальника главнаго штаба.

Маловажная Саарбрюкенская стычка не имѣетъ никакого значенія въ общемъ ходѣ дѣлъ франко-германской войны. Тѣмъ не менѣе обстоятельства, сопровождающія этотъ фактъ, далеко не ли-

шены интереса. Въ этой первой встрѣчѣ характерно раскрываются свойства двухъ системъ, которымъ суждено было скоро помѣриться въ рѣшительныхъ схваткахъ; окончательный исходъ общей борьбы видѣнъ въ Саарбрюкенскомъ эпизодѣ.

Съ появленіемъ французовъ на границѣ и отнесеніемъ на Рейнъ пунктовъ высадокъ 2ой нѣмецкой арміи малочисленный Саарбрюкенскій отрядъ: изъ баталіона 40го полка и трехъ эскадроновъ, подъ начальствомъ подполковника Пестеля, очутился какъ будто на воздухѣ — одинъ лицомъ къ лицу съ арміею противника.

Разгромъ даже небольшаго прусскаго отряда при самой первой встрѣчѣ съ противникомъ могъ произвести невыгодное нравственное впечатлѣніе; такимъ образомъ судьба крошечнаго Саарбрюкенскаго отряда представляла общій интересъ нѣмецкой арміи. Главная королевская квартира, въ полномъ сознаніи этого обстоятельства, еще изъ Берлина дала приказаніе, чтобы баталіонъ отошелъ отъ Саарбрюкена верстъ 6 назадъ; кавалеріи же его по прежнему наблюдать за противникомъ, но къ тому времени, т. е. 31му числу іюля, командиръ 8го корпуса генералъ Гебенъ приказалъ пододвинуть ближе къ Саарбрюкену (верстъ 6—10) три баталіона, три эскадрона и двѣ батареи. При такой обстановкѣ подполковникъ Пестель, имѣя сзади поддержку, полагалъ возможнымъ по прежнему держаться у Саарбрюкена, о чемъ и просилъ по начальству. Ходатайство Пестеля было уважено.

Между тѣмъ голая дѣйствительность уже въ значительной степени охладила французское начальство. Сдѣлалось болѣе нежели очевиднымъ, что не можетъ быть и рѣчи о фантастическомъ планѣ вторженія за Рейнъ у Максау (Maxau). Но тѣмъ не менѣе французамъ, собравшимся столь торопливо подъ лозунгомъ Парижской толпы: „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“ надо же было рѣшиться на что либо ради самой логики.

Одно время французы носились съ планомъ общаго наступленія за пограничную рѣку Саару (Saar), но наступленію этому, не имѣвшему впрочемъ въ виду никакого существеннаго предмета дѣйствій, помѣшала крайняя необходимость дать наконецъ войскамъ время и возможность придти въ должный порядокъ. Судили, рядили, и дѣло въ концѣ концовъ сошло на усиленную рекогносцировку на р. Саару, какъ это всегда и бываетъ, когда не знаютъ, что собственно предпринять. Въ самомъ дѣлѣ, чего-же можно было ожидать отъ затѣянной рекогносцировки? Конечно, раскрытія силъ и расположенія нѣмцевъ на части теченія р. Саары, главнымъ образомъ у Саарбрюкена. Но прусскій Саарбрюкенскій отрядъ находился на границѣ уже двѣ недѣли и имѣлъ съ фран-

цузами перестрѣлки 27го, 28го и 30го іюля, такъ что не трудно было, тѣмъ или другимъ способомъ, опредѣлить его силу, если это признавалось нужнымъ; для этой цѣли и другихъ, гораздо болѣе обширныхъ имѣлось на лицо нѣсколько французскихъ кавалерійскихъ дивизій противъ немногихъ нѣмецкихъ эскадроновъ.

Рекогносцировку противъ Саарбрюкена рѣшено было произвести цѣлымъ 2мъ корпусомъ, ближайшимъ къ этому пункту и болѣе прочихъ корпусовъ готовымъ къ движенію. По сторонамъ 2го корпуса должны были двинуться и большіе рекогносцировочные отряды отъ другихъ сосѣднихъ корпусовъ.

Объясненія подобнаго рѣшенія никакъ нельзя искать въ соображеніяхъ военныхъ. Нужно было бросить на пищу общему нетерпѣнію французовъ извѣстіе о какомъ нибудь успѣхѣ, дать газетнымъ писателямъ какой либо, хотя бы даже самый ничтожный матеріалъ — дѣло бойкаго пера послѣднихъ воспользоваться матеріаломъ.

Вотъ за этимъ то газетнымъ матеріаломъ отправлялся генералъ Фроссаръ со своимъ корпусомъ. Исполненіе было не трудно. Французскія войска утромъ 2го августа развернулись и наступали „какъ на ученіи.“ Корпусъ Фроссара встрѣченъ впереди города тремя прусскими ротами, которыя послѣ почти часовой перестрѣлки отступили черезъ р. Саару, поддерживаемыя съ другаго берега огнемъ 4хъ орудій и 5ю ротами, прибывшими на выручку. Затѣмъ весь прусскій отрядъ подъ огнемъ французскихъ орудій и картечницъ отошелъ къ сѣверу. Французы не перешли Саары.

Потери съ каждой стороны были около 80 человѣкъ.

Въ обширной реляціи своей генералъ Фроссаръ упоминаетъ, что войска имѣли счастіе на полѣ сраженія привѣтствовать императора и наслѣднаго принца, Людовика Наполеона, огненное крещеніе коего было, вѣроятно, одною изъ сокровенныхъ цѣлей всего предпріятія. [1])

Не въ добрый часъ жалкаго военнаго представленія началъ свое боевое поприще юный, ни въ чемъ тутъ не повинный принцъ Людовикъ съ тѣмъ, чтобы, немного лишь лѣтъ спустя, вмѣстѣ съ жизнью кончить свою военную карьеру въ схваткѣ съ горстью

[1]) Фроссаръ и Базенъ (руководившій номинально всею операціею наступленія французовъ на р. Саару въ день 2 августа) въ сочиненіяхъ своихъ, первый: „Rapport sur les Opérations du deuxième Corps“ и второй въ „Episodes de la guerre de 1870 et le blocus de Metz,“ говорятъ, что о намѣреніи императора присутствовать при этой операціи имъ заранѣе ничего извѣстно не было.

дикарей въ отдаленныхъ дебряхъ Африки — сражаясь на чужой землѣ, за чуждое Франціи дѣло.

Генералъ графъ Гнейзенау, командиръ бригады, которой принадлежалъ 40[й] прусскій полкъ, присутствовалъ при стычкѣ у Саарбрюкена; онъ распорядился отступленіемъ отряда и къ вечеру того же 2го августа собралъ у Гильшбаха и Гюишенбаха (верстъ 6—7 отъ Саарбрюкена) 4 баталіона, 6 эскадроновъ и 2 батареи.

Нѣмцы въ насмѣшку назвали бой цѣлаго французскаго корпуса противъ нѣсколькихъ ротъ „ученіемъ съ обозначеннымъ противникомъ.“ Дѣйствительно все это дѣло, по совершенной несоразмѣрности большихъ средствъ, употребленныхъ французами для достиженія самаго ничтожнаго результата, не лишено комическаго оттѣнка: однако участвующимъ въ немъ пруссакамъ было пока не до смѣха. Потеря 80 человѣкъ, ложившаяся преимущественно на три роты, была сама по себѣ не маловажна. Громадное превосходство силъ противника тѣмъ болѣе во очію показывало прусскому отряду всю неприглядность и безнадежность его положенія. Подъ гнетомъ ближайшей обстановки отрядъ упустилъ главную свою обязанность — онъ, убравшись совершенно назадъ, потерялъ прикосновеніе съ противникомъ. Упущеніе это еще въ тотъ же день исправлено было начальникомъ дивизіи генераломъ Барнековымъ, который, прибывъ въ Гильшбахъ, приказалъ возстановить прикосновеніе съ противникомъ.

Если обратиться къ критическому разбору Саарбрюкенскаго дѣла, то по отношенію французовъ добавить ничего не приходится: дѣло говоритъ само за себя слишкомъ краснорѣчиво. Наоборотъ, со стороны пруссаковъ мы видимъ образцовое отношеніе къ дѣлу. Высшая власть обращаетъ свое заботливое вниманіе на судьбу мелкаго отряда, въ виду нравственнаго значенія перваго столкновенія съ противникомъ. Распоряженіе ея отодвинуть изъ Саарбрюкена пѣхоту и ограничить наблюденіе за противникомъ кавалеріею нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ. Однако высшая власть уступаетъ просьбѣ начальника отряда и ходатайству командира корпуса, ради сохраненія принципа самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственности подчиненныхъ: она не желаетъ подавлять въ подчиненныхъ проявленій смѣлости и предпріимчивости. Но лишь только отрядъ сдѣлалъ упущеніе — потерею прикосновенія съ противникомъ — тотчасъ же является совершенно своевременно вмѣшательство свыше, со стороны начальника дивизіи.

На основаніи расчетовъ, изложенныхъ въ мемуарѣ генерала Мольтке, всѣ три нѣмецкія арміи должны были кончить свое сосредоточеніе на границѣ 3го августа, а имено: 1ая на линіи Саарлюи — Мирцель; 2ая по линіи Фельклингенъ — Саарбрюкенъ — Сааргемюндъ; 3ья армія — по обоимъ берегамъ Рейна въ окрестности Ляндау и Карльсруэ. Резервъ: 2ой корпусъ долженъ былъ прибыть къ Кайзерслаутернъ, а 9ый корпусъ къ Цвейбрюкенъ.

Въ виду ранняго сбора значительныхъ силъ французовъ у Меца, являлись слѣдующія соображенія: 1ая армія, наступая пѣшкомъ подъ прикрытіемъ справа нейтральною территоріею, не подвергалась особой опастности; 3ья же армія наслѣднаго принца была сильнѣе тѣхъ войскъ, которыя на первыхъ порахъ могли ей противуставить французы. Что же касается 2ой арміи то войска ея подъѣзжали издали, и предполагаемыя мѣста ихъ высадокъ находились какъ разъ въ сосѣдствѣ собравшейся уже французской арміи. Пришлось, исполняя предвидѣнное въ мемуарѣ генерала Мольтке, отнести пункты высадокъ назадъ — къ Рейну. Соотвѣтственное измѣненіе въ расписаніи передвиженій послѣдовало еще 23го іюля, до начала усиленной перевозки войскъ.

Войскамъ 2й нѣмецкой арміи пришлось теперь по мѣрѣ высадки подвигаться впередъ пѣшимъ порядкомъ, при чемъ она, конечно, значительно отстала бы отъ 1й арміи, если бы послѣдняя, собравшаяся у Трира, безостановочно двигалась впередъ.

Не было никакого повода подвергать 1ю армію преждевременной встрѣчѣ съ превосходными силами французовъ, а потому пришлось пріудержать ея наступленіе и приблизить къ войскамъ 2й арміи. Наконецъ 30го числа дано 2й арміи приказаніе немедленно двинуть обѣ кавалерійскія ея дивизіи, 5ую и 6ую, впередъ на линію Саарбрюкенъ-Бичъ, для лучшаго наблюденія за французами.

Что же касается 3й арміи, то признано было соотвѣтственнымъ теперь же сосредоточить ее всю на лѣвомъ берегу Рейна и произвести ею наступленіе черезъ границу къ югу — въ Эльзасъ. Начальникъ штаба 3ей арміи предувѣдомленъ былъ объ этомъ заранѣе и затѣмъ 30го числа вечеромъ дана изъ королевской главной квартиры слѣдующая телеграмма:

„Его Величество признаетъ соотвѣтственнымъ, чтобы 3я армія, какъ только присоединятся къ ней баденская и виртембергская дивизіи, безотлагательно произвела наступленіе къ югу по лѣвой сторонѣ Рейна, отыскала противника и разбила его. Этимъ можно воспрепятствовать наводкѣ мостовъ южнѣе Лаутенбурга и самымъ дѣйствительнымъ способомъ прикрыть южную Германію“.

На эту телеграмму наслѣдный принцъ отвѣтилъ на другой день, что онъ, во избѣжаніе большихъ позднѣйшихъ затрудненій, не можетъ начать еще наступленія, такъ какъ не вся армія собралась и недостаетъ большинства обозовъ; поэтому онъ и полагаетъ пока оставить баденцевъ и виртембергцевъ по ту сторону Рейна.

Движеніе войскъ 2й арміи продолжалось между тѣмъ безостановочно впередъ. Край по лѣвую сторону Рейна былъ занятъ ими на столько, что 31го числа дано уже приказаніе перенести мѣста высадокъ съ Рейна впередъ до Биркенфельдъ и Кайзерслаутернъ.

Французы однако (какъ думали нѣмцы) не сегодня-завтра могли помѣшать этому, такъ сказать, мирному передвиженію. Поэтому нѣмцамъ, какъ уже сказано, пришлось соразмѣрять движеніе 1й арміи съ движеніемъ 2й и, въ видахъ взаимной поддержки, подчинить операціи 1й арміи успѣху движенія 2й.

Но подобное зависимое и связанное въ нѣкоторой степени положеніе мало согласовалось съ характеромъ и видами командира 1й арміи генерала Штейнмеца. Въ жилахъ этого заслуженнаго, еще наполеоновской эпохи, воина кипѣла горячая кровь стараго Блюхера. Война 1866 года благопріятствовала Штейнмецу: во главѣ 5го корпуса онъ удачными кровавыми дѣлами проложилъ прусскимъ корпусамъ путь въ Богемію.

Назначенный въ 1870 году командиромъ 1й арміи, собравшейся по обстоятельствамъ почти лицомъ къ лицу къ противнику, ранѣе подхода 2й арміи, Штейнмецъ видимо мечталъ и теперь сыграть первенствующую роль, забывъ, что теперешніе компарсы его: наслѣдный принцъ и принцъ Фридрихъ Карлъ прусскій, которымъ и предназначались главныя роли. Вотъ причина, по которой Штейнмецъ съ видимымъ, крайнимъ нетерпѣніемъ переносилъ хотя и въ сущности раціональныя, но тормозящія его приказанія свыше.

Штейнмецъ своеобразно понималъ задачу 1й арміи: по его мнѣнію, она составляла наступательный флангъ, по отношенію къ подходящей 2й арміи. Штейнмецъ полагалъ притянуть на себя силы противника, чтобы облегчить развертываніе центральной арміи германскаго стратегическаго фронта и, если бы послѣднее не обошлось безъ боя, вслѣдствіе наступленія противника, принять въ немъ самое дѣятельное участіе [1]).

---

[1]) Операціи 1 арміи въ 1870 подъ начальствомъ генерала Штейнмеца стр. 16. (Operationen der 1 Armee unter General von Steinmetz. Berlin 1872).

На изложенныхъ основаніяхъ, Штейнмецъ полагалъ 4го числа августа перейти на линію Саарлюи — Хеленхаузенъ (Hellenhausen), а 5го двинуть далѣе сильныя рекогносцировочныя партіи отъ 7го корпуса и 3й кавалерійской дивизіи. Такимъ образомъ Штейнмецъ хотѣлъ уже 4го числа быть правымъ своимъ флангомъ на р. Саарѣ, а предполагаемыя рекогносцировки его 5го числа направлялись въ самую середину непріятельскаго расположенія.

Очевидно, что при такой обстановкѣ 1ая армія, въ случаѣ наступленія противника, весьма скоро могла имѣть дѣло съ превосходными силами французовъ, безъ возможности поддержки со стороны 2ой арміи. Генералъ Штейнмецъ не упускалъ изъ виду подобнаго наступленія противника, напротивъ того, самъ онъ, излагая письменно свои намѣренія генералу Мольтке, добавилъ, что всѣ, полученныя имъ свѣдѣнія, единогласно указываютъ на скорое наступленіе непріятеля на линію Саарлюи — Саарбрюкенъ.

Между тѣмъ 3го числа получена генераломъ Штейнмецомъ изъ главной королевской квартиры слѣдующая телеграмма:

„Нерѣшительное движеніе противника подаетъ полную надежду, что 2ая армія успѣетъ 6го числа собраться впереди лѣсовъ Кайзерсляутерна. Если же нельзя будетъ помѣшать быстрому наступленію противника, то 2ая армія эвентуально соберется за р. Ляутеръ. Имѣется въ виду взаимная поддержка обѣихъ армій въ сраженіи, а именно 1й арміи отъ Сенъ-Ведель или эвентуально отъ Баумхольдера. Его Величество приказываетъ, чтобы 1ая армія собралась завтра у Толей. 3яя армія переходитъ завтра границу у Вейсенбурга. Имѣется въ виду общее наступленіе“.

Командиръ 1ой арміи распорядился о сосредоточеніи 4го числа: 7го корпуса у Лебаха, а — 8го по дивизіямъ у Толей и Отвейлеръ. Такъ какъ Отвейлеръ и Лебахъ до 2 миль южнѣе Толей, то и тутъ проглядываетъ настойчивое желаніе быть все впереди, которому однако, надо замѣтить, вовсе не соотвѣтствовало распоряженіе Штейнмеца, по коему 3я кавалерійская дивизія оставлена сѣвернѣе дороги Толей — Сенъ-Ведель, т. е. позади корпусовъ 1ой арміи. Генералу Мольтке поневолѣ пришлось одобрить эти распоряженія, съ добавкою однако, чтобы 1ая армія осталась въ сказанномъ положеніи впредь до приказанія, а 5го числа назначена 1ой арміи дневка.

Весьма характеристично то, что приказанія главной королевской квартиры давались изъ Майнца въ разстояніи верстъ 100 отъ 1ой арміи.

Прибывшія къ Отвелейру 4го августа лѣво-фланговыя части 1ой арміи наткнулись на право-фланговыя колонны 2ой арміи; предстояла необходимость развести спутавшіяся войска и предотвра-

тить подобную неурядицу. Обмѣнъ телеграммъ между штабами обѣихъ армій не привелъ къ результату, и главной квартирѣ короля пришлось вмѣшаться въ это дѣло; оттуда и послѣдовало приказаніе, чтобы 1ая армія очистила для 2ой арміи дорогу Сенъ-Ведель — Отвейлеръ — Нейнкирхенъ. (St.-Wedel — Ottweiler — Neunkirchen).

Это приказаніе объ очисткѣ собственно одного только пути послужило Штейнмецу предлогомъ еще ближе подойти къ границѣ. Исполненіе его рѣшенія повело къ частному кровопролитному сраженію (у Шпихерна), т. е. именно къ тому, чего высшее нѣмецкое начальство съ самаго начала кампаніи старалось избѣжать всѣми мѣрами.

Еще 5го числа Штейнмецъ просилъ письменно генерала Мольтке изложить ему мотивы послѣднихъ королевскихъ повелѣній, относившихся къ 1ой арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испрашивалъ себѣ на предстоящее время „директивы“ (указанія), въ предѣлахъ коихъ онъ могъ бы дѣйствовать болѣе самостоятельно. Генералъ Штейнмецъ считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что, по его мнѣнію, части 2ой арміи, двигаясь впередъ, во время дневки 1ой арміи 5го числа опереживали послѣднюю, кромѣ того, кавалерія той же 2ой арміи уже находилась впереди 1ой арміи [1]), которая (2ая армія), по мнѣнію Штейнмеца, могла затереть 1ую армію во вторую линію.

Значеніе слова „директивы“, которое въ военномъ языкѣ появилось недавно, собственно у нѣмцевъ, опредѣляется генераломъ Мольтке слѣдующимъ образомъ: [2])

„Директивы есть сообщенія высшей инстанціи, въ коихъ излагаются не столько положительныя приказанія для немедленнаго исполненія, сколько руководящія воззрѣнія (leitende Gesichtspunkte). Послѣднія затѣмъ служатъ направляющею нитью (Richtschnur) для окончательныхъ рѣшеній, которыя впрочемъ низшей инстанціи приходится принять совершенно самостоятельно“.

Главная королевская квартира съ своей стороны предполагала дать отдохнуть войскамъ 2й арміи; а 9го числа — перейти границу всѣми силами обѣихъ армій, изъ коихъ 1ая усиливалась 1мъ корпусомъ, высаживающимся въ Нейнкирхенъ.

Что касается просьбы генерала Штейнмеца относительно „директивовъ“, то въ оффиціальномъ прусскомъ описаніи войны выска-

---

[1]) Генералъ Штейнмецъ подразумѣвалъ 2-ую бригаду изъ кавалеріи генерала Рейнбабена, принявшаго общее начальство надъ 5 и 6 кавалерійскими дивизіями, выдвинутыми впередъ по приказанію главной квартиры 30 Іюля. Впрочемъ 2-ая бригада, бывшая на пути Лебахъ-Саарбрюкенъ, собственно не находилась впереди 1-ой арміи, которая вовсе не должна была имѣть направленіе на Саарбрюкенъ, а западнѣе этого города.

[2]) Оффиціальная прусская исторія войны 1870—71 года стр. 155.

зано, что „въ виду обстановки, при которой всякій день можно было ожидать рѣшительнаго столкновенія, въ королевской главной квартирѣ не полагалось возможнымъ давать директивы, которыя забѣгали бы впередъ за ближайшее. Напротивъ того, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣ подобные критическіе моменты, считалось соотвѣтственнымъ и даже положительно необходимымъ свыше управлять движеніями большихъ отдѣловъ войскъ посредствомъ опредѣлительныхъ приказаній, хотя бы отъ этого временно и ограничивалась самостоятельность командировъ армій".

Далѣе таже оффиціальная исторія войны признаетъ, что Штейнмецу не были извѣстны виды и намѣренія главной квартиры въ то время, когда онъ, 5 числа вечеромъ, давалъ приказанія своей арміи на 6 число.

Отвѣтъ генерала Мольтке на требованіе о директивахъ полученъ Штейнмецомъ 6 числа утромъ въ Толей, тогда когда уже не было во власти его остановить ходъ событій, вызванный распоряженіями, данными имъ же на 6 число.

Вечеромъ 5 числа Мольтке телеграфировалъ командиру 1ой арміи, должно быть въ видѣ отвѣта на допесеніе о предположеніяхъ на 6 число:

„Такъ какъ непріятель повидимому отходитъ отъ р. Саары, то переходъ границы предоставляется ближайшему усмотрѣнію; но перейти рѣку дозволяется только пониже Саарбрюкена, такъ какъ дорога оттуда на Сенъ-Аволь предоставлена 2ой арміи".

Указывая на необходимость предоставить 2ой арміи путь Саарбрюкенъ — Сенъ-Аволь (St. Avold), телеграмма эта въ сущности повторяла только прежнее приказаніе, а именно: что 1ая армія должна очистить въ пользу 2ой арміи путь Сенъ-Ведель — Отвейлеръ — Нейнкирхенъ, который въ продолженіи своемъ велъ прямо и непосредственно на Саарбрюкенъ и Сенъ-Аволь. По неизвѣстной причинѣ телеграмма получена Штейнмецомъ только 7го числа утромъ, а потому тоже не могла оказать никакого вліянія на предыдущія рѣшенія Штейнмеца и вызванныя ими событія 6 августа.

Согласно приказаній Штейнмеца на 6 число августа головы обоихъ корпусовъ 1ой арміи придвигались на милю разстоянія отъ р. Саары, а именно правофланговый, 7ой корпусъ, къ Гюншенбаху, а 8ой на Фишбахъ (западнѣе Зульцбаха). Независимо того, 7ому корпусу приказано, того-же 6 числа, выдвинуть на самую рѣку Саару два авангарда, одинъ къ Фельклингену (Völklingen), а другой къ Саарбрюкену. Правый флангъ 1й арміи прикрывался 3ею кавале-

рійскою дивизіею, передвинутою одну милю къ югу отъ Лебаха, уступомъ позади главныхъ силъ правофланговаго 7го корпуса.

Объ изложенныхъ распоряженіяхъ своихъ Штейнмецъ сообщилъ генералу Мольтке 5 числа вечеромъ съ добавленіемъ, что они вызваны опасеніемъ остаться позади 2ой арміи. Вѣрнѣе было кажется сказать — „желая все время оставаться впереди 2ой арміи". Дѣйствительно, такъ какъ дѣло не шло о равненіи по земной параллели, а по предмету дѣйствій, т. е. по р. Саарѣ, текущей тутъ въ сѣверозападномъ направленіи, которую надо было форсировать одновременно обѣимъ арміямъ, то очевидно было, что отставшая 2ая армія должна была выровняться по 1й движеніемъ впередъ.

Далѣе изъ спеціальной исторіи 2ой арміи [1]) видно, что генералу Штейнмецу изъ добытой въ штабѣ 3го корпуса диспозиціи по 2ой арміи было извѣстно, что три головные корпуса этой арміи 6 числа должны дойти только до линіи Нейнкирхенъ—Цвейбрюкенъ (въ разстояніи 2—2½ миль отъ р. Саары), и что слѣдовательно 2ая армія вовсе не опереживаетъ 1ю армію. Но кромѣ общей диспозиціи по 2ой арміи, генералъ Штейнмецъ добылъ и спеціальную диспозицію по 3му корпусу, изъ коей онъ усмотрѣлъ, что корпусъ этотъ намѣренъ дойти дальше Нейнкирхена и выдвинуть свой авангардъ ближе къ Саарбрюкену (не доходя ¾ мили); и вотъ Штейнмецъ, точно желая забѣжать дорогу сосѣдней арміи, рѣшается занять авангардомъ Саарбрюкенъ, если можно такъ выразиться, „передъ носомъ" арміи принца Фридриха-Карла.

Вообще распоряженія генерала Штейнмеца на 6 число повели къ исходу вполнѣ не желательному для нѣмцевъ, а именно къ весьма рискованной частной встрѣчѣ нѣкоторыхъ головныхъ нѣмецкихъ войскъ съ противникомъ, который легко могъ употребить противъ нихъ значительно превосходныя силы.

Факты говорятъ тутъ сами за себя; тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ добавить, что генералъ Штейнмецъ вовсе незналъ о предположеніяхъ главной квартиры, по коимъ расчитывалось 9 числа всѣми силами перейти или форсировать линію Саары, при чемъ считалось возможнымъ притянуть и 3ю армію во флангъ противнику [2]). Если бы все это извѣстно было Штейнмецу, то причины временной задержки 1ой арміи были бы для него совер-

---

[1]) Стр. 21 въ сочиненіи „Походъ 1870—71 г. Операціи 2-ой арміи", изд. 1873 г. (Operationen der II Armee ꝛc. Frhr. v. d. Goltz, Berlin, 1873).

[2]) Подобное предположеніе, какъ видно изъ спеціальной исторіи 2-ой арміи, стр. 21, дѣйствительно состоялось 4 августа и было сообщено принцу Фридриху-Карлу.

шенно понятны и онъ конечно не рѣшился бы дѣйствовать въ разрѣзъ видамъ и намѣреніямъ своего государя.

Но генералъ Штейнмецъ не былъ вполнѣ оріентированъ главною квартирою относительно ея видовъ. Далѣе, Штейнмецу вовсе не сообщались распоряженія по 2ой арміи, такъ что онъ вынужденъ былъ добывать ихъ изъ ближайшаго, 3го корпуса. Наконецъ, невмѣшательство главнаго штаба въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходило до того, что даже вовсе не были разграничены районы двухъ сосѣднихъ армій, которыя, какъ изложено, вслѣдствіе того перепутались 4 числа у Отвейлера. Послѣднее же обстоятельство, какъ уже выяснено, подало поводъ (или послужило предлогомъ) Штейнмецу къ преждевременному наступленію на линію р. Саары.

Въ другомъ современномъ подходящемъ случаѣ, главная королевская квартира умѣла однако поступить совершенно иначе, а именно: когда дѣло шло о томъ, чтобы двинуть 3ю армію впередъ ранѣе, нежели это считалъ возможнымъ наслѣдный принцъ, главная квартира 2 августа выслала къ принцу полковника Верди для личнаго выясненія положенія дѣлъ и мотивированія желаній короля; генералъ же Штейнмецъ не былъ даже оріентированъ простою телеграммою, хотя бы напр. о намѣреніи перейти границу одновременно 9 числа всѣми силами обѣихъ армій.

Конечно, можно сказать, что, за всѣмъ тѣмъ, главною причиною преждевременнаго наступленія 1ой арміи были свойства характера генерала Штейнмеца и что другой, на мѣстѣ его, поступилъ бы иначе, болѣе согласно съ видами главной квартиры и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Но на это можно бы возразить, что одинъ изъ практическихъ совѣтовъ военной науки гласитъ, что весьма полезно стараться въ мирное время изучать тѣ личности, которыя могутъ быть военноначальниками противника. Сколько извѣстно, пруссаки всегда слѣдуютъ этому совѣту. Казалось бы не лишнимъ заблаговременно, еще въ мирное время, изучить имъ тоже характеръ и наклонности своего высшаго начальника, Штейнмеца, по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ иностранными.

Характеръ и наклонности генсрала Штейнмеца были данныя вполнѣ реальныя, съ которыми надо было считаться, какъ при назначеніи Штейнмеца на важную должность командира арміи, такъ и при послѣдующихъ съ нимъ сношеніяхъ въ этой его должности.

IV.

Сраженіе при Шпихернъ-Форбахъ 6го августа.

Неувѣренныя дѣйствія французовъ съ 2 по 6 августа. Подчиненіе нѣмецкому почину. — Подходъ нѣмецкихъ войскъ къ р. Саарѣ 5 и 6 августа. Важныя самостоятельныя рекогносцировки нѣмецкихъ начальниковъ у Саарбрюкена утромъ 6 августа. Командиръ 14ой прусской пѣх. дивизіи, генералъ Камеке, рѣшаетъ завладѣть Шпихернскими высотами. — Описаніе мѣстности. Сила позиціи 2го французскаго корпуса, Фроссара, преувеличена нѣмецкими писателями. — Начало сраженія; опасное положеніе Камеке. Самостоятельнымъ починомъ прусскихъ частныхъ начальниковъ Камеке поддержанъ. Путь отступленія Фроссара въ опасности. — Фроссаръ, не дождавшись помощи отъ 3го корпуса маршала Базена, отступаетъ въ сторону. — Критическій взглядъ на крайне рискованное предпріятіе Камеке. Знаменательное мнѣніе оффиціальной прусской исторіи войны о дѣйствіяхъ Штейнмеца и Камеке. Только распорядительность частныхъ начальниковъ спасла пруссаковъ. Недостатокъ общаго у нихъ управленія въ сраженіи [1]).

(Чертежи 2-й и 3-й).

Усиленная рекогносцировка французовъ на линію рѣки Саары, предпринятая несоразмѣрно большими силами, тѣмъ не менѣе, не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: она не раскрыла силъ противника. Свѣдѣнія французовъ о нѣмецкой арміи все еще были очень туманны.

Въ теченіе трехъ дней послѣ 2 числа августа чувство собственной неготовности довело французскую армію до того положенія, когда законъ предписываетъ уже противникъ. Дѣйствительно, всѣ соображенія у французовъ, за время послѣ 2 и по 6 августа (день Шпихернскаго сраженія), вполнѣ подчинялись свѣдѣніямъ о намѣреніяхъ противника, а эти свѣдѣнія, конечно, не могли быть точны; что, въ свою очередь, приводило французовъ къ неосновательнымъ мѣропріятіямъ. Между прочимъ, вслѣдствіе слуховъ о предстоящемъ наступленіи арміи Штейнмеца на лѣвый флангъ французовъ, Базенъ отодвинулъ свою дивизію Монтодона назадъ въ Сенъ-Аволь изъ Форбаха, въ которомъ она находилась до того въ качествѣ непосредственнаго резерва корпуса Фроссара. Обстоятельство имѣвшее для французовъ самыя гибельныя послѣдствія 6 августа [2]).

---

[1]) Критическій взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ въ слѣдующей отдѣлной главѣ.

[2]) Рапортъ объ операціяхъ 2-го корпуса Рейнской арміи въ войну 1870 г., стр. 26. (Rapport sur les opérations du 2 Corps etc. par le Gl. Frossard. 3 édition. Paris, 1872).

Л.Э.С.Л

Извѣстіе о пораженіи авангарда Макъ-Магона у Вейсенбурга 4 августа окончательно разсѣяло мечты французовъ о предупрежденіи нѣмцевъ и о вторженіи въ Германію; оно повело къ значительному растяженію Мецской арміи вправо и къ сокращенію лѣваго фланга группировкою лѣвофланговаго 4го корпуса къ Тетерхенъ-Буле (Boulay). Въ этомъ положеніи корпусъ этотъ стерегъ путь изъ Саарлуи въ Мецъ, находясь почти на половинѣ его.

2ой корпусъ все еще оставался у Саарбрюкена, то есть впереди, но съ наклонностію къ отступленію.

3^{ій} корпусъ смѣнялъ одною дивизіею войска 5го корпуса въ Сааргемюндъ; всѣ четыре дивизіи его расположены были въ одну линію по дивизіямъ, позади 2го корпуса, отъ Сааргемюндъ до Сенъ-Аволь, (на пути Саарбрюкенъ-Мецъ), какъ бы въ резервѣ этого корпуса, но не подчиняясь его командиру. Гвардія расположена позади 3го корпуса, на полупути отъ Меца въ Сенъ-Аволь. Корпусъ же Фальи, т. е. 5^{й}, совершенно удалился отъ прочихъ, бывшихъ впереди Меца, и стягивался въ Бичъ; онъ 5 числа былъ отданъ въ распоряженіе маршала Макъ-Магона. Того же 5 числа два корпуса, 2ой и 4ый, подчинены были командиру 3го корпуса, маршалу Базену; но такъ какъ особый штабъ для этого сформированъ не былъ и притомъ Базенъ сохранилъ непосредственное командованіе своимъ 3^{имъ} корпусомъ, то помянутая мѣра не принесла французамъ настоящей пользы. Впрочемъ Базенъ, еще вечеромъ того же 5 числа, заявилъ новыя свои права и власть, потребовавъ отъ Фроссара свѣдѣній о корпусѣ послѣдняго.

Изъ сказаннаго видно, что въ общемъ расположеніе Мецской французской арміи въ то время представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ центрѣ, впереди, 2ой корпусъ, Фроссара; за нимъ непосредственно, по дивизіямъ, въ видѣ репли или резерва, — 3^{й} корпусъ, Базена; лѣвѣе Базена — 4^{й} корпусъ, Ламиро; а правѣе Базена, по-эшелонно, 5ый корпусъ, Фальи, въ то время удалявшійся къ востоку, ближе къ Макъ-Магону. Гвардія стояла нѣсколько поодаль, за центромъ и общимъ лѣвымъ флангомъ.

Утромъ 5 числа генералъ Фроссаръ, на запросъ ле-Бефа, донесъ въ главную квартиру императора, что хотя ночь прошла спокойно, но онъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ положеніе свое у Саарбрюкена нѣсколько опаснымъ и желаетъ отойти на высоты между Сааргемюндъ и Форбахомъ.

На предложеніе Фроссара послѣдовало согласіе, съ указаніемъ, чтобы передвиженіе исполнено было на слѣдующій день, то есть 6 числа. Фроссаръ, однако, совершилъ передвиженіе еще 5 числа, при чемъ дивизія Лявокупѐ (Laveaucoupet) расположилась у Шпи-

херна (Spichern), на открытомъ кряжѣ высотъ, занявъ передовымъ отрядомъ (стрѣлковымъ баталіономъ съ батареею) мысъ впереди лежащаго кряжа высотъ, называемый Ротбергъ, т. е. Красная гора, на краю которой вырыта подковообразная траншея. Одинъ баталіонъ пѣхоты выдвинутъ въ лѣсъ вправо дивизіи, для обезпеченія ея фланга. Лѣвѣе дивизіи Лявокупѐ расположилась дивизія Вержѐ (Vergé) одною бригадою — Жоливѐ (Jolivet) у Стирингъ-Вендель, а другою — Валязѐ (Valazé) позади — у Форбаха, для обезпеченія лѣваго фланга и тыла. Бригада Жоливѐ заняла предварительно позицію впереди Стирингъ-Вендель, устроивъ ложементы; а бригада Валязѐ — позицію у Форбаха лицомъ на Саарлуи (на западъ). Дивизія Батайля (Bataille) расположилась позади, на высотѣ у Этингена (Oetingen, къ юго-востоку отъ Форбаха), откуда отлично можно было наблюдать за всею мѣстностью и по первому выстрѣлу двинуться, куда окажется нужнымъ.

Ночью получена Фроссаромъ телеграмма, согласно коей онъ, 6 числа въ часъ съ половиною дня, совмѣстно съ прочими командирами корпусовъ, приглашался къ императору Наполеону въ Сенъ-Аволь. Но вслѣдъ затѣмъ, около 4 часовъ утра, послѣдовала отъ ле-Бефа отмѣняющая телеграмма, въ коей сказано было: „Готовьтесь противъ серіозной аттаки, которая можетъ послѣдовать еще сегодня. Оставайтесь на своемъ посту (при корпусѣ) и не ѣздите къ императору.“

Къ вечеру 5 числа четыре нѣмецкихъ корпуса подошли къ р. Саарѣ на столько, что всѣ эти силы находились въ разстояніи отъ 2 до 4 миль отъ рѣки и 3 до 4 миль отъ Саарбрюкена, а именно:

Корпуса 1ой арміи: 7ой у Лебаха и Бетингена; 8й у Штейнвейлера. Корпуса 2ой арміи: 3го корпуса — передовая дивизія, 5я, у Фридрихталя (нѣсколько южнѣе Нейнкирхена) и 6я у Санктъ-Веделя (обѣ на большой дорогѣ въ Саарбрюкенъ), 4го корпуса задняя дивизія — у Гомбурга (Homburg), а головная — у Эйнедъ (Einöd на узлѣ дорогъ въ Сааргемюндъ и Бичъ).

Впереди этихъ корпусовъ находилась кавалерія Рейнбабена, 5ая и 6ая кавалерійскія дивизіи; правый флангъ ея — полъ-мили не доходя р. Саары, противъ Фельклингена (Völklingen) и Саарбрюкена, а лѣвый — у Пирмасенса.

Генералъ Штейнмецъ, какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, усмотрѣлъ изъ добытой имъ диспозиціи по 3му корпусу, что 5ая дивизія должна 6 августа выдвинуть авангардъ до Дудвейлера (менѣе мили отъ Саарбрюкена). Видимо, желая быть все впереди 2ой арміи, Штейнмецъ распорядился о занятіи 6 числа части те-

ченія р. Саары двумя авангардами отъ 7го корпуса, направленными въ Фельклингенъ и Саарбрюкенъ, главныя же силы этого корпуса должны были перейти въ Пютлингенъ. 8му корпусу приказано пододвинуться между Гюишенбахъ и Лембахъ.

Утромъ 6 числа 13ая дивизія 7го корпуса двигалась къ Пютлингену (1/2 мили отъ р. Саары) и должна была выдвинуть оттуда авангардъ къ Фельклингену подъ начальствомъ генерала Гольца (Goltz) (4 баталіона, 2 эскадрона и 6 орудій). 14ая дивизія двигалась къ Гюишенбаху, откуда должна была направить къ Саарбрюкену свой авангардъ подъ начальствомъ генерала Франсуа (3 баталіона, 1 эскадронъ, 6 орудій). Такимъ образомъ авангардъ 14ой дивизіи отъ арміи Штейнмеца забѣгалъ дорогу авангарду 3го корпуса отъ арміи принца Фридриха-Карла.

Начальникъ 14ой дивизіи, генералъ Камеке, получилъ на пути, 6 числа утромъ, свѣдѣніе, что непріятель очистилъ свою позицію за р. Саарою южнѣе Саарбрюкена. Камеке донесъ объ этомъ командиру корпуса, генералу Цастрову (Zastrow), испрашивая разрѣшенія занять помянутыя высоты. Отвѣтъ полученъ „чтобы Камеке дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію.“ На этомъ основаніи Камеке, вслѣдъ за своимъ авангардомъ, двинулъ къ Саарбрюкену и остальныя силы своей дивизіи.

Между тѣмъ командиръ 8го корпуса, генералъ Гебенъ (Goeben), отправился съ утра впередъ на рекогносцировку и, узнавъ, что Саарбрюкенъ не занятъ, хотѣлъ было направить туда авангардъ отъ своего корпуса; но на возвратномъ пути Гебенъ встрѣтилъ 14ую дивизію, освѣдомился въ чемъ дѣло и обѣщалъ Камеке поддержку, въ случаѣ нужды. Авангардъ 14ой дивизіи подошелъ къ Саарбрюкену въ 9 часовъ утра.

Между тѣмъ генералъ Цастровъ, давъ Камеке разрѣшеніе дѣйствовать съ 14ою дивизіею по усмотрѣнію, то есть перейти за р. Саару у Саарбрюкена, самъ рѣшилъ двинуть къ рѣкѣ и всю 13ую дивизію, на что испросилъ разрѣшеніе Штейнмеца. Послѣдній отвѣтилъ Цастрову, что „надо наказать противника за его оплошность, чтобы воспрепятствовать ему занять обратно покинутую позицію лѣваго берега р. Саары. Онъ (Штейнмецъ) согласенъ, что надо ее занять въ интересѣ 2ой арміи; надо даже попытаться помѣшать посадкѣ французовъ у Форбаха, прикрываемой, какъ доносятъ, слабо.“

Такимъ образомъ Штейнмецъ не только одобрилъ занятіе высотъ противуположнаго берега р. Саары у Саарбрюкена, но прямо намекнулъ на то, что надо аттаковать слабыя, якобы, силы французовъ, прикрывающія, по его мнѣнію, посадку на желѣзную дорогу у Форбаха.

Того же 6 числа, командиръ 2ой арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ, телеграфировалъ командиру 3го корпуса, генералу Альвенслебену: „5ой пѣхотной дивизіи дойти сегодня до Саарбрюкена, кавалерійскимъ дивизіямъ слѣдовать по пятамъ противника". Это распоряженіе уже было предупреждено командиромъ головной бригады 5ой дивизіи, генераломъ Дерингомъ (Doering), хотя по инымъ соображеніямъ.

Генералъ Дерингъ, опередивъ свою бригаду, которая, согласно первоначальному распоряженію на 6 число, должна была расположиться на ночлегъ у Дудвейлера, съ утра былъ уже у Саарбрюкена и лично рекогносцировалъ противника. Изъ наблюденій своихъ Дерингъ вывелъ заключеніе, что предпріятіе 14ой дивизіи очень рискованно и немедленно распорядился, чтобъ его бригада шла на поддержку этой дивизіи. Обо всемъ этомъ Дерингъ донесъ по начальству.

Оффиціальная прусская исторія войны, описывая мѣстность, на которой разыгрался бой 6 августа, указываетъ на большую силу позиціи французовъ, фронтъ коей она опредѣляетъ направленіемъ, начиная съ праваго фланга „отъ р. Саары, южнѣе Сенъ-Арнуа (St. Arnoual), вдоль лѣсистаго кряжа" и проч.

Съ этимъ, по всей справедливости, никакъ нельзя согласиться; во первыхъ потому, что позиція, по неимѣнію мѣстъ для расположенія артиллеріи (какъ увидимъ ниже), вовсе не такъ выгодна, и во вторыхъ, что французы ее и не занимали.

Поле Шпихернской битвы обнимало часть возвышенной, волнообразной и лѣсистой мѣстности, высшія точки коей среднимъ числомъ на 120 метровъ превышаютъ окрестныя долины [1]). Оно въ общихъ чертахъ имѣетъ слѣдующій характеръ.

Часть рѣки Саары, повыше Саарбрюкена, расположеннаго на лѣвомъ, французскомъ берегу, имѣетъ сѣверное направленіе, а у города поворачиваетъ на западъ; дуга, образуемая такимъ образомъ рѣкою, какъ будто сомкнута съ юга открытою высотою протяженіемъ версты въ 3, которая прикрываетъ Саарбрюкенъ съ юга въ видѣ естественнаго вала.

Противъ этой высоты, въ разстояніи верстъ 3хъ, почти параллельно и южнѣе, расположенъ командующій кряжъ, упирающійся восточнымъ концомъ въ р. Саару повыше Сенъ-Арнуа и оканчивающійся крутымъ мысомъ—Красною горою. Гребень кряжа покрытъ лѣсомъ, спускающимся въ долину, къ сторонѣ Саарбрюкена. Во-

---

[1]) Фроссаръ, стр. 52.

сточная часть лѣса называется Штифтсвальдъ или Фаффенвальдъ (лѣсъ монастырскій или поповскій), а западная часть лѣса, смежная съ Красною горою, именуется — Гифертсвальдъ (лѣсъ Гифертъ). Артиллерійскихъ позицій на этихъ высотахъ, какъ покрытыхъ лѣсомъ, нѣтъ вовсе; развѣ на самомъ западномъ открытомъ мысу — Красной горѣ; но тамъ французы имѣли всего 8 орудій; да и пруссаки, какъ увидимъ, по занятіи мыса больше на немъ поставить не могли, между тѣмъ какъ помянутая длинная (версты въ 3) высота южнѣе Саарбрюкена, а также перегибъ мѣстности передъ правымъ ея флангомъ — Гальгенбергъ, представляли пруссакамъ обширныя артиллерійскія позиціи.

Западнѣе Красной горы пролегаютъ шоссе и рельсовый путь изъ Саарбрюкена въ Форбахъ, по открытой ложбинѣ, раздѣляющій всю возвышенную мѣстность лѣваго берега Саары; ложбина имѣетъ югозападное направленіе. Мѣстность западнѣе этой ложбины очень волниста и вся покрыта лѣсами, доходящими, пониже Саарбрюкена, до самой Саары. Оффиціальная прусская исторія говоритъ, что лѣса эти очень густы и трудно проходимы. Однако планъ, приложенный къ исторіи, показываетъ хорошо разработанныя дороги и множество лѣсныхъ просѣкъ. Помянутая открытая ложбина, ближе къ Форбаху, какъ будто запирается посадомъ Стирингъ-Венделъ и чугуннымъ заводомъ, расположенными уступомъ сзади и лѣвѣе Красной горы, въ разстояніи верстъ 3 отъ нея. Эта группа прочныхъ строеній занята была частями головной бригады дивизіи Вержѣ. Позиція этихъ войскъ слѣва, т. е. западнѣе, совершенно стѣснена была помянутымъ лѣснымъ пространствомъ, а съ фронта къ ней подходилъ съ сѣвера особый, не широкій, длинный лѣсной участокъ и южною оконечностію своею приближался къ Стирингъ-Венделю на 500 шаговъ. Ширина открытаго пространства впереди Стирингъ-Венделя, между помянутымъ Стирингскимъ лѣсомъ и Красною горою, не болѣе 800 шаговъ.

И такъ мы видимъ, что французы занимали собственно только Красную гору и открытую позицію въ долинѣ, впереди Стирингъ-Венделя, а вовсе не позицію, упомянутую въ оффиціальной прусской исторіи войны, и что къ наружнымъ флангамъ французской позиціи вплотную подходили лѣса, доступные для пруссаковъ.

Очевидно, тутъ не было и рѣчи о позиціи корпуса, желающаго принять бой, а просто, въ виду готовящагося дальнѣйшаго отступленія, занималось временное, аріергардное расположеніе, за правымъ флангомъ коего, на Шпихернскихъ высотахъ, стояла пока дивизія Лявокупѣ, а за центромъ — дивизія Баттайля. Французы видимо втянулись потомъ въ общій бой только постепенно, поддерживая ближайшія къ непріятелю войска; при томъ, на правомъ флангѣ

своемъ они начали дѣйствіе тогда только, когда пруссаки вошли уже въ лѣсъ Гифертъ и очутились на флангѣ и почти въ тылу Красной горы.

Уходя отъ Саарбрюкена, французы оставили тамъ въ цѣлости два городскихъ моста и третій желѣзно-дорожный — пониже города.

Начальникъ авангарда 14ой прусской дивизіи, генералъ Франсуа, (François), перейдя рѣку у Саарбрюкена, и усиленный остальными баталіонами своей бригады, открылъ дѣло канонадою своей батареи противъ Красной горы (Ротбергъ), съ видимымъ успѣхомъ.

Около полудня, генералъ Камске приказалъ Франсуа прогнать непріятеля съ Красной горы. Аттаку рѣшено произвести двойнымъ охватомъ, для чего два баталіона направлены правѣе, на Дратцугъ, а два, подъ начальствомъ полковника Эскинса, лѣвѣе— въ лѣсъ Гифертъ, доходящій, какъ уже сказано, непосредственно до праваго фланга Красной горы. Къ тому времени, противъ Красной горы дѣйствовали уже всѣ четыре батареи 14ой прусской дивизіи, частью во фронтъ, частью во флангъ. Французская батарея на Красной горѣ, которую пруссаки опредѣляли въ 8 орудій, должна была замолчать.

Баталіоны Эскинса вошли въ лѣсъ Гифертъ безпрепятственно; только на вершинѣ кряжа они встрѣтили нѣкоторое сопротивленіе со стороны французскаго баталіона, выдвинутаго туда для прикрытія фланга позиціи на Красной горѣ. Преодолѣвъ сопротивленіе, пруссаки достигли противуположной опушки лѣса. Тамъ они встрѣчены сильнѣйшимъ огнемъ и должны были остановиться. Въ этомъ лѣсномъ бою роты отряда Эскинса разрознились и перемѣшались.

Чтобы не перебивать дальнѣйшаго разсказа частыми возвратами къ бою на этой части позиціи, замѣчу, что съ обѣихъ сторонъ войска тутъ постепенно усиливались. Къ 6 часамъ вечера пруссаки имѣли уже 10 баталіоновъ, дѣйствующихъ также въ перемѣшку и разрозненно, но съ крайнею настойчивостью. Французы—части дивизіи Лявокупѐ имъ въ этомъ не уступали; много разъ они переходили въ наступленіе, тѣснили противника до противуположной опушки лѣса, но совершенно очистить лѣсъ отъ пруссаковъ не успѣли; точно также пруссакамъ, до 6 часовъ, не удавалось захватить юго-западнаго, исходящаго угла лѣса, даже по занятіи ими Красной горы. Въ этихъ ожесточенныхъ съ обѣихъ сторонъ бояхъ нѣкоторыя части разстрѣляли всѣ свои патроны.

Обращаюсь къ западной части поля сраженія.

Два прусскіе баталіона бригады Франсуа, направленные, какъ

сказано, правѣе (западнѣе) Красной горы, для фланговой аттаки, сами скоро попали подъ огонь французовъ, расположенныхъ у Стирингъ-Венделя, и вынуждены были повернуть въ эту сторону; они избрали направленіе лѣсомъ, въ которомъ и ввязались тоже въ упорный лѣсной бой.

Между тѣмъ, въ виду успѣха отряда Эскипса въ Гифертскомъ лѣсу и удачнаго дѣйствія прусской артиллеріи противъ Красной горы, генералъ Франсуа, около 2½ часовъ, повелъ на Красную гору два свѣжихъ баталіона, изъ коихъ одинъ — прямо въ аттаку съ фронта, а другой, пока, оставилъ позади. Понеся большія потери, головной баталіонъ успѣлъ только подойти къ подошвѣ горы и укрыться подъ кручею; тамъ онъ и оставался; прусская артиллерія продолжала дѣйствовать по Красной горѣ. Такъ длился бой нѣкоторое время.

Другая бригада 14ой дивизіи, генерала Война (Woyna), перешла р. Саару пониже Саарбрюкена по желѣзнодорожному мосту; она получила направленіе на поддержку баталіоновъ дѣйствующихъ противъ Стирингъ-Венделя. Генералъ Война принялъ тутъ начальство—на сколько можно было управлять лѣснымъ босмъ; стремленіе все время было тутъ взять французовъ въ лѣвый флангъ.

Чтобы не возвращаться къ этой части поля сраженія, скажу только, что и тутъ повторилось то же, что въ Гифертскомъ лѣсу; пруссаки неоднократно были тѣснимы французами, но держались цѣпко и упорно, и при первой возможности сами наступали, такъ что, около 6 часовъ вечера, они утвердились въ лѣсу, въ непосредственной близости Стирингъ-Венделя.

Возвращаюсь къ центральному бою за Красную гору.

Около 3 часовъ по полудни, начальникъ 14ой дивизіи, ген. Камеке, приказалъ взять Красную гору. Для облегченія приказано поддержать аттаку двумъ баталіонамъ бригады ген. Войны изъ Стирингскаго лѣса. Въ это время отрядъ Эскипса имѣлъ въ Гифертскомъ лѣсу временный успѣхъ. Вниманіе французовъ было раздѣлено. Этимъ воспользовался Франсуа. Усиливъ одною ротою залегшій подъ Красною горою баталіонъ, Франсуа повелъ его вверхъ по кручѣ. Французы застигнуты были врасплохъ. Пруссаки заняли ложементы на краю Красной горы, но далѣе проникнуть не могли; самъ Франсуа умеръ тутъ геройскою смертью, пораженный пятью пулями; тѣмъ не менѣе, пруссаки окончательно утвердились въ занятыхъ ими ложементахъ на краю Красной горы, вершину коей все еще держали французы.

Положеніе пруссаковъ, не смотря на частные ихъ успѣхи, дѣлалось въ это время, то есть въ началѣ 4го часа, критическимъ.

Всѣ 11 наличныхъ ихъ баталіоновъ и всѣ 4 батареи вступили уже въ бой, растянувшись на 4 версты. Французы постепенно ввели въ дѣло двѣ ближайшія свои дивизіи: Лявокупѣ и Вержѣ. Стоявшая у Форбаха бригада послѣдней—Валязѣ, полкъ за полкомъ притянута на помощь къ Стирингъ-Венделю, у коего пруссаки вполнѣ воспользовались охватывающимъ положеніемъ лѣса, въ который упирался лѣвый флангъ французскаго расположенія. Послѣдняя дивизія корпуса Фроссара—Батайль отъ Эттингена тоже направлена на поле сраженія. При томъ французскія части, находясь на мѣстности болѣе открытой, вводились въ лѣсной бой связно и стройно, между тѣмъ какъ пруссаки съ самаго начала совершенно перемѣшались. Положеніе пруссаковъ, какъ уже сказано, было очень опасно, но помощь уже приближалась; подходили части отъ 8го и 3го корпусовъ.

Генералъ Гебенъ, командиръ 8го прусскаго корпуса, какъ сказано, при личномъ свиданіи съ Камеке, обѣщалъ ему свою помощь, если въ томъ будетъ предстоять надобность. Заслышавши, на возвратномъ пути къ своему корпусу, все усиливающуюся канонаду со стороны Саарбрюкена, Гебенъ поѣхалъ къ своей 16ой дивизіи, чтобы направить ее на поле сраженія; но въ дивизіи тоже слышали канонаду, и начальникъ ея, генералъ Барнековъ (Barnekow), поднялъ уже свой авангардъ, подъ начальствомъ полковника Рекса (3 баталіона, 6 эскадроновъ и 12 орудій), и приказалъ ударить тревогу въ главныхъ силахъ дивизіи. Отрядъ Рекса подошелъ къ Саарбрюкену во 2^мъ^ часу; тудаже лично поспѣшилъ генералъ Гебенъ и прибылъ на поле сраженія въ 3 часа пополудни.

Командиръ 9ой пѣхотной бригады (3го корпуса), генералъ Деринъ, послѣ рекогносцировки у Саарбрюкена, какъ уже сказано, послалъ приказаніе своей бригадѣ, подходившей въ то время къ Дудвейлеру, спѣшить къ Саарбрюкену, о чемъ донесъ по начальству. Начальникъ 5ой дивизіи, генералъ Штюльпнагель (Stülpnagel), получивъ донесеніе Деринга, самъ немедля поспѣшилъ впередъ съ бывшимъ у него подъ рукою эскадрономъ и батареею; остальная его бригада, 10ая, была въ другой колоннѣ, съ особымъ назначеніемъ.

Свѣдѣніе о сраженіи дошло до командира 3го прусскаго корпуса, генерала Альвенслебена (Alvensleben), уже послѣ 2 часовъ, и онъ немедля распорядился, чтобы всѣ войска, которыя были поблизости, спѣшили впередъ къ Саарбрюкену, пѣшкомъ или по желѣзной дорогѣ,—въ томъ числѣ и 10ая бригада (5ой пѣхотной дивизіи). Самъ генералъ Альвенслебенъ отправился туда же, къ Саарбрюкену.

До 3 часовъ пруссаки, какъ сказано, имѣли въ дѣлѣ всего 11 баталіоновъ 14-ой пѣхотной дивизіи и 4 батареи; но уже въ 4-мъ часу прибыли почти одновременно: бригада Деринга и авангардъ 16-ой дивизіи; всего 8 баталіоновъ при 4 батареяхъ.

Генералъ Гебенъ, командиръ 8-го корпуса, старшій на полѣ сраженія, направилъ всѣ восемь подошедшихъ баталіоновъ въ Гифертскій лѣсъ, изъ коего, въ то время, пруссаки были уже почти совсѣмъ вытѣснены. Съ прибытіемъ этихъ свѣжихъ войскъ дѣло въ Гифертскомъ лѣсу возстановилось. Пруссаки сильно потѣснили въ свою очередь французовъ; но не могли завладѣть югозападнымъ угломъ лѣса, ни дебушировать изъ него, такъ какъ французы (дивизія Лявокупѐ) держались на Шпихернскомъ кряжѣ, параллельномъ опушкѣ лѣса, сильно обстрѣливая выходъ изъ онаго.

Генералъ Фроссаръ, командиръ 2-го французскаго корпуса, опасаясь за свой путь отступленія на Форбахъ, усилилъ въ то время свой лѣвый флангъ у Стирингъ-Венделя, и французы сильно потѣснили тамъ пруссаковъ; но подъ жестокимъ огнемъ прусской артиллеріи, расположившейся между Красною горою (Ротбергъ) и Стирингскимъ лѣсомъ, французы никакъ не могли совершенно выбить пруссаковъ изъ помянутаго лѣса. Дивизія Лявокупѐ тоже производила стремительныя контръ-аттаки, но уже не могла выбить противника изъ Гифертскаго лѣса и съ Красной горы.

Пруссаки, усиленные еще вновь прибывшими 7 баталіонами и 2 батареями 10 пѣхотной бригады, подоспѣвшими послѣ 6 часовъ вечера, не только выдержали напоръ французовъ, но даже переходили въ наступленіе.

Командиръ 3-го прусскаго корпуса, генералъ Альвенслебенъ, прибывшій на поле сраженія, приказалъ ввести двѣ батареи на Красную гору (на которой однако можно было поставить только 8 орудій) и направить часть пѣхоты въ Форбахскій лѣсъ, въ разрѣзъ между французскія дивизіи Лявокупѐ и Вержѐ. Въ то время въ тылу позиціи Фроссара послышалась канонада у Форбаха; тамъ уже открыли огонь орудія отряда Гольца, авангарда 13-ой прусской пѣхотной дивизіи.—Обращаюсь къ его дѣйствіямъ.

Генералъ Гольцъ, слѣдуя въ авангардѣ 13-ой пѣхотной прусской дивизіи съ 4 баталіонами, 2 эскадронами и 6 орудіями, согласно приказанію, достигъ утромъ Фельклингена на р. Саарѣ. Заслышавъ тамъ канонаду у Саарбрюкена и получивъ свѣдѣніе, что нѣсколько непріятельскихъ баталіоновъ находится у Клейнъ-Росселя (Klein-Rossel, по кружному пути въ Форбахъ), онъ двинулся впередъ. Начальникъ 13-ой дивизіи, генералъ Глюмеръ (Glümer), поспѣшилъ лично къ авангарду и привелъ, для усиленія его,

эскадронъ и батарею; главнымъ же силамъ дивизіи приказалъ слѣдовать за авангардомъ. Все это было исполнено еще до полученія приказанія корпуснаго командира, въ которомъ сказано, чтобы 13ая дивизія направилась во флангъ противнику.

Въ 4 часа по полудни Гольцъ прибылъ въ Клейнъ-Россель. Французовъ тамъ не оказалось. Гулъ канонады съ поля сраженія туда не доходилъ, задерживаемый лѣсомъ и вѣтромъ (какъ объясняетъ оффиціальная прусская исторія). Войска Гольца были утомлены жарою. Начальникъ дивизіи, генералъ Глюмеръ, приказалъ остановиться: главнымъ силамъ—у Фельклингена, а авангарду—у Клейнъ-Росселя.

Остается не выясненнымъ, какимъ образомъ авангардъ Гольца могъ оставаться долго въ своемъ заблужденіи (прекращеніе канонады). Любой разъѣздъ къ сторонѣ Форбаха, уже въ 3 верстахъ отъ Клейнъ-Росселя, вышелъ бы на противуположную окраину лѣса, въ виду Форбаха, куда, по открытому пространству, навѣрное доходилъ громъ канонады. Немыслимо, чтобы ни одинъ разъѣздъ не былъ высланъ къ Форбаху, такъ какъ въ отрядѣ Гольца состояло три эскадрона, а даже элементарная тактика учитъ: занимать, если возможно, или по меньшей мѣрѣ освѣтить противуположную опушку лѣса, у котораго останавливаешься. Возможность очевидно была тутъ полная.

Наконецъ въ Клейнъ-Россель подоспѣло приказаніе командира корпуса идти на Форбахъ. Отрядъ Гольца двинулся туда въ 7 часовъ вечера. Въ то время въ Форбахѣ кромѣ драгунскаго французскаго полка находилось всего 100 человѣкъ піонеровъ и 200 человѣкъ случайно попавшей туда маршевой команды; артиллеріи не было. Эти слабыя силы французовъ сбиты были пруссаками съ позиціи, бывшей прежде наскоро укрѣпленной, западнѣе Форбаха, фронтомъ на западъ, то есть на Клейнъ-Россель. Пруссаки, занявъ господствующую надъ Форбахомъ высоту, обстрѣливали желѣзную дорогу въ Сенъ-Аволь и заставили отъѣхать назадъ подъѣзжавшій французскій пѣхотный полкъ.

За темнотою начальникъ дивизіи, генералъ Глюмеръ, удержался отъ аттаки на самый Форбахъ. Отрядъ Гольца остановился въ виду Форбаха; главныя же силы 13ой дивизіи поздно вечеромъ дошли до Клейнъ-Росселя; по пути одинъ полкъ направленъ былъ во флангъ позиціи французовъ къ Стирингъ-Венделю, но сбился съ направленія и отошелъ тоже къ Клейнъ-Росселю.

Обратимся на поле сраженія.

Настали сумерки; Фроссаръ употребилъ въ дѣло уже всѣ свои войска, и не успѣлъ отбросить пруссаковъ. Главный путь отступ-

ленія французовъ былъ почти отрѣзанъ у Форбаха. Въ центрѣ ихъ пруссаки (хотя и въ слабыхъ силахъ) успѣли прорваться между Шпихернъ и Стирингъ-Вендель, сбивъ французовъ съ такъ называемой Форбахской высоты. Ожидаемая подкрѣпленія — три дивизіи отъ корпуса Базена—не прибывали. Фроссаръ далъ приказаніе сняться съ позиціи и отступить.

Отступленіе французовъ направилось главнымъ образомъ на Эттингенъ. Дивизія Лявокупѐ, никѣмъ уже не безпокоенная, оставалась на позиціи у Шпихерна до $10\frac{1}{2}$ часовъ ночи [1]), прикрывая отступленіе остальныхъ войскъ Фроссара, направившихся къ Сааргемюндъ, то есть совершенно въ сторону, вправо. Направленіе это избрано Фроссаромъ потому, что онъ считалъ себя отрѣзаннымъ у Форбаха, хотя пунктъ этотъ небылъ еще взятъ пруссаками, а напротивъ того, вскорѣ, около 9 часовъ вечера, занятъ былъ полкомъ отъ корпуса Базена.

Преслѣдованія со стороны разстроенныхъ и усталыхъ пруссаковъ не было; тѣмъ не менѣе они взяли отъ 1200—1500 нераненныхъ плѣнныхъ. Но собственно потери убитыми и раненными были у пруссаковъ значительно больше нежели у французовъ; первые потеряли до 5 тысячъ, послѣдніе—только около 2 тысячъ. Причину этому, независимо упорной храбрости прусскихъ войскъ, надо искать въ весьма безсвязномъ и безпорядочномъ съ ихъ стороны веденіи сраженія, въ которое пруссаки ввязались въ началѣ слишкомъ слабыми силами. Всѣ подходившія подкрѣпленія приходилось бросать въ бой, подъ вліяніемъ ближайшей опасности. Общаго основательнаго управленія боемъ у пруссаковъ не было, и быть не могло за неимѣніемъ свободныхъ резервовъ.

Съ каждой стороны убито и ранено около 200 офицеровъ.

Оффиціальная исторія 1ой арміи [2]) утверждаетъ, что Шпихерскій бой выигранъ 27 прусскими баталіонами и 10 батареями, дѣйствительно бывшими въ бою, противъ 39 баталіоновъ Фроссара, при чемъ не считаетъ баталіоновъ свѣжаго резерва, прибывшихъ подъ конецъ боя къ Красной горѣ, и отряда Гольца; между тѣмъ какъ появленіе этого именно отряда у Форбаха было главною причиною отступленія французовъ.

Пруссаки подъ конецъ боя имѣли въ дѣйствительности на лицо 35 баталіоновъ, противъ 38 баталіоновъ Фроссара (одинъ былъ въ командировкѣ); но такъ какъ составъ прусскаго баталіона значительно сильнѣе французскаго, то перевѣсъ въ числительно-

[1]) Фроссаръ (стр. 50) говоритъ, что дивизія въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера получила приказаніе отступать за остальными двумя.

[2]) Стр. 44.

сти подъ Шпихерномъ подъ конецъ боя былъ все таки на сторонѣ пруссаковъ.[1]) Непосредственно въ бой пруссаки ввели 32 баталіона, какъ можно заключить изъ частныхъ вѣдомостей потерь въ Шпихернскомъ дѣлѣ, пріобщенныхъ къ его описанію, въ офиціальной прусской исторіи войны.

Выше не вошли въ счетъ 4 прусскія батареи, хотя и прибывшія еще до конца боя, изъ коихъ двѣ 1го корпуса прибыли по желѣзной дорогѣ прямо съ мѣстъ квартированія, и по собственному желанію проѣхали далѣе до Саарбрюкена; одна изъ нихъ успѣла даже принять нѣкоторое участіе въ дѣлѣ.

Только въ 9 часовъ вечера подошли къ Саарбрюкену: полкъ 6ой и главныя силы 16ой прусской дивизіи. Не выяснено почему 16ая дивизія прибыла такъ поздно. Оффиціальная прусская исторія объясняетъ это большимъ разстояніемъ, хотя въ ней же[2]) значится, что генералъ Гебенъ, дѣлая свои распоряженія на мѣстѣ (до отъѣзда своего на поле сраженія), увѣренъ былъ, что вся 16ая дивизія приметъ участіе въ бою за р. Саарою; слѣдовательно имѣлъ онъ на это свои основанія, и разстояніе конечно было ему извѣстно. Тутъ, видимо, произошло недоразумѣніе или ошибка.

Кавалерія въ счетъ войскъ обѣихъ сражавшихся сторонъ непринята; попытка со стороны пруссаковъ, употребить въ дѣло одинъ эскадронъ, оказалась неудачною по условіямъ мѣстности; со стороны французовъ дѣйствовалъ драгунскій полкъ у Форбаха, спѣшенный, и ходилъ даже въ аттаку на пѣхоту Гольца. Кромѣ того часть конницы Фроссара (какъ видно изъ его рапорта) принимала участіе въ дѣлѣ, выѣзжая впередъ съ конною артиллеріею, а именно — въ центрѣ и на правомъ флангѣ.

Обращаюсь къ критическому разбору сраженія при Шпихернѣ. На сколько дѣло касается дѣйствій прусскихъ начальниковъ[3]), приходится замѣтить слѣдующее:

Прусскія войска очутились, 6 августа, у Саарбрюкена за р. Саарою, вопреки всякимъ предположеніямъ главной королевской квартиры, вслѣдствіе всеобщаго стремленія войскъ впередъ; и такъ генералъ Штейнмецъ распорядился еще 5 числа о занятіи этого города; принцъ Фридрихъ-Карлъ далъ подобное же приказаніе

---

[1]) Фроссаръ въ помянутомъ сочиненіи „рапортъ“, и т. д. опредѣляетъ силы своего корпуса подъ Форбахомъ въ 28.500 человѣкъ. Дѣйствительно едвали въ то время 2-ой корпусъ могъ быть вполнѣ укомплектованъ, коль скоро въ самый день боя оказалось еще въ Форбахѣ команда отпускныхъ (сражавшаяся противъ пруссаковъ), которая не попала еще къ своей части.

[2]) Стр. 307.

[3]) О дѣйствіяхъ французскихъ начальниковъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

6 числа рано утромъ; наконецъ генералъ Гебенъ, командиръ 8го корпуса, хотѣлъ было занять Саарбрюкенъ своимъ авангардомъ, замѣтивъ, что городъ оставленъ французами.

Однако занятіе переправы, брошенной непріятелемъ далеко не тоже, что аттака позиціи за нею, когда позиція эта еще неочищена. Всѣ переправы у Саарбрюкена, т. е. три моста, достались пруссакамъ безъ боя, и на первое время вполнѣ обезпечивались занятіемъ ими города и окаймляющей его высоты. Между тѣмъ начальникъ 14ой пѣхотной дивизіи, генералъ Камеке, не довольствуясь завладѣніемъ переправами, предпринялъ еще и аттаку Шпихернскихъ высотъ на той сторонѣ рѣки. Выше сказано, что Штейнмецъ дѣйствительно согласился, что можно аттаковать слабыя (яко бы) силы противника, прикрывающія, какъ предполагалось, посадку французовъ у Форбаха, но свѣдѣніе о томъ, будто на позиціи южнѣе Саарбрюкена находится незначительный отрядъ французовъ, Штейнмецъ почерпнулъ конечно у Камеке. Такимъ образомъ отвѣтственность за вступленіе въ дѣло остается за Камеке, которому командиръ корпуса Цастровъ предоставилъ „дѣйствовать по усмотрѣнію.“

Надо припомнить, что главное нѣмецкое начальство, собравъ на театрѣ войны вполнѣ надежный перевѣсъ силъ, всѣми мѣрами старалось избѣжать частнаго столкновенія, въ коемъ превосходство числа легко могло быть на сторонѣ противника. Основательныхъ причинъ дать сраженіе у Шпихерна не было у нѣмцевъ никакихъ. Опасеніе, что французы займутъ обратно покинутую ими позицію у Саарбрюкена, не выдерживаетъ критики. Если французы дѣйствительно оставили позицію, то они конечно знали почему именно; наступленіемъ же своимъ пруссаки могли только вызвать французовъ обратно, какъ и случилось на дѣлѣ. Если бы Фроссаръ хотѣлъ задержать противника на р. Саарѣ у Саарбрюкена, то для этого представлялась прекрасная позиція на высотахъ лѣваго берега отъ Сенъ-Арнуа до Оттенхаузенъ, въ которую входилъ и самъ гор. Саарбрюкенъ. Наконецъ, захваченные 14ою прусскою дивизіею мосты у Саарбрюкена, какъ уже сказано, достаточно прикрыты были высотами, южнѣе этого города находящимися, и не было надобности брать еще слѣдующій кряжъ высоть, на которомъ французы, видимо для нѣмцевъ, занимали мысъ Красную гору.

Кромѣ всего этого видно, что у Камеке, кромѣ первоначально предвзятой мысли, не было собственно свѣдѣній, что французы очистили позицію южнѣе Саарбрюкена, т. е. Шпихернскія высоты, или, что они тамъ дѣйствительно слабы, сравнительно съ силами Камеке, который завязалъ дѣло, имѣя въ началѣ на лицо всего

6 баталіоновъ. Напротивъ того, имѣлись многія указанія на то, что французы не бросили окончательно помянутой позиціи и что они находятся поблизости, въ значительныхъ силахъ, и такъ:

Камандиръ 9ій прусской бригады, генералъ Деринг, еще между 8 и 10 часами утра, видѣлъ на Шпихернскихъ высотахъ, за стрѣлковыми цѣпями французовъ, походныя ихъ колонны, которыя, повидимому, приближались отъ стороны Форбаха, т. е. не отступали, а напротивъ того какъ будто возвращались назадъ по направленію къ Саарбрюкену.

Части 5ій кавалерійской дивизіи, около 9 часовъ утра, въ окрестности Стирингъ-Венделя, попали подъ пушечный огонь и видѣли противъ себя 2 баталіона съ кавалеріею, и далѣе за Стирингъ-Вендель — лагерь французовъ. Другими прусскими разъѣздами раскрытъ лагерь французовъ у Форбаха [1]).

Начальникъ передовой кавалеріи 2ой арміи (5ая и 6ая кавалерійскія дивизіи), Рейнбабенъ, донесъ, правда, въ 11 часовъ изъ Саарбрюкена въ штабъ арміи: „Французы, занимающіе Шпихернскія высоты пѣхотою и артиллеріею, начинаютъ отступленіе“, но вслѣдъ затѣмъ немедленно онъ сообщилъ: „непріятельскія линіи развертываются на высотахъ по сю сторону Форбаха; 14ая пѣхотная дивизія прибыла, чтобы занять Саарбрюкенъ“ [2]).

Конечно, не всѣ эти свѣдѣнія могли своевременно, сами собою, дойти до Камеке, но его дѣло было идти имъ на встрѣчу; наконецъ, у него были и собственные три эскадрона кавалеріи для сколько нибудь основательной оріентировки, по меньшей мѣрѣ ранѣе аттаки, которую онъ началъ пополудни.

Если бы 14ою дивизіею собраны были надлежащія свѣдѣнія о противникѣ, то она не ввязалась бы въ бой безъ всякаго резерва, не зная могутъ ли подкрѣпленія прибыть къ ней вовремя. При малой наличности силъ Камеке, бой съ разу принялъ характеръ для нѣмцевъ критическій. По этому подкрѣпленія, какъ уже разъ замѣчено, по мѣрѣ прибытія, бросались немедленно въ бой — гдѣ оказывалось болѣе опасно. Настоящаго резерва вовсе нельзя было образовать, а потому невозможно было управлять ходомъ боя. Генералъ Штейнмецъ, прибывшій на мѣсто около 7 часовъ вечера, по этой именно причинѣ и не принялъ даже общаго начальства. Прусскія войска были совершенно перемѣшаны и разстроены, потери ихъ въ бою были вдвое больше противъ урона французовъ, такъ какъ плѣнныхъ пруссаки брали, главнымъ образомъ, подъ

---

[1]) Оффиціальная прусская исторія, стр. 299.
[2]) Тамъ-же, стр. 300.

конецъ сраженія, и даже на слѣдующій день. Французы отступили окончательно только по приказанію Фроссара. Приказаніе же отступать дано было имъ вслѣдствіе полнаго, по существу, бездѣйствія дивизій корпуса Базена, изъ коихъ двѣ не дали даже Фроссару знать о своемъ приближеніи, а третья, уже послѣ отступленія Фроссара, обѣщала свою помощь только на слѣдующій день. Вотъ это то бездѣйствіе французскихъ начальниковъ и спасло пруссаковъ отъ неминуемаго пораженія, которое, если и не въ матеріальномъ, то по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, могло вполнѣ уравновѣсить побѣду нѣмцевъ надъ Макъ-Магономъ, одержанную того-же 6 числа у Верта.

Въ заключеніе нельзя не признать, что распоряженія Штейнмеца, а главное — Камеке неуклонно вели часть прусской арміи къ столкновенію съ противникомъ, при условіяхъ возможно выгодныхъ для французовъ. Если пруссаки избѣжали пораженія, то это вовсе уже независѣло отъ нихъ самихъ, а единственно отъ французовъ.

Приведенныя выше замѣчанія могутъ показаться слишкомъ подробными, или, пожалуй, придирчивыми, но онѣ необходимы, чтобы тѣмъ болѣе рельефно оттѣнить приговоръ оффиціальной прусской исторіи не только оправдательный, но даже почти хвалебный. Въ помянутой исторіи [1]) говорится между прочимъ, что „наступленіе Камеке не шло въ разрѣзъ съ распоряженіями свыше, потому что направлено было противъ отступающаго противника. Въ подобномъ предположеніи 5 числа разрѣшенъ былъ генералу Штейнмецу переходъ р. Саары пониже Саарбрюкена [2]). Самостоятельныя дѣйствія генерала Камеке вполнѣ соотвѣтствуютъ германскому методу наступленія на непріятеля“.

Оффиціальная прусская исторія признаетъ впрочемъ возможность частной неудачи 14ой пѣхотной дивизіи, если бы она не была поддержана; но частная эта неудача, по мнѣнію помянутой исторіи, не имѣла бы вліянія на общій ходъ операцій. Однако подобному оптимистическому заключенію прусской исторіи можно противуставить весьма вѣское возраженіе, что не одна только дивизія Камеке, но всѣ вмѣстѣ прусскія силы, бывшія въ дѣлѣ у Саарбрюкена, должны были потерпѣть общее пораженіе, если бы

---

[1]) Т. 1, стр. 377.

[2]) Надо замѣтить, что разрѣшено перейти Саару „ниже Саарбрюкена“, такъ какъ было извѣстно, что непріятель совершенно оставилъ эту часть рѣки. Притомъ, какъ сказано въ предыдущей главѣ, Штейнмецъ получилъ эту телеграмму только утромъ 7 числа, слѣдовательно распоряженія свои на 6 число онъ дѣлалъ вполнѣ самостоятельно и на свою отвѣтственность.

*

дивизіи Базена исполнили свой долгъ своевременною поддержкою Фроссара. Этой очевидной истины прусская исторія въ расчетъ принять не желаетъ, хотя сама рельефно выказываетъ, и тѣмъ самымъ порицаетъ, дѣятельность помянутыхъ французскихъ дивизій. Обходя совершеннымъ молчаніемъ столь существенную эвентуальность, прусская исторія тѣмъ самымъ признаетъ, что начальникъ 14ой прусской дивизіи вовлекъ часть нѣмецкихъ силъ въ крайне рискованное дѣло, и что основательныхъ доказательствъ для оправданія его дѣйствій вовсе не представляется. Дѣйствительно, если нѣмецкое высшее начальство, точно разсчитавъ впередъ всѣ шансы и обстоятельства, собрало на театрѣ войны (какъ не разъ уже замѣчено) вполнѣ надежное превосходство силъ съ тѣмъ, чтобы наносить только вѣрные и рѣшительные удары, то всякое частное, разрозненное, невынужденное дѣло было само по себѣ ошибочно, а тѣмъ болѣе Шпихернское, какъ доказано выше, въ сущности совершенно безцѣльное и очевидно крайне рискованное.

Но дѣло вовсе не въ томъ. Эта неудачная защита прусскихъ военноначальниковъ со стороны оффиціальной исторіи, иными словами — со стороны высшаго прусскаго начальства, имѣетъ иное, весьма глубокое значеніе и не лишенное раціональнаго смысла основаніе. Защита эта, въ сущности, доказываетъ только какъ высоко нѣмецкое начальство цѣнитъ и поощряетъ въ частныхъ своихъ начальникахъ самостоятельную рѣшимость и смѣлую предпріимчивость. Прусское начальство, ради этого принципа, какъ видно, готово даже собственною отвѣтственностью покрыть промахи своихъ генераловъ, лишь бы не обезохотить послѣднихъ хотя бы и заслуженнымъ въ частномъ случаѣ порицаніемъ. Въ свою очередь, методъ этотъ покоится, видимо, на той полной увѣренности, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ смѣлый починъ со стороны частныхъ начальниковъ приведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Увѣренность же эта основана на томъ, что нѣмецкіе какъ старшіе, такъ и младшіе начальники, въ общемъ, вполнѣ владѣютъ своимъ дѣломъ и умѣютъ примѣнить его на практикѣ. Однимъ словомъ, что, по возможности, каждый тамъ на своемъ мѣстѣ „der rechte Mann — am rechten Platz“ (надлежащій человѣкъ — на должномъ мѣстѣ), какъ гласитъ нѣмецкая поговорка. Доказательства тутъ налицо. Если Шпихернское дѣло менѣе удачнымъ починомъ нѣкоторыхъ изъ частныхъ начальниковъ поставлено было на ложную почву (съ прусской точки зрѣнія), то промахи однихъ съ избыткомъ искуплены посильною самостоятельною дѣятельностью всѣхъ остальныхъ.

Мы видѣли, что генералъ Дерингъ по собственному почину, никого неспрашивая, двинулъ на помощь 14ой пѣхотной дивизіи свою бригаду отъ 5ой дивизіи, принадлежащей другой арміи. Начальникъ той-же 5ой дивизіи, генералъ Штюльпнагель, лично поспѣшилъ впередъ съ имѣвшимися у него подъ рукою эскадрономъ и батареею. Командиръ 3го корпуса распорядился, чтобы всѣ войска, которыя только могли поспѣть въ тотъ день, спѣшили на выручку пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ.

Когда командиръ 8го корпуса, обѣщавшій Камеке помощь въ случаѣ надобности, заслышавъ канонаду, отправился къ своей 16ой дивизіи, чтобы направить ее на мѣсто боя, то засталъ авангардъ ея уже готовящимся къ движенію на Саарбрюкенъ, по приказанію начальника дивизіи, генерала Барнекова.

Начальникъ авангарда 13ой дивизіи, генералъ Гольцъ, заслышавъ канонаду у Саарбрюкена, двинулся впередъ на Клейнъ-Россель (по пути на Форбахъ), откуда можно было дѣйствовать во флангъ и тылъ противнику. Командиръ 7го корпуса, генералъ Цастровъ, послалъ приказаніе и 13ой дивизіи: идти на непріятеля.

Наконецъ, даже двѣ батареи 1го корпуса, слѣдовавшія по желѣзной дорогѣ прямо съ мѣстъ своей мобилизаціи, долженствовавшія высадится у Фюнфкирхена, довезены по собственному требованію дальше и высажены у Саарбрюкена.

Однимъ словомъ, каждый дѣлалъ все, что было для него возможно. Но если вникнуть поглубже, то нельзя не признать, что Шпихернское дѣло было выиграно, въ сущности, смѣлымъ починомъ и распорядительностью младшихъ нѣмецкихъ начальниковъ, отъ бригаднаго до взводнаго включительно, независимо храбрости солдата. Дѣйствительно, только крайняя энергія, самоотверженіе, умѣніе и распорядительность офицеровъ, въ соединеніи съ рвеніемъ и необыкновенною цѣпкостью солдатъ, могли имѣть успѣхъ въ ожесточенныхъ лѣсныхъ бояхъ, веденныхъ безъ общаго руководства и безъ правильныхъ резервовъ, противъ стройно появляющагося противника — часто въ превосходныхъ силахъ. Какова должна была быть картина этого боя можно судить изъ того, что въ Гифертскомъ лѣсу, около 6 часовъ вечера, дѣйствовало $39^2/_3$ разновременно прибывшихъ и перемѣшавшихся прусскихъ ротъ отъ 5 разныхъ полковъ. Достаточно сказать, что даже самый подробный планъ сраженія, пріобщенный къ оффиціальной прусской исторіи войны, показывающій въ иныхъ мѣстахъ поименно даже отдѣльные взводы, не даетъ распредѣленія прусскихъ силъ въ Гифертскомъ лѣсу (въ 6 часовъ вечера) и довольствуется общею подписью: „$39^2/_3$ ротъ 12го, 39го, 40го, 48го и 14го пѣхотныхъ полковъ.“

Позволительно еще одно замѣчаніе.

Группировка германскихъ силъ на арміи 1ую и 2ую обусловливалась, конечно, мирнымъ квартированіемъ войскъ вошедшихъ въ составъ этихъ армій, а также и первоначальными различными задачами имъ предназначенными, а именно: 1ая армія, сформированная изъ войскъ квартировавшихъ ближайше къ границѣ, обезпечивала высадку и сборъ войскъ 2ой арміи. Но это дѣленіе оказалось уже невполнѣ удобнымъ при исполненіи слѣдующей операціи, а именно захвата линіи р. Саары.

Пруссакамъ вполнѣ извѣстно было, что за рѣкою, на пути Саарбрюкенъ—Мецъ, находится, такъ сказать, центръ тяжести французской арміи. Слѣдовательно, туда же надо было двинуть однородную большую массу, управляемую, возможно непосредственно, одною мыслью и одною волею. На дѣлѣ же вышло, что путь, на продолженіи коего пруссаки должны были ожидать силнѣйшаго сопротивленія непріятеля, былъ какъ-разъ раздѣльною линіею между двумя ихъ арміями. Правда, что дѣйствія этихъ отдѣльныхъ армій были, яко бы, согласованы управленіемъ королевской главной квартиры, но королевская квартира находилась въ то время далеко позади — въ Майнцѣ, совершенно внѣ сферы обѣихъ армій; положеніе, которое никакъ нельзя признать раціональнымъ.

V.

Французское начальство въ день Шпихернскаго боя 6 августа.

Французскіе начальники упустили вѣрную побѣду. Общія систематическія ошибки французскихъ начальниковъ. Характеристичный приказъ императора Наполеона III. Игнорированіе вообще первенствующаго значенія боя — въ совершенную противоположность нѣмцамъ. Вредная централизація управленія войсками на войнѣ съ мелочнымъ вмѣшательствомъ въ сферу обязанностей подчиненныхъ и упущеніемъ собственныхъ прямыхъ обязанностей. Неурядица отъ того происходящая. — Сношенія маршала Базена съ генераломъ Фроссаромъ въ день Шпихернскаго боя. Они не понимаютъ другъ друга, дѣйствуютъ врозь, легко относятся къ значенію боя. — Безплодныя похожденія генераловъ, направленныхъ Базеномъ для поддержки Фроссара. — Характеристическія свойства этихъ начальниковъ: полная пассивность, недостатокъ солидарности, исполненіе приказаній по буквѣ, а не по духу ихъ,

отсутствіе всякой самостоятельности мысли и воли. — Сравненіе французскихъ начальниковъ съ нѣмецкими; недостатки первыхъ — послѣдствіе общей неудовлетворительной системы.

(Чертежъ 3-й).

Сраженіе при Шпихернъ-Форбахъ разыгралось при такой общей современной обстановкѣ, которая, въ этомъ именно мѣстѣ въ день 6 августа, давала французамъ полную возможность собрать противъ нѣмцевъ значительно превосходныя силы и сулила имъ, слѣдовательно, вѣрную побѣду надъ частью арміи противника, не смотря на то, что нѣмцы, въ общемъ, на всемъ театрѣ войны были гораздо сильнѣе французовъ. Французы однако не воспользовались обстоятельствами, особо счастливо для нихъ сложившимися, и Шпихернскій бой, вмѣсто вѣрной побѣды, принесъ имъ крупную неудачу, дополнившую собою современное Вертское пораженіе до общей почти катастрофы.

Невольно спрашивается: какъ же все это могло случиться? Базенъ обвиняетъ Фроссара, Фроссаръ, въ свою очередь — Базена и подчиненныхъ послѣднему генераловъ. Если слушать доводы и оправданія всякаго изъ французскихъ начальниковъ, то окажется, что каждый въ отдѣльности правъ совершенно. Неужто правы всѣ вмѣстѣ въ то время, когда неопровержимо стоитъ фактъ, что французы потеряли сраженіе, которое непремѣнно должны были выиграть? По меньшей мѣрѣ, едва ли можно отрицать, что если бы нѣмецкіе начальники очутились въ положеніи французскихъ въ день 6 августа подъ Шпихерномъ, то, судя по характеру и дѣятельности выказанной нѣмцами въ томъ же дѣлѣ, противники ихъ неминуемо испытали бы крупное пораженіе.

Можно сказать, что въ смыслѣ научныхъ выводовъ обоюдныя дѣйствія нѣмецкихъ и французскихъ начальниковъ въ Шпихернскомъ дѣлѣ, да и вообще во всю описываемую кампанію, какъ будто дополняютъ другъ друга, представляя, съ одной стороны, образцы почти всегда положительные, а съ другой, едва ли не сплошь — отрицательные. А потому подробное изученіе дѣйствій французскихъ начальниковъ представляетъ большой научный интересъ; но за недостаткомъ матеріала подобное, достаточно точное изученіе за весь разбираемый тутъ періодъ войны представляетъ значительныя затрудненія. Однако Шпихернское дѣло въ этомъ отношеніи находится въ исключительно благопріятномъ положеніи. Оба главные въ немъ дѣятеля со стороны французовъ, Маршалъ Базенъ и генералъ Фроссаръ, сами, добровольно предстали предъ судъ науки описаніемъ своихъ дѣйствій въ печати.

Сочиненія ихъ, не смотря на нѣкоторую неясность, сбивчивость и неизбѣжную тенденціозность, представляютъ все таки весьма цѣнный матеріалъ (въ особенности въ видѣ приводимыхъ документовъ), по коему, въ извѣстной степени, возможно возстановить не только картину дѣйствій французскихъ начальниковъ въ день Шпихернскаго боя, но и вообще вывести общія заключенія о взглядахъ на дѣло и систему французскаго начальствованія.

Настоящее сочиненіе ставитъ себѣ задачею не осужденіе, а — науку; оно имѣетъ въ виду не отдѣльныя лица, а — принципы ими руководящіе. А потому описанію дѣйствій французскихъ начальниковъ, или, что къ сожалѣнію почти все равно, перечисленію ихъ ошибокъ и промаховъ, предпосылается общій очеркъ, или, вѣрнѣе, намекъ на ту обстановку, среди коей они воспитывались, и ту систему, подъ вліяніемъ коей они дѣйствовали. Этого требуетъ даже самое простое чувство справедливости. Судить кого бы то ни было можно только, такъ сказать, на основаніи обязательныхъ для него законовъ. Если законы эти по существу ложны, то дѣйствія къ нимъ приноровленныя, не будучи правильны съ абсолютной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе не подлежатъ осужденію. Виновны тутъ не отдѣльныя личности; истинная причина всѣхъ ошибокъ, промаховъ и упущеній французскихъ частныхъ начальниковъ кроется въ укоренившихся, идущихъ свыше, ложныхъ взглядахъ на дѣло, въ подневольныхъ привычкахъ, принявшихъ характеръ вполнѣ законченной и общеобязательной системы. Вотъ главнѣйшіе плоды и проявленія этой системы:

1) игнорированіе первенствующаго значенія боя, какъ главнаго, чтобы не сказать единственнаго фактора войны;

2) теоретическая (принципіальная) централизація начальствованія на войнѣ, недопускающая никакой самостоятельности мысли и воли въ частныхъ начальникахъ. Полное при этомъ пренебреженіе всякаго твердаго органическаго порядка при распредѣленіи и исполненіи начальствованія надъ большими массами войскъ;

3) полное обезличеніе частныхъ начальниковъ, какъ плодъ излишней централизаціи;

4) полная инертность частныхъ начальниковъ (плодъ обезличенія), всегда выжидающая толчка извнѣ;

5) совершенное неумѣніе и невозможность пользоваться конницею, для раціональныхъ развѣдокъ и освѣщенія — послѣдствіе инертности частныхъ начальниковъ;

6) хожденіе ощупью, въ зависимости отъ всякаго толка и слуховъ, за недостаткомъ свѣдѣній о противникѣ;

7) полное во всемъ подчиненіе почину противника, за отсутствіемъ собственной воли, убитой излишнею централизаціею.

Все это, не только вполнѣ рельефно выказывается само собою при изученіи кампаніи 1870 г. вообще, но достаточно ясно обрисовывается хотя бы однимъ Шпихернскимъ дѣломъ.

Расположеніе Мецской арміи французовъ, въ коемъ застигли ихъ событія 6 августа, основывалось на диспозиціи императора Наполеона слѣдующаго содержанія: [1])

„Приказъ.“

августа 1870. „Всегда надо ожидать со стороны непріятеля дѣйствій самыхъ разумныхъ. Въ англійскихъ журналахъ значится, что генералъ Штейнмецъ занимаетъ центральную позицію между Саарбрюкеномъ и Саарлюи; онъ поддерживается сзади корпусомъ принца Фридриха-Карла, а слѣва онъ соединяется съ арміею наслѣднаго принца, который находится въ Рейнской Баваріи.“

„Цѣль ихъ идти прямо на Нанси.“

„Вслѣдствіе чего желаю, чтобы войска заняли слѣдующее положеніе:

Четвертый корпусъ „Генералу Лямиро имѣть штабъ-квартиру въ Буле, одну дивизію — въ Бушпорнѣ, а третью — въ Тетершанѣ“

Третій корпусъ „Маршалу Базену имѣть штабъ-квартиру въ Сенъ-Аволь, одну дивизію — въ Маріенталѣ, третью — въ Пютелянжѣ, четвертую расположить по усмотрѣнію маршала или впереди, или позади этихъ дивизій.“

„Генералу Фроссару оставаться въ нынѣшнемъ расположеніи.“

Пятый корпусъ „Генералу Фальи отправиться въ Бичъ, чтобы соединиться съ дивизіею, которая уже тамъ находится; эти двѣ дивизіи будутъ подчинены маршалу Макъ-Магону, та (дивизія) которая въ Сааргеминѣ войдетъ въ связь съ дивизіею въ Пютелянжѣ и подчиняется маршалу Базену.“

Резервная дивизія генерала Фортона „Кавалерійской дивизіи, которая находится въ Понтъ-а-Муссонѣ, перейти въ Фолькемонъ.“

Шестой корпусъ „Генералъ Канроберъ будетъ въ Нанси съ тремя дивизіями.“

„Подразумѣвается, что та дивизія, которую Лямиро пошлетъ въ Бушпорнъ, отправится туда только въ теченіе 6 сего мѣсяца.“

(подп.) „Наполеонъ“ [2]).

Къ этому приказу, Базенъ вечеромъ того же 4 числа получилъ дополнительную телеграмму императора слѣдующаго содержанія:

„Завтра, 5 числа, направьте дивизію Дэкана въ Сенъ-Аволь, гдѣ будетъ ваша штабъ-квартира и резервы; направьте дивизію Метмана въ Маріенталь, дивизію Монтодона въ Сааргеминъ, а дивизію Кастиньи въ Пютелянжъ.“

(подп.) „Наполеонъ.“

---

[1]) Базенъ, стр. 20.

[2]) Упоминаемыя въ этомъ приказѣ названія пишутся: Boucheporn. Téterchen (нѣмецкій выговоръ Тетерхенъ). Marienthal, Puttelange (нѣм. выг. Путелянге). Pont à Mousson, Folquemont, Decaen, Metman, Montaudon, Castygny.

Одинъ этотъ приказъ съ телеграммою Наполеона III самъ по себѣ обрисовываетъ всю систему французскаго командованія, взгляда на сущность войны, наконецъ — подготовку и приведеніе въ исполненіе стратегическихъ операцій. Свѣдѣнія о противникѣ, который черезъ день уже перешагнулъ границу, почерпнуты изъ иностранныхъ, англійскихъ газетъ. Планъ противника, „самый разумный,“ какъ значится, опредѣленъ просто движеніемъ на Нанси безъ всякаго соотношенія къ французской арміи, которая преграждала предполагаемый путь нѣмцевъ. Вся несообразность подобнаго взгляда французскаго начальства на планы и виды нѣмцевъ, да и вообще на самую суть войны, ярко обрисовывается, если вспомнить, что еще въ мемуарѣ своемъ (зимою 1868 г.) генералъ Мольтке предметомъ дѣйствій для нѣмецкихъ армій, по ихъ сосредоточеніи, опредѣлилъ главныя силы французовъ, выражаясь, что первая задача нѣмцевъ будетъ „отыскать главныя силы противника и разбить ихъ“. Нѣмецкій стратегъ имѣлъ, слѣдовательно, въ виду прямо бой, съ цѣлью уничтоженія главныхъ силъ противника, а французскій главнокомандующій считаетъ „самымъ разумнымъ“ для нѣмцевъ какое то движеніе въ пространство, хотя бы къ Нанси, вовсе не опредѣляя его цѣли и значенія по отношенію французскихъ армій, какъ будто суть войны состоитъ въ хожденіи, а не въ боѣ.

Въ томъ же приказѣ видимъ далѣе, что французскій главнокомандующій, императоръ Наполеонъ, вовсе не высказывается на счетъ своихъ видовъ и намѣреній. Самъ онъ распредѣляетъ отдѣльныя дивизіи, частью даже поименно, обходя такимъ образомъ распорядительность командировъ корпусовъ. Поэтому никто не знаетъ зачѣмъ направленъ такъ, а не иначе? чего собственно отъ него требуютъ, или ожидаютъ? Понятно, что въ подобномъ положеніи всякому остается, такъ сказать, сложа руки, въ бездѣйствіи выжидать: что будетъ дальше? ожидая для слѣдующей дѣятельности новаго толчка отъ начальства, или, пожалуй, отъ непріятеля.

Взгляды и дѣйствія нѣмцевъ въ этихъ случаяхъ были діаметрально противуположны французскимъ. У нѣмцевъ частнымъ начальникамъ опредѣлялась цѣль и давались общія указанія, совершенно предоставляя имъ исполненіе подробностей [1]). У французовъ же, наоборотъ, высшій начальникъ распоряжался подробностями, скрывая отъ подчиненныхъ свои, даже самые ближайшіе виды и цѣли.

[1]) Мы видѣли впрочемъ, что именно въ эпоху, предшествовавшую Шпихернскому бою, главное прусское начальство далеко не вполнѣ объяснилось съ командиромъ 1 арміи, послѣдствіемъ чего и было сраженіе при весьма невыгодныхъ для нѣмцевъ условіяхъ.

Главное нѣмецкое начальство расчитывало на знаніе и самостоятельную дѣятельность частныхъ начальниковъ. Французское же, наоборотъ, теоретически, такъ сказать (потому что въ практикѣ это неисполнимо), стремилось къ тому, чтобы самому распоряжаться всѣмъ, вездѣ и всегда. Исходъ сраженія при Шпихернѣ даетъ на дѣлѣ наглядную, разительную оцѣнку каждой изъ этихъ системъ.

Если бы кампанія 1870 г. не представляла многихъ другихъ данныхъ, то одни обстоятельства, сопровождавшія Шпихернское дѣло, или пожалуй даже одни приведенныя выше распоряженія императора Наполеона III были бы достаточны, чтобы доказать, что принципъ совершенной централизаціи, проведенной до послѣдней консеквенціи въ гражданскомъ и политическомъ устройствѣ Франціи а также во всѣхъ ея военныхъ учрежденіяхъ въ мирное время, былъ цѣликомъ перенесенъ и на театръ войны, со всѣми пагубными его послѣдствіями.

Чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ идея безусловной централизаціи проникла въ плоть и кровь французовъ, достаточно указать на то, что маршалъ Базенъ, въ помянутомъ сочиненіи своемъ, изданномъ только въ 1883 году, жалуется на Лямиро, командира 4го корпуса, за то, что послѣдній ослушался приказа императора отъ 4 августа. Ослушаніе это состояло въ томъ, что Лямиро, на основаніи добытыхъ имъ свѣдѣній о непріятелѣ, на собственную отвѣтственность осмѣлился передвинуть одну дивизію, не испросивъ предварительнаго на то разрѣшенія. Причемъ надо замѣтить, что допущенное Лямиро измѣненіе было самое несущественное перенесеніе ночлежнаго пункта одной дивизіи на нѣсколько верстъ; притомъ оно не имѣло, да и безусловно ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть, малѣйшихъ вредныхъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе Базенъ по этому поводу говоритъ: „подобный неправильный способъ дѣйствій часто представляется въ теченіе этой кампаніи и долженъ быть признанъ одною изъ причинъ тяжелыхъ неудачъ испытанныхъ французами“ [1]).

Интересно, что тотъ-же Базенъ весьма строго относится къ системѣ излишней централизаціи, примѣненной къ мирному управленію французскою арміею. Эта централизація дошла до того, что части войскъ все нужное имъ до полной военной готовности должны были получить только въ самый моментъ мобилизаціи. Базенъ воочію видѣлъ всѣ неудобства, путаницу и значительныя проволочки во времени, происшедшія отъ этой централи-

[1]) Базенъ, стр. 22.

заціи, а потому порицаетъ ее по всей справедливости. Однако Базенъ, въ теченіе 13 лѣтъ, послѣ жестокихъ уроковъ 1870 года, еще не успѣлъ додуматься и понять, какой громадный вредъ принесло Франціи ложное убѣжденіе, что можно централизовать мысль и волю частныхъ начальниковъ арміи въ одной мысли и волѣ старшаго начальника, не принимая въ расчетъ пространства, времени, возможныхъ случайностей и даже самостоятельныхъ дѣйствій противника, такъ или иначе требующихъ и самостоятельныхъ рѣшеній со стороны частныхъ начальниковъ. По мнѣнію, высказываемому неоднократно Базеномъ, на все долженъ быть приказъ, или по крайней мѣрѣ разрѣшеніе.

Совершенно обратный взглядъ на дѣло завѣщалъ французамъ геніальный вождь ихъ, великій военный практикъ, императоръ Наполеонъ I. Вотъ что говоритъ онъ по этому предмету:

„Въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, сверху должно давать только общее направленіе, только ставятся цѣли; средства же къ ихъ достиженію должны быть предоставлены свободному выбору исполнителей, иначе успѣхъ немыслимъ“.

Мысль, что частную самостоятельность и распорядительность можно замѣнить управленіемъ свыше, хотя бы и самымъ раціональнымъ, совершенная фикція. Проводить ее на практикѣ, т. е. водить подчиненныхъ начальниковъ на помочахъ, двигать войска какъ шашки, можно развѣ въ извѣстной мѣрѣ, въ болѣе спокойные, нерѣшительные, такъ сказать, лѣнивые періоды кампаніи; но коль скоро настанетъ періодъ скоротечнаго кризиса, то волею неволею придется отпустить поводья, предоставивъ всякому распорядиться какъ онъ самъ знаетъ и умѣетъ, сообразно ближайшей современной обстановкѣ, въ предѣлахъ, большею частью, только самыхъ общихъ свыше указаній. За примѣрами ходить не далеко; они приведены въ дальнѣйшемъ разборѣ распоряженій французскихъ начальниковъ въ день Шпихернскаго боя. Исторія Шпихернскаго дня показываетъ, что Базенъ, укоряющій Лямиро за несущественную перестановку одной дивизіи на одинъ ночлегъ, тотъ самый Базенъ не только вынужденъ былъ предоставить Фроссару рѣшеніе судьбы дня, но даже не съумѣлъ съ нимъ обмѣняться самыми общими взглядами на дѣло и условиться, что дѣлать и что предпринимать. Предоставивъ въ сущности Фроссару распоряжаться какъ самъ знаетъ и умѣетъ, Базенъ не потребовалъ даже категорическаго увѣдомленія о видахъ и предположеніяхъ подчиненнаго ему генерала, для того, чтобы согласовать съ ними свои дальнѣйшія распоряженія.

Спрашивается за симъ, мыслимо ли держаться такой системы, отъ которой приходится отказываться именно въ самыя горячія и рѣшительныя минуты, включающія въ себѣ самую суть войны, когда безповоротно рѣшается ея участь? А съ другой стороны, возможно ли себѣ представить, чтобы тотъ, кого годами и десятками лѣтъ водили на помочахъ, чтобы нравственно спеленатый, безъ возможности проявленія собственной мысли и воли, возможно ли, повторяю, допустить, чтобы человѣкъ такъ воспитанный, вдругъ въ моментъ кризиса переродился почти мгновенно и сталъ на высотѣ серіозной минуты? А эта скоротечная минута не ждетъ; она, подобно баснословному Сфинксу, грозно и безотлагательно требуетъ точнаго отвѣта на заданный вопросъ. Какой же отвѣтъ дастъ тогда Сфинксу войны злосчастный начальникъ? Найдетъ ли вѣрную разгадку подобно Эдиповой „человѣкъ,“ тотъ кто, самъ обезличенный и лишенный воли, потерялъ уже права и свойства цѣльнаго человѣка? Конечно нѣтъ! Онъ или будетъ медлить рѣшеніемъ, теряя время въ раздуміи и совѣщаніяхъ, или же бездѣйствовать, въ ожиданіи приказаній свыше; а между тѣмъ починъ дѣла, а съ нимъ вмѣстѣ вѣроятность успѣха, непремѣнно перейдутъ на сторону непріятеля. Объ этомъ сказалъ еще Кляузевицъ: „самое худшее рѣшеніе на войнѣ то, если начальникъ ни на что не рѣшается“.

Не лучше Базена дѣйствовалъ и самъ верховный вождь французскихъ силъ, императоръ Наполеонъ III, и начальникъ главнаго его штаба, маршалъ Ле-Бефъ. Рано утромъ 6 числа (въ 4 часа 40 минутъ) Ле-Бефъ, предваряя Фроссара, телеграфировалъ: „Готовьтесь противъ серіозной аттаки, которая можетъ послѣдовать еще сегодня. Оставайтесь при войскахъ и не пріѣзжайте къ императору“. Но за симъ не давалось Фроссару никакихъ, даже самихъ общихъ указаній: желательно ли, съ точки зрѣнія цѣльности и связи операцій, чтобы Фроссаръ припялъ аттаку, или же, наоборотъ, чтобы онъ уклонился отъ боя. Въ первомъ случаѣ слѣдовало выразить это ясно, а въ послѣднемъ — позаботиться о поддержкѣ Фроссара, такъ какъ никогда нельзя знать впередъ сколько силъ введетъ въ дѣло противникъ. Но ни того, ни другаго сдѣлано не было. И, на сколько можно судить, даже свѣдѣніе, переданное Ле-Бефомъ Фроссару, подчиненному Базена, не было сообщено послѣднему. Такимъ образомъ игнорировался и нарушался органическій порядокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не обращено малѣйшаго вниманія на серіозное значеніе всякаго возможнаго боя.

Такія важныя упущенія со стороны какъ императора Наполеона III, такъ и маршала Базена, и есть прямое послѣдствіе ме-

лочно-деспотическихъ привычекъ и воззрѣній. Оба они совершенно опускаютъ руки съ той минуты, какъ имъ нельзя было распоряжаться излишними подробностями, или, просто сказать,—мелочами, вмѣшиваясь въ законный кругъ дѣйствій подчиненнаго начальника. Командиръ передовой арміи, маршалъ Базенъ, такъ ревниво оберегающій свою власть и мнимыя права распоряжаться всякими мелочами въ обыденное время войны, теперь, въ опасную минуту боеваго кризиса, совершенно упускаетъ общее управленіе и общую послѣдовательность всего дѣла, т. е. отказывается въ сущности отъ своей роли руководители арміи.

Съ другой стороны, надо признать, что роль главнаго руководителя передовой арміи (корпуса 2ой, 3ій и 4ый) не легка была и для Базена, въ виду постояннаго вмѣшательства императора Наполеона. Императоръ, не ограничиваясь указаніями Базену, которыя стѣсняли свободу, мысли и послѣдовательность распоряженій маршала, давалъ даже непосредственныя приказанія подчиненнымъ Базену генераламъ. Такъ, между прочимъ, императоръ телеграфировалъ Базену 6 числа въ 8 часовъ 20 минутъ вечера:

„Непріятель направляется такъ, чтобы раздѣлить васъ съ генераломъ Фроссаромъ; притяните къ себѣ весь корпусъ генерала Лямиро. Покровительствуйте, если нужно, отступленію генерала Фроссара и войскъ, находящихся въ Сааргеминъ, къ пункту, находящемуся позади, который по моему будетъ Пютелянжъ. Гвардія должна быть на полупути изъ Курселя въ Сенъ-Аволь“ [1]).

Базенъ, донося императору, въ тотъ-же день въ 10 часовъ вечера, упомянулъ между прочимъ, что онъ, согласно инструкціи императора, призвалъ къ себѣ корпусъ Лямиро. Между тѣмъ Лямиро рано утромъ 7 числа доноситъ Базену:

„Ваше превосходительство прислали мнѣ ночью приказаніе, въ депешѣ помѣченной 6 числомъ, чтобы я съ тремя дивизіями моего корпуса направился въ Сенъ-Аволь. Депеша получена мною въ три часа утра; она по всей вѣроятности отправлена до полуночи.“

„Сегодня, 7 числа, я въ $4^1/_4$ часа утра получилъ телеграмму изъ Меца слѣдующаго содержанія:“

„Отступайте на Мецъ, собравъ всѣ ваши дивизіи“.

„Наполеонъ“.

„Приказаніе это есть послѣднее изъ мною полученныхъ, а потому я долженъ ему повиноваться“.

---

[1]) Базенъ, стр. 29.

„Я отдалъ уже приказанія въ этихъ видахъ и сегодня, 7 августа, мои три дивизіи займутъ расположеніе у Буле".

Базенъ съ своей стороны добавляетъ, что о перемѣнѣ назначенія подчиненнаго Базену корпуса Лямиро ему ничего даже сообщено не было [1]). Разъяснить, хотя далеко не извинить, можно это новое распоряженіе главнаго французскаго начальства громовымъ извѣстіемъ о Вертскомъ пораженіи, дополнившемъ собою Шпихернскую неудачу до полной почти катастрофы.

Систематическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, неравномѣрное и, какъ будто, капризное вмѣшательно старшаго французскаго начальства въ кругъ дѣйствій подчиненныхъ начальниковъ, часто даже съ обходомъ іерархическаго порядка, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ концѣ концовъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, никто не зналъ навѣрное, самому ли распорядиться, или ждать приказаній? Никто въ сущности не былъ увѣренъ кого ему слушаться и кому приказывать?

И такъ Базенъ говоритъ, что въ день 6 августа, неизвѣстно по чьему приказанію, оказались снятыми телеграфныя станціи въ мѣстахъ нахожденія дивизій его корпуса, а именно въ Маріенталѣ и Пютеляпжѣ, отчего передаваемыя туда приказанія запаздывали.

Совершенно обратное произошло съ Саарбрюкенскими мостами, въ томъ числѣ съ желѣзнодорожнымъ, и съ самою желѣзною дорогою, ведущею къ Мецу. Тутъ, видимо, никто не счелъ себя обязаннымъ, или вправѣ, распорядиться ихъ уничтоженіемъ, а между тѣмъ мосты эти не только служили пруссакамъ въ день Шпихернскаго боя, но послѣднимъ предоставлялась даже возможность немедленнаго возобновленія желѣзно-дорожнаго движенія, для всякихъ подвозовъ вслѣдъ за наступающею ихъ арміею. Между прочимъ, по этой желѣзной дорогѣ подвезены были и войска 2го прусскаго корпуса, который, только благодаря этому обстоятельству, могъ поспѣть еще вовремя, чтобы принять участіе въ бою 18 августа подъ Гравелётомъ.

Наконецъ, понтонный паркъ, подвезенный въ Форбахъ (въ виду наступленія 2 августа) безъ запряжки, попался тамъ пруссакамъ по взятіи ими этого пункта 7 августа. Никто изъ французскихъ начальниковъ не считалъ себя обязаннымъ распорядиться о запряжкѣ этого парка, или хоть о своевременномъ обезпеченіи, не смотря на то, что наступательныя намѣренія были уже оставлены французами и постановлено такъ называемое сосредоточеніе назадъ.

---

[1]) Базенъ, стр. 30.

Таковы были послѣдствія французской системы въ частностяхъ. Посмотримъ какъ онѣ выразились въ крупномъ событіи, т. е. въ Шпихернскомъ боѣ.

Въ 6 часовъ утра 6 августа маршалъ Базенъ предварялъ генерала Фроссара:

„Начальникъ штаба 1ой дивизіи 3го корпуса, которая не можетъ быть еще вся въ Сааргеминъ, доноситъ мнѣ, что онъ ожидаетъ аттаки. Съ другой стороны подпрефектъ Сааргемина доноситъ, что телеграфная проволока и рельсовый путь прерваны у Блисбрюкена по пути въ Бичъ."

„Требую болѣе подробныхъ свѣдѣній."

„Если непріятель дѣйствительно произведетъ серіозное наступленіе на Сааргеминъ, то нужно будетъ дивизію изъ Шпихерна направить въ Гросблидерсдорфъ" [1]).

Не видно когда именно Фроссаръ получилъ эту телеграмму; но въ 9 часовъ 10 минутъ утра онъ сообщилъ маршалу, какъ будто въ отвѣтъ:

„Слышу канонаду на моихъ аванпостахъ и отправляюсь туда. Не будетъ-ли хорошо, если дивизія Монтодона пошлетъ одну бригаду къ Гросблидерсдорфъ и чтобы дивизія Дэкана пошла впередъ на Мерлебахъ и Росбрюкъ" (Merlebach, Rossbrück) [2]).

Изъ этой телеграммы видно, что Фроссаръ не только не хотѣлъ ослабить себя, но онъ, напротивъ того, предлагалъ послать въ Гросблидерсдорфъ бригаду отъ дивизіи Монтодона 3го корпуса поближе къ Шпихерну, а поближе къ Форбаху (верстъ 4—5) дивизію Дэкана тоже 3го корпуса. Часъ спустя Фроссаръ доносилъ дополнительно:

„Непріятель съ высотъ Саарбрюкена спустилъ противъ насъ сильные рекогносцировочные отряды пѣхоты и кавалеріи, но не проявляетъ еще движенія для аттаки. Мы приняли мѣры на плято и по дорогѣ. Я не поѣду на станцію Сенъ-Аволь" [3]).

Далѣе, черезъ полчаса, а именно въ 10 часовъ 40 минутъ, Фроссаръ телеграфируетъ Базену: [4])

„Меня предупреждаютъ, что непріятель показался въ Росбрюкъ и Мерлебахъ т. е. позади меня" (на полъ-пути между Форбахомъ и Сенъ-Аволь). „У васъ вѣроятно тамъ есть войска."

---

[1]) Базенъ, стр. 21. Тутъ говорится о дивизіи Монтодона, которая подходила въ то время къ Сааргемюнду (Сааргеминъ). Гросблидерсдорфъ (Gross-Bliedersdorf) Базенъ пишетъ Grossbliederstroff.

[2]) Фроссаръ, стр. 37.

[3]) Базенъ, стр. 23.

[4]) тамъ же, стр. 24.

На всѣ эти телеграммы маршалъ отвѣчалъ Фроссару, въ 11 часовъ 15 минутъ утра:

„Хотя у меня подъ рукою мало войскъ, чтобы держать Сенъ-Аволь, я приказалъ идти дивизіи Метмана“ (изъ Маріенталя) „къ Махеренъ и Бенингъ“ (послѣднее верстъ 9 не доходя Форбаха), „дивизіи Кастиньи“ (изъ Пютелянжъ) „къ Фэршвилеръ и Тедингъ“ (послѣднее верстъ 9 не доходя Форбаха и версты на 3 восточнѣе Бенингъ); „больше сдѣлать не могу; но такъ какъ у васъ три дивизіи въ сборѣ, то мнѣ кажется, что та, которая у Этингена, легко можетъ послать бригаду и болѣе къ Морсбахъ, чтобы наблюдать за Росбрухомъ, то есть дорогу идущую черезъ Эмерсвейлеръ и Гросъ-Россель въ Саарлюи. Къ сожалѣнію линія наша, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ, очень топка, и если это движеніе въ дѣйствительности такъ серіозно, то мы сдѣлаемъ хорошо, сосредоточившись на Каленбронской позиціи. Держите меня въ извѣстности“ [1]).

Пунктъ Росбрюкъ или Росбрухъ, о которомъ тутъ говорится, лежитъ, въ разстояніи всего верстъ 3—4 отъ Форбаха (Морсбахъ еще ближе), на желѣзной дорогѣ и шоссе ведущихъ отъ Форбаха въ Сенъ-Аволь, т. е. по прямому пути отступленія Фроссара къ Мецу. Свѣдѣнія (ложныя) о появленіи тамъ нѣмцевъ видимо озаботили обоихъ французскихъ начальниковъ. Фроссаръ говоритъ Базену: „вѣроятно у васъ тамъ есть войска“, полагая, что дѣло Базена прикрыть тылъ 2го корпуса, а Базенъ, въ свою очередь, указываетъ, что Фроссаръ можетъ послать туда войска изъ Этингена (версты 3—4 къ сѣверо-востоку отъ Морсбаха), и намекаетъ на отступленіе на Каленбронскую позицію.

Вся эта безполезная тревога произошла оттого, что Фроссаръ, бывшій на позиціи у Саарбрюкена уже со 2 числа августа, вовсе не позаботился объ освѣщеніи своего лѣваго фланга кавалерійскими постами и разъѣздами, хотя бы до Людвейлера и Вердена (Ludweiler, Wehrden), на разстояніи какихъ либо 5—6 верстъ отъ Форбаха, а между тѣмъ Фроссаръ, при описаніи Шпихернскаго сраженія, почти жалуется на то, что у него было конницы болѣе чѣмъ нужно; на этомъ основаніи онъ въ теченіе дѣла даже отослалъ обратно присланную Базеномъ драгунскую бригаду Жюняка, которая въ 4 часа дня прибыла къ Форбаху.

Вообще дѣло освѣщенія конницею было у французовъ до того слабо, что просто тяжело и совѣстно раскрывать всѣ эти хроническія, такъ сказать, несообразности. Надо впрочемъ замѣтить,

[1]) Фроссаръ, стр. 39.

что вѣроятно многое было бы лучше, если бы при французскихъ дивизіяхъ постоянно находились особыя, достаточно сильныя части конницы, какъ это было у нѣмцевъ. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ невозможно допустить, чтобы генералъ Вержѐ, занимая своею дивизіею Форбахъ и Стирингъ-Вендель, не позаботился освѣтить лѣсъ находившійся на его лѣвомъ флангѣ, если бы въ распоряженіи его была конница, которой онъ могъ дѣйствительно приказывать, какъ прямой и постоянный начальникъ [1]). А если бы Вержѐ освѣтилъ наружный флангъ своей дивизіи, то онъ тѣмъ самымъ обезпечилъ бы и весь корпусъ Фроссара отъ всякихъ неожиданностей съ этой, самой опасной для французовъ стороны, съ которой дѣйствительно и подошли прусскія войска подъ начальствомъ Гольца и Глюмера, хотя не къ Морсбаху и Росбруху, какъ опасались Базенъ и Фроссаръ, а непосредственно — къ Форбаху.

Возвращаясь къ телеграммамъ, обмѣненнымъ между Базеномъ и Фроссаромъ, видимъ, что пока, до 11 часовъ, распоряженія и соображенія имѣютъ характеръ только предварительный, причемъ нельзя не признать, что Базенъ, по первому-же извѣщенію Фроссара, отвѣтилъ, сообщая свои по этому случаю распоряженія. Распоряженія маршала Базена клонились къ тому, чтобы пододвинуть поближе къ Форбаху двѣ дивизіи 3го корпуса, головы коихъ, достигнувъ — дивизія Метмана Бенинга, а дивизія Кастиньи — Тединга, очутились бы всего версты 3—4 одна отъ другой и верстъ 8—9 недоходя Форбаха. Въ случаѣ, если бы сраженіе разыгралось въ дѣйствительности, то дивизіи Кастаньи и Метманъ могли подойти еще ближе и образовать спльный резервъ для Фроссара. Такъ это повидимому и понялъ послѣдній и на этомъ основаніи, быть можетъ, позволилъ втянуть себя въ дѣло. Базенъ съ своей стороны, намекая на сосредоточеніе, т. е. отступленіе на Каленбронскую позицію, „въ случаѣ если движеніе непріятеля дѣйствительно серіозно“, считалъ, кажется, свои дивизіи только въ видѣ „репли“ для корпуса Фроссара, или, вѣрнѣе, сильнаго обезпеченія лѣваго фланга Каленбронской позиціи.

Капитальная разница въ воззрѣніяхъ Базена и Фроссара, имѣвшая самое рѣшительное, пагубное вліяніе на плачевный для французовъ исходъ Шпихернскаго дѣла, такъ и не была разъяснена достаточно своевременно. По крайней мѣрѣ, въ сочиненіяхъ Базена и Фроссара не видно, чтобы по этому поводу послѣдовалъ какой либо обмѣнъ мнѣній, окончательно разъясняющій это ро-

---

[1]) Въ сочиненіи Фроссара есть слѣдъ, что въ день боя одинъ изъ конныхъ полковъ распредѣленъ былъ по тремъ пѣхотнымъ дивизіямъ корпуса.

ковое недоразумѣніе. Впрочемъ, Фроссаръ, сообщая Базену о ходѣ событій, между прочимъ, должно быть нѣсколько ранѣе 2 часовъ, доносилъ, что онъ „сильно ввязался въ дѣло какъ вдоль дороги, такъ и въ лѣсахъ и на Шпихернскихъ высотахъ“, и что „разыгралось настоящее сраженіе“ [1]).

Базенъ отвѣчалъ въ 2 часа по подудни: „Направляю Монтодона къ Гросблидерсдорфъ. Драгунская бригада идетъ къ Форбаху“ [2]).

Одновременно маршалъ доносилъ императору:

„Въ дополненіе моей полуденной депеши, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: одна драгунская бригада въ Го-Гомбуръ, генералъ Метманъ направляется съ одною бригадою къ Бетингъ-Сенъ-Аволь“ (болѣе версты западнѣе Бенинга), „его другая бригада къ Махернъ и Митенбергъ. Генералъ Кастаньи направитъ одну бригаду на позицію у Тедингъ, лѣвѣе Каленброна, и поддержитъ ее направляясь лично съ другою къ Фэршвилеръ. Генералъ Монтодонъ идетъ на Рулингъ и Гросблидерсдорфъ, предоставивъ охрану Сааргемина бригадѣ Ляпассе 5го корпуса, которая тамъ находилась“.

„Утреннія развѣдки ничего не открыли; однако, когда я направился на дорогу Корленъ“ (Corling) „осмотрѣть аванпосты 85го полка, то конными ведетами сдѣлано по насъ нѣсколько выстрѣловъ“.

„Буду доносить Вашему Величеству“ [3]).

Эта телеграмма ясно показываетъ, что распоряженія Базена клонились главнымъ образомъ къ тому, чтобы принять на себя 2ой корпусъ, въ случаѣ отступленія Фроссара на Каленбронскую позицію, а вовсе не къ поддержкѣ послѣдняго въ бою, впереди Форбаха. Такимъ образомъ обмѣнъ депешъ между Фроссаромъ и Базеномъ, до втораго часа (примѣрно), не привелъ къ уясненію самаго главнаго и основнаго вопроса. Увлекаясь каждый порознь своими только мыслями, Базенъ и Фроссаръ какъ будто не задавались вовсе вопросомъ: что собственно думаетъ и предпринимаетъ другой? Поэтому неудивительно, что взгляды ихъ на дѣло вовсе не выяснились, и за симъ, съ одной стороны: Фроссаръ ввязывается въ упорное сраженіе, въ которое постепенно вводитъ всѣ свои резервы, продолжая бой до самой ночи, а Базенъ, съ другой стороны, готовитъ Фроссару, въ сущности, только репли на случай дневнаго еще отступленія.

---

[1]) Фроссаръ, стр. 43.
[2]) Базенъ, стр. 28.
[3]) Базенъ, стр. 26. Употребленныя тутъ названія пишутся: Haut-Hombourg, Betting-les St. Avold, Theding, Foerschwiller.

При подобной обстановкѣ, Фроссару приходилось теперь или одержать побѣду впереди Форбаха собственными силами, или же — быть разбитымъ. Но и самъ Фроссаръ дѣйствовалъ такъ, какъ будто не совсѣмъ ясно давалъ себѣ отчетъ въ томъ, чего онъ собственно желалъ и что предпринимаетъ? Онъ, правда, упирался на своихъ позиціяхъ, можно сказать, повинуясь закону инерціи, но во всемъ прочемъ заранѣе предалъ себя почину противника. Дѣло въ томъ, что ни Фроссаръ, ни Базенъ не уяснили себѣ стратегическаго значенія загоравшагося боя и, кромѣ того, оба они къ вопросу о боѣ вообще относились крайне легко, чтобы не сказать болѣе.

У французовъ въ то время, къ 6 августа, созрѣла уже мысль о сосредоточеніи назадъ, то есть просто объ отступленіи, хотя бы, положимъ, на ближайшую Каленбронскую позицію. Подобное рѣшеніе вполнѣ оправдывалось общимъ значительнымъ превосходствомъ силъ непріятеля. Исходя изъ этой точки зрѣнія, французы, 6 августа, не имѣли никакой прямой цѣли давать сраженіе на высотахъ Шпихерна, гдѣ вдобавокъ позиція была несравненно слабѣе прежней, только что брошенной (у самаго Саарбрюкена). Сраженіе на р. Саарѣ вовсе не входило въ общую систему сосредоточенія французовъ, оно, напротивъ того, могло только задержать ввязавшіяся въ него французскія войска и дать время отставшимъ еще корпусамъ нѣмцевъ подойти поближе. Такъ какъ Базенъ держался видимо этого воззрѣнія, то ему слѣдовало дать Фроссару категорическое указаніе „отступить, не ввязываясь въ дѣло“, и, наоборотъ, если Фроссаръ полагалъ „возможнымъ и полезнымъ наказать неосторожно сунувшагося противника“, то ему сразу слѣдовало сообщить о томъ Базену и требовать въ подкрѣпленіе себѣ все, что только можетъ поспѣть на поле сраженія, такъ какъ нельзя было знать сколько войскъ поспѣетъ на выручку нѣмцамъ. Иной постановки вопроса быть не могло.

Коль скоро французы затѣяли войну, чтобы, какъ говорилось, „отомстить пруссакамъ за Садову“, то имъ, по меньшей мѣрѣ, не лишне было изучить дѣйствія послѣднихъ въ войнѣ 1866 года. Французы узнали-бы тогда, что пруссаковъ нельзя побѣждать полумѣрами и полууспѣхами. Въ особенности въ данномъ случаѣ Фроссаръ долженъ былъ предполагать, что нѣмцы подготовили свое наступленіе за р. Саару гораздо болѣе основательно нежели было на дѣлѣ, благодаря опрометчивости Штейнмеца и Камеке. А потому Фроссаръ долженъ былъ приготовиться выдержать самый рѣшительный напоръ пруссаковъ, и разбить ихъ непремѣнно. Выйти Фроссару изъ боя, разъ сраженіе загорѣлось, можно было

только полнымъ побѣдителемъ или-же побѣжденнымъ; средины тутъ не было. Это долженъ былъ принять въ расчетъ Фроссаръ, принимая сраженіе. Дѣйствительно, если бы ему даже и удалось безъ особыхъ потерь прервать начавшійся уже бой посредствомъ отступленія, то, во всякомъ случаѣ, отступленіе изъ перваго крупнаго боя, при впечатлительности французовъ, равнялось бы пораженію. Въ этомъ случаѣ Фроссаръ и Базенъ, не оцѣнивъ по достоинству своихъ противниковъ, съ другой стороны — не приняли въ расчетъ и свойствъ собственной арміи.

Возвращаюсь къ ходу сношеній между Фроссаромъ и Базеномъ. Сношенія эти послѣ 2 часовъ, видимо, прекратились на нѣкоторое время, такъ что обезпокоенный Базенъ телеграфируетъ Фроссару въ исходѣ 5го часа:

„Дайте знать о себѣ, чтобы меня успокоить, и не забудьте дивизіи Монтодона, которая нужна въ Сааргемюндъ“ [1]).

Почти ровно черезъ часъ послѣдовалъ отвѣтъ Фроссара:

„Форбахъ, 6 августа, 5 часовъ 45 минутъ вечера. Дѣло, которое было очень горячо, затихаетъ; но оно безъ сомнѣнія возобновиться завтра; пришлите мнѣ полкъ“.

Изъ обѣихъ приведенныхъ телеграммъ видно, что Базенъ и Фроссаръ оба не только полагали возможнымъ отдѣлаться отъ пруссаковъ на сей разъ — такъ себѣ, безъ всякихъ особыхъ усилій и вредныхъ послѣдствій, но Фроссаръ думалъ даже и на другой день успѣшно выдержать бой, усиливши однимъ только полкомъ. Правда, что самообольщеніе Фроссара продолжалось теперь уже не долго. Онъ вслѣдъ за помянутою телеграммою посылаетъ другую:

„Мой правый флангъ на высотахъ вынужденъ уклониться назадъ. Я въ серіозной опасности. Пришлите войска какъ можно скорѣе, всѣми способами“.

Базенъ отвѣчалъ въ 6 часовъ 15 минутъ:

„Посылаю вамъ полкъ по желѣзной дорогѣ; генералъ Кастаньи идетъ къ вамъ; онъ получаетъ приказаніе соединиться съ вами. Генералъ Монтодонъ оставилъ Сааргемюндъ въ пять часовъ, направляясь на Гросблидерсдорфъ“ (путь въ Шпихернъ). „Генералъ Метманъ въ Бетингъ. Вы должны были получить драгунскую бригаду генерала Жюняка.“

Въ 7 часовъ 22 минуты Фроссаръ донесъ Базену:

„Мы обойдены черезъ Верденъ; направляю всѣ войска на высоты“.

---

[1]) Эта и слѣдующія телеграммы—у Базена, стр. 27—29; онѣ отчасти повторены и у Фроссара.

Базенъ, не понимая какія собственно „высоты“ подразумѣваетъ Фроссаръ, отвѣчаетъ въ началѣ 9 часа:

„Я послалъ вамъ все что было возможно; опредѣлите мнѣ точно расположеніе, которое вы сочли нужнымъ принять“ [1]).

Отвѣта не послѣдовало. Фроссаръ въ то время уже оставилъ Форбахъ, чтобы съ частью своихъ войскъ направиться на Сааргемюндъ, уклоняясь такимъ образомъ отъ охвата, направленнаго на его лѣвый флангъ и тылъ со стороны Форбаха.

Изъ приведенныхъ выше телеграммъ Базена видно, что послѣдній для поддержанія Фроссара двинулъ три пѣхотныя дивизіи 3го корпуса, а именно: Метмана, Кастаньи и Монтодона, далѣе драгунскую бригаду Жюнякъ и наконецъ—по желѣзной дорогѣ—одинъ пѣхотный полкъ изъ дивизіи Дэкана.

Всѣ эти войска, бывшія первоначально въ разстояніи около 15—18 верстъ отъ поля сраженія, дѣйствительно двинулись въ указанныхъ направленіяхъ. Онѣ ходили не только днемъ, но и ночью, однако никуда не дошли, по крайней мѣрѣ,—во время. Обращаюсь къ злополучной ихъ Одиссеѣ, которая въ суровой своей прозѣ достойна изученія не менѣе Гомеровой эпопеи.

Драгунская бригада Жюнякъ, стоявшая въ Го-Гомбуръ (верстъ 12 отъ Форбаха), получила приказаніе (идти къ Форбаху) въ 3 часа пополудни; она, какъ значится въ донесеніи Жюняка, уже въ 4 часа прибыла въ Форбахъ. Фроссаръ въ сочиненіи своемъ [2]) говоритъ, что „если я нуждался въ подкрѣпленіяхъ, то вовсе не въ кавалеріи, а потому приказалъ бригадѣ Жюняка идти назадъ въ Бенингъ, такъ какъ она заграждала путь, который надо было держать свободнымъ для резервной артиллеріи и лазаретныхъ повозокъ“. Самъ Жюнякъ въ рапортѣ своемъ маршалу Базену, писаннымъ утромъ 7 числа въ Пютелянжъ [3]), упоминаетъ между прочимъ, что генералъ Фроссаръ, „поздравивъ его съ быстрымъ прибытіемъ, приказалъ занять пункты Морсбахъ, Бенингъ и Мерлебахъ“, т. е., въ сущности, идти назадъ. Было-ли это порученіе дѣйствительно только благовиднымъ предлогомъ, чтобы отдѣлаться отъ лишней, по мнѣнію Фроссара, драгунской бригады, или же распоряженіе это было еще отголоскомъ опасеній за тылъ, вызванныхъ утренними слухами о появленіи будто нѣмцевъ у Мерлебаха, — сказать трудно.

---

[1]) Фроссаръ подразумѣвалъ тутъ отрядъ Гольца, подошедшій въ Форбаху изъ Фельклингена черезъ Верденъ и Клейнъ-Россель.

[2]) Фроссаръ, стр. 46.

[3]) Базенъ, стр. 31.

О дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ генералъ Жюнякъ говоритъ, что „къ концу сраженія, которое отчасти разыгралось передъ моими глазами, я сохранилъ мои позиціи. Но,ославъ ночью разъѣздъ въ Форбахъ, узналъ, что генералъ Фроссаръ совсѣмъ очистилъ его и, отправляясь въ Сааргемюндъ, позабылъ меня совершенно".

Оставаясь „одинъ" и будучи наблюдаемъ нѣмцами, Жюнякъ „боялся, что съ разсвѣтомъ будетъ снятъ непріятелемъ", почему приказалъ сѣсть на коней въ часъ пополуночи, „соблюдая глубочайшую тишину, для того чтобы скрыть свое движеніе отъ непріятеля". Такъ какъ бригада пѣхоты Сернадо отъ дивизіи Метмана находилась, по словамъ Жюняка, въ томъ же положеніи, то обѣ бригады совмѣстно отправились въ Пютелянжъ (верстъ 12 къ юго-западу отъ Сааргемюндъ), куда бригада Жюняка „прибыла въ пять часовъ утра, имѣя людей и лошадей истощенными отъ усталости и лишеній".

Тѣмъ и кончилось содѣйствіе, оказанное Фроссару драгунскою бригадою. Перейдемъ къ пѣхотѣ, оставивъ въ сторонѣ вопросъ, не было ли правильнѣе со стороны Фроссара употребить бригаду Жюнякъ для обезпеченія лѣваго фланга корпуса. Если-бы подобная мысль созрѣла сознательно, то бригада могла быть направлена только на Клейнъ-Россель, у коего она наткнулась бы на прусскій отрядъ Гольца, и легко могла замедлить или даже остановить на время его позднее движеніе къ Форбаху, по меньшей же мѣрѣ — донести о немъ во время.

Дивизія Метмана, бывшая въ Маріенталѣ, исполняя данное наканунѣ приказаніе, стала въ ружье какъ только послышалась канонада. Въ двѣнадцать съ четвертью часовъ по-полудни прибылъ къ ней офицеръ генеральнаго штаба, съ приказаніемъ маршала Базена идти налегкѣ въ Бененъ-ле-Сенъ-Аволъ (верстъ 7 отъ Форбаха и столько же отъ Маріенталь), оставивъ полкъ и отдѣленіе артиллеріи въ Махеренъ; она должна была „готовиться принять аттаку черезъ Мерлебахъ" (на которую намекалъ Фроссаръ), „или же, смотря по обстоятельствамъ, идти на помощь 2^му^ корпусу" (Фроссару). Дивизія немедленно двинулась по указанному направленію [1]). Въ 4¼ часа по-полудни Фроссаръ, желая поскорѣе привлечь къ себѣ дивизію Метмана, телеграфировалъ въ Бенингъ: „Если генералъ Метманъ въ Бенингѣ, то пусть сейчасъ идетъ въ Форбахъ". Такъ излагаетъ это обстоятельство генералъ Фроссаръ [2]). Со своей стороны генералъ Метманъ доносилъ маршалу Базену на другой день, т. е. 7 числа утромъ:

---

[1]) Базенъ, стр. 27.
[2]) Фроссаръ, стр. 58.

„Вслѣдствіе телеграммы генерала Фроссара, вчера вечеромъ, въ семь часовъ тридцать минутъ, отправился изъ Бенинга въ Форбахъ. Всю ночь искалъ генерала (Фроссара). Отправился сегодня утромъ изъ Форбаха въ Пютелянжъ. Люди безъ продовольствія".

Относительно движенія дивизіи генерала Кастаньи, стоявшей въ Пютелянжъ (верстъ 16—18 отъ Форбаха), то свѣдѣнія по этому предмету не довольно ясны; на сколько можно понять изъ сочиненія Фроссара, Кастаньи, заслыша сильную орудійную пальбу около 11 часовъ утра, самъ двинулся по ея направленію, но взялъ слишкомъ въ сторону; канонада казалось затихла, и Кастаньи между 4 и 5 часами вернулся въ Пютелянжъ. Туда ясно долеталъ теперь гулъ выстрѣловъ, и дивизія поднялась въ 6 часовъ и пошла прямо на Форбахъ. По пути получила приказаніе Базена присоединиться къ Фроссару. Въ 9 часовъ вечера дивизія остановилась, не доходя 4 километра до этого пункта (у Фельклингенъ), головной же ея полкъ достигъ самаго Форбаха. Въ исторіи же Базена значится, что Кастаньи въ часъ получилъ приказаніе, переданное тѣмъ же офицеромъ, который передавалъ приказанія Метману. Кастаньи поручалось идти на Фэршвилеръ, гдѣ оставить бригаду, а съ остальными войсками, становясь впереди Тединга, на западной части Каленбронской позиціи, войти въ связь влѣво съ генераломъ Метманомъ и въ сношеніе съ генераломъ Фроссаромъ [1]). Наконецъ Кастаньи, въ рапортѣ маршалу Базену отъ 7 числа, въ 7 часовъ 30 минутъ утра, упоминаетъ, что онъ, „прибывъ въ Фельклингъ узналъ, что Форбахъ очищенъ, почему и остановился у Фельклинга,ославъ двухъ офицеровъ, чтобы попытаться получить приказанія генерала Фроссара, подъ начальство коего онъ поставленъ приказаніемъ маршала отъ 6 августа (шесть часовъ съ четвертью)". Посланные офицеры нашли только генерала Метмана, который имъ сказалъ, что генералъ Фроссаръ, два часа тому назадъ, ушелъ, направляясь на Сааргемюндъ, что дивизія Баттайль, менѣе прочихъ пострадавшая въ тотъ день, идетъ тоже въ Сааргемюндъ, что онъ самъ „(Метманъ)" отправится по этой уже запруженной дорогѣ, что къ утру Кастаньи долженъ очутиться одинъ между Фельклингомъ и Тедингомъ; что непріятель очень силенъ и что самое лучшее, что Кастаньи можетъ сдѣлать, это отступить на Пютелянжъ, чтобы оттуда идти въ Сааргемюндъ" [2]). Кастаньи послѣдовалъ этому благому совѣту и прибылъ въ Пютелянжъ въ 4 часа утра, откуда онъ доносилъ Фроссару, что „если

---

[1]) Фроссаръ, стр. 56, и Базенъ, стр. 27.
[2]) Базенъ, стр. 32.

неполучитъ отъ маршала Базена другаго приказанія, то въ 9 часовъ утра двинется въ Сааргемюндъ".

Что касается дивизіи Монтодона, прибывшей къ утру 6 числа въ Сааргемюндъ, то въ походномъ журналѣ ея значится:

„Въ полдень слышится въ Сааргемюндѣ сильная канонада со стороны Саарбрюкена. Въ три часа дивизія получаетъ приказаніе маршала Базена двинуться на Гросблидерсдорфъ, чтобы поддержать правый флангъ 2го корпуса, сражавшагося впереди Форбаха. Дивизія выступаетъ изъ Сааргемюндъ въ 4 часа. Въ 7 часовъ она выстраивается на плято у Рулингъ и располагается на позиціи нѣсколько далѣе влѣво, на плято Каленбронъ. Тамъ генералъ Монтодонъ принимаетъ офицера штаба 2го корпуса, который его искалъ; но такъ какъ было слишкомъ поздно, чтобы съ пользою явиться на поле битвы, то дивизія остается на позиціи. Командиръ дивизіи посылаетъ капитана генеральнаго штаба съ офицеромъ 2го корпуса, чтобы предупредить генерала Фроссара въ Форбахѣ, что онъ предлагаетъ себя въ распоряженіе на завтра. Въ полночь оба эти офицера возвращаются и доносятъ, что 2ой корпусъ отступаетъ на Сааргемюндъ. Дивизія становится въ ружье, и ночнымъ маршемъ достигаетъ Пютелянжъ, гдѣ между 9 и 10 часати утра 7 числа располагается лагеремъ" [1]).

Въ рапортѣ же Монтодона, писанномъ въ Пютелянжъ утромъ 7 числа, значится:

„Вчера въ 5 часовъ вечера я выступилъ изъ Сааремюндъ; прибывъ въ Гросблидерсдорфъ, я узналъ, по справкамъ и по направленію огня, что я черезъ этотъ пунктъ не могу войти въ связь съ генераломъ Фроссаромъ. Я взялъ направленіе на Эдлингъ; ночь наступала, и я очутился позади Шпихернской позиціи около Русбахъ, гдѣ и остановился до часу съ половиною ночи. Узнавъ, что генералъ Фроссаръ отступаетъ на Сааргемюндъ, я направился на Буствейлеръ, чтобы поддержать его съ лѣваго фланга, но генералъ Кастаньи сообщилъ мнѣ, что ему приказано присоединиться къ вамъ; я расположился въ Пютелянжъ, который онъ занималъ" [2]).

Наконецъ 60^й^ линейный полкъ, дивизіи Дэкана, отправленный Базеномъ по желѣзной дорогѣ, въ 6 часовъ вечера, прямо изъ Сенъ-Аволь въ Форбахъ, тоже не достигъ этого пункта, такъ какъ первый эшелонъ, попавъ подъ огонь орудій пруссаковъ у самаго Форбаха, вернулся обратно.

---

[1]) Фроссаръ, стр. 55.
[2]) Базенъ, стр. 32.

Такой исходъ имѣли всѣ распоряженія Базена, клонившіяся къ поддержкѣ Фроссара.

Характеристическою чертою дѣйствій всѣхъ французскихъ начальниковъ, направленныхъ для поддержки Фроссара, была полная пассивность, постоянно выжидавшая толчка извнѣ. Французскіе генералы двигаются впередъ только положительными приказаніями начальства; каждый дѣйствуетъ, держась только буквы даннаго ему приказанія, и теряется совершенно, очутившись въ положеніи не предвидѣнномъ точно приказаніемъ. Одинъ только Кастаньи (направившійся было на выстрѣлы) имѣлъ порывъ самостоятельнаго почина, порывъ неудачный, подтверждающій только общую истину, что „на войнѣ единичная минутная импровизація, даже самая раціональная, по большей части безсильна, чтобы превозмочь обычныя препятствія, заранѣе не предвидѣнныя и не устраненныя“. Въ данномъ случаѣ, Кастаньи пошелъ на выстрѣлы по счастливому, такъ сказать, вдохновенію или, пожалуй, исполняя ходячее правило — спѣшилъ на выстѣлы. Но ни самимъ Кастаньи, ни штабомъ его заранѣе не сдѣлано ничего, чтобы счастливое это вдохновеніе могло облечься въ практическую форму. Въ дивизіи Кастаньи, видимо, вовсе не были извѣстны мѣста расположенія передовыхъ французскихъ войскъ, которыя могли придти въ столкновеніе съ наступающимъ противникомъ, не смотря на то, что дивизія эта, по расположенію своему, должна была служить имъ поддержкою. Не были, конечно, обслѣдованы и пути ведущіе къ сосѣднимъ отрядамъ. Когда же, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, Кастаньи поспѣшилъ на канонаду, то онъ не попалъ на настоящій путь и, послѣ 18 часоваго дневнаго и ночнаго хожденія, вернулся назадъ, на прежнее свое мѣсто, истомивъ войска совершенно понапрасну.

Не то было у нѣмцевъ въ день 6 августа. Командиръ 7го корпуса Гебенъ, опередивъ свой корпусъ на цѣлый переходъ, утромъ 6 числа лично рекогносцировалъ окрестности Саарбрюкена, какъ важнаго стратегическаго пункта, хотя въ то время никакъ не могъ знать, что войскамъ его придется дѣйствовать въ этомъ мѣстѣ. При этомъ Гебенъ узналъ, что Камеке идетъ на Саарбрюкенъ, и обѣщалъ послѣднему поддержку въ случаѣ надобности. Точно также генералъ Дерингъ, опередивъ свою выступающую съ ночлега бригаду, съ ранняго утра 6 числа рекогносцировалъ расположеніе французовъ на Шпихернскихъ высотахъ. Онъ вѣрнѣе

самаго Камеке, затѣявшаго аттаку этихъ высотъ, оцѣнилъ серіозное положеніе дѣла. Дерингъ, по собственному своему почину, двинулъ свою бригаду на выручку Камеке и потянулъ за собою остальныя подкрѣпленія отъ 2ой арміи, какія только въ тотъ день могли поспѣть на поле битвы пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ. Выше описано съ какимъ единодушіемъ дѣйствовали тамъ прусскія войска; какъ дружно сражалась эта сборная команда изъ разныхъ частей отъ двухъ армій и трехъ корпусовъ. Тамъ начальникъ дивизіи Штюльпнагель понесся впередъ съ одною батареею и эскадрономъ, не имѣя ничего другого подъ рукою. У нѣмцевъ при 30 баталіонахъ очутились три корпусныхъ командира и командиръ 1ой арміи.

Нѣмецкіе начальники всегда шли на встрѣчу дѣлу, и были тамъ гдѣ можно было болѣе видѣть и болѣе узнать. Поспѣшая на выручку своимъ, они лично выѣзжали впередъ, чтобы ознакомиться съ ходомъ дѣла, условиться съ товарищами и сообразно со всѣмъ этимъ дать своимъ войскамъ лучшее окончательное направленіе. А гдѣ же былъ командующій передовою французскою арміею, — маршалъ Базенъ? Гдѣ были начальники французскихъ колоннъ, шедшихъ на поддержку Фроссару? Метманъ, Монтодонъ и Кастаньи, такъ сказать, сидѣли на своихъ дивизіяхъ: никто изъ нихъ не далъ даже вовремя знать о своемъ приближеніи и не вошелъ въ сообщеніе съ Фроссаромъ тогда, когда послѣдній находился еще на полѣ сраженія.

Французскіе начальники, не поспѣвъ въ сраженіе, и послѣ того, ни чуть не заботились о исполненіи даннаго имъ порученія „по его существу“. Они, напротивъ того, цѣплялись только „буквы“ приказанія. По существу — они должны были помочь Фроссару въ сраженіи, съ цѣлью разбить противника или, по меньшей мѣрѣ, пріостановить дальнѣйшее наступленіе нѣмцевъ; на дѣлѣ-же французскіе начальники, не поддержавъ Фроссара въ бою, приняли участіе только въ его отступленіи, то есть въ такомъ именно дѣйствіи Фроссара, которое они какъ разъ призваны были предотвратить. Они, притомъ, необдуманнымъ отступленіемъ своимъ, подъ предлогомъ присоединенія къ Фроссару, уклонились совершенно всторону и очистили непріятелю кратчайшій для него путь на Сенъ-Аволь, — въ разрѣзъ французской арміи, — тотъ именно путь, который Фроссаръ долженъ былъ прикрывать. Французскіе начальники какъ будто совсѣмъ не сознавали, что Фроссаръ бросилъ путь, ведущій къ Сенъ-Аволь, и ушелъ въ Сааргемюндъ не по собственной волѣ, а считая себя къ тому вынужденнымъ. Дѣло подоспѣвшихъ дивизій корпуса Базена было

теперь именно замѣнить ушедшаго Фроссара, а не бѣжать за нимъ [1]).

Просто недоумѣваешь, что тутъ собственно руководило французскими начальниками? Было ли это желаніе исполнить приказаніе „соединиться съ Фроссаромъ", не смотря на то, что, по существу, оно утратило уже всякій смыслъ и значеніе, или же, полагаясь на ихъ-же собственныя слова, допустить, что они уходили подальше „изъ страха передъ непріятелемъ"? — Вотъ что эти начальники говорятъ сами про себя:

Командиръ драгунской бригады въ помянутомъ выше донесеніи маршалу Базену говоритъ, что „онъ забытъ былъ генераломъ Фроссаромъ", что „находясь лицемъ къ лицу къ непріятелю, боялся быть снятымъ на другой день утромъ, а потому ушелъ ночью въ Пютелянжъ, по пути въ Сааргемюндъ, соблюдая глубочайшую тишину. Съ нимъ же ушла одна изъ пѣхотныхъ бригадъ Метмана, бывшая въ томъ же что и онъ положеніи". Такимъ образомъ уходитъ бригада конницы и бригада пѣхоты, не подумавъ даже, что на прямой ихъ обязанности лежало, по меньшей мѣрѣ, именно наблюдать за видѣннымъ противникомъ, а не уходить отъ него.

Подобнымъ же образомъ генералъ Монтодонъ, начальникъ дивизіи шедшей отъ Сааргемюндъ, съ своей стороны доноситъ въ приведенномъ выше рапортѣ своемъ: „достигнувъ Гросблидерсдорфа я изъ полученныхъ свѣдѣній и по направленію огня заключилъ, что слѣдуя далѣе черезъ этотъ пунктъ не могу войти въ сношеніе и соединиться съ генераломъ Фроссаромъ, почему и повернулъ на Эцлингъ" (съ небольшимъ верста южнѣе Шпихерна), „но когда ночь настала, то я очутился у Русбаха" (или Бусбаха) „болѣе мили южнѣе Шпихерна, притомъ — по дурнымъ дорогамъ".

Просто не вѣрится глазамъ читая подобныя объясненія или, вѣрнѣе, непроизвольныя самообвиненія. Отъ Гросблидерсдорфа прямо до Шпихерна ведетъ хорошая дорога длиною всего верстъ 6. Слѣдуя по этому пути, дивизія Монтодона могла войти какъ разъ въ резервъ дивизіи Лявокупѣ, или-же, свернувъ вправо, ударить во флангъ пруссакамъ. За симъ остается только предположить, что дивизія или сбилась съ самой прямой дороги въ собственной же странѣ, или же, что командиръ ея просто не желалъ наткнуться

---

[1]) Нелишне припомнить, что утромъ 7 числа императоръ, помимо Базена, отозвалъ въ Мецъ корпусъ Лямиро; такимъ образомъ на прямомъ пути въ Мецъ осталась одна лишь свѣжая дивизія Дэкана. Еслибы дѣло у Шпихерна со стороны нѣмцевъ не было случайное, а надлежаще подготовленное, то корпуса Фроссара и Базена были бы навѣрное отрѣзаны.

на противника, и поэтому вмѣсто прямаго избралъ до того кружный путь, выборъ коего, въ сущности, равнялся отступленію, то есть удаленію отъ Фроссара.

Наконецъ, изъ донесенія генерала Кастаньи видно, что онъ „послушался совѣта Метмана и ушелъ назадъ въ Пютелянжъ, чтобы на другой день не остаться одному противъ непріятеля“. Оба эти начальника (Метманъ и Кастаньи) видимо не подумали, что они вмѣстѣ составляютъ „два“ а не единицу; слѣдовало имъ только обоимъ рѣшиться остаться. Вообще, позади Форбаха къ началу ночи 6 числа очутились двѣ свѣжія дивизіи, Метмана и Кастаньи, и конная бригада Жюнякъ. Въ то время на высотахъ стояла еще дивизія Баттайль корпуса Фроссара, а правѣе ея, на Шпихернскихъ высотахъ, до 11го часа вечера, стояла дивизія Лявокупѣ. За нею въ милѣ разстоянія находилась уже дивизія Монтодона.

Такимъ образомъ, къ началу ночи собралось тутъ пять французскихъ дивизій, не считая отходившей въ то время дивизіи Верже́ корпуса Фроссара. Но даже послѣ отступленія всѣхъ войскъ 2го корпуса, французы позади линіи, столь преждевременно брошенной Фроссаромъ, имѣлось три свѣжія пѣхотныя дивизіи съ драгунскою бригадою Жюняка, которыя расположеніемъ своимъ прикрывали пути на Мецъ, а также и сообщенія Фроссара съ Сепъ-Аволь — центромъ общаго расположенія передовой французской арміи Базена. И вдругъ всѣ эти войска шарахнулись какъ испуганный табунъ и устремились совершенно въ сторону — въ Пютелянжъ; каждая часть уходила сама по себѣ, „чтобы не очутиться одной противъ непріятеля“.

Приведенныя выше собственныя сознанія французскихъ начальниковъ чрезвычайно характерны и поучительны; въ особенности если противуставить ихъ принципамъ, которыми руководились нѣмцы. У нѣмцевъ частные начальники иной разъ уже слишкомъ смѣло бросались на непріятеля, расчитывая единственно на то, что товарищи непремѣнно ихъ поддержатъ. У французовъ же наоборотъ: каждый, судя по себѣ, знаетъ, что нельзя ему расчитывать на другаго; всякій чувствуетъ себя одинокимъ и поневолѣ оглядывается назадъ. О принятіи-же въ расчетъ общаго положенія дѣлъ и согласованія съ нимъ своихъ дѣйствій, конечно, нѣтъ у французовъ и помину. Всякое приказаніе у нихъ исполняется „по буквѣ“, а не — „по духу“. — Во всемъ полная инерція. Французскихъ начальниковъ двигаютъ только или прямыя приказанія, или просто — страхъ предъ встрѣчею съ непріятелемъ. Поневолѣ приходится употребить именно невоенное, такъ сказать,

выраженіе „страхъ“, хотя и безъ намѣренія хватать за слово храбрыхъ и заслуженныхъ французскихъ генераловъ, пользуясь необдуманными сгоряча ихъ донесеніями [1]). Воспитанные подъ гнетомъ централизаціи, доведенной до крайнихъ предѣловъ, непривыкшіе дѣйствовать по собственному разумѣнію, французскіе частные начальники, оставшись безъ прямыхъ приказаній на всякій данный случай, просто уклонялись отъ такого положенія, въ которомъ нужно было принять на себя самостоятельное рѣшеніе. Они, очевидно, избѣгали встрѣчи съ противникомъ дѣйствительно „изъ страха“, но „не передъ непріятелемъ“, а „передъ отвѣтственностью за самостоятельное рѣшеніе“, которое, видимо, казалось имъ чѣмъ то несовмѣстимымъ съ нормальнымъ, благоустроеннымъ порядкомъ.

Во имя науки нельзя не указать на самые грубые промахи, допущенные французскими начальниками; но несправедливо будетъ обвинять лично каждаго въ отдѣльности. Они—просто жертвы совершенно ложной системы, принятой, или, по меньшей мѣрѣ, — допущенной свыше.

Каждый подчиненный прежде всего отвѣтственъ предъ своимъ начальствомъ; онъ поневолѣ приноравливается къ его требованіямъ и взглядамъ. То, что вначалѣ исполняется только во имя военной дисциплины, со временнемъ, годами и десятками лѣтъ вдалбливаясь въ умъ и характеръ, дѣлается второю натурою, какъ будто прирожденнымъ и неотъемлемымъ свойствомъ.

Спрашивается, можно ли было требовать, или даже только ожидать какихъ либо самостоятельныхъ порывовъ и раціональныхъ личныхъ дѣйствій отъ частныхъ начальниковъ арміи, въ коей верховный вождь, императоръ Наполеонъ, самъ поименно разставлялъ даже отдѣльныя дивизіи! Можно ли требовать самостоятельности отъ подчиненныхъ Базена, который и черезъ 13 лѣтъ не можетъ забыть корпусному командиру, что тотъ осмѣлился безъ спроса перемѣнить ночлежный пунктъ одной своей дивизіи?

Если старшій начальникъ, насилуя и уничтожая мысль и волю своихъ подчиненныхъ, думаетъ самъ разставлять войска свои какъ пашки, то нечего ему удивляться, что въ трудныя минуты войны возлѣ него очутятся не сподвижники — а пѣшки.

---

[1]) Въ арміи Базена до сдачи Меца убито и ранено 25 генераловъ.

VI.

Наступленіе 3й нѣмецкой арміи и бой у Вейсенбурга 4 августа.

Настоянія главной королевской квартиры, чтобы 3ья армія начала наступленіе ранѣе остальныхъ двухъ. — Распоряженія для исполненія. — Положеніе 1го французскаго корпуса маршала Макъ-Магона. — Наступленіе нѣмцевъ на р. Ляутеръ. — Бой у Вейсенбурга. — Исходъ боя. — Нѣмцы теряютъ слѣдъ французовъ. — Взглядъ на дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ. — Взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ.

(Чертежъ 4).

Армія наслѣднаго принца Прусскаго, въ составѣ 5 корпусовъ (10 пѣхотныхъ дивизій) [1]), съ одною отдѣльною кавалерійскою дивизіею, какъ уже сказано, собиралась въ Пфальцѣ-Баварскомъ, на лѣвомъ берегу р. Рейна, близъ французской границы, оставивъ пока баденскую и виртембергскую полевыя дивизіи на противуположномъ берегу рѣки. Къ концу іюля прибыли уже всѣ войска этой арміи, за исключеніемъ одной баварской дивизіи.

Въ королевской главной квартирѣ созрѣла въ то время мысль о необходимости скорѣйшаго вторженія 3й арміи въ нижній Эльзасъ. Начальнику штаба 3й арміи отправлена генераломъ Мольтке 30 іюля телеграмма, въ коей сказано было: „непріятель, видимо, хочетъ соединить свои 1й и 5й корпуса на нижнемъ Ляутерѣ“ (противъ арміи кронпринца), почему предлагалось начальству 3й арміи принять въ соображеніе: „не будетъ ли соотвѣтственно нынѣ же притянуть на правый берегъ Рейна баденскую и виртембергскую дивизіи, пока можно пользоваться мостомъ у Максау; притомъ южную Германію лучше всего можно прикрыть наступленіемъ на линію Гагенау—Бичъ“.

Прикрытіе южно-германской Рейнской границы, то есть ближайше — Бадена, въ дѣйствительности очень озабочивало королевскую главную квартиру и штабъ 3й арміи. Генералъ Мольтке въ мемуарѣ своемъ, исходя изъ чисто стратегической точки зрѣнія, весьма легко отнесся къ этому дѣлу, полагая, вполнѣ спра-

---

[1]) Баденская и виртембергская полевыя дивизіи вмѣстѣ считаются тутъ за одинъ корпусъ.

ведливо, что всякая зарейнская попытка только ослабитъ французовъ въ рѣшительной схваткѣ въ предѣлахъ Франціи, и поэтому, въ сущности, обратится въ пользу нѣмцевъ. Однако политическія соображенія говорили другое.

Пруссія, силою захватившая главенство надъ Германіею, никакъ не могла допустить вторженія непріятеля въ предѣлы опекаемыхъ ею мелкихъ государствъ, хотя бы во имя своего военнаго престижа. Въ Германіи вообще, а въ прирейнской въ особенности живо еще сохранились преданія о насиліяхъ и систематическихъ опустошеніяхъ полчищъ Людовика XIV, равно о тяжелой рукѣ и нецеремонности Наполеона I и республиканскихъ французскихъ генераловъ. Конечно, въ настоящемъ случаѣ нельзя было ожидать чего-либо подобнаго, но и обратное, то есть дружеское поведеніе „исконнаго врага,“ въ случаѣ его вторженія въ южную Германію, было бы для пруссаковъ, пожалуй, еще болѣе непріятно; оно могло послужить темою нелестныхъ сравненій съ недавнею ихъ окупаціею, послѣ побѣдъ 1866 года.

Далѣе, нѣмецкому начальству было извѣстно, что войска Макъ-Магона пока еще не вполнѣ готовы и не сосредоточены; надо было спѣшить воспользоваться этимъ, потому что съ каждымъ потеряннымъ днемъ борьба должна была быть труднѣе. Если медлить, то Макъ-Магонъ могъ, пожалуй, и присоединиться къ главной французской арміи; тогда 3^я нѣмецкая армія запоздалымъ наступленіемъ въ Эльзасъ нанесла бы ударъ на воздухъ. Теперь же, по меньшей мѣрѣ, она сдѣлала бы полезную диверсію въ пользу 2^й арміи, подъѣзжающей по частямъ и собирающейся въ виду французовъ, сосредоточенныхъ уже къ сѣверу отъ Меца. Наконецъ, предполагалось ко времени послѣдующаго рѣшительнаго наступленія на Мецъ притянуть и армію кронпринца.

Кронпринцъ, между тѣмъ, окончивъ политическое путешествіе свое по южно-германскимъ дворамъ и столицамъ, 30 іюля прибылъ въ штабъ своей арміи въ Шпейеръ. Въ тотъ же день еще пришлось ему рѣшить вопросъ о возможности немедленнаго вторженія въ Эльзасъ. Въ десятомъ часу вечера того же 30 числа получена въ штабѣ 3^й арміи телеграмма генерала Мольтке слѣдующаго содержанія:

„Его Величество полагаетъ соотвѣтственнымъ, чтобы 3^я армія, какъ только будутъ притянуты баденская и виртембергская дивизіи“ (онѣ находились по другую сторону Рейна), „немедленно произвела наступленіе по лѣвую сторону Рейна, чтобъ отыскать противника и мѣсто южнѣе Ляутербурга, у котораго наводятся мосты“ (непріятеля). „Это лучшій способъ прикрыть южную Германію.“

Однако, наслѣдный принцъ уклонился пока отъ исполненія, ссылаясь на то, что не всѣ еще войска его способны къ операціямъ, за неимѣніемъ обозовъ. На запросъ, какого именно числа 3^я^ армія будетъ готова, принцъ отвѣтилъ, что „3 августа можно будетъ начать наступленіе“ [1]). Отвѣтъ наслѣднаго принца, видимо, не успокоилъ главной королевской квартиры; по 3 число не могли поспѣть всѣ обозы; опасались новыхъ оттягиваній со стороны начальства 3^й^ арміи, а между тѣмъ главная армія французовъ придвинулась уже ближе къ р. Саарѣ, т. е. къ границѣ. Поэтому, 2 числа августа, въ самый день Саарбрюкенской стычки, изъ главной квартиры прибылъ въ Шпейеръ подполковникъ Верди, чтобы переговорить лично, изложить общее положеніе нѣмецкихъ армій, а равно и виды главной королевской квартиры.

Послѣ сказаннаго объясненія, наслѣдный принцъ созналъ необходимость немедленнаго отдѣльнаго наступленія 3^й^ арміи. Донося объ этомъ королю, принцъ сказалъ между прочимъ, что если ему (принцу) „противустоятъ слабыя силы противника, то онѣ 5 числа будутъ отброшены за Гагенау; у послѣдняго будетъ оставленъ одинъ корпусъ. Съ остальными силами кронпринцъ двинется параллельно Пфальцской границѣ, на Сааральбе“ (на пути отъ Сенъ-Аволь въ Мецъ), „чтобы сколь можно тѣснѣе войти въ связь съ лѣвымъ флангомъ 2ой арміи и, быть можетъ, принять участіе въ рѣшительномъ бою“ (противъ главной арміи противника).

Еще до того, а именно 2 числа, 3^я^ армія сосредоточилась по корпусамъ или дивизіямъ на бивуаки, кавалерія—по квартирамъ. Послѣднія баварскія войска прибыли въ тотъ день къ своимъ корпусамъ. День 3 августа данъ былъ войскамъ на приготовленіе къ наступленію. Баденская и виртембергская дивизіи сведены въ корпусъ, подъ начальствомъ генерала Вердера.

Войска 3^й^ арміи расположены были теперь слѣдующимъ образомъ: по большой дорогѣ изъ Ляндау въ Вейсенбургъ (и далѣе въ Страсбургъ) впереди 4^я^ баварская дивизія (2го баварскаго корпуса) въ видѣ авангарда — у Бергцаберна, верстъ 10 отъ Вейсенбурга; позади этой дивизіи: 5^й^ корпусъ—южнѣе Ляндау, и далѣе, сѣвернѣе этой крѣпости—остальныя войска 2го баварскаго корпуса; 11^й^ корпусъ — восточнѣе 5го. Корпусъ Вердера—по обѣ стороны Рейна, въ окрестностяхъ Максау. Это общее расположеніе прикрывалось справа особыми отрядами; впереди находилась общая аванпостная цѣпь. Позади общаго расположенія на-

[1]) „Операціи 3-й арміи“, стр. 16. Feldzug 1870-71. Die Operationen der 3 Armee (Hahnke. Berlin. 1873).

ходились: 1й баварскій корпусъ у Гермерсхейма (Germersheim) на Рейнѣ, а 4ая кавалерійская дивизія—между Гермерсхеймомъ и Ляндау. Штабъ арміи перешелъ въ эту-же крѣпость.

Еще 2 числа извѣстно было въ штабѣ 3й арміи, что противникъ снялъ часть рельсоваго пути южнѣе Вейсенбурга и что онъ укрѣпляетъ позицію у послѣдняго города.

Около полудня 3 числа разослана была изъ штаба 3й арміи слѣдующая диспозиція:

„Главная квартира Ляндау, 3 августа 1870 года“ [1]).

„Я намѣренъ завтрашняго числа идти съ арміею до р. Лаутера, а передовыя войска выдвинуть на ту сторону ея Для сего пройти Бинвальдъ (лѣсъ) по четыремъ дорогамъ“.

„Непріятеля, гдѣ онъ встрѣтится, отбросить“.

„Колонны наступаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1) Баварская дивизія Ботмера остается въ авангардѣ, направляется на Вейсенбургъ и старается завладѣть городомъ. Флангъ свой (правый) обезпечить ей соотвѣтственнымъ отрядомъ, направленнымъ черезъ Белленборнъ на Боденталь. Дивизія подымается съ бивуака въ 6 часовъ утра. Остальныя части корпуса Хартмана, включая и дивизію Вальтера, подымаются съ бивуака въ 4 часа утра и идутъ, обходя Ляндау, черезъ Импфлингенъ и Бергцабернъ на Оберъ-Оттербахъ. Обозы дивизіи къ полудню притянуть къ Аппенхофенъ“.

„2) 4ая кавалерійская дивизія собирается къ 6 часамъ южнѣе Мерлхеймъ и идетъ черезъ Ингсхеймъ, Рорбахъ, Биллигхеймъ, Барбельротъ, Капелленъ, доходитъ до Оттербахъ—4000 шаговъ восточнѣе Оберъ-Оттербахъ“.

„3) 5й корпусъ подымается въ 4 часа утра съ бивуака у Биллингенъ и идетъ черезъ Барбельротъ и Нидеръ-Оттербахъ къ Гросъ-Штейнфельдъ и Капсвейеръ. Корпусъ выдѣляетъ особый авангардъ, который переходитъ р. Лаутеръ у Сенъ-Реми и Воогхейзеръ и выставляетъ аванпосты на высотахъ того берега. Обозы остаются въ Биллингенъ“.

„4) 11й корпусъ подымается въ 4 часа утра отъ Рорбаха и направляется черезъ Штейнвейлеръ, Винденъ, Шайдтъ, черезъ лѣсъ Бинвальдъ на Бинвальдсхютте. Корпусъ тоже выдѣляетъ особый авангардъ, который переходитъ за Лаутеръ и выставляетъ аванпосты на высотахъ того берега. Обозы остаются у Рорбаха“.

„5) Корпусъ Вердера наступаетъ по большой дорогѣ на Лаутербургъ, старается завладѣть этимъ городомъ и выставляетъ аванпосты на томъ берегу рѣки. Обозы остаются у Хагенбаха“.

„6) Баварскій корпусъ фонъ-деръ-Танна подымается съ бивуака въ 4 часа утра и слѣдуетъ по большой дорогѣ на Рюцхеймъ къ Лянгенкандель, гдѣ располагается бивуакомъ западнѣе этого пункта. Обозы остаются у Рейнцабернъ“.

„7) Штабъ корпуса въ Лянгенканделѣ“.

---

[1]) „Операціи 3-й арміи“, стр. 21.

„8) Я буду находиться до полудня на высотахъ между Капсвейеръ и Швейгенъ и вѣроятно перенесу мою главную квартиру въ Нидеръ-Оттербахъ“ [1]).

(подп.) „Фридрихъ-Вильгельмъ
Кронпринцъ“.

Такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, можно было ожидать столкновенія съ противникомъ, то изустно подтверждено было, „чтобы отдѣльныя колонны войскъ поддерживали одна другую“.

Въ день 4 августа, въ нижнемъ Эльзасѣ, изъ французскихъ войскъ находился одинъ лишь корпусъ Макъ-Магона, эшелонированный или, вѣрнѣе, разбросанный въ глубину, по дивизіямъ. Впереди, у Вейсенбурга, находилась 2ая дивизія Абеля Дуэ (Douay), позади ея, въ разстояніи верстъ 30, у Гагенау (Hagenau) по пути въ Страсбургъ, штабъ корпуса съ дивизіею Ляртигъ (Lartigue). У Рейхсхофена (Reichshoffen, по пути изъ Гагенау въ Бичъ), въ разстояніи верстъ 25 отъ Вейсенбурга, остальныя двѣ дивизіи корпуса Магъ-Магона, а именно генераловъ Рауля (Raoult) и Дюкро (Ducrot); послѣдняя утромъ 4 числа выступила въ Лембахъ, на пути въ Вейсенбургъ. Изъ кавалеріи Макъ-Магона бригада Септейля (Septeuil) первоначально была у Зельца, (Seltz), а 3 августа въ числѣ 6 эскадроновъ присоединилась къ дивизіи Дуэ [2]). Бригада Нансути (Nansouty) стояла у Зельца на Рейнѣ, при ней два баталіона дивизіи Дуэ; остальная кавалерія Макъ-Магона находилась позади Гагенау, у Брумата (Brumath).

Ближайшія къ Макъ-Магону французскія войска находились: одна пѣхотная дивизія 7го корпуса Консейль-Дюмениль (Conseil-Dumesnil) у Кольмара, южнѣе Страсбурга, и одна дивизія 5го корпуса—въ Бичѣ.

Маршалъ Макъ-Магонъ, въ видахъ единства дѣйствій передовыхъ своихъ войскъ, подчинилъ дивизію Дуэ и кавалерійскую бригаду Септейля генералу Дюкро. Послѣдній, какъ уже сказано, двинулся 4 числа со своею дивизіею въ Лембахъ, для сближенія съ Дуэ.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ тутъ названій пишутся: Weissenburg или Wissembourg, Landau, Bienwald, Böllenborn, Bobenthal, Impflingen, Bergzabern, Ober-Otterbach, Appenhofen, Mörlheim, Ingsheim, Rohrbach, Billigheim, Barbelroth, Capellen, Gross-Steinfeld, Kapsweyer, St. Remy, Wooghäuser, Steinweiler, Winden, Schaidt, Bienwaldshütte, Lauterburg, Hagenbach, Rützheim, Langenkandel, Rheinzabern, Schweigen.

[2]) „Оффиціальная прусская исторія,“ добавки къ 4 книжкѣ 1 тома.

Дюкро приказалъ Дуэ, полкамъ отъ дивизіи послѣдняго, смѣнить полкъ Дюкро, находившійся у Климбаха (по пути изъ Вейсенбурга въ Лембахъ); смѣна состоялась 4 августа, рано утромъ. Дуэ, независимо того, имѣлъ два баталіона въ командировкѣ, при конной бригадѣ Нансути; такимъ образомъ вообще у него въ день сраженія было налицо 8 баталіоновъ, нѣсколько эскадроновъ, при 12 орудіяхъ и 6 картечницахъ [1]).

Городъ Вейсенбургъ, старая, недавно передъ тѣмъ упраздненная крѣпость, лежитъ по обѣ стороны трудно проходимой рѣчки Ляутеръ. Городъ окруженъ былъ хорошо сохранившимся непрерывнымъ валомъ, съ эскарповыми и контрэскарповыми стѣнами, и не могъ быть взятъ открытою силою. Южнѣе города тянутся значительныя возвышенности праваго берега Ляутера; это отроги Вогезовъ, оканчивающіеся мысомъ пониже города. На самомъ мысу возвышались прочныя постройки зáмка Гейсбергъ (Geissberg). Вообще возвышенности эти, съ Ляутеромъ впереди и передовыми пунктами: Вейсенбургомъ, зданіемъ желѣзнодорожнаго вокзала, и предмѣстіемъ Альтенштатъ (Altenstadt), дѣйствительно представляли очень сильную оборонительную позицію, при сколько нибудь соразмѣрныхъ силахъ. Впрочемъ высоты лѣваго, нѣмецкаго берега рѣки командуютъ поименованными передовыми пунктами, а лѣсъ Бинвальдъ очень облегчалъ скрытный подходъ нѣмецкихъ колоннъ.

Къ утру 4 числа одинъ баталіонъ Дуэ занималъ Вейсенбургъ; остальныя его войска находились на высотахъ праваго берега. Согласно донесенію генерала Пеле, принявшаго начальство надъ дивизіею послѣ смерти Дуэ, послѣдній, утромъ въ 5½ часовъ, выслалъ изъ Вейсенбурга, для развѣдки къ сторонѣ непріятеля, отрядъ силою въ одинъ баталіонъ съ двумя эскадронами. Отрядъ этотъ вернулся назадъ, не добывъ свѣдѣній о близости нѣмцевъ [2]). Совершенно непонятный, отрицательный результатъ французской рекогносцировки вѣроятно былъ причиною распространившемуся ошибочному мнѣнію, будто Дуэ вовсе не имѣлъ въ своемъ распоряженіи кавалеріи [3]).

---

[1]) Эти цифры признаются и прусскими историками, между прочимъ и „Спеціальною исторіею дѣйствій нѣмецкой артиллеріи“, кн. 1 стр. 13. („Die deutſche Artillerie in den Schlachten und Treffen des deutſch-franzöſiſchen Krieges 1870-71“. Hoffbauer, Heft 1. Berlin, 1876). Что касается кавалеріи, то нѣмецкіе историки опредѣляютъ ее въ 8 эскадроновъ, а Макъ-Магонъ только въ 3. (Сочиненіе Базена, стр. 138). Быть можетъ, что Макъ-Магонъ не считаетъ эскадроновъ бригады Септейля, бывшей позади Дуэ.

[2]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 26.

[3]) „Исторія 2 баварскаго корпуса“, стр. 3. („Antheil des 2 bayeriſchen Armee-Corps in dem Feldzuge 1870-71 gegen Frankreich“. Heilmann. München, 1872) и сочиненіе Вальтера, стр. 23. („Betrachtungen über die Thätigkeit und Leiſtungen der Cavallerie im Kriege“. 1870. D. H. Walter. Leipzig). Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ значится, что у Дуэ вовсе не было кавалеріи.

Армія наслѣднаго принца, исполняя данную ей диспозицію, съ ранняго утра 4 числа находилась въ полномъ движеніи. Непосредственно на р. Ляутеръ шли четыре колонны, въ каждой по одному корпусу, съ отдѣльными своими авангардами. Изъ нихъ правофланговый 2й баварскій корпусъ нацѣленъ былъ прямо на Вейсенбургъ; остальные же, а именно 5й, 11й и корпусъ Вердера, двигались параллельно и лѣвѣе 2го баварскаго.

Въ авангардѣ 2го баварскаго корпуса шла дивизія Ботмера (10 баталіоновъ, 3½ эскадрона, 24 орудія). Въ боковомъ отрядѣ отъ авангарда (правѣе его) находился одинъ баталіонъ. Войска Ботмера подошли къ Вейсенбургу къ 8 часамъ утра, и совершенно внезапно для французовъ открыли по городу орудійный огонь съ высоты у Швейгенъ. Французы зашевелились и усилили войска въ Вейсенбургѣ. Наступающіе баварцы постепенно потѣснили засѣвшихъ впереди Вейсенбурга тюркосовъ. Всѣ войска Ботмера, мало по малу, ввязались въ бой, но должны были остановиться передъ оградою города. Наступленіе баварцевъ прекратилось. Другая баварская дивизія 2го корпуса значительно отстала; осталась позади тоже и ближайшая колонна—5й корпусъ, слѣдовавшій по дурнымъ лѣснымъ дорогамъ, растворившимся отъ дождей; а потому первыми двинулись на выручку Ботмеру части 11го корпуса.

Авангардъ 11го корпуса, утромъ, достигъ указаннаго ему мѣста за р. Ляутеромъ. Находившійся при немъ командиръ корпуса генералъ Бозе, заслыша канонаду, рѣшилъ идти на выручку, хотя разстояніе было въ одну милю, и ближе 11го корпуса долженъ былъ находиться 5й корпусъ. Оставивъ авангардъ на мѣстѣ, Бозе повелъ на выстрѣлы остальныя части 21й дивизіи: всего 7 баталіоновъ, 1 эскадронъ и 12 орудій. Вскорѣ Бозе наткнулся на подошедшій между тѣмъ къ Ляутеру авангардъ 5го корпуса, который, заслыша канонаду, тоже собирался повернуть къ Вейсенбургу. Генералъ Бозе условился съ командиромъ 9й дивизіи, генераломъ Зандрартомъ (Sandrart), отъ которой былъ авангардъ 5го корпуса, что Зандрартъ пойдетъ прямо на Вейсенбургъ, по шоссе, а 21я дивизія— лѣвѣе шоссе, чтобъ охватить флангъ противника.

Около 9½ часовъ утра заслышана была канонада и въ главныхъ силахъ 5го корпуса. Командиръ его, генералъ Кирхбахъ, рѣшилъ идти на помощь. Онъ послалъ впередъ офицера генеральнаго штаба, узнать обстоятельства, и съ вопросомъ Ботмеру, въ какомъ направленіи желательно дѣйствіе войскъ 5го корпуса? Ботмеръ отвѣтилъ, что онъ „съ фронта ввязался въ упорный бой

и что противникъ угрожаетъ его правому флангу, а потому онъ полагаетъ, что давленіе на правый флангъ противника будетъ весьма полезно“ [1]). Самъ Кирхбахъ отправился затѣмъ впередъ, для ознакомленія съ мѣстностью и ходомъ боя, и ободрилъ баварцевъ обѣщаніемъ скорой поддержки.

Наслѣдный принцъ прибылъ на поле сраженія, къ Швейгхофу, въ $9^1/_4$ часовъ утра; онъ одобрилъ предположеніе Ботмера вести выжидательный бой впредь до прибытія помощи, и послалъ приказаніе въ $5^{\text{й}}$ и $11^{\text{й}}$ корпуса „ускорить движеніе“.

Главныя силы $5^{\text{го}}$ корпуса направились на Альтенштатъ; но, еще до прибытія ихъ пунктъ этотъ занятъ былъ безъ боя авангардомъ того же корпуса, повернувшимъ, какъ уже сказано, на выстрѣлы. Сѣвернѣе Альтенштата выставлена была пруссаками сильная батарея, дѣйствовавшая во флангъ по Вейсенбургу и по позиціи французовъ противуположнаго берега Ляутера. Прибывшія на поле сраженія войска авангарда $5^{\text{го}}$ корпуса двинулись отъ Альтенштатъ частью на вокзалъ, во флангъ Вейсенбургу, частью на Гейсбергъ; но тутъ и тамъ встрѣтили сильное сопротивленіе. Дѣло показалось пруссакамъ столь серьезнымъ, что Кирхбахъ потребовалъ впередъ корпусную свою артиллерію, на рысяхъ, а Бозе далъ приказаніе всѣмъ своимъ войскамъ „спѣшить къ Вейсенбургу“.

Вообще, къ 11 часамъ, противъ отряда Дуэ — всего на все, какъ уже сказано, 8 баталіоновъ, — находилось уже на лицо со стороны нѣмцевъ 3 бригады $5^{\text{го}}$ корпуса и одна $11^{\text{го}}$, а въ общей сложности съ баварцами — силы равныя тремъ дивизіямъ съ многочисленною артиллеріею; столько же нѣмецкихъ войскъ подходило еще къ полю сраженія. Къ Ботмеру скоро присоединился его боковой отрядъ, а въ 12 часовъ дня и головной полкъ отъ слѣдовавшей сзади $3^{\text{й}}$ баварской дивизіи.

Въ часъ кронпринцъ отдалъ приказаніе взять Вейсенбургъ [2]).

Еще въ началѣ $10^{\text{го}}$ часа Дуэ сознялъ необходимость отступленія; но для того, чтобы вывести изъ боя войска лѣваго фланга, находившіяся въ Вейсенбургѣ и у вокзала желѣзной дороги, ему надо было держаться временно на правомъ франгѣ, на Гейсбергѣ, противъ котораго нѣмцы, между тѣмъ, готовили охватывающую атаку.

---

[1]) „Исторія 5-го корпуса“, стр. 11. („Das V Armee-Corps im Kriege gegen Frankreich 1870-71“ Stieler von Heydekampf. Berlin, 1872). Впрочемъ можно замѣтить, что правому флангу Ботмера никто не угрожалъ.

[2]) „Оффиц. прус. ист. войны“, т. 1, стр. 189.

Едва Дуэ успѣлъ отдать соотвѣтственныя приказанія, какъ былъ убитъ. Оставшимся бригаднымъ командирамъ, изъ коихъ старшій, Пеле (Pellé), принялъ номинально общее командованіе, предстояла теперь нелегкая задача отступленія изъ боя. Вывести войска изъ ожесточеннаго боя было трудно: не всѣ ввязавшіяся французскія части могли отступить своевременно, и когда наконецъ пруссакамъ удалось, съ большими потерями, завладѣть вокзаломъ, а баварцамъ — ворваться въ Вейсенбургъ черезъ незащищаемыя уже ворота, то послѣдніе, запоздавшіе въ отступленіи защитники города, въ числѣ 500 человѣкъ, должны были положить оружіе; это было во 2^мъ часу по полудни.

Не мало труда и крови стоило тоже нѣмцамъ сбить французовъ съ правофланговой части ихъ позиціи, господствующей надъ мѣстностью, къ сѣверу и востоку отъ Вейсенбурга. Ключемъ этой позиціи была гора и замокъ Гейсбергъ. Туда направили рѣшительную, охватывающую аттаку части 5го и 11го прусскихъ корпусовъ. Послѣ упорнаго боя на склонахъ Гейсберга, прусскимъ войскамъ удалось оттѣснить Французовъ, прикрывавшихъ доступы къ замку; попытка овладѣть послѣднимъ открытою силою не удалась нѣмцамъ. Пришлось съ трудомъ ввести три батареи на уступъ горы (одну на 800 шаговъ отъ замка), и открыть изъ нихъ огонь; но замокъ не сдавался. Наконецъ Французы были сбиты съ господствующей высоты, находившейся позади замка, на которую пруссаки ввезли затѣмъ двѣ батареи. Тогда наконецъ французы занимавшіе замокъ приняли предложеніе сдаться и положили оружіе въ числѣ 200 человѣкъ. Во время этого боя раненъ легко въ голову командиръ 5го прусскаго корпуса, генералъ Кирхбахъ.

Въ 3^мъ часу французы находились въ полномъ отступленіи, преслѣдуемые огнемъ наступающихъ пруссаковъ. Прибывшій въ то время къ Гейсбергу наслѣдный принцъ приказалъ пѣхотѣ прекратить преслѣдованіе, которое предполагалъ возложить на 4^ю кавалерійскую дивизію. Еще въ 11 часовъ дня послано было за означенною дивизіею, но она тогда еще не прибыла на назначенное ей по диспозиціи мѣсто къ Оттербаху (сѣвернѣе Швейгенхофенъ), будучи задержана по пути 10^ою пѣхотною дивизіею, шедшею по дурной дорогѣ. Изъ дивизіонной кавалеріи оказался подъ рукою одинъ только, на скоро собранный, 4ый драгунскій полкъ отъ 9^й пѣхотной дивизіи. Наслѣдный принцъ приказалъ полку этому начать преслѣдованіе и раскрыть куда ушелъ противникъ. — Послѣдній въ то время успѣлъ уже скрыться изъ виду нѣмецкихъ войскъ.

Наслѣдный принцъ, часу въ 3^мъ, приказалъ всѣмъ бывшимъ у Вейсенбурга войскамъ расположиться бивуакомъ. Командиръ 5го корпуса, съ своей стороны, назначилъ въ авангардъ бригаду пѣхоты, съ батареею и 2 эскадронами кавалеріи, съ приказаніемъ имѣть прикосновеніе съ непріятелемъ, который предполагался на Гагенауской дорогѣ.

Неучаствовавшіе въ дѣлѣ корпуса: 1^й баварскій Танна, сводный корпусъ Вердера и 4^я кавалерійская дивизія имѣли ночлеги согласно данной наканунѣ диспозиціи.

Отъ 4го драгунскаго полка поспѣло къ вечеру 4 числа слѣдующее донесеніе [1]): „Развѣдка объ оступленіи противника, согласно приказанію, исполнена по Гагенауской дорогѣ и доведена до Зульца. По пройденному пути ничего относительно противника не раскрыто. По единогласному отзыву нѣсколкихъ отысканныхъ жителей, по этой дорогѣ отошло только немного французовъ. Зульцъ оказался занятымъ непріятельскою пѣхотою; проникнуть далѣе было невозможно. Однако, на высотахъ южнѣе Зульца замѣтны были немалыя колонны пѣхоты. За большимъ разстояніемъ, невозможно было точнѣе оцѣнить ихъ силу".

И такъ, слѣдъ отступившихъ отъ Вейсенбурга французовъ былъ потерянъ прусскою кавалерію 5го корпуса, направившеюся по Гагенауской дорогѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаютъ это дѣло прусскіе же историки. Въ дѣйствительности остатки французской бригады, сражавшейся въ Вейсенбургѣ и на Гейсбергѣ, отступили на Зульцъ и далѣе на Гагенау; остальныя же войска, а именно: полкъ тюркосовъ, вся артиллерія и конная бригада Септейля отошли на Климбахъ, на мѣсто указанное Дюкро [2]). Затѣмъ остается невыясненнымъ, почему именно баварская конница не была направлена правѣе прусской? Баварцы (весь 2^й корпусъ) ночевали южнѣе Вейсенбурга, очень близко отъ Климбаха, куда отступила часть французовъ (всего верстъ 7), между тѣмъ какъ 2^й полкъ баварскихъ шволежеровъ, еще во время дѣла, обошелъ Вейсенбургъ съ юга, съ намѣреніемъ захватить французовъ, находившихся тогда еще въ городѣ [3]).

Потери нѣмцевъ въ дѣлѣ были нѣсколько болѣе 1.500 человѣкъ. Плѣнныхъ они, согласно оффиціальной прусской исторіи, взяли до 1.000 человѣкъ. Общій уронъ французовъ въ этомъ дѣлѣ опредѣляется маршаломъ Макъ-Магономъ въ 1.500 человѣкъ.

---

[1]) „5-й корпусъ въ войнѣ противъ Франціи 1870/1 г.", стр. 21.

[2]) Донесеніе генерала Пеле, приведенное въ сочиненіи „Операціи 3-й арміи", стр. 27 и прибавленіе къ 4 книжкѣ I тома официальной прусской исторіи.

[3]) „Исторія 2-го баварскаго корпуса", стр. 11.

Нельзя не замѣтить, что результатъ, достигнутый 3ю нѣмецкою арміей подъ Вейсенбургомъ, далеко не соотвѣтствовалъ употребленнымъ въ дѣло силамъ и принесеннымъ жертвамъ. Слабый отрядъ французовъ, изъ 8 баталіоновъ при 12 орудіяхъ (6 картечницъ въ счетъ орудій принимать нельзя), въ теченіе болѣе 6 часовъ выдержалъ на мѣстѣ бой съ значительно превосходными силами нѣмецкой арміи. Нѣмцы двинули противъ французскаго отряда цѣлыхъ три корпуса съ многочисленною артиллеріею. Они ввели непосредственно въ бой 32 баталіона и 14 батерей [1]). Не смотря на все это, французскій отрядъ, правда не безъ чувствительныхъ потерь, спокойно вышелъ изъ боя, и часть его расположилась, верстахъ въ 7 отъ нѣмцевъ, еще засвѣтло.

При громадномъ превосходствѣ силъ нѣмцевъ, они, безусловно, должны были охватить и совершенно уничтожить слабый французскій отрядъ; для этого нужно было только соотвѣтственно усилить ту боковую колонну, которая слѣдовала правѣе баварской дивизіи Ботмера. На полную возможность обхода позиціи на Ляутерѣ вообще, съ лѣваго ея фланга, указалъ, между прочимъ, и маршалъ Макъ-Магонъ, въ своихъ показаніяхъ слѣдственной парламентской коммисіи [2]). Начальство 3й нѣмецкой арміи видимо не имѣло достаточныхъ свѣдѣній о противникѣ, что впрочемъ явствуетъ и изъ диспозиціи на 4 число. Причина, вѣроятно, та, что нѣмецкая кавалерія вообще, а конница 3й арміи — въ особенности, въ этотъ начальный періодъ кампаніи не отличалась еще особою дѣятельностью и предпріимчивостью.

Собственно съ точки зрѣнія разбираемаго въ настоящемъ сочиненіи вопроса обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее:

Не только ближайшая къ Вейсенбургу колонна 5го корпуса, но и болѣе удаленный 11й корпусъ поспѣшилъ на помощь Ботмеру. Причемъ прусскіе частные начальники не довольствовались простымъ движеніемъ на выстрѣлы, но заранѣе, съ мѣста заботились о томъ, чтобы помощь ихъ поспѣла именно въ должномъ направленіи. Они направляли усилія независимыхъ другъ отъ друга частей войскъ возможно связно. Дружнымъ и согласнымъ дѣйствіемъ своимъ они замѣняли общее управленіе свыше и приказанія, которыя во-время никакъ не могли быть получены.

---

[1]) 5-й и 11-й прускіе и 2-й баварскій; кромѣ того вытребованъ былъ впередъ еще 1-й баварскій корпусъ, но не дошелъ. Изъ приложенія 9-го къ 1 тому оффиціальной прусской исторіи видно, что 32 баталіона 3-й арміи понесли потери въ дѣлѣ при Вейсенбургѣ, а въ сочиненіи „Нѣмецкая артиллерія и проч. 1870—71“, въ книгѣ 1, стр. 61, показанъ расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ Вейсенбургскомъ дѣлѣ, причемъ поименовано 14 батарей съ общимъ расходомъ болѣе 1,500 гранатъ.

[2]) Сказано въ сочиненіи Базена „Эпизоды“ и проч., стр. 138.

И такъ: командиръ 5го корпуса предувѣдомилъ Ботмера о своемъ прибытіи и спросилъ, въ какомъ именно направленіи желательно участіе въ боѣ войскъ 5го корпуса? Затѣмъ, самъ онъ, опередивъ свои войска, прибылъ заранѣе на поле битвы, чтобы лучше ознакомиться съ обстоятельствами дѣла. Также дружно и связно съ другими войсками дѣйствовала большая батарея 5го корпуса, стрѣляя во флангъ по Вейсенбургу, аттакуемому баварцами. Подобнымъ же образомъ командиръ 11го корпуса условился съ командиромъ головной дивизіи 5го корпуса, генераломъ Зандрартомъ, что войска послѣдняго пойдутъ прямо на Вейсенбургъ (съ востока), а лѣвѣе ихъ — войска 11го корпуса, для болѣе полнаго охвата праваго фланга противника.

Наконецъ правофланговый боковой отрядъ Ботмера, дойдя до указаннаго на р. Ляутеръ мѣста и не заставъ тамъ непріятеля, поспѣшилъ на мѣсто боя и дѣйствовалъ во флангъ Вейсенбургу,

---

Что касается дѣйствій французовъ, то смѣнявшіеся у Климбаха полки ихъ, бывшіе въ разстояніи верстъ 7 отъ поля сраженія, не поспѣшили на выручку своимъ, хотя бы для облегченія ихъ отступленія.

Но подобное безучастіе французскихъ начальниковъ было, къ сожалѣнію, явленіемъ заурядным въ описываемую войну, а потому болѣе интереса представляетъ вопросъ: какимъ образомъ вообще слабый отрядъ Дуэ могъ быть подвергнутъ ударамъ цѣлой непріятельской арміи?

Съ перваго взгляда казалось-бы, что причиною пораженія французовъ у Вейсенбурга былъ отрицательный результатъ развѣдки, направленной утромъ къ сторонѣ дѣйствительно наступавшей уже арміи кронпринца Прусскаго; но причина эта, въ сущности, только второстепенная, въ дѣйствительности же — разъ пѣхотная дивизія Дуэ поставлена была въ первую линію, лицемъ къ закрытому пространству, безъ достаточно выдвинутаго впередъ авангарда, то избѣжать неравнаго боя она могла развѣ по особой счастливой случайности, которая на сей разъ не приключилась.

Если, по принятому обыкновенію, отыскивать виновныхъ въ постигшемъ французовъ пораженіи, то можно, пожалуй, придраться и къ Макъ-Магону, выдвинувшему одинокую дивизію на опасное мѣсто, и къ Дюкро, якобы приказавшему Дуэ принять бой и держаться на позиціи; можно обвинять самаго Дуэ за то, что онъ не сумѣлъ лучше оберегать свое расположеніе, и, наконецъ,—начальника злополучной развѣдки, не замѣтившей цѣлой приближающейся

арміи. А между тѣмъ, каждый изъ обвиняемыхъ вѣроятно могъ бы сослаться на какія либо полученныя приказанія или на собственныя свои посильныя распоряженія. Въ концѣ-концовъ выйдетъ, что каждый порознь — правъ, а между тѣмъ фактъ безцѣльнаго боя и пораженія одинокой французской дивизіи все таки останется фактомъ.

Разгадка всего этого кроется едвали не опять таки въ системѣ французской централизаціи, независимо общей неурядицы. Сквозитъ все это даже черезъ неполныя данныя, которыя имѣются подъ рукою. Вотъ фактическая сторона дѣла, на сколько возможно ее возстановить [1]).

Маршалъ Ле-Бефъ за нѣсколько дней до Вейсенбургскаго дѣла предостерегалъ Макъ-Магона о сборѣ въ Пфальцѣ значительныхъ силъ непріятеля и требовалъ, чтобы Макъ-Магонъ стянулъ свои войска на пути, ведущіе изъ Нижняго-Эльзаса къ Бичу (вѣроятно, въ видахъ обезпеченія праваго фланга арміи, стоявшей впереди Меца). На этомъ основаніи, надо предполагать, Макъ-Магонъ направилъ дивизію Дуэ къ Вейсенбургу, а двѣ другія стянулъ къ Рейхсхофену [2]).

Генералъ Дюкро́, которому подчинены были передовыя войска 1го французскаго корпуса, съ своей стороны, какъ онъ завѣряетъ, не былъ въ пользу непосредственнаго занятія границы и на этомъ основаніи приказалъ очистить Вейсенбургъ и Ляутербургъ; но онъ долженъ былъ отмѣнить свое распоряженіе, во первыхъ, въ виду того, что маршалъ Ле-Бефъ, какъ будто нашелъ (paru trouver), что граница слишкомъ оголена, далѣе, вслѣдствіе жалобы префекта департамента, наконецъ, по требованію интендантства арміи, которое въ ожиданіи наступательной войны собрало значительные запасы на самой граничной чертѣ. Изъ всего этого видно, что ближайшее войсковое начальство не было свободно въ выборѣ надлежащихъ, сообразныхъ обстановкѣ мѣропріятій.

Наконецъ, французская централизація врывалась даже въ тактическія подробности, хотя бы самыя мелкія. Изъ показаній маршала Макъ-Магона видно, что онъ отдалъ Дуэ приказаніе „стать на высотѣ Голубятни“ (Pigeonnier), въ лѣсу, версты 3 — 4 къ

---

[1]) Факты позаимствованы изъ сочиненія Базена, стр. 138, оффиціальной прусской исторіи войны, т. 1 стр. 178—179 и изъ исторіи нѣмецкой артиллеріи, кн. 1, стр. 12—14.

[2]) Отъ Бича ведутъ въ Нижній-Эльзасъ и къ Рейну два главные пути: одинъ прямо на востокъ, черезъ Вейсенбургъ и Ляутербургъ, а другой — къ юго-востоку, черезъ Рейхсхофенъ и Гагенау, въ Страсбургъ. Отъ послѣдняго пути отходитъ у Рейхсхофена вѣтвь къ востоку, на Зульцъ и Зельцъ.

юго-западу отъ Вейсенбурга, по пути въ Рейхсхофенъ. Къ этому маршалъ добавляетъ:

„Я былъ еще въ Страсбургѣ и писалъ“ (вѣроятно 3 числа), „что прибуду утромъ, чтобы узнать слѣдуетъ ли, или нѣтъ, оставить баталіонъ въ Вейсенбургѣ“.

Но пока командиръ французской арміи собирался лично на мѣстѣ обсудить дѣло о расположеніи „одного баталіона“, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ уже нѣмцами: баталіонъ взятъ ими въ плѣнъ, храбрая дивизія разбита; самъ командиръ ея палъ на полѣ сраженія.

Таковы были и на сей разъ плоды французской централизаціи, желавшей распоряжаться всѣмъ, всегда и вездѣ и ни въ чемъ не успѣвавшей.

Независимо этого нельзя не замѣтить, что французскіе начальники какъ будто вовсе не сознавали опасности, грозившей отъ собравшейся по близости арміи наслѣднаго Прусскаго принца. Они, видимо, не имѣли о ней никакого, сколько нибудь точнаго представленія. Вальтеръ не безъ основанія замѣчаетъ въ сочиненіи своемъ, что это произошло отъ неправильнаго распредѣленія кавалеріи Макъ-Магона, державшаго значительную часть ея позади расположенія всѣхъ войскъ 1го корпуса.

Совершенно непонятенъ отрицательный результатъ ничего не раскрывшей развѣдки французовъ, произведенной однимъ баталіономъ съ 2 эскадронами, рано утромъ 4 числа, противъ нѣмцевъ, находившихся въ то время всего въ нѣсколькихъ верстахъ. По винѣ этой рекогносцировки, отрядъ Дуэ застигнутъ былъ „совершенно врасплохъ“.

По этому случаю нельзя не замѣтить, что подобное явленіе,— то есть недостатокъ должной охраны отъ непредвидѣнныхъ столкновеній съ нѣмцами въ эту войну,—было вообще едвали не заурядным у французовъ. Затронувъ, хотя мимоходомъ, этотъ общій, по существу весьма важный вопросъ, нельзя довольствоваться ходячимъ мнѣніемъ о „безпечности и легкомыслія французовъ вообще“. Допустить что либо подобное можно только въ частныхъ, единичныхъ случаяхъ. Безпечность и легкомысліе на войнѣ, это—преступленія капитальныя. Обвинить въ нихъ поголовно цѣлую храбрую армію и, по меньшей мѣрѣ, самоотверженныхъ въ бою ея начальниковъ, — никакъ не возможно. Тутъ кроется иная, общая причина.

Французская кавалерія была, правда, вообще, мало предпріимчива и какъ будто неподвижна; на нее, видимо, смотрѣли еще съ точки зрѣнія Мюрата, какъ на боевую силу въ рѣшительныхъ сраженіяхъ. Но бѣда еще не въ томъ, такъ-какъ дѣйствія на полѣ

сраженія не исключаютъ дѣльныхъ и толковыхъ развѣдокъ внѣ боя. Настоящая причина общей плохой оріентировки французовъ едвали не та, что они при пѣхотѣ вовсе не имѣли постоянной дивизіонной кавалеріи.

Первою тактическою единицею, соединяющею въ себѣ всѣ три рода оружія, былъ у французовъ корпусъ, въ составѣ 3 — 4 дивизій пѣхоты съ одною дивизіею кавалеріи (у Макъ-Магона было двѣ). Если принять въ соображеніе, какія значительныя пространства въ ширину и глубину занимаетъ сильнаго состава корпусъ на квартирахъ, въ походѣ и въ бою, то дѣлается совершенно понятно, что корпусное начальство никакъ не можетъ управиться съ кавалеріею, присутствіе и дѣятельность коей требуется одновременно во многихъ мѣстахъ. При ежедневно мѣняющейся обстановкѣ, корпусное начальство не можетъ даже основательно управиться съ распредѣленіемъ кавалеріи по пѣхотнымъ колоннамъ, съ назначеніемъ ей особыхъ задачъ и т. п. Но допустимъ даже, что ничего не забыто и не упущено, что до каждой пѣхотной и до каждой подлежащей кавалерійской части своевременно дойдетъ приказаніе о распредѣленіи по отрядамъ и колоннамъ, наконецъ, что части пѣхоты и конницы дѣйствительно будутъ имѣть возможность соединиться, или войти въ тѣсную между собою связь, согласно приказанію корпуснаго начальства; допустимъ, повторяю, что всегда и вездѣ произойдетъ это болѣе нежели сомнительное совпаденіе всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, то въ концѣ-концовъ спрашивается: можетъ-ли быть связною и толковою совмѣстная служба чуждыхъ себѣ частей войскъ, слѣпленныхъ на короткое время дневнымъ приказомъ? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Да и всегда ли очутится при пѣхотѣ соотвѣтственная кавалерія? Во многихъ случаяхъ ее вовсе не окажется [1]).

Оставляя открытыми эти вопросы, которые могли бы завести далеко за предѣлы настоящаго изслѣдованія, позволительно однако, на основаніи изученія кампаніи 70 года, выразить мнѣніе, что многіе промахи и неудачи французовъ въ описываемую войну могли произойти просто отъ отсутствія у нихъ постоянной при пѣхотѣ конницы, и что то-же самое готовятъ себѣ всѣ тѣ арміи, которыя сохранили подобную-же неудовлетворительную организацію.

---

[1]) Мы видѣли, напримѣръ, что 4-ая кавалерійская прусская дивизія при Вейсенбургѣ, предназначенная для преслѣдованія противника, въ свое время отыскана не была и пришлось хватиться за ближайшій на полѣ битвы конный полкъ, бывшій въ составѣ пѣхотной дивизіи.

VII.

Наступленіе 3й нѣмецкой арміи 5 августа, сраженіе при Вертъ-Рейхсхофенъ 6 августа и преслѣдованіе французовъ нѣмецкою конницею 7 авгус.

Распоряженія по 3й арміи на 5 августа. Исполненіе. Результатъ развѣдокъ — присутствіе французовъ на позиціи у Верта. Соображенія начальства 3ей нѣмецкой арміи и распоряженія на 6 августа. — Расположеніе нѣмцевъ предъ боемъ. — Распоряженія командира 1го французскаго корпуса маршала Макъ-Магона. — Позиція и расположеніе французовъ предъ боемъ. — Предварительный очеркъ сраженія. — Описаніе сраженія. — Положеніе противныхъ сторонъ послѣ сраженія. Дѣйствія нѣмецкой преслѣдующей конницы: потеря слѣдовъ французовъ 7 августа. — Взглядъ на дѣйствія нѣмецкаго начальства: неожиданный общій бой безъ управленія свыше. Побѣда одержана особою энергіею и распорядительностью генерала Кирхбаха, поддержаннаго другими частными начальниками: они не вполнѣ замѣнили управленіе свыше. — Отсрочка аттаки нѣмцевъ до 7 августа не оправдана обстановкою. Недостаточное пользованіе конницею и малая предпріимчивость послѣдней. — Взглядъ на дѣйствія французскихъ начальниковъ: легкое отношеніе къ предстоявшему столкновенію съ противникомъ. Бездѣйствіе 5го корпуса. Проявленіе общихъ отрицательныхъ свойствъ французскихъ начальниковъ. — Параллель между „Вертомъ“ и „Шпихерномъ“.

(чертежъ № 5).

Еще до полученія донесеній отъ прусской кавалеріи, посланной для преслѣдованія разбитой у Вейсенбурга французской дивизіи, дана была 3ей нѣмецкой арміи слѣдующая диспозиція [1]):

„Главная квартира Швейнгхофенъ, 4 августа“.

„Завтрашняго числа армія продолжаетъ наступленіе на Страсбургъ, для чего войскамъ выступить“:

„1) 4ая кавалерійская дивизія въ 5 часовъ утра выступаетъ на Альтенштатъ по Гагенауской дорогѣ, чтобы отыскать противника и вообще освѣтить мѣстность по направленію къ Гагенау, Суффельнхеймъ и Роппенхеймъ. Одинъ полкъ направить отъ Зульца на западъ, къ Верту; ему освѣтить мѣстность до Рейхсхофена; желѣзныя дороги у Гагенау и Рейхсхофена возможно болѣе попортить“.

„2) 2му баварскому корпусу Гартмана наступать по шоссе на Бичъ до Лембаха; расположиться тамъ бивуакомъ; аванпосты выдвинуть за Лембахъ, въ связи съ аванпостами 5го корпуса, которые на Зауэрбахѣ. Выступленіе въ 5 часовъ“.

---

[1]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 29.

„3) 11ый армейскій корпусъ по Гагенауской дорогѣ и по полотну желѣзной дороги до Зульца; располагается бивуакомъ южнѣе этого пункта; аванпосты выдвинуть въ Гагенаускій лѣсъ. Выступленіе въ 6 часовъ утра".

„4). 5ый армейскій корпусъ выступаетъ въ 8 часовъ, направляется двумя колоннами черезъ Зульцъ на Прейшдорфъ и выдвигаетъ аванпосты по направленію на Рейхсхофенъ, фронтомъ къ Верту".

„5) Корпусъ Вердера идетъ въ направленіи на Зульцъ и располагается бивуакомъ западнѣе Ашбаха, при желѣзной дорогѣ. Аванпосты выдвинуть противъ Ритерсхофенъ, Хаттенъ и Нидеръ-Редернъ. Выступленіе съ бивуака въ 6 часовъ утра".

„6) 1ый баварскій корпусъ Фонъ-деръ-Таннъ подымается въ 6 часовъ утра и идетъ черезъ Альтенштатъ на бивуакъ у Ингольсхеймъ".

„7) Главная квартира предполагается завтра въ Зульцѣ. Обозы притянуть: 2го баварскаго корпуса къ Вейсенбургу, а остальныхъ — до р. Лаутеръ [1]).

подп. „Фридрихъ-Вильгельмъ
Кронпринцъ".

Диспозиція эта составлена была подъ вліяніемъ неизвѣстности относительно мѣста нахожденія главныхъ силъ Макъ-Магона. Для разсѣянія сомнѣній въ этомъ отношеніи не помогло бы и отысканіе слѣдовъ отступленія разбитой подъ Вейсенбургомъ французской дивизіи, такъ-какъ послѣдняя, охваченная въ бою съ своего праваго фланга и сбитая съ позиціи, не имѣла уже свободы выбора кратчайшихъ путей для присоединенія къ арміи Макъ-Магона.

Въ виду этой обстановки, диспозиція имѣла цѣлью: во первыхъ, основательное освѣщеніе мѣстности къ югу, и такое расположеніе и сосредоточеніе нѣмецкихъ корпусовъ, при которомъ, смотря по обстоятельствамъ, можно-бы одинаково удобно дѣйствовать или къ югу, по направленію на Гагенау (Страсбургъ), или же на западъ— на Рейхсхофенъ (Саверпъ), или Бичъ. Фронтомъ на югъ должны были стать корпуса: Вердера и правѣе его 11й нѣмецкій — оба лицемъ на Гагенаускій лѣсъ; 5й корпусъ доженъ былъ расположиться фронтомъ на западъ; т. е. Вертъ (Рейхсхофенъ), съ аванпостомъ по ручью Зауэру (Sauer или Sauerbach) и въ связи съ 11мъ корпусомъ, а правѣе 5го корпуса и въ связи съ нимъ — 2ой баварскій, тоже фронтомъ на западъ. 1ый баварскій корпусъ направленъ былъ въ середину общаго расположенія, какъ будто въ видѣ главнаго резерва.

---

[1]) Приведенныя въ этой диспозиціи названія пишутся: Suffelnheim, Roppenheim, Sulz, Preuschdorf, Aschbach, Rittershoffen, Hatten, Nieder-Rödern, Ingolsheim, Woerth.

2ой баварскій корпусъ, наступая на Лембахъ, напалъ на явные слѣды отступленія французовъ. По показаніямъ жителей, французы отошли на Лянгензульцбахъ (Langensulzbach, направленіе на Рейхсхофенъ), что и подтвердилось въ теченіе дня перестрѣлкою на баварскихъ аванпостахъ, выдвинутыхъ къ Матшталю (Mattstall).

5ый корпусъ, прибывъ къ Прейшдорфу, получилъ отъ разъѣздовъ 4ой кавалерійской дивизіи донесеніе, что на высотахъ праваго берега ручья Зауэра находится сильный отрядъ непріятеля, изъ трехъ родовъ оружія. Рекогносцировка начальника штаба корпуса, полковника Эша (Esch), и начальника авангарда, генерала Вальтера (Walther de Monbary), подтвердила это извѣстіе, почему и рѣшено было ими не занимать Верта, а расположить аванпосты по сю сторону р. Зауэра, тѣмъ болѣе, что войска корпуса сильно устали отъ жары и труднаго похода, такъ какъ одна дивизія шла по узкой горной дорогѣ, а другая — позади 11го корпуса. Командиръ 5го корпуса Кирхбахъ, прибывъ къ Верту, одобрилъ эти распоряженія.

Остальные три корпуса достигли назначенныхъ по диспозиціи пунктовъ, и только головныя части 11го корпуса имѣли небольшую перестрѣлку у Зульца.

Вообще нѣмецкія войска по причинѣ жары очень устали, въ особенности же 1й баварскій корпусъ, который у Вейсенбурга наткнулся на бивуакъ 5го корпуса и безполезно простоялъ на мѣстѣ нѣсколько часовъ. Одна изъ дивизій 2го баварскаго корпуса прибыла на ночлегъ только въ 11 часовъ ночи, а корпусная артиллерія—только въ полночь; въ добавокъ, на бивуакѣ оказался такой недостатокъ въ водѣ, что даже не было возможности сварить пищу [1]).

Шедшая впереди нѣмецкихъ корпусовъ 4я кавалерійская дивизія направилась главными силами на Зульцъ, гдѣ и остановилась, двинувъ уланскую бригаду, съ однимъ эскадрономъ 2го лейбъ-гусарскаго полка, прямо на Гагенау; два эскадрона того же гусарскаго полка направлены вправо — на Рейхсхофенъ, а одинъ влѣво, къ р. Рейну, на Роппенхеймъ.

Уланская бригада, обезпечивъ свои фланги двумя отдѣльными боковыми разъѣздами, силою въ эскадронъ каждый, безпрепятственно вошла въ Гагенаускій лѣсъ и безъ сопротивленія достигла южной окраины его—не доходя Гагенау; но тутъ нашла разрушенный мостъ, и встрѣчена ружейнымъ огнемъ. Неспособная къ пѣшему бою, бригада повернула назадъ, преслѣдуемая въ лѣсу французскими застрѣльщиками. Лѣвый уланскій разъѣздъ наткнулся

---

1) Исторія 2-го баварскаго корпуса.

на засѣку, по сѣверной опушкѣ лѣса у Обертсдорфъ (Obertsdorf), а лѣвый гусарскій — на отрядъ французской пѣхоты у Суффельхеймъ. Разъѣзды эти узнали, будто непріятель собирается у Гагенау.

Болѣе важныя, а главное — достовѣрныя свѣдѣнія доставили правофланговые разъѣзды. Уланскій разъѣздъ напалъ на слѣды отступленія французовъ отъ Вейсенбурга и, переправившись черезъ Зауэръ у Гунштета (Gunstädt), разглядѣлъ французскій лагерь на противуположномъ берегу ручья, и тамъ встрѣченъ былъ ружейнымъ огнемъ. Гусарскій разъѣздъ (два эскадрона) направился на Зауэръ, правѣе уланъ — къ Верту и засталъ тамъ мостъ сломаннымъ; разъѣздъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ изъ этой деревни и гранатнымъ съ высотъ противуположнаго берега, на которомъ виднѣлось движеніе большихъ массъ французскихъ войскъ.

Вообще нѣмцами дознано было, что французы въ большихъ силахъ находятся на высотахъ лѣваго берега Зауэра, въ окрестности Верта. Положеніе дѣль у Гагенау не выяснилось въ надлежащей степени, но нѣмцы (какъ объясняетъ исторія 3ⁱⁱ арміи), предполагали, что находящіяся тамъ французскія войска имѣютъ только задачу прикрыть желѣзную дорогу, тѣмъ болѣе, что съ участка желѣзной дороги между Гагенау и Рейхсхофеномъ слышенъ былъ гулъ частыхъ поѣздовъ и свистъ паровозовъ. Желѣзная дорога прусскою конницею нигдѣ попорчена не была, не смотря на прямое указаніе въ диспозиціи, данной 4ⁱⁱ кавалерійской дивизіи.

Изъ сопоставленія добытыхъ свѣдѣній, начальство 3ⁱⁱ нѣмецкой арміи заключило, что разбитая подъ Вейсенбургомъ дивизія Дуэ находится на правомъ берегу р. Зауэра, въ окрестности Верта, гдѣ она соединилась съ сильнымъ отрядомъ. Произведенныя въ тотъ-же день рекогносцировки офицеровъ генеральнаго штаба, изъ главной квартиры арміи, дополнили эти свѣдѣнія. Оказалось, что мосты черезъ ручей Зауэръ сломаны, по ручью на томъ берегу стояли французскіе аванпосты, а позади ихъ, — вправо и влѣво отъ дороги, идущей отъ Верта на Рейхсхофенъ, виднѣлись большіе французскіе бивуаки. Другіе французскіе бивуаки замѣчены и далѣе къ югу — у Эльзасхаузена и Эбербаха.

Для начальства 3ⁱⁱ нѣмецкой арміи, какъ значится въ спеціальной ея исторіи [1]), „не подлежало уже сомнѣнію, что на Гагенау отступила только часть разбитыхъ подъ Вейсенбургомъ войскъ противника и что Макъ-Магонъ со всѣмъ своимъ корпусомъ, быть

[1]) „Исторія 3 арміи“, стр. 34—35.

можетъ усиленный частями 5го и 7го французскихъ корпусовъ, находится на сильной позиціи за Зауэромъ".

Кронпринцъ рѣшилъ аттаковать непріятеля всѣми своими силами 7 числа августа, а 6 число употребить для лучшаго сосредоточенія своей арміи и соотвѣтственной перемѣны фронта.

Въ 5½ часовъ по-полудни 5 августа расозлана была войскамъ 3ей германской арміи слѣдующая диспозиція [1]):

„Армія остается завтра сосредоточенною вокругъ Зульца, но перемѣнить фронтъ":

„1) 2ой баварскій и 5ый прусскій корпуса остаются въ нынѣшнемъ своемъ расположеніи у Лембаха и Прейшдорфа".

„2) 11ый прусскій корпусъ перемѣняетъ фронтъ на право и бивуакируетъ у Хельшлёха, занимая Зурбургъ и дорогу на Гагенау".

„3) 1ый баварскій корпусъ подвигается впередъ до Лобезамъ и Лямпертслёхъ. Аванпосты выдвинуть черезъ лѣсъ на р. Зауэръ".

„4) 4я кавалерійская дивизія остается на бивуакѣ, но перемѣняетъ фронтъ на западъ".

„5) Корпусъ Вердера идетъ на Реймерсвейлеръ — фронтъ на югъ. Аванпосты выдвинуть къ Гагенаускому лѣсу".

„Дорогу у Кюлендорфъ и желѣзную дорогу у Хоффенъ занять сильными передовыми отрядами".

„6) Главная квартира остается въ Зульцѣ" [2]).

(подп.) „Фридрихъ-Вильгельмъ
Кронпринцъ".

Изъ этой диспозиціи видно, что начальство 3й германской арміи, не смотря на приведенное выше увѣреніе, высказанное въ спеціальной исторіи этой арміи, вовсе не было убѣждено окончательно въ томъ, что у Гагенау находятся только ничтожныя силы французовъ и что, слѣдовательно, съ этой стороны, т. е. съ юга, не грозитъ никакая опасность. Диспозиція доказываетъ совершенно противное: согласно ей, вниманіе и силы 11го корпуса развлекались на западъ и на югъ, а фронту корпуса Вердера дано прямо южное направленіе. Да и не могло было быть иначе, коль скоро прусская кавалерія не исполнила своей задачи — не проникнувъ за Гагенаускій лѣсъ, и не доставила съ той стороны обстоятельныхъ свѣдѣній. Ближайшимъ послѣдствіемъ отсутствія болѣе точныхъ свѣдѣній со стороны Гагенау было то, что бо́льшая часть корпуса Вердера не могла принять участія въ бою, разыгравшемуся на другой день на ручьѣ Зауэръ.

---

[1]) „Исторія 3-й арміи", стр. 35.

[2]) Упоминаемыя въ этой диспоціи названія пишутся: Hölschloch, Surburg или Surbourg, Lobsam, Lampertsloch, Reimersweiler, Kühlendorf, Hoffen.

Въ ночь съ 5 на 6 число, прямо противъ Верта стоялъ авангардъ 5го прусскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Вальтера; правѣе его, на Зауэрѣ, у Гердорфа (Goersdorf, версты 1½ сѣвернѣе Верта), выставленъ боковой отрядъ и такой же — лѣвѣе, на ручьѣ Зауэръ, у Шпахбаха (Spachbach) и Гунштета (1½ и 2½ версты южѣе Верта), аванпосты корпуса тянулись по Зауэру. Главныя силы корпуса находились у Прейшдорфа, версты 4 восточнѣе Верта. Вообще, 5ый корпусъ стоялъ прямо противъ центра французовъ.

Сѣвернѣе Прейшдорфа, верстахъ въ 5—6, у Лембаха находился 2ой баварскій корпусъ. Согласно диспозиціи, данной 3^ей^ арміи на 6 число, къ правому флангу 5го корпуса долженъ былъ приблизиться въ тотъ день 1ый баварскій, а къ лѣвому — 11ый корпусъ, каждый какъ бы уступомъ позади 5го корпуса.

2ой баварскій корпусъ могъ по расположенію своему направиться прямо въ лѣвый флангъ позиціи французовъ. На этомъ основаніи, кронпринцъ, принимая во вниманіе возможность, что Макъ-Магонъ могъ 6 числа отойти назадъ, или же броситься всѣми силами на противустоящій ему 5^й^ корпусъ, приказалъ, независимо общей диспозиціи, дать еще особое указаніе 2^му^ баварскому корпусу, въ коемъ (за подписью начальника штаба арміи, генерала Блюменталя) значилось, что „ближайшая цѣль пока не та, чтобы разбить непріятеля, но удержать его постоянными нападеніями для того, чтобы не дать ему отойти къ главной французской арміи. Если 6го утромъ послышится канонада у Верта, то одною дивизіею черезъ Лангензульцбахъ аттаковать лѣвый флангъ противника". Къ этому добавлено еще, что „движеніе это можетъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія" [1]). О столь существенномъ указаніи, данномъ главною квартирою 2^му^ баварскому корпусу, другіе корпуса увѣдомлены не были. Обстоятельство, которое весьма вѣско отозвалось въ перипетіяхъ боя слѣдующаго дня. Для наступленія, предвидѣннаго на основаніи помянутаго указанія, командиръ 2го баварскаго корпуса назначилъ 4^ю^ дивизію Ботмера, усиливъ ее изъ резерва двумя пѣшими батареями и 6 эскадронами, при конной батареѣ. Дивизія выставила къ Матцталю авангардъ (4 баталіона, 1 эскадронъ и батарею).

Маршалъ Макъ-Магонъ еще 4 числа, въ день Вейсенбургскаго дѣла, собралъ главныя силы своего корпуса на правомъ

[1]) „Исторія 3-й арміи", стр. 36. „Исторія 2-го баварскаго корпуса", стр. 15 и 18. „Оффиціальная прусская исторія войны" т. 1, стр. 216.

берегу ручья Зауэръ у Рейхсхофена, фронтомъ къ Верту. Туда же приказалъ направить изъ Кольмара готовую уже дивизію Консейль-Дюменилъ (Conseil-Dumesnil) 7го корпуса. Избранное Макъ-Магономъ расположеніе было фланговымъ по отношенію наступательнаго движенія нѣмцевъ — на Страсбургъ. Отъ Рейхсхофена Макъ-Магонъ, смотря по обстоятельствамъ, могъ двинуться на присоединеніе къ Базену черезъ Бичъ, или же отойти южнѣе черезъ Савернъ (Saverne или Zabern).

Маршалъ Макъ-Магонъ въ теченіе 5 числа августа не далъ достаточно точныхъ приказаній подчиненному себѣ 5^му французскому корпусу Фальи. Онъ, правда, приказалъ первоначально Фальи (вѣроятно 4 числа) „какъ можно скорѣе присоединиться къ 1^му корпусу“, но затѣмъ ослабилъ это приказаніе вопросомъ: „когда именно и по какимъ дорогамъ можно ожидать прибытія войскъ Фальи?“ Генералъ Фальи отвѣтилъ, что „въ Бичѣ одна только дивизія Лепара (Gujot de Lespart), которая отправится утромъ 6 числа, чтобы присоединиться къ Макъ-Магону; остальныя дивизіи пойдутъ за нею тотчасъ по прибытіи каждой въ Бичъ“. Фальи не сдержалъ однако этого обѣщанія. Утромъ 6 числа онъ дѣйствительно отправилъ дивизію Лепара, но другую — Гозъ (Goze), прибывшую 5 числа къ вечеру, онъ задержалъ у Бича подъ предлогомъ „важнаго значенія этого пункта угрожаемаго непріятелемъ, показавшимся у Цвейбрюкенъ (Deux Ponts) и Пирмасенсъ“ (15—20 верстъ отъ Бича). Это были разъѣзды кавалеріи 2ой нѣмецкой арміи.

Съ другой стороны, и самъ Магъ-Магонъ колебался и перемѣнялъ свои предположенія. Онъ вздумалъ даже перейти въ наступленіе, а именно 7 числа, и еще 6го утромъ послалъ къ Фальи офицера съ приказаніями: двинуть пораньше одну дивизію къ Филипсбургу (между Бичемъ и Рейхсхофеномъ), а другія двѣ держать готовыми къ выступленію [1]). Впрочемъ приказаніе это, полученное Фальи только въ 2 часа пополудни, осталось безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, главные начальники обѣихъ противныхъ армій готовились наступать въ одинъ и тотъ-же день 7 августа, употребивъ 6 число для подготовки. Очевидно, что проволочка во времени могла быть дѣйствительно выгодною только для одной изъ сторонъ, а при данной обстановкѣ — только для французовъ, которые 7 числа могли усилиться у Верта войсками изъ корпуса Фальи.

Надо замѣтить, что всѣ пункты, у которыхъ стояли войска 5го французскаго корпуса въ ночь съ 5 на 6 августа, соединены

---

[1]) Офиц. пруск. истор. войны т. 1 стр. 213 и сочиненіе Фальи стр. 10—13, (Opérations et marches du 5 Corps, par le général Failly. Bruxelles. 1871).

между собою и Рейхсхофеномъ шоссейною и желѣзною дорогами; послѣдняя, впрочемъ, въ ночь съ 5 на 6 была испорчена прусскими конными партіями между Сааргемюндъ и Бичемъ [1]), а между Бичемъ и Рейхсхофеномъ конечно осталась нетронутою, иначе о ея порчѣ было бы упомянуто. Но и безъ помощи желѣзной дороги войска Фальи изъ Бича и Форбаха могли прибыть къ Рейхсхофену въ одинъ переходъ, а бригада изъ Сааргемюнда — въ 2 перехода.

Но между тѣмъ обѣ противныя арміи сошлись у Верта уже такъ близко, что изъ мелкихъ стычекъ, какъ это часто бываетъ, легко могло разыграться цѣлое сраженіе, хотя начальники обѣихъ сторонъ, какъ уже сказано, и не намѣревались дать сраженіе въ теченіе 6 августа.

Позиція, на которой французамъ пришлось принять бой, находится на высотахъ праваго берега неширокаго ручья Зауэра, текущаго тутъ съ сѣвера на югъ; Зауэръ въ день 6 августа былъ довольно полноводенъ отъ предшествовавшихъ дождей, но, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходимъ въ бродъ для пѣхоты, какъ это видно изъ подробностей боя. Ручей сопровождается открытою долиною, шириною шаговъ 1000.

Ключемъ позиціи французовъ была обширная деревня Фрэшвейлеръ (Froeschweiler) съ каменными постройками, расположенная на выдающейся возвышенности, господствующей надъ всѣмъ полемъ сраженія. Съ этой высоты опускаются два рѣзко обозначенныхъ ската: одинъ — къ востоку, къ ручью Зауэру (къ Верту), покрытый садами и хмѣльниками, а другой — къ сѣверу, покрытый лѣсомъ и хмѣльниками и отдѣленный открытою лощиною (300—500 шаговъ шириною) отъ всей обширной лѣсной массы, покрывающей оба берега р. Зауэра сѣвернѣе Верта. Изъ этого видно, что мѣстность у ключа (онъ же лѣвый флангъ позиціи) французовъ не представляла должнаго обстрѣла.

Въ верстѣ южнѣе Фрэшвейлера находится деревня Эльзасхаузенъ (Elsashausen), хотя въ лощинѣ, но прикрывавшая съ юга подступы на Фрэшвейлерское плато. Далѣе Эльзасхаузена, къ югу, находится небольшая роща, а за нею лѣсная полоса, направляющаяся съ запада на востокъ (шириною съ версту), которая, отлого опускаясь къ Зауэру, узкимъ концемъ своимъ доходитъ вплоть до долины этого ручья. Противъ оконечности лѣса, шагахъ въ 700—800 у Гуншгета и Шпахбаха, возвышался господствующій,

---

[1]) Офиц. прусск. истор. войны т. 1, стр. 168.

лѣвый (непріятельскій) берегъ ручья, представлявшій нѣмцамъ отличную обширную артиллерійскую позицію. Такимъ образомъ помянутый лѣсъ составлялъ путь весьма заманчивый и удобный для аттакъ нѣмцевъ [1]).

Наконецъ, нельзя не добавить, что хотя высоты французскаго берега превышали противуположныя — лѣваго берега, но за то французская артиллерія съ этихъ высотъ не могла обстрѣливать закрытыхъ подступовъ, ведущихъ къ главной французской позиціи на правомъ берегу р. Зауэра. Высоты же лѣваго берега, будучи совершенно открыты, представляли отличную позицію для превосходной числомъ нѣмецкой артиллеріи, которая съ полнымъ успѣхомъ могла дѣйствовать поверхъ своей аттакующей пѣхоты. Хотя, затѣмъ, въ позиціи французовъ находились хорошіе опорные пункты и закрытія для резервовъ, но, тѣмъ не менѣе, указанные выше основные недостатки французской позиціи, въ смыслѣ обороны, вѣроятно и были причиною тому, что французы, 6 августа, независимо пылкаго характера своего, вынуждены были подорвать и израсходовать всѣ свои силы, главнымъ образомъ, въ постоянныхъ частныхъ контръ-аттакахъ противъ значительно превосходнаго, въ общемъ, непріятеля.

Центръ французской позиціи, то есть западную сторону Фрэшвейлерскаго возвышенія, занимала дивизія Рауля; она стояла фронтомъ къ Верту — противъ 5го прусскаго корпуса. Лѣвѣе Рауля и подъ прямымъ почти къ нему угломъ, по сѣверному скату тойже высоты, фронтомъ противъ 2го корпуса, расположена была дивизія Дюкро, а правѣе Рауля, фронтомъ на Гунштетъ, противъ подходившаго 11го нѣмецкаго корпуса, находилась дивизія Ляртигъ; за нею расположилась, только-что утромъ 6 числа подоспѣвшая, дивизія Консейль-Дюмениль, 7го французскаго корпуса; наконецъ, бывшая дивизія Дуэ, подъ начальствомъ генерала Неле, находилась позади Эльзасхаузена, въ видѣ резерва.

Нижеслѣдующее описаніе сраженія при Вертѣ-Рейхсхофенѣ изложено, по возможности, въ общихъ чертахъ, касаясь нѣкоторыхъ подробностей на столько, на сколько онѣ связаны съ изслѣдуемымъ тутъ вопросомъ. Для лучшей же оріентировки въ подробностяхъ предпосылается самый краткій схематическій обзоръ сраженія.

---

[1]) Это признается и спеціяльно артиллерійскою исторіею сраженія, стр. 12—13 (Die deutſche Artillerie im deutſch-franzöſiſchen Kriege 1870—71. Leo. Berlin. 1876) въ книжкѣ 2.

Утромъ 6 августа, небольшой отрядъ отъ авангарда 5го корпуса произвелъ усиленную рекогносцировку на Вертъ и за р. Зауэръ, которую вскорѣ прекратилъ; почти одновременно, французы тоже произвели усиленную рекогносцировку на Гунштетъ (версты 2½ южнѣе Верта); авангардъ 11го прусскаго корпуса поддержалъ находившійся тамъ отрядъ 5го корпуса и самъ перешелъ за Зауэръ въ лѣсъ Нидервальдъ, гдѣ и завязалось дѣло.

Дивизія Ботмера, 2го баварскаго корпуса, заслыша канонаду у Верта, приняла се, такъ сказать, за сигналъ для наступленія, предписаннаго сй еще наканунѣ, и направилась отъ Матшталя на Фрэшвейлеръ; аттаковала безуспѣшно фронтально французскую дивизію Дюкро, и отброшена съ большимъ урономъ.

Войска 5го прусскаго корпуса, заслыша канонаду со стороны баварцевъ и видя дѣло въ Нидервальдѣ, ввязались въ самую упорную фронтальную аттаку позиціи противника у Верта, въ видахъ облегченія сосѣдей.

Рядомъ съ 5^мъ^ корпусомъ, лѣвѣе его, втянулся въ бой весь 11^й^ прусскій корпусъ, поддержанный впослѣдствіи виртембергцами изъ корпуса Вердера; 11^й^ корпусъ охватилъ и отбросилъ правый флангъ французовъ. Наконецъ, съ прибытіемъ 1^й^ баварской дивизіи корпуса Фопъ-деръ-Танна, которая аттаковала правѣе 5го корпуса, взятъ былъ нѣмцами съ боя и послѣдній оплотъ французовъ, Фрэшвейлеръ. Французы въ сильномъ разстройствѣ оставили поле сраженія.

По расчету самихъ же пруссаковъ, они ввели въ дѣло противъ Макъ-Магона пѣхоты въ 1½ раза болѣе (75.800 противъ 51.300), а артиллеріи вдвое (252 противъ 120 орудій, такъ какъ 30 картечницъ въ числѣ орудій считать нельзя). Кавалерія была равносильна — неполныхъ 5 тысячъ съ каждой стороны [1]). Со стороны нѣмцевъ не приняли участія въ бою: двѣ баварскія дивизіи, баденская и бо́льшая часть виртембергской; изъ конхъ, впрочемъ, одна баварская бригада, подъ вечеръ, участвовала въ преслѣдованіи французовъ.

Перехожу къ болѣе подробному описанію сраженія въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи.

Въ ночь съ 5 на 6 число шелъ непрерывный дождь; почва растворилась; дороги сдѣлались топки; войскамъ на бивуакахъ приходилось плохо. По ручью Зауэру, въ аванпостныхъ цѣпяхъ,

---

[1]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 56. По другимъ, кажется, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, число французской пѣхоты дравшейся у Верта не превосходило 45 тысячъ.

тамъ и сямъ, раздавались выстрѣлы. Къ восходу солнца, около 4 часовъ, грохотъ ружейной перестрѣлки въ окрестности Верта усилился до того, что встревожилъ штабъ 5го прусскаго корпуса.

Въ 5 часовъ, французская пѣхота произвела усиленную рекогносцировку противъ Гунштета (южнѣе Верта), занятаго отрядомъ 5го корпуса (одинъ баталіонъ съ эскадрономъ).

Командиръ авангарда 5го прусскаго корпуса, генералъ Вальтеръ-де-Монбари, около 4 часовъ утра замѣтилъ большое движеніе на французскихъ бивуакахъ; ему показалось, что непріятель снимается съ позиціи, съ намѣреніемъ отступить. Чтобы разъяснить этотъ вопросъ, Вальтеръ счелъ нужнымъ произвести усиленную рекогносцировку черезъ Вертъ, на другую сторону ручья Зауэръ.

Рекогносцировка открыта, послѣ 6 часовъ, 10 гранатными выстрѣлами, противъ никѣмъ незанятаго Верта; прусскія гранаты произвели пожары. Баталіонъ 37го фузелернаго прусскаго полка вошелъ въ Вертъ, причемъ одна рота, переправясь черезъ ручей, заняла окраину этого пункта. Французы зашевелились и по всей линіи стали въ ружье. На высотахъ праваго берега Зауэра показались ихъ пѣхотныя массы и артиллерія (дивизія Рауль). Генералъ Вальтеръ пришелъ къ заключенію, что французы отступать не намѣрены и, считая цѣль рекогносцировки достигнутою, приказалъ войскамъ отойти на бивуакъ; только кладбище противъ восточнаго входа въ Вертѣ оставалось занятымъ пруссаками. О результатѣ рекогносцировки Вальтеръ донесъ по начальству, а также командиру сосѣдняго 2го баварскаго корпуса, генералу Хартману (Hartmann). Это было въ 8½ часовъ утра.

Одновременно съ прусскою рекогносцировкою на Вертъ, французы, около 7 часовъ, возобновили наступленіе на Гунштетъ пѣхотою (около баталіона — вѣроятно стрѣлковый баталіонъ дивизіи Ляртигъ [1]), поддержанной огнемъ артиллеріи. Пруссаки отвѣчали. Загорѣвшійся такимъ образомъ у Гунштета бой (въ который постепенно втянулся весь 11ый нѣмецкій корпусъ) уже не прекращался болѣе въ теченіе дня, но подвинулся въ послѣдствіи на правый берегъ Зауэра и кончился только у Фрэшвейлера, какъ это будетъ изложено ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, 4^я^ баварская дивизія Ботмера (авангардъ у Матшталя) съ ранняго утра чутко прислушивалась, не раздается ли канонада у Верта, такъ какъ въ особой запискѣ начальника штаба арміи, генерала Блюменталя (о коей упомянуто уже), сказано было,

[1]) Свѣдѣнія о дѣйствіи французовъ въ Вертскомъ бою большею частью почерпнуты изъ сочиненія Деррекаге („La Guerre Moderne“ par S. Derrécagaix, 2 partie. Tactique. Paris 1885.) стр. 178—205.

что, „въ случаѣ канонады у Верта, слѣдуетъ наступать на Фрэшвейлеръ“. Когда канонада началась и усилилась, Ботмеръ приказалъ 7й своей бригадѣ наступать отъ Матшталя на Фрэшвейлеръ; черезъ часъ за нею двинулась и другая бригада той же дивизіи.

Баварцамъ пришлось наступать лѣсомъ. Французы, имѣвшіе въ этой сторонѣ только наблюдательный отрядъ въ двѣ роты, въ началѣ движенія баварцевъ оказали слабое сопротивленіе, которое однако постепенно усиливалось. Французы ввели тутъ въ дѣло 2ую бригаду 1го корпуса Дюкро (1й полкъ зуавовъ и 45мый линейный). Около 10 часовъ утра баварскія войска, перемѣшавшіяся въ лѣсу, достигли опушки его, обращенной къ главной позиціи Дюкро, расположившагося теперь между Фрэшвейлеромъ и Неевиллеромъ (Neehwiller). Тутъ баварцы встрѣтили рѣшительный отпоръ. Они подверглись усиленному ружейному и частью артиллерійскому огню, между тѣмъ какъ баварская артиллерія не находила себѣ удобныхъ позицій. Вдобавокъ, баварскія войска, въ числѣ 10 баталіоновъ, растянулись версты на три; въ резервѣ оставалось у нихъ всего два баталіона.

Между тѣмъ въ 5омъ прусскомъ корпусѣ, по прекращеніи рекогносцировки Вальтера на Вертъ, заслышался гулъ все усиливающейся перестрѣлки и канонады со стороны 2го баварскаго корпуса; казалось, что гулъ этотъ подвигается къ востоку, какъ будто баварцы отступаютъ. Одновременно, лѣвѣе, видно было, что двѣ батареи 11го прусскаго корпуса выѣхали на позицію у Гунштета и что тамъ идетъ дѣло.

Прибывшій на высоты близъ Верта начальникъ штаба 5го корпуса, полковникъ Фонъ-Эшъ, опасался, что французы бросятся на одинъ изъ фланговыхъ нѣмецкихъ корпусовъ (2й баварскій или 11мій), и считалъ поэтому необходимымъ развлечь вниманіе и силы французовъ. Подоспѣвшій начальникъ головной дивизіи 5го коруса, генералъ Фонъ-Шмитъ, старшій въ корпусѣ послѣ раненаго Кирхбаха, раздѣлялъ мнѣніе Эша; онъ приказалъ выѣхать артиллеріи своей дивизіи на позицію, направить впередъ корпусную артиллерію и ударить тревогу во всѣхъ бивуакахъ 5го корпуса. Это было около 9 часовъ утра. Скоро, не смотря на свою рану, прибылъ и генералъ Кирхбахъ; онъ одобрилъ всѣ сдѣланныя распоряженія и принялъ общее начальство.

По обѣ стороны Вертскаго шоссе выстроилась батарея въ 84 орудія отъ 5го прусскаго корпуса, подъ общею командою полковника Геде (Gaede), въ разстояніи 2.400 до 4.000 шаговъ отъ французскихъ батарей. Въ то же время у Гунштета дѣйствовало уже 24 орудія 11го корпуса.—Обращаюсь къ этому корпусу.

Командиръ 11го прусскаго корпуса, генералъ Бозе, на основаніи общей по арміи диспозиціи, двинулъ 21^ую^ дивизію съ корпусною артиллеріею къ Хельшлёхъ (Hoelschloch, восточнѣе Гунштета), приказавъ войти въ связь съ 5^мъ^ корпусомъ черезъ Гунштетъ, а 22^ю^ дивизію направилъ на Зурбургъ (по дорогѣ въ Гагенау), коей приказалъ держать связь съ корпусомъ Вердера.

Авангардъ 21ой дивизіи (41ая бригада, два эскадрона и двѣ батареи), подъ начальствомъ полковника Коблинскаго, прибывъ на свое мѣсто, началъ выставлять аванпосты по опушкѣ лѣса, фронтомъ на ручей Зауэръ, за коимъ, на высотахъ, виднѣлся французскій лагерь. Съ высотъ спускался французскій баталіонъ съ батареею, направляясь на Гунштетъ; въ то-же время послышалась канонада у Верта (это была помянутая выше рекогносцировка Вальтера). Въ виду такой обстановки, начальникъ 21ой дивизіи, генералъ Шахтмейеръ, рѣшивъ поддержать отрядъ 5го корпуса у Гунштета, двинулъ авангардъ Коблинскаго къ этому пункту и приказалъ дивизіонной артиллеріи выѣхать на позицію. Скоро прибылъ и корпусный командиръ, генералъ Бозе, и счелъ нужнымъ приказать другой дивизіи своего корпуса идти на Гунштетъ.

Французы тоже постепенно выказывали за Зауэромъ все бо́льшія силы.

Часть подошедшихъ къ берегу Зауэра войскъ авангарда 11го нѣмецкаго корпуса, терпѣвшая отъ артиллерійскаго и ружейнаго огня французовъ, бросилась на другой берегъ ручья, отыскивая на немъ закрытій; другія войска Коблинскаго послѣдовали ихъ примѣру. Переправа совершилась у Гунштета (собственно у Брюхмюль) и у Шпахбаха, частью въ бродъ, а частью — по срубленнымъ деревьямъ. Всего переправилось 5¼ прусскихъ баталіона, которые съ бою ворвались въ слабо занятую французами опушку лѣса Нидервальдъ. Между тѣмъ, артиллерія 21ой прусской дивизіи, съ помощью ближайшей батареи 5го корпуса, заставила пять французскихъ батарей сняться съ позиціи.

Генералъ Кирхбахъ видѣлъ съ высотъ Верта наступленіе и аттаку войскъ 11го корпуса. Въ то время, артиллерія 5го корпуса уже заставила замолчать противустоящія французскія батареи (въ числѣ 48 орудій и 12 картечницъ) и обратила огонь на скрывавшуюся въ складкахъ мѣстности французскую пѣхоту. При такой обстановкѣ Кирхбахъ счелъ возможнымъ завладѣть высотами противуположнаго берега, для чего въ началѣ 10 часа приказалъ Вальтеру перейти за Зауэръ. О распоряженіи своемъ Кирхбахъ донесъ кронпринцу, а также сообщилъ командирамъ сосѣднихъ корпусовъ, Бозе и Хартману, прося ихъ поддержки.

Вальтеръ имѣлъ подъ рукою всего $4^1/_4$ баталіона; онъ переправился черезъ Зауэръ двумя колоннами, у Верта и Шпахбаха (южнѣе Верта), частью въ бродъ, частью же по мосткамъ, наскоро устроеннымъ изъ досокъ и хмѣлевыхъ жердей.

Послѣ первыхъ успѣховъ на томъ берегу, прусская пѣхота отброшена была къ ручью стремительною контръ-аттакою двухъ баталіоновъ 2го полка зуавовъ, причемъ пруссаки понесли большія потери; но остатки ихъ всетаки держались еще на томъ берегу, въ Вертѣ и южнѣе, за насыпью шоссейной дороги. По скатамъ высотъ праваго берега Зауэра, въ садахъ и хмѣльникахъ, засѣли теперь французы; обѣ стороны поддерживали сильнѣйшую пальбу. Вальтеръ усиленъ былъ двумя свѣжими баталіонами, а потомъ еще четырмя. Свѣжіе резервы давали пруссакамъ возможность бросаться впередъ, выигрывать нѣкоторое пространство, и одно время даже лѣвый флангъ войскъ 5го корпуса сомкнулся въ лѣсу Индервальдъ съ правымъ флангомъ бывшихъ тогда тамъ войскъ корпуса Бозе. Но французы рѣшительною контръ-аттакою ($1^1/_2$ баталіона 3го полка тюркосовъ и двумя — 56го полка дивизіи Ляртигъ) согнали пруссаковъ 11го корпуса съ высотъ праваго берега Зауэра и отбросили за этотъ ручей, причемъ, на обратной переправѣ у Гунштета, пруссакамъ пришлось отбиваться штыками отъ яростной аттаки тюркосовъ. Одновременно отброшены и войска 5го прусскаго корпуса. За Зауэромъ держалась еще только небольшая группа 11го корпуса и, по прежнему, — въ Вертѣ и по шоссе — части 5го корпуса.

Всѣ усилія французовъ выбить пруссаковъ изъ Верта были безуспѣшны; войска 5го корпуса за Зауэромъ изнемогали подъ ударами французовъ, но все еще держались, причемъ отличную службу сослужила имъ прусская артиллерія, между тѣмъ какъ французская—по большей части молчала, не будучи въ состояніи состязаться съ прусскою, а также — по неимѣнію должнаго обстрѣла.

Въ эту критическую минуту, когда израсходована была уже половина пѣхоты 5го корпуса, которая едва-едва держала клочекъ земли за Зауэромъ, Кирхбахъ получилъ отъ кронпринца категорическое приказаніе: „не ввязываться въ дѣло и избѣгать всего того, что могло бы повести къ бою“.

Генералъ Бозе, обезохоченный пораженіемъ своего авангарда за Зауэромъ, не считалъ возможнымъ возобновлять теперь аттаку, и въ отвѣтѣ своемъ Кирхбаху (на помянутую просьбу о поддержкѣ), выразилъ, что „по диспозиціи онъ долженъ дойти только до р. Зауэра“.

Наконецъ, генералъ Хартманъ сослался на будто только-что полученное имъ и переданное Ботмеру для исполненія письменное приказаніе „прекратить дѣло“. Однако Хартманъ послалъ къ Кирхбаху офицера генеральнаго штаба, для ознакомленія съ обстоятельствами, и обѣщалъ, пока, задержать свои отступающія войска [1]); но исполнить послѣднее было уже невозможно.

Въ оффиціальной исторіи 2го баварскаго корпуса значится, что командиръ онаго, генералъ Хартманъ, около $10^1/_2$ часовъ получилъ письменное приказаніе „прекратить дѣло, такъ какъ цѣль рекогносцировки достигнута“. На основаніи этого Хартманъ, какъ сказано выше, и передалъ Ботмеру приказаніе отступить [2]). Весьма странно, что случилось это въ то время, когда со стороны Верта уже болѣе часа гремѣла сильная канонада (болѣе 100 орудій 5го и 11го корпусовъ), которую едва-ли можно было принять за рекогносцировочную. Въ добавокъ оказывается, что на дѣлѣ никто, подобнаго упомянутому, приказанія „отступать“ не отдавалъ, и что лицо, будто передавшее приказаніе, никѣмъ не указано [3]).

Вѣроятнѣе всего, что поводомъ къ слуху о приказаніи отступать послужило сообщеніе Вальтера, который, сознавая послѣ своей рекогносцировки, что канонада могла встревожить баварцевъ, донесъ генералу Хартману о своей рекогносцировкѣ и ея прекращеніи. Увѣдомленіе это при нѣкоторомъ желаніи могло быть принято за приказаніе. Не лишне припомнить тутъ, что 10 баталіоновъ дивизіи Ботмера перемѣшались въ лѣсномъ бою и растянулись версты на три, ввязавшись въ упорный бой съ противникомъ. Легко понять, что при подобной обстановкѣ нѣтъ даже возможности скоро вывести изъ боя войска, посредствомъ „приказанія“, если самимъ войскамъ не близка мысль объ отступленіи, то есть, такъ близка, что приказаніе дѣлается уже излишнимъ.

Но, какъ бы то ни было, довольно того, что Хартманъ, при данныхъ обстоятельствахъ, ничего существеннаго для Кирхбаха сдѣлать пока не могъ. Одну дивизію онъ считалъ нужнымъ дер-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1 стр. 229, и „Исторія 5-го корпуса“ стр. 30.

[2]) „Исторія 2-го баварскаго корпуса“, стр. 19.

[3]) Тутъ невольно вспоминается рядъ статей М. И. Драгомирова, въ которыхъ онъ требовалъ упорядоченія дѣла отдачи и передачи приказаній на войнѣ (письменныхъ и изустныхъ) и предлагалъ установленіе твердыхъ на то правилъ, съ соблюденіемъ извѣстной обрядности. Указанное недоразумѣніе во 2-мъ баварскомъ корпусѣ представляетъ разительное доказательство въ пользу мнѣній нашего авторитетнаго военнаго писателя. Дѣйствительно, не странно-ли, что на войнѣ не разъ къ самымъ важнымъ и въ послѣдствіяхъ своихъ просто роковымъ сношеніямъ относятся, можно сказать, чуть-ли не халатно, между тѣмъ какъ всякая ничтожнѣйшая мелочь мирно-военнаго быта приводится въ письменный формальный видъ и попадаетъ въ архивы.

жать у Лембаха, по дорогѣ въ Бичъ, гдѣ могъ быть (и дѣйствительно находился) корпусъ Фальи, а изъ дивизіи Ботмера осталось подъ рукою способными къ бою, всего $2^1/_2$ баталіона. Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, надо сказать, что въ дивизіи Ботмера изъ 13 баталіоновъ только 5 оказались вообще способными къ бою въ теченіе еще этого дня [1]).

Въ тяжеломъ положеніи очутился теперь Кирхбахъ: половина пѣхоты его была израсходована; потери были очень значительны, а передъ нимъ высилась все еще непочатая позиція французовъ, отчаянно ими защищаемая. Сосѣди не поддержали 5ый прусскій корпусъ, и наконецъ кронпринцъ приказалъ прекратить дѣло. Но Кирхбахъ чувствовалъ, что исполнить это приказаніе, то есть отступить, не искупивъ соразмѣрнымъ успѣхомъ понесенныхъ уже громадныхъ жертвъ, значитъ испытать всѣ матеріальныя и нравственныя послѣдствія крупной неудачи не только 5го корпуса, но и цѣлой арміи кронпринца. Съ другой стороны: продолжать дѣло— значитъ взять на себя тяжелую отвѣтственность за всевозможныя отъ того послѣдствія. Однако Кирхбахъ не колебался и принялъ роковое рѣшеніе довести начатое дѣло до окончательнаго исхода. О рѣшеніи своемъ онъ донесъ кронпринцу, а также сообщилъ Бозе и Хартману, прося поддержки. Теперь Бозе и Хартманъ оба обѣщали свою помощь.

Самъ кронпринцъ прибылъ на высоты передъ Вертомъ около часа, выслушавъ, по пути, послѣднее донесеніе Кирхбаха; теперь кронпринцъ лично убѣдился, что дѣло надо довести до конца, и онъ немедля далъ слѣдующія приказанія:

„2^му^ баварскому корпусу нажать на лѣвофланговое расположеніе противника, по направленію на Рейхсхофенъ, такимъ образомъ, чтобы очутиться въ тылу французовъ“.

„1^му^ баварскому корпусу поспѣшить возможно скорѣе между 2ой баварскій и 5ый корпусъ, оставивъ одну дивизію въ резервѣ“.

„11^му^ корпусу наступать на Эльзасхаузенъ, мимо лѣса Нидервальдъ и энергически ударить на Фрэшвейлеръ“.

„Виртембергцамъ корпуса Вердера идти за 11^мъ^ корпусомъ на Гунштетъ, за р. Зауэръ. Баденской дивизіи, пока, дойдти до Зурбурга“ [2]).

Въ то-же время генералу Кирхбаху передано слѣдующее:

„Отправлено 6 Августа, въ часъ“.

„Съ аттакою 5го корпуса надо еще повременить, пока не подойдетъ генералъ Фонъ-деръ-Таннъ. Онъ направленъ сѣвернѣе

[1]) „Исторія 2-го баварскаго корпуса“, стр. 21—22.
[2]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1 стр. 246.

Прейндорфа. Точно также и 21ая дивизія, которой приказано идти на Вертъ. Придется ихъ ждать часъ или два. Корпусу Вердера тоже приказано идти впередъ, но прибудетъ онъ часа черезъ три".

(Подп.) „Блюменталь".

Однако починъ дѣйствій ускользнулъ уже безповоротно изъ рукъ главнаго начальника арміи. Одна часть данныхъ теперь только приказаній безъ того уже была исполнена по собственному почину частныхъ начальниковъ, другія же приказанія кронпринца, по ходу событій, были уже неисполнимы.

Въ то время Кирхбахъ двинулъ уже впередъ остальную свою 9[ую] дивизію, направивъ ее по-бригадно, въ частные резервы къ Верту и Шпахбаху; въ общемъ резервѣ осталось у него всего два баталіона. Не отъ Кирхбаха зависѣло теперь „повременить" (какъ желалъ Блюменталь). Войска 5го корпуса за Зауэромъ, сильно тѣснимыя французами, требовали все новыхъ и новыхъ поддержекъ; безъ нихъ пруссаки могли быть окончательно отброшены черезъ ручей; плоды всѣхъ кровавыхъ усилій разомъ были бы потеряны. Французы тогда пріобрѣли бы возможность всѣми силами обрушиться на корпусъ Бозе.

Обѣ противныя стороны у Верта находились теперь такъ близко другъ отъ друга и въ такомъ неудобномъ положеніи (въ особенности пруссаки), что поневолѣ срывались въ частныя аттаки — всегда безуспѣшныя. Пруссаки всякій разъ натыкались на стремительныя контръ-аттаки французовъ и были отбрасываемы, а французы, въ свою очередь, при аттакѣ на послѣднее расположеніе пруссаковъ, въ Вертѣ и по шоссе, были вынуждаемы отступать отъ убійственнаго огня пѣхоты и артиллеріи.

Однако французы, направляя главныя свои усилія противъ 5го прусскаго корпуса, тѣмъ самымъ ослабляли свое сопротивленіе по отношенію войскъ Бозе.

Генералъ Бозе, обѣщавъ поддержать 5ый корпусъ, рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ употребить въ дѣло всѣ свои войска. Онъ двинулъ на позицію всю свою артиллерію, изъ коей двѣ батареи пока не нашли себѣ даже соотвѣтственныхъ позицій. Подъ покровительствомъ этой артиллеріи, Бозе повелъ новую аттаку на Нидервальдъ, черезъ Гуннтетъ — съ фронта, и черезъ Дюренбахъ (2 версты южнѣе Гуннтета) — въ обходъ на Морсбронъ, прямо въ правый флангъ французовъ, по направленію на Альбертсхаузенхофъ и Эбербахъ.

Войска 11го прусскаго корпуса въ ожесточенномъ бою, выдерживая неоднократныя стремительныя контръ-аттаки противника,

въ томъ числѣ и кавалерійскую аттаку французской конницы [1]), шагъ за шагомъ, овладѣвъ Альбертсхаузенхофомъ и Эбербахомъ, подвигались и въ Нидервальдскомъ лѣсу [2]). Наконецъ онѣ, сильно перемѣшанныя и разстроенныя, вышли на сѣверную опушку лѣса, противъ Эльзасхаузена. Здѣсь пруссаки встрѣтили сильнѣйшій отпоръ. Маршалъ Макъ-Магонъ распоряжался тутъ лично, увлекая своимъ примѣромъ истомленныя войска.

У Бозе оставались теперь всего три сомкнутыхъ баталіона; но уже часть его артиллеріи подошла изъ за Зауэра на помощь своей пѣхотѣ. Семь прусскихъ батарей подъѣхали къ деревнѣ на самое близкое разстояніе и подготовили аттаку, въ которую, съ послѣднимъ усиліемъ, дружно рванулись стрѣлковыя цѣпи и немногія еще сомкнутыя группы войскъ Бозе. Генералъ Бозе былъ вторично и теперь сильно раненъ. Пылающій Эльзасхаузенъ взятъ пруссаками съ бою, въ которомъ приняли участіе лѣвофланговыя войска 5го корпуса.

Ринувшіяся на приступъ Эльзасхаузена прусскія войска увлеклись частію далеко впередъ за этотъ пунктъ; нѣкоторыя ихъ батареи уже обстрѣливали Фрэшвейлеръ; но въ это время 1^й^ полкъ тюркосовъ по приказанію Макъ-Магона двинулся впередъ сомкнутою аттакою; онъ сильно погналъ предъ собою разстроенныя цѣпи и кучи пруссаковъ [3]). Въ эту критическую минуту прусская артиллерія опять сослужила своимъ славную службу.

Какъ только обрисовалось наступательное движеніе французовъ, начальникъ артиллеріи 11го корпуса вытребовалъ впередъ три батареи. Сверхъ того маіоръ генеральнаго штаба 5го корпуса, Якоби, задержалъ и поставилъ одну изъ батарей; другія двѣ (конныя) поставлены были у Эльзасхаузена офицеромъ генеральнаго штаба 11го корпуса и, наконецъ, въ самый опасный моментъ, когда сброшенная съ плато и вытѣсненная изъ Эльзасхаузена прусская пѣхота находилась въ полномъ отступленіи, тѣснимая по пятамъ

---

[1]) Кирасирская бригада Мителя (Michel) съ двумя эскадронами 6-го уланскаго полка геройски аттаковала въ общемъ направленіи на Морсбронъ, но видимо безъ предварительной рекогносцировки, по мѣстности весьма неудобной, на которой находились линіи деревьевъ, пни или глубокіе рвы. Часть кирасиръ ворвалась даже въ самый Морсбронъ. Бросаясь затѣмъ во всѣ стороны, между прусскими частями пѣхоты, храбрая французская конница была почти истреблена огнемъ пѣхоты и аттаками 13-го нѣмецкаго гусарскаго полка. Французамъ удалось только отшибить часть піонерной роты. Единственная польза была та, что французская пѣхота выиграла нѣкоторое время для болѣе спокойнаго отхода отъ Морсброна въ Нидервальдъ.

[2]) Лѣсъ этотъ до послѣдней крайности геройски защищаемъ былъ 3-мъ полкомъ зуавовъ, который, охваченный нѣмцами, потерялъ двѣ трети своего состава.

[3]) Полкъ этотъ, сильно пострадавшій у Вейсенбурга, по свидѣтельству Дерреката, имѣлъ на лицо только 1500 человѣкъ.

французами, — начальникъ всей артиллеріи 11го корпуса, генералъ Хаусманъ (Hausmann), съ одной стороны, и командиръ корпусной артиллеріи, полковникъ Броникovскій (Oppeln-Bronikowski), съ другой, задерживали увлеченныя общимъ отступленіемъ батареи и приказывали имъ сниматься съ передковъ среди уходящей прусской пѣхоты для того, чтобы ободрить послѣднюю; при чемъ одна изъ батарей была снята, не имѣя обстрѣла болѣе 30 шаговъ впередъ [1]). Пушечный огонь часто съ самыхъ близкихъ разстояній умѣрялъ напоръ французовъ. Прусская пѣхота ободрилась, и грозная аттака противника была отбита.

Послѣ наступленія французской пѣхоты пошла въ аттаку на пруссаковъ и кирасирская дивизія Бонемена (Bonnemains). Аттака эта,—произведенная точно также какъ и аттака Мишеля, съ безотчетною храбростью, но по мѣстности неудобной,—не имѣла успѣха. Это было во 2 часу.

Къ тому времени, войска 5го корпуса въ жестокомъ бою выиграли уже мѣсто по западной пологости Фрэшвейлерской высоты и смыкались съ войсками Бозе. Но какъ тѣ, такъ и другія были крайне истощены и разстроены. Бозе и Кирхбахъ перевели за Зауэръ послѣдніе свои баталіоны и роты. Даже піонерная рота 5го корпуса, весьма нужная на переправѣ у Верта, пошла въ аттаку [2]).

Между тѣмъ французы, послѣ потери Эльзасхаузена, храбро отстаивали возвышающееся и надъ этимъ пунктомъ Фрэшвейлерское плато; они порывались даже въ контръ-аттаки.

Прусскія войска понесли большія потери. Легло много старшихъ начальниковъ. Разстроенныя и перемѣшанныя ихъ части держались, правда, еще очень стойко, но сами по себѣ неспособны были къ дальнѣйшему наступленію, что въ особенности относится къ 11му корпусу. Поддержка свѣжими частями была крайне необходима, и помощь эта приближалась теперь съ двухъ сторонъ: отъ баварскаго корпуса Фонъ-деръ-Танна и отъ корпуса Вердера.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ этихъ войскъ.

Авангардъ 1го баварскаго корпуса (бригада генерала Орфа, Orff) выступилъ, согласно диспозиціи, въ 6 часовъ утра, къ Лямпертслёхъ. На пути Орфъ, услышавъ канонаду со стороны Верта, стянулъ свою бригаду къ Лямпертслёху, о чемъ и донесъ начальнику дивизіи, генералу Стефану (Stephan). Стефанъ рѣшилъ идти впередъ со всѣми своими силами и направиться правѣе 5го корпуса,

---

[1]) „Спеціальная исторія дѣйствій нѣмецкой артиллеріи“ (у Верта).
[2]) „Исторія 5-го прусскаго корпуса“, стр. 39.

чтобы охватить лѣвый флангъ противника. Онъ послалъ приказаніе другой своей бригадѣ идти впередъ, но она уже наступала сама по приказанію своего бригаднаго командира.

Генералъ Таннъ, получивъ донесеніе Стефана, приказалъ и другой дивизіи своего корпуса съ корпусною артиллеріею поспѣшать впередъ. Приказаніе „поспѣшить“ было не лишнее, потому что баварцамъ приходилось двигаться по дорогѣ узкой, топкой и вдобавокъ разбитой передовыми войсками.

Самъ Таннъ выѣхалъ впередъ, чтобы условиться съ Кирхбахомъ, и встрѣтился съ нимъ около часа. Впрочемъ, на первое время помощь отъ утомленныхъ передовыхъ войскъ баварцевъ ограничивалась дѣйствіемъ артиллеріи ихъ авангарда у Герсдорфа (сѣвернѣе Верта). Одна баварская батарея прибыла вмѣстѣ съ авангардомъ, другія двѣ изъ главныхъ силъ дивизіи шли по топкой дорогѣ $^3/_4$ часа полною рысью. Эти три батареи выстроились сѣвернѣе артиллеріи 5го корпуса и увеличили число орудій, дѣйствовавшихъ теперь собственно у Верта, до 104 [1]). Изъ войскъ 1го баварскаго корпуса 1я дивизія подходила понемногу, а 2я отстала далеко сзади.

Изъ корпуса Вердера виртембергская дивизія согласно диспозиціи начала движеніе въ 6 часовъ утра; въ 9 часовъ авангардъ 1й бригады выставилъ аванпосты въ указанномъ ему мѣстѣ лицомъ на Гагенаускій лѣсъ; въ 11 часовъ главныя силы дивизіи достигли Реймерсвиллеръ.

Въ 11мъ часу Вердеръ получилъ отъ Бозе увѣдомленіе, что послѣдній идетъ на Гунштетъ, гдѣ слышится канонада. Оставивъ 1ю виртембергскую бригаду на Гагенауской дорогѣ (5 баталіоновъ, 2 эскадрона и 6 орудій), Вердеръ направилъ къ Бозе виртембергскую кавалерійскую бригаду генерала Шелера (Chéler; въ бригадѣ, за деташировками, всего 5 эскадроновъ) и за нею остальныя двѣ пѣшія виртембергскія бригады (10 баталіоновъ, 4 эскадрона и 48 орудій). Баденская же дивизія оставлена у Хохвейлера (Hochweiler) готовою къ движенію; она перешла потомъ къ Зурбургу, на Гагенауской дорогѣ, а бывшая при ней баденская кавалерійская бригада стала противъ Гагенаускаго лѣса [2]).

Вообще, изъ войскъ Вердера только помянутая кавалерія прибыла во́ время да еще головная пѣшая 2я виртембергская бригада генерала Старклёфа (Starckloff), задержанная у Зурбурга

[1]) „Нѣмецкая артиллерія подъ Вертомъ“, стр. 23. Артиллерія 11-го корпуса въ этотъ счетъ не входитъ.

[2]) „Исторія 3-ей германской арміи“, стр. 50.

обозами 11го корпуса, она прибыла на поле сраженія около 2 часовъ и приняла участіе въ дѣлѣ. Остальныя двѣ виртембергскія бригады запоздали [1]).

Головная виртембергская бригада Старклёфа на переправѣ у Гунштета получила приказаніе кронпринца идти прямо на Рейхсхофенъ, въ тылъ противнику; но въ виду затруднительнаго положенія войскъ 11го корпуса бригада повернула вправо, на Эльзасхаузенъ, для ихъ поддержанія. Помощь эта пришлась какъ нельзя болѣе кстати. Свѣжіе виртембергскіе баталіоны составили надежный остовъ, на который упирались перемѣшанныя и крайне ослабленныя войска 11го корпуса; они отбили теперь послѣднюю, отчаянную аттаку французовъ по направленію къ Эльзасхаузену.

Изнемогавшій въ тяжкой фронтальной борьбѣ 5^й корпусъ нашелъ теперь въ войскахъ Бозе надежную опору своему лѣвому флангу, а правый поддержанъ былъ баварцами корпуса Танна.

Начальникъ авангарда 1го баварскаго корпуса, генералъ Орфъ, послѣ нѣкотораго отдыха на позиціи у Герсдорфа (сѣвернѣе Верта), готовился уже къ переправѣ за Зауэръ, когда получилъ приказаніе генерала Танна, подтверждавшее его намѣреніе. Не безъ большихъ затрудненій и подъ огнемъ французовъ совершилась эта переправа. За Орфомъ скоро переправились остальныя войска дивизіи Стефана. Таннъ приказалъ Стефану аттаковать по направленію на Фрэшвейлеръ, а Орфу охватить лѣвый флангъ французовъ. Къ Стефану примкнули и два баталіона 5го корпуса, бывшіе у Герсдорфа, и нѣкоторыя небольшія части 4^й баварской дивизіи Ботмера.

За Зауэромъ баварцы втянулись въ упорный лѣсной бой. Они перемѣшались; потери ихъ росли; французы неоднократно переходили въ наступленіе; потребовались самоотверженныя усилія всѣхъ старшихъ и младшихъ баварскихъ начальниковъ, чтобы удержать войска въ бою. Наконецъ, обходное движеніе Орфа оказало свое дѣйствіе: сопротивленіе французовъ по фронту ослабло, и они отхлынули къ Фрэшвейлеру. Это было около 3½ часовъ пополудни [2]). Фрэшвейлеръ, послѣдній оплотъ французовъ, охваченъ былъ теперь съ трехъ сторонъ: съ фронта — войсками 5го прусскаго корпуса, съ юга — 11^мъ и виртембергцами, наконецъ, съ сѣвера — баварцами.

---

[1]) Согласно позднѣйшему приказанію кронпринца всѣ войска виртембергской дивизіи должны были спѣшить къ Гунштету.

[2]) „Исторія 1-го баварскаго корпуса“, стр. 22.

Въ 4 часа Макъ-Магонъ отдалъ своимъ войскамъ приказаніе отступать, назначивъ сборнымъ пунктомъ Саверн (болѣе 30 верстъ отъ Рейхсхофена). Защитники Фрэшвейлера самоотверженно прикрывали это отступленіе.

Аттака нѣмцевъ на Фрэшвейлеръ подготовлена была огнемъ 13 батарей 5го и 11го корпусовъ, дѣйствовавшихъ съ самыхъ близкихъ разстояній, причемъ двѣ батареи самостоятельно подскакали на 600 шаговъ отъ деревни и, хотя съ громадными потерями отъ огня французской пѣхоты и артиллеріи, дѣйствовали успѣшно и проложили путь своей пѣхотѣ [1]).

Около 4½ часовъ разныя нѣмецкія части войскъ, подъ начальствомъ своихъ или постороннихъ начальниковъ, почти одновременно ринулись на приступъ и ворвались, наконецъ, въ Фрэшвейлеръ съ нѣсколькихъ сторонъ. Послѣ самаго ожесточеннаго боя, который теперь все еще продолжался и въ деревнѣ, Фрэшвейлеръ взятъ окончательно, причемъ захваченъ въ плѣнъ начальникъ французской дивизіи, раненный генералъ Рауль, и взятъ орелъ съ растрѣленнымъ древкомъ. Макъ-Магонъ оставилъ Фрэшвейлеръ вмѣстѣ съ послѣдними его защитниками.

Напряженная до самаго крайняго изнеможенія, храбрая оборона французовъ рухнула почти моментально. Отчаянно дравшіяся до того у Фрэшвейлера французскія войска, теперь, около 5 часовъ пополудни, бросились въ неудержимое бѣгство къ Рейхсхофену и сѣвернѣе его, за ручей Шварцъ. Волны бѣгущихъ скоро скрылись съ глазъ нѣмцевъ и обнаружили стройно еще отступающія войска Дюкро съ частями конницы и артиллеріи.

Сраженіе окончилось; нѣмцамъ оставалось теперь воспользоваться плодами дорого купленной побѣды, посредствомъ энергическаго преслѣдованія; бывшія въ бою у Фрэшвейлера войска уже не были къ этому способны. По совѣщанію Кирхбаха съ Танномъ, послѣдній могъ выдѣлить для преслѣдованія французовъ только небольшой отрядъ, въ коемъ было всего два баталіона пѣхоты. Отъ 5го корпуса послано начальниками пѣхотныхъ дивизій (болѣе для развѣдки нежели для преслѣдованія) всего 5 эскадроновъ [2]). Кавалерія эта донесла о полномъ отступленіи противника. Однако не видно, чтобы она сдѣлала что-либо особое; она, видимо, даже не имѣла столкновенія съ французами, судя по тому,

[1]) „Нѣмецкая артиллерія подъ Вертомъ“, стр. 67.
[2]) „Исторія 5-го корпуса“, стр. 43 и 46.

*

что вся дивизіонная конница 5го корпуса въ день Вертскаго сраженія потеряла только два человѣка раненными.

Естественно, что приказанія о рѣшительномъ преслѣдованіи и, вообще, распоряженія, клонящіяся къ тому, чтобы въ полной мѣрѣ воспользоваться плодами побѣды, могли исходить только отъ главнаго начальника арміи. Кронпринцъ дѣйствительно сдѣлалъ соотвѣтственныя (приведенныя уже выше) распоряженія, тотчасъ по принятіи имъ общаго начальства надъ сражавшимися войсками. Приказанія эти клонились къ двойному охвату противника, съ отрѣзаніемъ ему путей отступленія: движеніемъ на Рейхсхофенъ, съ сѣвера — баварцевъ и съ юга — виртембергцевъ.

Вѣроятно въ виду двойнаго охвата (въ дѣйствительности не состоявшагося), и не предполагалось немедленнаго преслѣдованія французовъ особымъ кавалерійскимъ отрядомъ въ самый день сраженія, а напротивъ, преслѣдованіе отдѣльною кавалерійскою дивизіею отложено до слѣдующаго утра. Такимъ образомъ преслѣдованія собственно вовсе не было, хотя и въ распоряженіи корпусныхъ командировъ находилось достаточно конницы, а именно: при 5мъ и 11мъ корпусахъ вмѣстѣ — 16ть эскадроновъ, при 2мъ баварскомъ — 20, кромѣ того, къ 11му корпусу прибыло 5 виртембергскихъ эскадроновъ, наконецъ, съ 1ю баварскою дивизіею тоже подоспѣло 5 эскадроновъ. Изъ этого выходитъ, что, такъ сказать, въ первой линіи противъ фронта французовъ и противъ ихъ фланговъ очутилось 47 нѣмецкихъ эскадроновъ. Слѣдовательно, не было недостатка въ средствахъ, но только недоставало общаго управленія, хотя и должна была быть извѣстна общая цѣль, а именно — указанный вообще фланговымъ войскамъ тылъ французовъ у Рейхсхофена.

Перехожу къ исполненію помянутыхъ приказаній кронпринца, клонившихся къ отрѣзанію путей отступленія французамъ.

Выше уже было сказано, что 2я пѣшая виртембергская бригада, направленная кронпринцемъ отъ Гунштета на Рейхсхофенъ, по обстоятельствамъ боя отвлечена была къ Эльзасхаузену, а потомъ участвовала во взятіи Фрэшвейлера. 3я виртембергская пѣшая бригада, по непосредственному приказанію штаба арміи, двинута была отъ Реймерсвиллеръ на Дюренбахъ, должно быть въ видѣ резерва войскъ сражавшихся за Зауэромъ. Голова этой бригады въ 11½ часовъ достигла только Гельшлёха (восточнѣе Гунштета); тамъ получено ею новое приказаніе — „идти на Рейхсхофенъ“. Задержанная дурною дорогою, бригада отдѣлила 2 эскадрона съ виртембергскою резервною артиллеріею — 5 батарей, которыя направились за р. Зауэръ. Артиллерія эта отстала отъ спѣшившей

впередъ конницы, но одна батарея присоединилась къ прусскому 14му гусарскому полку [1]).

Вообще, на лѣвомъ флангѣ пруссаковъ, южнѣе Нидервальда, къ концу боя въ видахъ преслѣдованія дѣйствовало всего 11 эскадроновъ при двухъ батареяхъ, въ составѣ трехъ разныхъ отрядовъ, имѣвшихъ общее направленіе на Рейхсхофенъ и южнѣе его— на Гундерсхофенъ, но только виртембергцы успѣли еще выдти на перерѣзъ французамъ, отступавшимъ отъ Фрэшвейлера къ Рейхсхофену. Нѣмецкая кавалерія дѣйствовала тутъ весьма смѣло и рѣшительно; успѣшно аттаковала даже одну сомкнутую часть противника; брала плѣнныхъ и трофеи, но по позднему времени появленія своего, а главное по слабости силъ, много сдѣлать уже не могла.

Гораздо болѣе средствъ и силъ для довершенія побѣды рѣшающимъ стратегическимъ охватомъ имѣли нѣмцы на правомъ своемъ флангѣ, а именно въ войскахъ 2го баварскаго корпуса. Корпусъ этотъ, такъ сказать, съ мѣста стоялъ уже внѣ фронта расположенія французовъ и легко могъ быть направленъ въ лѣвый флангъ или даже тылъ противника; но для этого требовались своевременныя и положительныя приказанія съ ясно опредѣленною цѣлью. Между тѣмъ, какъ уже объяснено выше, половина пѣхоты этого корпуса, дивизія Ботмера, была израсходована съ ранняго утра въ отдѣльномъ безплодномъ бою, совершенно разстроившимъ $^2/_3$ ея баталіоновъ. Хотя затѣмъ, въ $2^1/_2$ часа пополудни, получено было командиромъ корпуса, генераломъ Хартманомъ, ясное и положительное приказаніе „нажать на лѣвый флангъ французовъ по направленію на Рейхсхофенъ, такъ чтобы очутиться въ тылу расположенія противника“, но время было уже слишкомъ позднее.

Генералъ Хартманъ, во исполненіе приказанія кронпринца, въ размѣрахъ бывшихъ еще въ его распоряженіи силъ, немедленно направилъ на Неевиллеръ и Рейхсхофенъ 5ю пѣх. бригаду (отъ 3й баварской пѣхотной дивизіи) и съ нею уланскую бригаду; а потомъ, нѣсколько спустя, еще одинъ полкъ остальной 6й бригады той-же дивизіи, оставивъ на Бичской дорогѣ одинъ только полкъ.

Но 5я баварская бригада съ уланами не достигла еще Нееввиллера (верстъ 10 отъ Рейхсхофена и версты 2 отъ Фрэшвейлера) въ то время, когда Фрэшвейлеръ былъ уже взятъ, и французы находились въ полномъ отступленіи. Объ этомъ баварская колонна узнала въ Нееввиллерѣ, гдѣ она раздѣлилась: одна часть

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, стр. 285.

пошла въ прежнемъ направленіи на Рейхсхофенъ, а другая повернула вправо, чтобы пересѣчь французамъ отступленіе на Нидерборнъ. Этотъ вполнѣ вѣрный маневръ (движеніе на Нидерборнъ) былъ однако уже несвоевременененъ.

Нидерборнъ около 6 часовъ пополудни былъ занятъ свѣжею французскою дивизіею Лепара (Guyot de Lespart) изъ корпуса Фальи, прибывшею изъ Бича. Лепаръ принялъ на себя отступающихъ и бѣгущихъ французовъ, прикрылъ ихъ отступленіе, и затѣмъ послѣ легкой стычки очистилъ Нидерборнъ.

Баварцы заняли Нидерборнъ; туда-же прибыла черезъ Рейхсхофенъ и виртембергская конница, дѣйствовавшая прежде, какъ сказано, на лѣвомъ флангѣ арміи кронпринца.

У Нидерборна и вообще по линіи протекающаго у него и Рейхсхофена ручья, въ разстояніи 3—5 верстъ отъ поля сраженія, прекратилось всякое преслѣдованіе со стороны нѣмцевъ — даже кавалеріею.

Такимъ образомъ не состоялся намѣченный кронпринцемъ двойной охватъ фланговъ противника; преслѣдованія же внѣ поля сраженія, можно сказать, вовсе не было.

Почти вся 3[я] германская армія провела ночь послѣ Вертскаго боя на полѣ сраженія, куда подтянулись и неучаствовавшія въ бою войска.

За Зауэромъ расположились на ночлегъ: у Фрэшвейлера — 5[й] корпусъ и половина 1го баварскаго; лѣвѣе ихъ и частью позади — 11[й] корпусъ (у Эльзасхаузена и Верта) и еще лѣвѣе, нѣсколько впереди — виртембергцы, а позади ихъ — баденцы (по обѣ стороны р. Зауэра); 2ой баварскій корпусъ ночевалъ, по частямъ, у Рейхсхофена, Нидерборна и Лембаха. 2[я] баварская дивизія 1го баварскаго корпуса, прибывшая къ Герсдорфу (сѣвернѣе Верта), въ 5 часовъ по полудни, снявъ ранцы, двинулась къ Фрэшвейлеру; откуда, за ненадобностью въ ней, возвращена къ своимъ ранцамъ, на лѣвый берегъ Зауэра [1]); за этою дивизіею ночевала баварская кирасирская бригада.

Разбитая подъ Вертомъ армія Макъ-Магона отступала ночью по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Саверн; туда же направилась одна изъ бригадъ дивизіи Лепара; другая бригада той-же дивизіи,

---

[1]) „Офиціальная исторія войны“, т. 1, стр. 291. Въ исторіи же 1 баварскаго корпуса на стр. 26—27 сказано что, къ Фрэшвейлеру ходила только одна бригада 2-ой дивизіи. Эти совершенно нетронутыя войска не были употреблены для преслѣдованія, вѣроятно, по случаю усталости.

а именно Аббатуччи (Abbatucci), съ нѣсколькими тысячами бѣжавшихъ отъ Фрэшвейлера, отошла въ Бичъ, куда прибыла 7 числа утромъ.

Генералъ Фальи находился въ Бичѣ 6 числа въ совершенно особомъ положеніи: съ обоихъ фланговъ его гремѣла канонада; лѣвымъ флангомъ своимъ, ему, по настоящему, приходилось поддерживать Фроссара у Шпихерна (такъ какъ одна бригада Фальи съ 5 на 6 августа ночевала у Сааргемюндъ, верстъ 15 отъ Шпихерна); съ войсками же собиравшимися у Бича Фальи обязанъ былъ идти на выручку Макъ-Магону, которому былъ подчиненъ непосредственно.

Достойно вниманія то обстоятельство, что не смотря на существовавшее телеграфное сообщеніе, Макъ-Магонъ въ теченіе 6 числа не далъ Фальи никакихъ приказаній, — съ другой стороны, и не видно, чтобы Фальи ихъ испрашивалъ. Самостоятельно же онъ ни на что положительное не рѣшался, оставаясь на мѣстѣ подъ предлогомъ, что онъ не можетъ оставить столь важнаго стратегическаго пункта, каковымъ, по его мнѣнію, былъ Бичъ [1]).

Еще вечеромъ 6 числа Фальи, получившій свѣдѣніе о пораженіи Макъ-Магона, созвалъ военный совѣтъ, и на основаніи его рѣшенія, немедленно, съ наличными у Бича войсками, отошелъ на Люценштейнъ, онъ-же Петитъ-Піеръ (Petite-Pierre), по направленію въ Савернъ.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 6 на 7 число обѣ группы французскихъ войскъ, противустоявшія 3^й нѣмецкой арміи, искали соединенія у Саверна. Между тѣмъ, начальство этой арміи недоумѣвало, куда дѣлись французы изъ подъ Рейхсхофена, склоняясь болѣе къ мнѣнію, что они отступили къ Бичу.

Въ предположеніи, что французы отходятъ къ Бичу, еще въ ночь съ 6 на 7 число, дано было кронпринцемъ приказаніе 12ой нѣхотной дивизіи 6го корпуса идти на Бичъ. Дивизія эта 6 числа утромъ собралась у пункта высадки 6го корпуса, у Ляндау, и тогда-же двинута была по направленію на Пирмасенсъ. Задача 6го корпуса, по первоначальному предположенію, состояла въ содержаніи связи со 2^ю нѣмецкою арміею и демонстраціи противъ Бича.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, скажу, что начальникъ 12^й дивизіи, узнавъ о исходѣ дѣла у Верта, самостоятельно двинулся уже впередъ до полученія помянутаго приказанія.

---

[1]) Критическій обзоръ дѣйствій французскихъ начальниковъ помѣщенъ ниже.

Дивизія, къ вечеру 7 числа, дошла до Штюрцельбронъ (Stürzelbronn) а разъѣзды ея дошли до Бича. Войскъ Фальи тамъ уже не оказалось, но самая крѣпость Бичъ встрѣтила прусскіе разъѣзды пушечнымъ огнемъ.

Возвращаюсь къ распоряженіямъ и дѣйствіямъ 3й нѣмецкой арміи, имѣвшимъ цѣлью сборъ свѣдѣній объ отступившемъ противникѣ и его преслѣдованіе въ теченіе 7 числа.

Согласно диспозиціи на 6 число, 4й кавалерійской дивизіи назначенъ былъ отдыхъ позади 3й арміи, у Зульца. Но во время сраженія, еще до окончанія онаго, дано было дивизіи этой приказаніе идти къ Гунштету. Затѣмъ, на 7 число даны были кавалеріи слѣдующія приказанія:

4й кавалерійской дивизіи идти лѣвѣе, на Ингвиллеръ и Буксвиллеръ (Ingwiller, Buxwiller), баварской кавалеріи (кирасирская и уланская бригады) направиться правѣе — на Бичъ, а виртембергцамъ — въ среднемъ направленіи на Цинсвиллеръ и Урвиллеръ (Zinswiller, Uhrwiller).

Начальникъ 4й кавалерійской дивизіи, принцъ Альбрехтъ, прибывъ въ 9½ часовъ вечера 6 числа къ Гунштету и получивъ помянутое приказаніе, двинулся немедленно далѣе къ Эбербаху, гдѣ расположился позади виртембергской пѣхотной дивизіи, а лейбъ-гусарскій № 4 полкъ выдвинулъ впередъ, на ручей Фалькенштейнеръ, къ Гундерсхофену и Гросбаху, для прикрытія лѣвой части расположенія нѣмецкой арміи [1]).

Къ утру 7 числа лейбъ-гусарскій полкъ донесъ, что французы изъ подъ Верта не отступали въ юго-западномъ направленіи черезъ Хегене, Митесхеймъ и Фафенхофенъ (Hegeney, Mietesheim, Pfaffenhoffen). Начальникъ 4й кавалерійской дивизіи, видимо, заключилъ изъ этого, что французы отступили въ сѣверо-западномъ направленіи, а именно на Бичъ, почему указанное кронпринцемъ направленіе на Ингвиллеръ далъ одному лишь лейбъ-гусарскому полку, а съ остальными пятью полками двинулся на сѣверъ, черезъ Рейхсхофенъ и Нидерборнъ.

У Нидерборна прусская дивизія наткнулась на баварскую кирасирскую бригаду, направлявшуюся на Бичъ. Бригада эта, пройдя Нидерборнъ и близъ-лежащій Оберборнъ, встрѣчена была огнемъ французской пѣхоты, занимавшей ущелье, въ которое входила дорога въ Бичъ. Это, вѣроятно, были отсталые. Въ виду этого, кирасирская бригада отказалась отъ дальнѣйшаго наступленія на Бичъ.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 292—94.

Между тѣмъ, начальникъ 4ой прусской кавалерійской дивизіи, по разнымъ признакамъ и свѣдѣніямъ собраннымъ у Нидерборна, пришелъ къ заключенію, что по меньшей мѣрѣ часть войскъ Макъ-Магона отошла на Ингвиллеръ, то есть въ направленіи, именно указанномъ дивизіи кронпринцемъ. Туда теперь и двинулась дивизія; къ ней присоединилась и баварская кирасирская бригада.

По дорогѣ въ Ингвиллеръ сразу замѣчены ясные слѣды поспѣшнаго отступленія французовъ: попадались брошенные ранцы и оружіе; захватывали отсталыхъ французовъ; найдено одно брошенное орудіе. Съ домовъ и окрестныхъ высотъ стрѣляли отбившіеся отъ своихъ частей французскіе солдаты.

Въ 10 часовъ утра принцъ Альбрехтъ доносилъ изъ Ингвиллера: „хотя главныя силы противника отошли черезъ Нидерборнъ на Бичъ, но значительная часть отступила на Ингвиллеръ“.

У Буксвиллера нѣмецкая конница отдыхала съ 11 до 5 часовъ дня и затѣмъ, въ силѣ 30 эскадроновъ съ 3 батареями, направилась на Савернъ. Слѣды присутствія противника все умножались. У Штейнбурга (Steinburg, не доходя Саверна) головныя части нѣмецкой кавалеріи встрѣчены были ружейными залпами и видѣли отъѣзжающій войсковой поѣздъ. Такимъ образомъ возстановлено было прикосновеніе съ противникомъ.

Нѣмцы, прогнавъ французовъ изъ Штейнбурга пушечною пальбою, расположились тамъ на бивуакѣ въ 8 часовъ вечера, сдѣлавъ 9 миль (верстъ 60) въ 24 часа, какъ упоминаетъ оффиціальная прусская исторія войны, видимо считая выходящимъ изъ ряда это, въ сущности, весьма умѣренное и по обстановкѣ крайне нужное передвиженіе.

Вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній о наступленіи нѣсколькихъ баталіоновъ французской пѣхоты, нѣмецкая кавалерія, опасаясь ночнаго боя, снялась съ бивуака у Штейнбурга поздно вечеромъ 7 числа и отошла къ Буксвиллеру.

Остальныя двѣ кавалерійскія колонны, посланныя для преслѣдованія французовъ — виртембергцы и баварская уланская бригада — французовъ не нашли. Баварцы встрѣтили уже разъѣзды 12ой пѣхотной дивизіи (6го корпуса), и сами вернулись въ Нидерборнъ.

Гораздо удачнѣе, самостоятельно распорядился командиръ баденской конной бригады Ляршъ (La Roche), который уже въ 7 1/2 часовъ утра (7 числа) занялъ Гагенау, гдѣ нашелъ 800 раненныхъ французовъ и захватилъ болѣе 100 плѣнныхъ.

Въ то самое время, когда главная нѣмецкая кавалерійская колонна ушла изъ Штейнбурга отъ призрака пѣхоты французовъ,

послѣдніе, въ свою очередь, видимо встревожились близостью нѣмцевъ и продолжали свое отступленіе всю ночь съ 7 на 8 число. Къ утру войска Макъ-Магона очутились уже за Вогезскими горами, у Саарбурга, верстъ 35 отъ кавалеріи принца Альбрехта.

Отысканное 7 числа утромъ соприкосновеніе нѣмецкой кавалеріи съ противникомъ потеряно ею теперь окончательно.

Приступая къ критическому разбору сраженія при Вертѣ, приходится прежде всего замѣтить, что наступающая въ превосходныхъ силахъ 3й нѣмецкая армія по роду своей стратегической задачи должна была, такъ сказать, на лету хватать возможность помѣриться съ противникомъ. Между тѣмъ кронпринцъ, какъ значится въ прусскихъ исторіяхъ войны, намѣревался аттаковать Макъ-Магона не въ ближайшій день—6 августа, а только 7 числа.

Но обѣ противныя стороны уже 5 числа вечеромъ сошлись такъ близко, что въ теченіе 6 августа изъ частныхъ, весьма возможныхъ и даже вѣроятныхъ стычекъ, легко могло разыграться серіозное дѣло въ противность видамъ и намѣреніямъ кронпринца. Значительная доля самостоятельности, признаваемая за нѣмецкими частными начальниками, въ соединеніи съ дѣйствіями противника открывали тутъ широкое поле для всякихъ неожиданностей.

Въ виду всего этого спрашивается: что именно было сдѣлано начальствомъ 3й нѣмецкой арміи для предотвращенія всякихъ нежеланныхъ случайностей? Была-ли умѣрена самостоятельность частныхъ начальниковъ какими либо положительными приказаніями на 6 число? Было-ли, по крайней мѣрѣ, сообщено имъ своевременно о намѣреніи и видахъ кронпринца?

Казалось бы, что при данной обстановкѣ необходимо было своевременно, то есть еще 5 числа, дать частнымъ начальникамъ приказаніе, чтобы, по меньшей мѣрѣ, они съ своей стороны въ теченіе 6 числа избѣгали всего того, что могло-бы повести къ сраженію. Между тѣмъ, подобное приказаніе отдано было только 6 числа, вслѣдствіе разыгравшагося сраженія, и уже при такомъ положеніи дѣлъ, при которомъ исполненіе приказанія могло повлечь за собою самыя пагубныя послѣдствія. Но этого еще мало. Со стороны начальства нѣмецкой арміи не только не приняты посильныя мѣры, чтобы предотвратить нежеланный 6 числа бой, но, напротивъ, сдѣлано такое особое распоряженіе, которое почти неминуемо вело или къ частной серіозной неудачѣ, или же къ общему рѣшительному сраженію именно еще 6 числа. Говорится тутъ о помянутомъ въ своемъ мѣстѣ указаніи, данномъ командиру 2го

баварскаго корпуса, генералу Хартману, хотя въ основаніи своемъ указаніе это было вполнѣ раціонально.

Корпусъ Хартмана стоялъ, такъ сказать, внѣ лѣваго фланга французскаго расположенія. Слѣдовательно, корпусъ этотъ весьма свободно могъ вцѣпиться съ боку въ противника и задержать его въ случаѣ, если бы Макъ-Магонъ вздумалъ 6 числа отступать съ своей позиціи благовременно, уклоняясь отъ неравнаго боя съ арміею кронпринца. Точно также 2^{й} баварскій корпусъ могъ взять во флангъ французовъ, если бы послѣдніе аттаковали 5^{й} прусскій корпусъ у Верта. Вотъ что, въ сущности, заключала въ себѣ записка, присланная Хартману 5 числа вечеромъ, подписанная начальникомъ штаба кронпринца, генераломъ Блюменталемъ. Но если мысль записки была вполнѣ раціональна, то изложеніе ея никакъ нельзя признать удачнымъ.

Въ запискѣ генерала Блюменталя значилось между прочимъ: „Если утромъ 6 числа послышится канонада у Верта, то 2^{му} баварскому корпусу одною дивизіею аттаковать лѣвый флангъ противника. Движеніе это можетъ быть рѣшающимъ“. Употребленное Блюменталемъ выраженіе имѣетъ видъ прямаго, категорическаго приказанія, причемъ единственнымъ условіемъ и, такъ сказать, исполнительною командою для баварцевъ была „канонада у Верта“, или, вѣрнѣе, „со стороны Верта“, такъ какъ можно опредѣлить направленіе, съ котораго слышится гулъ канонады, но трудно указать ту именно мѣстность или точку, на которой стрѣляютъ орудія. Мѣстность эта могла быть далѣе Верта, а можетъ и ближе.

Вообще говоря, канонада, въ зависимости отъ общей обстановки, отъ направленія, съ котораго она раздается и отъ силы ея,— можетъ служить на войнѣ весьма цѣнною примѣтою, но никакъ не болѣе. Прежде чѣмъ сдѣлать какое либо положительное заключеніе на основаніи заслышанной канонады, а тѣмъ болѣе ранѣе принятія какого либо окончательнаго рѣшенія, необходимо взвѣсить и оцѣнить значеніе этой примѣты въ ряду съ общею обстановкою; а если есть время, то дополнить сборомъ болѣе положительныхъ свѣдѣній съ мѣста гдѣ происходитъ канонада.

При данной тутъ дѣйствительной обстановкѣ, то есть близости противныхъ сторонъ и дальности боя орудій, канонада легко могла возгорѣться отъ всевозможныхъ причинъ и случайностей, неимѣющихъ ничего общаго съ предположеніями, которыя служили основаніемъ запискѣ генерала Блюменталя. Скажу болѣе: при данной обстановкѣ было бы весьма странною, мало вѣроятною случайностью, если-бы войска Ботмера въ теченіе 6 августа не услышали какой либо „канонады со стороны Верта“. Въ дѣйстви-

тельности канонада „со стороны Верта“ (по отношенію расположенія баварцевъ) возгорѣлась почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, у самаго Верта — по случаю рекогносцировки Вальтера, и южнѣе, у Гунштета — по причинѣ рекогносцировки французовъ.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, нельзя не сказать въ видѣ общаго вывода, что́ начальствомъ нѣмецкой арміи сдѣланы были по этому дѣлу три важныя упущенія, а именно:

1) Частнымъ начальникамъ—командирамъ корпусовъ не было сообщено, „что слѣдуетъ избѣгать поводовъ къ сраженію 6 числа“.

2) Изложеніе приказанія или указанія, даннаго генералу Хартману, было неправильно, заключая въ буквальномъ своемъ значеніи то, что совершенно противуположно было сущности дѣла.

3) Командирамъ сосѣднихъ корпусовъ вовсе не было сообщено содержаніе особаго приказанія, даннаго Хартману.

Но съ другой стороны, нельзя не признать безупречнымъ и дѣйствій начальства 2го баварскаго корпуса. Большая доля самостоятельности, признаваемая за частными начальниками, возлагаетъ на нихъ совершенно особыя обязанности и бо́льшую отвѣтственность. По меньшей мѣрѣ, можно ожидать и требовать, чтобы частный начальникъ исполнялъ приказаніе „по существу“, а не только по „буквѣ“.

Записка Блюменталя, взятая по существу, обозначала тѣ случаи, при коихъ желательно было наступленіе баварской дивизіи во флангъ противнику. Очевидно, что „канонада у Верта“, какъ сигналъ наступленія, имѣла значеніе на столько, на сколько происходила отъ случая, дѣйствительно предвидѣннаго въ помянутой запискѣ. Разстояніе отъ Матшталя, гдѣ находилась дивизія Ботмера, до Верта всего версты 4—5; слѣдовательно, не трудно было собрать свѣдѣнія о настоящемъ значеніи возгорѣвшейся тамъ канонады, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться наступать, то есть —начать сраженіе.

По настоящему, Ботмеру или Хартману, или, пожалуй вѣрнѣе, обоимъ слѣдовало имѣть заранѣе своихъ офицеровъ при 5^мъ^ корпусѣ: Хартману при штабѣ корпуса, а Ботмеру при его авангардѣ. Точно также и обратно: офицеры 5го корпуса должны были находиться при 2^мъ^ баварскомъ корпусѣ. Эти офицеры, находясь при сосѣднихъ войскахъ, держали бы своихъ начальниковъ въ постоянной извѣстности обо всемъ томъ, что имъ нужно было знать. Нѣчто подобное и было исполнено генераломъ Хартманомъ, посылкою офицера генеральнаго штаба къ командиру 5го корпуса; но случилось это уже 6 числа, въ то время, когда сраженіе загорѣлось по всей линіи.

Очевидно, что нѣмецкія войска, хотя и воспитанныя въ принципѣ самостоятельности частныхъ начальниковъ, тѣмъ не менѣе, еще не напали тогда на извѣстный обще-обязательный методъ новыхъ пріемовъ и правилъ, требуемыхъ введеніемъ или, вѣрнѣе, узаконеніемъ этого принципа. Времени же, пока, отъ начала кампаніи прошло очевидно слишкомъ мало; отдѣльные начальники не могли еще попасть на надлежащіе пріемы, каждый самъ по себѣ, на основаніи личнаго опыта.

Кажется излишне оговориться, что останавливаюсь на всѣхъ этихъ отрицательныхъ явленіяхъ не ради критики для критики, а потому именно, что на основаніи отрицательныхъ примѣровъ, скорѣе всего можетъ выработаться положительный методъ сохраненія прочной связи между самими войсками, коль скоро общая связь, проистекающая изъ власти старшаго начальника, во многихъ случаяхъ оказывается недостаточною. Лучше сдѣлать надлежащій выводъ изъ горькаго опыта другихъ, нежели изъ своего собственнаго.

Обращаюсь къ перечню главнѣйшихъ явленій сраженія и оцѣнкѣ дѣйствій нѣмцевъ, на сколько это касается изслѣдуемаго здѣсь вопроса.

Рекогносцировка генерала Вальтера, начальника авангарда 5го корпуса, есть явленіе нормальное. Объ ней послано Вальтеромъ донесеніе, не только по своему начальству, но и сообщено командиру сосѣдняго, 2го баварскаго корпуса. Однимъ словомъ, Вальтеръ исполнилъ то, что ему надлежало.

Припомнимъ, что между тѣмъ, правѣе 5го корпуса разыгралось дѣло баварской дивизіи Ботмера, а слѣва—канонада и стычка у Гунштета, гдѣ появились и передовыя войска 11го прусскаго корпуса. Прибывшій къ Верту начальникъ штаба 5го корпуса, полковникъ Эшъ, опасаясь, что непріятель можетъ броситься на одинъ изъ фланговыхъ корпусовъ, считалъ нужнымъ занять французовъ съ фронта; мнѣніе это раздѣлилъ и командиръ головной дивизіи 5го корпуса, генералъ Шмитъ, старшій послѣ раненнаго Кирхбаха. Шмитъ вызвалъ на позицію не только артиллерію своей дивизіи, но и корпусную. Прибывшій на поле сраженія генералъ Кирхбахъ одобрилъ это распоряженіе. Всѣ вышеуказанныя соображенія и дѣйствія начальниковъ 5го корпуса надо признать соотвѣтствующими обстановкѣ.

Начальникъ головной дивизіи 11го корпуса, генералъ Шахтмейеръ, замѣтивъ наступленіе французскаго отряда (баталіонъ съ батареею) на Гунштетъ, занятый небольшимъ отрядомъ 5го корпуса, поддержалъ послѣдній частью корпуснаго авангарда отъ своей дивизіи. Командиръ того же 11го корпуса, генералъ Бозе, въ виду

разыгрывавшагося постепенно у Гунштета и Верта дѣла, потребовалъ впередъ остальныя части своего корпуса. Бозе, видимо, намѣревался только поддержать 5ый корпусъ и не пропустить французовъ черезъ ручей Зауэръ. Впрочемъ, передовыя войска его у Гунштета, по естественному ходу дѣлъ, увлеклись сами за Зауэръ, въ слабо занятый французами лѣсъ Нидервальдъ, и этимъ, такъ сказать, намѣтили собственно уже аттаку позиціи Макъ-Магона.

Командиръ своднаго баденско-виртембергскаго корпуса, генералъ Вердеръ, узнавъ, что у Верта началось дѣло и что Бозе идетъ на Гунштетъ, отправилъ къ послѣднему наличную свою, свободную конницу—5 эскадроновъ, а за нею—двѣ пѣхотныя бригады виртембергской полевой дивизіи. Начальникъ авангарда 1го баварскаго корпуса, генералъ Орфъ, заслыша канонаду у Верта, стянулъ впередъ свою бригаду, а начальникъ головной дивизіи 1го баварскаго корпуса, генералъ Стефанъ, двинулся со своею дивизіею на Герсдорфъ, съ намѣреніемъ взять во флангъ французовъ, сражавшихся у Верта. Командиръ же корпуса, генералъ Фонъ-деръ-Таннъ, двинулъ впередъ по тому-же направленію и остальныя части своего корпуса.

Все это исполнено было частными начальниками вполнѣ самостоятельно.

Достойно вниманія то, что Вердеръ, подкрѣпляя Бозе, самъ остался при остальной части своего корпуса. Поддерживая товарища на свою отвѣтственность, Вердеръ дѣйствовалъ вполнѣ безкорыстно, потому что лично не могъ раздѣлить славы возможнаго успѣха Бозе. Далѣе видимъ, что командиръ 1ой баварской дивизіи, Стефанъ, не шелъ просто впередъ на канонаду, но сознательно направлялся такъ, чтобы облегчить положеніе 5го корпуса аттакою во флангъ противнику. Наконецъ Таннъ, одобривъ распоряженіе Стефана, самъ отправился къ Кирхбаху для личнаго объясненія, въ видахъ лучшаго согласованія общихъ дѣйствій. Слѣдовательно, были тутъ дѣйствія вполнѣ сознательныя и раціональныя, а не безотчетное лишь движеніе „на выстрѣлы“.

Генералъ Кирхбахъ съ своей стороны, какъ уже сказано, началъ дѣло канонадою, для облегченія 2го баварскаго корпуса и затѣмъ,—въ этихъ же видахъ, и для обезпеченія войскъ 11го корпуса, переправившихся за р. Зауэръ, въ лѣсъ Нидервальдъ,—впервые двинулъ часть своей пѣхоты на центръ французовъ [1]).

Однимъ словомъ—всякій изъ частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ чувствовалъ себя органомъ одного общаго цѣлаго; каждый

[1]) „Исторія 3-й арміи“, стр. 43.

изъ нихъ, сообразно этому, дѣйствовалъ во имя общей пользы; никто не колебался; никто не ожидалъ понужденій, или хотя бы напоминаній.

Особаго вниманія достойно рѣшеніе Кирхбаха, послѣ полученнаго имъ категорическаго приказанія кронпринца „прекратить дѣло". Въ то время, сброшенная съ высотъ праваго берега ручья Зауэра пѣхота Кирхбаха едва-едва удерживала на той сторонѣ ручья самый Вертъ и часть шоссейной насыпи у этого пункта. При такомъ положеніи дѣлъ, собственно прекращеніе боя со стороны Кирхбаха, или по крайней мѣрѣ ограниченіе пассивною обороною у Верта, было дѣломъ еще исполнимымъ. Для этого достаточно было, подъ прикрытіемъ дѣйствовавшей тамъ громадной батареи (безъ малаго 100 орудій), перевести обратно за Зауэръ части войскъ 5го корпуса, державшіяся еще впереди этого ручья. Тогда столкновеніе этого дня, собственно у самаго Верта, закончилось-бы, вѣроятно, неважною канонадою, потому что французская артиллерія уже почти совсѣмъ отказалась отъ состязанія съ нѣмецкою. Эта видимая возможность исполненія полученнаго приказанія тѣмъ болѣе оттѣняетъ рѣшимость Кирхбаха продолжать дѣло вопреки этому приказанію.

Рѣшимость Кирхбаха основана была на полной и ясной оцѣнкѣ дѣйствительнаго общаго положенія дѣлъ, неизвѣстнаго, конечно, кронпринцу въ моментъ отдачи имъ приказанія „прекратить дѣло". Кирхбахъ ясно понималъ, что съ прекращеніемъ дѣла со стороны нѣмецкой арміи, всѣ понесенныя до сихъ поръ жертвы пошли-бы прахомъ, и напротивъ того: всѣ матеріальныя и нравственныя выгоды перешли бы на сторону французовъ. Впечатлѣніе Вейсенбургскаго пораженія должно было изгладиться. Французы до слѣдующаго дня могли получить приращеніе свѣжими войсками и усилить свою позицію, между тѣмъ какъ три передніе корпуса нѣмецкой арміи, съ прекращеніемъ дѣла, заканчивали день 6 августа, каждый съ болѣе или менѣе значительною неудачею.

Изъ предыдущаго описанія сраженія при Вертѣ видно, что ко времени полученія Кирхбахомъ приказанія кронпринца „прекратить дѣло" баварская дивизія Ботмера уже отбита была отъ Фрэшвейлера и отошла назадъ, въ сильномъ разстройствѣ. Если допустить, что этого послѣдняго обстоятельства Кирхбахъ и незналъ еще, то, во всякомъ случаѣ, онъ понималъ, что отступленіе баварцевъ изъ боя неминуемо приравняется неудачѣ. Далѣе, головная бригада 11го корпуса съ большимъ урономъ вытѣснена французами изъ Нидервальда и на глазахъ Кирхбаха переброшена за Зауэръ. Наконецъ, половина пѣхоты 5го корпуса находилась

уже въ ожесточенномъ бою и понесла большія потери. Изъ всего сказаннаго вполнѣ понятно, что если бы нѣмцы при подобной обстановкѣ прекратили сраженіе, то день 6 августа окончился бы серіозною неудачею арміи кронпринца. Для того, чтобы въ должной степени оцѣнить нравственное значеніе подобной неудачи для нѣмцевъ, нельзя не припомнить, что въ составѣ пяти наличныхъ корпусовъ 3ей арміи, одинъ только 5й корпусъ, Кирхбаха, былъ старой прусской формаціи, да и тотъ состоялъ преимущественно изъ поляковъ и сильно уже пострадалъ какъ при Вейсенбургѣ, такъ и при Вертѣ. Остальные затѣмъ (кромѣ части 11го) состояли изъ войскъ, которыя всего за четыре года до того, то есть въ 1866 году, сражались противъ пруссаковъ. Побѣда, конечно, должна была нравственно сплотить подобную разношерстную армію, но неудача легко могла ее обезохотить и разрознить духомъ [1]).

По всѣмъ этимъ причинамъ Кирхбахъ поступилъ вполнѣ сообразно обстановкѣ, рѣшивъ, на свою отвѣтственность, продолжать дѣло, и честь дня безспорно принадлежитъ ему преимущественно передъ прочими, отлично впрочемъ содѣйствовавшими Кирхбаху частными начальниками 3ей нѣмецкой арміи. Наконецъ, вникнувъ въ дѣло поглубже, нельзя не придти къ заключенію, что Кирхбахъ, въ этомъ случаѣ, хотя и дѣйствовалъ вопреки буквы приказанія кронпринца, но по существу не ослушался своего начальника. Можно сказать, что онъ только на время замѣнилъ отсуствующее на полѣ битвы начальство 3ей арміи, которому, слѣдовательно, не было извѣстно тогдашнее положеніе дѣлъ и дѣйствительная обстановка.

Къ чести командира арміи надо сказать, что кронпринцъ отнюдь не уперался при первомъ своемъ рѣшеніи, коль скоро передъ глазами его раскрылась настоящая картина боя. Кронпринцъ, напротивъ того, одобрилъ всѣ сдѣланныя безъ него распоряженія и немедленно отдалъ приказанія въ видахъ довершенія сраженія. Но починъ дѣла, между тѣмъ, уже безповоротно выскользнулъ

---

[1]) Каково было въ то время нравственное настроеніе простаго баварца можно судить изъ слѣдующаго анекдота, о которомъ можно сказать, что „если онъ и не случился въ дѣйствительности, то хорошо выдуманъ“ (si non è vero è ben trovato). Когда кронпринцъ прусскій послѣ сраженія объѣзжалъ бивуаки войскъ, поздравляя ихъ съ побѣдою и благодарилъ за храбрость, то одинъ баварецъ простодушно сказалъ ему въ отвѣтъ: „и мы благодаримъ Ваше Высочество за Ваше начальствованіе. Какая жалость, что Вы не командовали нами въ 66 году, тогда мы бы задали трезвону этимъ проклятымъ пруссакамъ“. Анекдотъ этотъ во время самой войны помѣщенъ былъ въ весьма распространенной по всему міру иллюстрованной Мюнхенской газетѣ, „Летучіе листки“ (Fliegende Blätter), которая, впрочемъ, держала рѣшительно сторону пруссаковъ.

изъ рукъ главнаго начальника 3й арміи. Одни распоряженія кронпринца были уже предупреждены самостоятельнымъ починомъ частныхъ начальниковъ, другія же — оказались неисполнимыми при данной современной обстановкѣ. Такъ — не могъ быть исполненъ намѣченный кронпринцемъ двойной стратегическій охватъ позиціи противника — виртембергцами съ юга, и баварцами — съ сѣвера, съ направленіемъ въ тылъ французамъ на Рейхсхофенъ. Это неисполненное приказаніе кронпринца свидѣтельствуетъ только о вѣрной обще-теоретической оцѣнкѣ начальнаго обоюднаго положенія, но оно не соотвѣтствовало уже обстановкѣ боя, разыгравшагося помимо главнаго начальника 3й арміи.

Стратегическіе маневры большими массами не могутъ быть импровизируемы подъ вліяніемъ минутнаго вдохновенія; маневры эти подготовляются заранѣе. Это условіе не мѣшаетъ конечно и на лету схватывать шансы выгодной обстановки, но обстановка эта должна быть оцѣнена въ дѣйствительномъ ея значеніи, а не въ одномъ лишь желательномъ или воображаемомъ ея видѣ.

Въ настоящемъ случаѣ маневръ, задуманный кронпринцемъ въ разгарѣ боя и ничѣмъ не подготовленный благовременно, конечно не могъ быть исполненъ по причинамъ, подробно уже изложеннымъ. А такъ какъ другія приказанія кронпринца еще ранѣе исполнены были частными начальниками, то выходитъ, что распорядительностію частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ одержана была блистательная побѣда еще 6 числа, помимо желанія и частью даже противно приказаніямъ начальства арміи. Начальство это, такимъ образомъ, оттѣснено на второй планъ; оно дѣлается если и не просто вреднымъ (такъ какъ частнымъ начальникамъ пришлось исправить его ошибки), то, по меньшей мѣрѣ, какъ будто вообще излишнимъ. Но такъ можетъ представиться дѣло только при первомъ или, вѣрнѣе сказать, при поверхностномъ на него взглядѣ.

Взглянувъ поближе на обстановку Вертскаго боя, увидимъ, что дорого купленный успѣхъ нѣмцевъ вовсе не соотвѣтствовалъ очень значительному превосходству ихъ силъ и понесеннымъ ими жертвамъ, а произошло это именно отъ отсутствія своевременнаго общаго управленія арміею.

Если армія Макъ-Магона была, такъ сказать, въ пухъ разбита и пришла въ полное разстройство, то это объясняется не столько дѣйствіями нѣмцевъ, сколько въ высшей степени упорною храбростью, съ которою держались французы, и собственными крайне настойчивыми контръ-аттаками послѣднихъ. Хотя значительно превосходныя силы нѣмцевъ, въ концѣ-концовъ, тяжестью своею сло-

мили сопротивленіе французовъ, но нѣмецкія войска все-таки дѣйствовали недостаточно связно. Если бы всѣ силы 3й нѣмецкой арміи были какъ слѣдуетъ направлены къ одной общей цѣли главнымъ начальствомъ арміи, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что при упорной до послѣдней крайности оборонѣ со стороны французовъ, Макъ-Магонъ, уже 6 августа, могъ испытать погромъ едва ли много меньше Седанскаго.

Перехожу къ подробному изложенію доказательствъ въ пользу только-что высказаннаго мнѣнія.

Непосредственно въ бою 6 числа, согласно исторіи 3й нѣмецкой арміи (какъ уже сказано выше), участвовало со стороны нѣмцевъ 75.800 человѣкъ пѣхоты, 4.750 кавалеріи, при 250 орудіяхъ. Тотъ же источникъ опредѣляетъ силы французовъ въ бою: 51.300 человѣкъ пѣхоты, 4.800 конницы, при 152 орудіяхъ, изъ коихъ, впрочемъ, 30 картечницъ, которыя орудій замѣнить не могли [1]). Такимъ образомъ, нѣмцы ввели въ дѣло противъ французовъ самое меньшее въ 1½ раза болѣе пѣхоты и двойное число артиллеріи, которой главнымъ образомъ и обязаны они окончательнымъ своимъ успѣхомъ. Результатъ, достигнутый нѣмцами, не соотвѣтствовалъ ни общему ихъ значительному превосходству силъ, ни понесеннымъ жертвамъ. Побѣда куплена нѣмцами дорогою цѣной въ 10.500 человѣкъ потери; уронъ французовъ конечно былъ тоже очень значителенъ, но они, такъ сказать, расшибли себя сами своею стойкостью и своими контръ-аттаками [2]). Съ позиціи французы сбиты только фронтально: всѣ пути отступленія остались для нихъ свободны. Преслѣдованіе ограничивалось почти только полемъ сраженія. Все это произошло отъ недостаточной связности и отъ несвоевременнаго дѣйствія нѣмцевъ, что выразилось въ слѣдующемъ:

4я баварская дивизія рано утромъ пошла одна на непріятеля, была отбита и почти совсѣмъ разстроена.

5й корпусъ ввязался въ жестокій, слишкомъ продолжительный фронтальный бой, поддержанный впрочемъ достаточно согласно слѣва 11мъ корпусомъ. Но оба эти корпуса предприняли дѣло не по силамъ.

---

[1]) „Исторія 3-ей арміи“, стр. 56. По другимъ источникамъ — у французовъ было всего 45 т. наличной пѣхоты.

[2]) Макъ-Магонъ въ показаніяхъ своихъ (Базенъ, стр. 199) исчисляетъ уронъ у Верта только въ 9 т. человѣкъ. Но Деррекаге опредѣляетъ общую убыль въ день битвы въ 20 т. нижнихъ чиновъ и 760 офицеровъ, изъ коихъ, впрочемъ, болѣе 4 т. ушли въ Страсбургъ. Такимъ образомъ уронъ убитыми и ранеными будетъ около 10 т., а плѣнными около 6 т. Нѣмцы насчитываютъ 9 т. взятыхъ ими плѣнныхъ, видимо включая сюда и часть раненыхъ. Они взяли 28 орудій и 5 картечницъ.

Только съ поддержкою свѣжихъ войскъ: баварцевъ (1ая дивизія) и виртембергцевъ (1ая бригада), прибывшихъ на помощь изнемогавшимъ войскамъ 5го и 11го корпусовъ, удалось наконецъ окончательно сбить французовъ съ занимаемой ими позиціи.

Успѣшный исходъ сраженія дѣлался однако для нѣмцевъ весьма сомнительнымъ въ случаѣ своевременнаго появленія на полѣ сраженія одной или двухъ дивизій корпуса Фальи, прибытіе коихъ не было невозможно.

Между тѣмъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что если бы хотя тѣ самыя войска, которыя дѣйствительно приняли участіе въ бою 6 числа, были своевременно двинуты въ дѣло и направляемы одною волею главнаго начальника арміи, то потери были бы несравненно меньше, а успѣхъ — гораздо полнѣе. А нѣмцы могли еще 6 числа ввести въ дѣло противъ Макъ-Магона и другія войска, вовсе не участвовавшія въ дѣлѣ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Изъ 10ти наличныхъ нѣмецкихъ пѣхотныхъ дивизій 3й арміи приняли участіе въ бою, до окончательнаго рѣшенія его, то есть до 4—5 часовъ пополудни, всего 6 дивизій и одна бригада [1]). Затѣмъ въ бою 6 числа не приняло участія: около 40.000 пѣхоты, 200 орудій и 10.000 конницы [2]). А между тѣмъ всѣ эти войска провели ночь съ 6 на 7 августа на полѣ сраженія; изъ нихъ 3я баварская дивизія все время была на лицо, въ первой, такъ сказать, линіи, и почти вся, слишкомъ впрочемъ поздно, двинута была на путь отступленія противника. 2я баварская дивизія вечеромъ была даже у Фрэшвейлера. Двѣ виртембергскія бригады, не принявшія участія собственно въ бою, запоздали, какъ намекается въ прусской исторіи, отъ задержки обозами 11го корпуса. Подобной задержки быть конечно не могло, если бы войска эти, а равно баденцы, двинуты были впередъ, по общей диспозиціи командира 3й арміи.

Если засимъ принять во вниманіе, что сраженіе вполнѣ окончилось уже въ 5омъ часу пополудни, между тѣмъ какъ день оканчивался въ 9мъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ почти наличныя силы пѣхоты и артиллеріи 3й арміи могли быть введены въ дѣло противъ корпуса Макъ-Магона еще 6го августа,

---

[1]) Корпуса 5-ый и 11-ый, баварскія дивизіи 1-ая и 4-ая и 1-я виртембергская бригада; 6-ой корпусъ, принадлежащій къ 3-ей арміи, но удаленный, тутъ конечно въ расчетъ не принимается.

[2]) Цыфры эти выведены изъ сравненія перечня наличности въ строю войскъ 3-ей арміи 3 августа съ силами, показанными принимавшими участіе въ дѣлѣ подъ Вертомъ, исключивъ потери подъ Вейссенбургомъ и заболѣвшихъ. („Исторія 3-ей арміи“, стр. 21 и 56).

до наступленія ночи [1]). Отряды для второстепенныхъ цѣлей наблюденія по направленію къ Гагенау и Бичу легко могли быть выдѣлены изъ помянутой свободной нѣмецкой кавалеріи числомъ въ 10.000 коней, которой можно было придать вполнѣ достаточное число конной артиллеріи, а по мѣрѣ подобности и пѣхоты.

При указанномъ выше громадномъ превосходствѣ симъ нѣмцевъ и упорствѣ съ коимъ держались французы на своей позиціи, двойной охватъ ихъ нѣмцами на полѣ сраженія и полный погромъ на мѣстѣ, даже безъ преслѣдованія, былъ почти неминуемъ.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго видно, что если частные нѣмецкіе начальники одержали или, вѣрнѣе сказать, обстоятельствами вынуждены были одержать, какъ бы ни было, блистательную побѣду надъ французами, то они въ этомъ случаѣ частною своею дружною распорядительностью все-таки только въ весьма несовершенной степени замѣнили единоличное управленіе главнаго начальника арміи. Результатъ вполнѣ понятный, такъ какъ „только единоличное фактическое управленіе свыше, поддержанное самостоятельнымъ починомъ снизу, можетъ привести къ желаннымъ послѣдствіямъ“.

Высказаннымъ выше выводомъ казалось-бы можно и закончить критическій обзоръ дѣйствій нѣмецкихъ начальниковъ съ точки зрѣнія разбираемаго вопроса; тѣмъ не менѣе, для большей полноты, приходится разобрать еще вопросъ: какія собственно уважительныя причины побудили начальство 3^й нѣмецкой арміи отложить аттаку противника до 7 числа.

Могла-ли 3^я армія 7 августа быть сильнѣе, нежели 6 числа? Конечно нѣтъ. Она счетомъ, правда, усиливалась частями 6го корпуса; но корпусъ этотъ только еще высаживался у Ляндау; головная дивизія его, направленная на Бичъ, не могла оказать никакого вліянія на исходъ сраженія 7 числа у Верта даже демонстраціею противъ Бича, съ цѣлью задержать тамъ войска Фальи: 7 числа дивизія не могла достигнуть этого пункта. Наступленіе же ея на Бичъ, маскированное частями кавалеріи 2^й нѣмецкой арміи,

[1]) Изъ приложеннаго къ оффиціальной прусской исторіи плана (схема № 3) видно, что въ ночь съ 5 на 6 августа 2-й баварскій корпусъ ночевалъ не далѣе верстъ 15 отъ Фрэшвейлера; 1-ый баварскій — верстъ 15 отъ Верта; корпусъ Вердера — верстъ 20 отъ того-же пункта; причемъ одинъ изъ этихъ корпусовъ для движенія къ Верту могъ воспользоваться шоссейною дорогою; наконецъ ясно, что если одна бригада виртембергцевъ, будучи первоначально направлена по дорогѣ въ Гагенау, все-таки по весьма кружному пути, еще во́-время попала въ бой, то и весь корпусъ Вердера могъ поспѣть еще раньше, держась прямаго пути.

не могло произвести никакого особаго впечатлѣнія на французскихъ начальниковъ, коимъ движеніе это извѣстно не было. Конечно, 12ая прусская дивизія могла достигнуть Бича 8 числа и напасть тамъ на войска Макъ-Магона, если-бы таковыя отходили на главную свою армію послѣ проиграннаго 7 числа сраженія у Верта; но для этого, прежде всего, надо было именно выиграть нѣмцамъ дѣло у Верта.

Послѣ побѣды нѣмцевъ у Верта, пересѣченіе пути у Бича дѣлалось совершенно излишнимъ, если-бы 3я армія, хотя-бы во исполненіе общей своей стратегической задачи, уже на полѣ сраженія отбросила Макъ-Магона отъ прямыхъ сообщеній съ французскою Мецкою арміей. Дѣйствуя этимъ способомъ, 3я нѣмецкая армія имѣла-бы возможность направиться во флангъ или тылъ главной французской арміи въ то время, когда 1я и 2я нѣмецкія арміи будутъ наступать на нее съ фронта. Это намѣреніе и было высказано кронпринцемъ въ помянутой прежде телеграммѣ его генералу Мольтке, отъ 2 августа.

Слѣдовательно, нѣмцы ничего не выигрывали, откладывая аттаку до 7 числа; напротивъ того, съ большею вѣроятностью можно было ожидать, что французы усилятся за это время новыми войсками, получатъ возможность лучше устроиться и укрѣпить свою позицію.

Наконецъ надо припомнить, что нѣмцы открыли кампанію стратегическимъ предупрежденіемъ противника; они были готовы и сосредоточены ранѣе французовъ. Все это не было дѣломъ случая а отлично сознавалось нѣмцами. А потому главная королевская квартира недаромъ настаивала на скорѣйшемъ открытіи дѣйствій 3ю арміей. Коль скоро-же эти дѣйствія начались вторженіемъ въ предѣлы противника, то каждый день былъ дорогъ для нѣмцевъ. Откладывать аттаку значило отказываться отъ выгодныхъ шансовъ въ пользу французовъ.

Такимъ образомъ, повидимому, никакъ нельзя найти удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: почему именно начальство 3й нѣмецкой арміи хотѣло дать сраженіе только 7 числа, а не въ ближайшій день 6 августа? Разгадка кроется едва-ли не въ томъ, что начальство 3й нѣмецкой арміи, не смотря на завѣренія прусскихъ военныхъ исторіковъ, въ сущности, 5 августа вовсе не имѣло твердаго намѣренія аттаковать противника хотя-бы 7 числа, напротивъ того, распоряженія по 3й арміи на 6 число обличаютъ какъ-бы неувѣренность и нерѣшительность, а можетъ быть—и разногласіе въ главной квартирѣ арміи.

Если-бы у нѣмцевъ было твердое намѣреніе аттаковать французовъ 7 числа, то въ основаніи этого намѣренія должна была бы ле-

жать полная (хотя-бы даже ошибочная) увѣренность въ томъ, что французы не уклонятся отъ боя благовременнымъ отступленіемъ въ теченіе 6 августа. А между тѣмъ записка генерала Блюменталя Хартману доказываетъ совершенно противное: въ ней именно и говорится „о возможности отступленія французовъ". Разъ эта возможность допускалась, то при твердой рѣшимости сразиться, нѣмцамъ оставалось непремѣнно перейти въ наступленіе еще 6 числа. Однако въ запискѣ говорится, напротивъ, что „ближайшая цѣль пока не та, чтобы разбить противника, а удержать его постоянными нападеніями, чтобы не дать ему отойти къ главной французской арміи".

Очевидно, что въ приведенныхъ словахъ записки Блюменталя идетъ вопросъ о какой-то полумѣрѣ, о „затрудненіяхъ и непріятностяхъ" для арміи Макъ-Магона, но вовсе не объ окончательномъ ея пораженіи. Однимъ словомъ, видно, что начальство 3ей арміи, въ моментъ отдачи распоряженій на 6 число, находилось еще въ полной нерѣшительности, не остановившись еще на чемъ-либо ясно и твердо опредѣленномъ.

Собственно говоря, 6 августа вовсе не назначалось нѣмцами хотя-бы даже для подготовки аттаки 7 августа, а напротивъ того позволительно думать, что такъ называемая отсрочка аттаки была простымъ послѣдствіемъ отсутствія какого бы ни было твердаго рѣшенія. Начальство 3й нѣмецкой арміи, въ сущности, мирилось даже съ тѣмъ, чтобы ради выигрыша дня 6 августа, для своей оріентировки, рискнуть упустить случай сразиться съ противникомъ. Поводомъ къ этой нерѣшительности было, очевидно, невѣдѣніе, въ какихъ, хотя приблизительно, силахъ предстоитъ противникъ у Верта? Въ теченіе 5 числа констатировано было только, что тамъ находится корпусъ Макъ-Магона, который, по предположенію нѣмцевъ (какъ видно изъ исторіи 3й арміи), могъ быть усиленъ 5мъ и 7мъ французскими корпусами. Слѣдовательно, французы могли имѣть тутъ отъ 4 до 10 дивизій пѣхоты, а сколько именно имѣли въ дѣйствительности за Зауэромъ—нѣмцамъ извѣстно пока не было. Они даже видимо подозрѣвали присутствіе значительныхъ силъ французовъ у Гагенау.

Неизвѣстность о силахъ противника есть явленіе совершенно нормальное на войнѣ; оно уменьшается сборомъ разныхъ свѣдѣній и тщательнымъ ихъ соображеніемъ. Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ это—кавалерійскія рекогносцировки, просто развѣдочныя или усиленныя.

Въ данномъ случаѣ для 3й нѣмецкой арміи весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы, хотя-бы разъѣздами, проникнуть до тѣхъ

именно путей, по коимъ могли сообщаться корпуса французовъ. Такое направленіе и было дано 4й кавалерійской дивизіи на 5 число, а именно: ей приказано „проникнуть до Гагенау и Рейхсхофена", какъ путей, соединяющихъ корпусъ Макъ-Магона, собиравшійся первоначально въ Страсбургѣ, съ право-фланговымъ корпусомъ главной французской арміи, Фальи. Нѣмецкіе полки раскрыли французовъ у Верта, но въ Гагенау нѣмцы не проникли и не попортили тамъ желѣзныхъ дорогъ, вопреки точныхъ указаній въ диспозиціи по 3й арміи.

Если-бы нѣмецкая конница 5 числа проникла до Гагенау или вообще вышла на путь между Страсбургомъ и Рейхсхофеномъ (Вертомъ), то не трудно было бы собрать хотя приблизительно вѣрныя свѣдѣнія о находящихся у Гагенау и прослѣдовавшихъ черезъ него французскихъ войскахъ; тогда призракъ присутствія всего 7го французскаго корпуса у Гагенау (или Верта) рушился бы самъ собою. Съ этимъ исчезло бы и опасеніе за лѣвый флангъ 3й арміи, рѣзко проглядывающее въ диспозиціи на 6 число и даже въ дѣйствіяхъ Вердера во время Вертскаго боя.

Сборъ всѣхъ этихъ свѣдѣній былъ задачею 5 числа. Коль скоро-же въ теченіе этого дня опредѣлилось только вообще присутствіе корпуса Макъ-Магона у Верта—Рейхсхофена, между тѣмъ какъ вопросъ о нахожденіи корпусовъ 5го и 7го оставался неразрѣшеннымъ, то для болѣе точной оріентировки, въ предвидѣніи боя 7 числа, слѣдовало 6го по меньшей мѣрѣ настойчиво повторить поиски на Гагенау и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести другіе — между Рейхсхофеномъ и Бичемъ, на сообщенія Макъ-Магона съ Фальи. Насколько видно изъ исторіи, ничего подобнаго 3ю арміею предпринято не было и распоряженій въ этомъ смыслѣ на 6 число никакихъ не дѣлалось. Это служитъ подтвержденіемъ, что начальство 3й нѣмецкой арміи находилось еще въ полной нерѣшительности. Оно не распорядилось даже развѣдками на 6 число, не смотря на весьма большія наличныя средства, состоящія въ свободной конницѣ, непринадлежавшей собственно къ составу пѣхотныхъ дивизій (по 4 эскадрона на дивизію). Эта свободная конница была слѣдующая: 4я кавалерійская дивизія 24 эскадрона 12 орудій.

Баварская кирасирская бригада .	12	„	6 „
„ уланская „ .	12	„	6 „
Баденская конница	8	„	6 „

къ нимъ можно причислить эскадроновъ 4—6 изъ 10 эскадроновъ виртембергской конницы.

Такимъ образомъ въ 3й нѣмецкой арміи для отдѣльныхъ дѣйствій было въ распораженіи на лицо до 60 эскадроновъ, при 30

конныхъ орудіяхъ, число коихъ легко могло быть усилено конными батареями корпусныхъ артиллерій.

Надо сознаться, что многочисленная и отличная конница нѣмцевъ не особенно удачно употреблялась и дѣйствовала въ разбираемый періодъ кампаніи; она упустила противника, отступавшаго изъ-подъ Вейсенбурга и Верта, и не собрала достаточныхъ свѣдѣній о силахъ Макъ-Магона до сраженія 6 числа. Надо полагать, что въ лѣсистой и гористой мѣстности нѣмцы затруднялись употреблять для отдѣльныхъ дѣйствій конницу, $^2/_3$ коей состояло изъ кирасиръ и уланъ, между тѣмъ какъ способные къ пѣшему бою драгуны и гусары были въ составѣ пѣхотныхъ дивизій.

Итакъ, изъ предыдущаго разсужденія выходитъ, что начальство 3ій нѣмецкой арміи не рѣшалось вступить въ дѣло 6 числа по причинѣ недостаточной оріентировки относительно силъ и расположенія противника; далѣе, что неполная оріентировка произошла отъ того, что нѣмцы недостаточно пользовались многочисленною конницею своею, и что, наконецъ, причиною слишкомъ ограниченнаго употребленія конницы была, надо полагать, несоотвѣтственная организаціи послѣдней для дѣйствій въ мѣстности пересѣченной, то есть малое число конницы, способной къ пѣшему бою, а также плохое вооруженіе послѣдней [1]). Независимо всего того весьма вѣскою причиною могла быть и замѣтно малая предпріимчивость старшихъ нѣмецкихъ кавалерійскихъ начальниковъ, которые тогда, кажется, далеко еще не усвоили себѣ правильнаго взгляда на современныя задачи конницы [2]).

Къ такому окончательному выводу приходимъ путемъ постепеннаго критическаго разбора дѣйствій начальства 3ій нѣмецкой арміи. Если же этотъ выводъ не вѣренъ, то „для оправданія рѣше-

---

[1]) Изъ сочиненія Вальтера, стр. 62—63, видно, что карабины нѣмецкой спѣшивавшейся конницы имѣли дальность только 150 шаговъ, между тѣмъ какъ ружья французской — били на 800 шаговъ.

[2]) Этотъ послѣдній выводъ можетъ показаться слишкомъ рѣзкимъ, а между тѣмъ онъ находитъ себѣ подтвержденіе во всемъ ходѣ разбираемой кампаніи; въ ближайшій же разсматриваемый періодъ войны помянутый выводъ находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ: 1) вялый поискъ отдѣльной кавалерійской дивизіи на Гагенау; 2) неисполненіе положительнаго приказанія попортить желѣзныя дороги у этого пункта; 3) отступленіе отъ Штейнбурга 30 нѣмецкихъ эскадроновъ съ 3 батареями отъ одного лишь призрака французской пѣхоты; 4) неисполненіе 7 числа баварскою кирасирскою бригадою указаннаго ей движенія на Бичъ по причинѣ или подъ предлогомъ выстрѣловъ со стороны отсталыхъ французскихъ солдатъ, между тѣмъ какъ въ составѣ этой бригады, кромѣ двухъ кирасирскихъ полковъ, находилась еще конная батарея и 6-й легкоконный полкъ, способный къ спѣшиванію („Исторія 3-й арміи“, стр. 180), и наконецъ 5) претензія отдѣльной кавалерійской дивизіи 3-й арміи, чтобы бивуаки этой дивизіи были окарауливаемы пѣхотою, не только во время похода черезъ Вогезскія горы, но даже и послѣ, по выходѣ на равнины („Исторія 3-й арміи“, стр. 77).

ній помянутаго начальства, отложить бой до 7 числа, не остается не только никакихъ основательныхъ причинъ, но даже сколько нибудь благовиднаго предлога".

Приступая къ разбору соображеній и дѣйствій французовъ въ Вертскомъ дѣлѣ, натыкаемся на два затрудненія: съ одной стороны, на недостатокъ положительныхъ свѣдѣній и данныхъ, а съ другой—на недоумѣніе, какую именно принять точку зрѣнія? Если отнестись къ дѣлу строго объективно-критически, то нельзя не придти къ заключенію, что маршалу Макъ-Магону не слѣдовало вступать въ сраженіе со значительно превосходными силами нѣмцевъ. Но продолжая и распространяя разслѣдованіе по поводу Вертскаго боя, придемъ неминуемо къ заключенію, что французы въ то время вообще не должны были затѣвать войны съ Пруссіею. Однако, для Макъ-Магона, въ частности, открытіе войны было фактомъ даннымъ и совершившимся. Положеніе, въ которомъ онъ очутился первоначально, вовсе не зависѣло отъ его воли, личныхъ соображеній, или распоряженій.

Маршалъ Макъ-Магонъ принялъ командованіе надъ корпусомъ, еще неукомплектованнымъ и несформированнымъ. Войска его разбросаны были на большомъ протяженіи въ то время, когда цѣлая противустоящая ему непріятельская армія кончала уже свое сосредоточеніе и готовилась къ наступленію. Предварительныхъ, точныхъ объ этомъ свѣдѣній Макъ-Магонъ, какъ кажется, не получилъ отъ своего начальства, которое и само знало весьма немного [1]).

За всѣмъ тѣмъ нельзя отрицать, что маршалъ для разъясненія положенія дѣлъ сдѣлалъ съ своей стороны крайне мало. Не освѣтивъ мѣстности къ сторонѣ нѣмцевъ, для чего имѣлись у него въ распоряженіи двѣ кавалерійскія дивизіи силою въ 44 эскадрона, маршалъ выдвинулъ значительно впередъ къ Вейсенбургу одну только пѣхотную дивизію. Пораженіе этой дивизіи, аттакованной 4 августа неномѣрно превосходными силами нѣмцевъ, одновременное появленіе послѣднихъ въ Ляутербургѣ и проч., могло-бы кажется раскрыть наконецъ глаза французскому начальнику; онъ долженъ

---

[1]) Генералъ Вимпфенъ въ сочиненіи своемъ стр. 80 (Sédan par le général de Wimpffen. Paris. 1871), увѣряетъ, что въ главной императорской квартирѣ не хотѣли вѣрить донесенію подпрефекта Вейсенбурга о томъ, что по той сторонѣ границы собирается значительная масса нѣмцевъ; объ этомъ, по увѣренію Вимпфена, сообщено Макъ-Магону только въ ночь съ 3 на 4 августа, т. е. лишь за нѣсколько часовъ до дѣйствительнаго вторженія 3-й нѣмецкой арміи. По другимъ источникамъ, Ле-Бефъ за нѣсколько дней до 4 числа предварялъ Макъ-Магона о сборѣ большихъ силъ нѣмцевъ въ Пфальцѣ.

былъ понять, что на его корпусъ надвигается цѣлая армія [1]). Дѣйствительно, самъ маршалъ, предваряя войска, выразилъ въ воззваніи къ нимъ, что онѣ будутъ имѣть дѣло „съ значительными силами непріятеля и грозною его артиллеріею".

Трудно сказать по какой причинѣ и на основаніи какихъ именно соображеній и расчетовъ маршалъ Макъ-Магонъ вздумалъ все-таки помѣриться съ противникомъ въ рѣшительномъ бою при столь невыгодной обстановкѣ. Тутъ вѣроятно сложились—отсутствіе свѣдѣній о дѣйствительныхъ силахъ нѣмцевъ съ извѣстною долею самонадѣянности, чтобы не сказать—заносчивости, которая, толкнувъ французовъ въ далеко неподготовленую войну, могла проявиться и въ дѣйствіяхъ ихъ, по меньшей мѣрѣ—первоначальныхъ. Подобное настроеніе ума заслуженнаго и храбраго воина, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ лучшія французскія (африканскія) войска, совершенно понятно, тѣмъ болѣе, что маршалъ едва-ли былъ оріентированъ относительно общаго на всемъ театрѣ войны, столь значительнаго численнаго перевѣса нѣмецкихъ силъ надъ французами.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ, частная неудача (пораженіе дивизіи Дуэ) естественно должна была скорѣе подзадорить Макъ-Магона, нежели навести его на соображенія болѣе осторожныя, согласныя съ дѣйствительною современною обстановкою. И такъ, желаніе Макъ-Магона помѣриться съ нѣмцами надо принять за данную дѣйствительную. Остается за симъ только, въ предѣлахъ имѣемыхъ свѣдѣній, прослѣдить, въ какой мѣрѣ маршалъ обезпечилъ за собою успѣхъ въ ожидаемомъ столкновеніи, то есть, главнымъ образомъ, на сколько онъ позаботился объ усиленіи своихъ наличныхъ войскъ подкрѣпленіями изъ подчиненныхъ ему корпусовъ, 5го и 7го. Надо признать, что обстоятельства въ этомъ отношеніи не дали особаго простора распорядительности маршала.

Сосѣдніе Макъ-Магону по общему расположенію корпуса 5ый, Фальи, и 7ой, Феликса Дуэ, подчинены были маршалу только 5 августа, то есть наканунѣ Вертскаго боя. Хотя приказомъ импера-

[1]) Такое мнѣніе выражаетъ и Деррекаге въ сочиненіи своемъ „Современная война". (La guerre moderne par V. Derrecagaix. Paris. 1885). Сочиненіе это въ 1-й части заключаетъ Стратегію, а во 2-й—Тактику. Оно попалось намъ уже во время печатанія настоящаго труда, а потому въ первыхъ главахъ послѣдняго не могло быть принято въ расчетъ. На стр. 200 второй части сочиненія Деррекаге значится, что хотя часть конницы Макъ-Магона 5 числа еще не дошла до Рейхсхофена и поэтому не могла быть употреблена для развѣдки, но, тѣмъ не менѣе, самъ маршалъ съ высоты Голубятни (Pigeonnier, близъ Вейсенбурга) могъ видѣть того-же числа значительныя массы противника; далѣе, изъ донесеній генераловъ: Пеле о сраженіи при Вейсенбургѣ и Нансути—о развѣдкѣ къ Лаутербургу, маршалъ долженъ былъ убѣдиться, что имѣетъ предъ собою (противъ Верта) не менѣе 100 тысячъ непріятеля.

тора еще 4 числа одна изъ дивизій Фальи, бывшая тогда въ Бичѣ, и другая, которая должна была подойти туда-же изъ Сааргеминъ (Сааргемюндъ), подчинены были Макъ-Магону.

Изъ войскъ 7го корпуса только одна дивизія Консейль-Дюмениль дѣйствительно присоединилась къ Макъ-Магону 6 числа рано утромъ, еще передъ боемъ. Что касается 5го корпуса, Фальи, то участіе, или вѣрнѣе безучастіе его въ Вертскомъ бою обусловлено было слѣдующимъ образомъ [1]).

Къ 4 числу августа войска 5го французскаго корпуса расположены были: двѣ пѣхотныя дивизіи съ резервомъ артиллеріи въ Сааргемюндъ, и одна дивизія — въ Бичѣ. Для связи между ними: отрядъ у Рорбаха (баталіонъ и конный полкъ), а въ Нидерборнъ (между Бичемъ и Рейхсхофенъ) — конный полкъ, для связи съ Макъ-Магономъ.

Въ 5 часовъ пополудни того же 4 числа Фальи получилъ изъ главной квартиры императора слѣдующую телеграмму:

„Поддержите вашими двумя дивизіями ту, которая въ Бичѣ“.

Это распоряженіе, которое сосредоточивало весь 5ый корпусъ къ Бичу, поближе къ Макъ-Магону, было, видимо, плодомъ опасеній, вызванныхъ сборомъ 3ей нѣмецкой арміи, а можетъ быть и подоспѣвшаго тогда уже извѣстія о Вейсенбургскомъ пораженіи.

Нельзя сказать, чтобы исполненіе со стороны 5го корпуса отличалось особою быстротою и рвеніемъ. Подъ предлогомъ конвоированія (не охраненія-ли?) какого то транспорта (въ 600 повозокъ), оставлена въ Сааргемюндъ цѣлая пѣхотная бригада Ляпассе (Lapasset — 2ой дивизіи) съ конным полкомъ и батареею впредь до прибытія туда дивизіи Монтодона (3го корпуса). Отрядъ этотъ во всю кампанію такъ и не попалъ болѣе къ своему корпусу. Другая бригада той-же дивизіи въ теченіе 5 числа не дошла до Бича, но только — на полъ пути — къ Рорбаху; наконецъ, дивизія Гозъ (Goze) дошла до Бича вечеромъ 5 числа.

Въ теченіе того же 5 августа генералъ Фальи увѣдомленъ былъ о томъ, что весь корпусъ его подчиняется маршалу Макъ-Магону. Отъ маршала онъ получилъ телеграмму, въ которой значилось: „чтобы Фальи присоединился къ нему какъ можно скорѣе“. Какъ уже сказано, телеграмма эта вѣроятно получена Фальи еще 4 числа. Такъ утверждаетъ генералъ Вимпфенъ, весьма справедливо ссылаясь на то, что Фальи въ сочиненіи своемъ какъ будто

---

[1]) Слѣдуя сочиненію генерала Фальи „Кампанія 1870 г. Операціи и марши 5-го корпуса по 31 августа“, изд. 1871 г. стр. 9—27. („Campagne de 1870. Opérations et marches du 5-e Corps etc.“ par le général de Failly. Bruxelles).

нарочно умалчиваетъ о времени ея полученія [1]). Затѣмъ маршалъ 5 числа прислалъ Фальи другую телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Увѣдомьте когда“ (въ какой день) „и какимъ путемъ вы присоединитесь ко мнѣ. Необходимо, чтобы мы согласовали наши операціи“.

Нельзя отрицать, что эта вторая телеграмма въ извѣстной мѣрѣ ослабляла мысль первой, требовавшей категорически „присоединенія какъ можно скорѣе“. А въ этой скорости, по сложившимся обстоятельствамъ, состояла вся суть дѣла.

Генералъ Фальи отвѣчалъ Макъ-Магону:

„Въ Бичѣ одна только дивизія Лепара; она отправляется 6го утромъ, чтобы присоединиться къ вамъ“.

Дивизія Лепара расположена была у Бича, имѣя аванпосты свои нѣсколько верстъ впереди. Ей приказано „выступить на другой день, 6 числа утромъ, и, если возможно, въ тотъ же день достигнуть Рейхсхофена, сносясь по пути съ маршаломъ Макъ-Магономъ съ каждой желѣзно-дорожной станціи“.

Въ 6 часовъ утра 6 августа въ Бичѣ послышалась уже канонада со стороны Верта; въ то время, по завѣренію генерала Фальи, дивизія Лепара находилась уже въ полномъ движеніи. Ей приказано „ускорить маршъ“.

Фальи опредѣляетъ разстояніе отъ Бича до поля дѣйствій въ 34 километра. Между тѣмъ, судя по картѣ, разстояніе отъ Бича до Рейхсхофена можетъ быть по прямой линіи километровъ 20, а съ изгибами дороги нѣсколько болѣе, положимъ хотя бы 22—23. Разстояніе это кажется можно было пройти часовъ въ 7—8, на дѣлѣ же Лепаръ достигъ Нидерборна (версты двѣ недоходя Рейхсхофена) только въ 6 часовъ вечера [2]), то есть послѣ 12 часоваго марша, тогда, когда сраженіе было уже окончательно проиграно.

Таковъ былъ результатъ распоряженій и дѣйствій французскихъ начальниковъ. Посмотримъ какія послѣдствія могло имѣть болѣе раціональное веденіе дѣла.

---

[1]) Вимпфенъ, стр. 98—99. Телеграмма Макъ-Магона 4 числа могла основываться на сообщенной ему выдержкѣ изъ упомянутаго въ своемъ мѣстѣ приказа императора отъ 4 августа, коимъ двѣ дивизіи 5-го корпуса собирались въ Бичѣ и подчинялись Макъ-Магону.

[2]) По нѣмецкимъ источникамъ. У Вимпфена же значится, что Лепаръ достигъ Нидерборна въ 4 часа пополудни; но у Фальи, стр. 13, сказано, что бригада дивизіи были раздѣлены (надо понимать въ походной колоннѣ) аттакою въ центръ ея у Нидерборна; а это никакъ не могло быть раньше 6 часовъ вечера. Самъ Макъ-Магонъ расчитывалъ на гораздо болѣе раннее прибытіе дивизіи Лепара (какъ это видно изъ описанія битвы Деррекаге), и надо полагать отчасти по этой причинѣ продолжалъ свое безнадежное сопротивленіе до послѣдней крайности и полнаго пораженія храбрыхъ своихъ войскъ.

Изъ описанія Вертскаго сраженія видно, что дѣйствія нѣмцевъ не были основаны на одномъ цѣльномъ, обдуманномъ планѣ. Они, напротивъ того, представляютъ рядъ единичныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ импровизацій безъ достаточной внутренней связи; притомъ не всѣ войска нѣмцевъ прибыли своевременно на поле сраженія. Такимъ образомъ, не смотря на общее значительное превосходство силъ нѣмцевъ, многіе шансы переходили къ французамъ. Шансы эти увеличились бы по мѣрѣ усиленія войскъ Макъ-Магона свѣжими подкрѣпленіями. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ — не могъ ли 7ой корпусъ, Дуэ, поддержать Макъ-Магона еще и другими войсками сверхъ подоспѣвшей въ бой дивизіи Консейль-Дюменилъ [1]), обращаюсь прямо къ 5^му корпусу, Фальи.

Корпусъ Фальи 4 числа имѣлъ одну дивизію въ Бичѣ (въ одномъ небольшомъ переходѣ отъ Рейхсхофена), а двѣ остальныя — въ Сааргемюндъ (въ переходѣ отъ Бича). Всѣ эти пункты соединены желѣзною дорогою. Но войска Фальи и безъ нея могли во́ время еще присоединиться къ Макъ-Магону, а именно: дивизія Лепара изъ Бича — еще 5 августа вечеромъ, а остальныя — по меньшей мѣрѣ еще въ теченіе боя 6 числа, если бы, конечно, распоряженія о движеніи дивизіи бывшей въ Бичѣ были сдѣланы немедленно по телеграммѣ Макъ-Магона отъ 4 числа; наконецъ, если бы дивизія Лепара выступила хотя на ночь съ 5 на 6 августа, а остальная рано утромъ 6го,—тогда онѣ могли бы поспѣть еще въ бой.[2])

Можно пожалуй согласиться съ генераломъ Фальи, что ему трудно было немедленно бросить Сааргемюндъ (съ транспортомъ), а также крѣпостцу Бичъ, не имѣвшую никакого спеціальнаго гарнизона, кромѣ сводной роты пограничной стражи, и наконецъ даже — узелъ дорогъ у Рорбахъ (между Сааргемюндъ и Бичемъ); но при надлежащей экономіи въ распредѣленіи силъ, для всего этого вполнѣ достаточно было употребить одну бригаду пѣхоты при двухъ или хотя бы трехъ полкахъ кавалеріи.

---

[1]) Генералъ Вимпфенъ (стр. 101) утверждаетъ, что остальныя дивизіи корпуса Дуэ были остановлены у Бельфора вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній, будто нѣмцы переправляются черезъ Рейнъ повыше Страсбурга.

[2]) Если французы не желали оголять Бича, такъ сказать, ни на минуту, то можно было двинуть оттуда дивизію Лепара въ то время, когда подходила уже къ Бичу дивизія Гозъ, то есть вечеромъ 5 числа. Если бы Лепаръ, оставивъ даже баталіона два на аванпостахъ, выступилъ съ остальными отдохнувшими войсками, хотя бы въ 7 часовъ вечера 5 числа, то онъ къ утру, примѣрно къ 7 часамъ 6 августа, могъ уже стать въ резервъ войскъ Макъ-Магона. Войска эти могли бы отбить аттаку на Эльзасхаузенъ, предпринятую послѣднимъ усиліемъ сгруппировавшихся тамъ нѣмцевъ. Остальныя войска 5-го корпуса, послѣ отдыха у Бича (каждая часть часовъ 5—6), легко могли начать движеніе около полуночи и подойти всѣ на поле битвы примѣрно между полуднемъ и 3—4 часами 6 числа. Они могли взять во флангъ охватывающую на Фрэшвейлеръ аттаку баварцевъ.

Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что Макъ-Магонъ въ Вертскомъ бою могъ быть усиленъ примѣрно 30[ю] баталіонами корпуса Фальи (въ корпусѣ было 39 баталіоновъ). А что французы, при такомъ приращеніи ихъ силъ, могли отбить аттаки нѣмцевъ у Верта 6 числа, это по меньшей мѣрѣ вѣроятно. За симъ оставимъ открытымъ вопросъ: могли ли нѣмцы, въ случаѣ неудачи 6 августа, возобновить свои аттаки на другой день? Въ пользу возможности этого говоритъ: грозная артиллерія нѣмцевъ и нетронутыя еще ихъ войска (часть баварцевъ, виртембергцевъ и баденцы, всего 40 тысячъ человѣкъ пѣхоты), а противъ — не выходящій изъ предѣловъ возможности упадокъ духа и обезохоченіе въ рядахъ разношерстной арміи кронпринца Прусскаго, значительное большинство коей немного только лѣтъ до того сражалось противъ нынѣшнихъ союзниковъ и старшихъ своихъ прусскихъ предводителей.

Равнымъ образомъ, излишне разбирать, кто тутъ болѣе виноватъ — Фальи, что не приложилъ болѣе рвенія въ исполненіи перваго приказанія Макъ-Магона, или же самъ маршалъ, не сумѣвшій повторить приказаній достаточно настоятельно? Наконецъ, нѣтъ данныхъ, чтобы разобрать, какую роль играла тутъ тогдашная общая у французовъ неурядица, выразившаяся въ томъ, что Фальи для передвиженія своихъ войскъ не сумѣлъ или не могъ воспользоваться тою же самою желѣзною дорогою, которую прикрывалъ столь усердно. Нельзя однако-же обойти молчаніемъ одного изреченія Фальи, приведеннаго имъ въ видѣ оправданія.

Дивизія Гозъ, прибывшая къ Бичу 5 вечеромъ, была тамъ задержана генераломъ Фальи во весь день 6 августа, не смотря на громъ канонады, съ ранняго утра доносившейся со стороны Верта. Объясняя это свое бездѣйствіе, Фальи говоритъ, что „онъ не могъ оголить Бичъ“ (la trouée de Bitsche), „а потому ему нельзя было отправить къ Макъ-Магону дивизію Гозъ, впредь до прибытія дивизіи Лябади (l'Abadie)“. Далѣе, что „на обязанности его лежало прикрывать желѣзную дорогу (Сааргемюндъ — Бичъ — Рейхсхофенъ) и проходъ Рорбахъ“ и что, наконецъ, „непріятель показался уже у Цвейбрюкена (Deux-Ponts) и Пирмасенсъ“. Ко всему этому Фальи добавляетъ:

„Принципъ, что надо идти на выстрѣлы, вѣренъ и будетъ вѣренъ всегда, когда нѣсколько отрядовъ, отыскивая непріятеля, лишены возможности сообщаться. Тогда громъ орудій направляетъ ихъ и ускоряетъ движеніе. Но когда корпусу поручена защита опредѣленнаго пункта, если онъ прикрываетъ проходъ (une trouée), обезпечиваетъ флангъ и находится въ непосредственной связи съ

главною квартирою, центромъ управленія операціями, то онъ долженъ считать себя въ родѣ резерва на полѣ битвы и не идти впередъ безъ приказанія, подъ страхомъ испортить общій планъ операцій".

Сквозь это, едвали не на данный случай (après coup) сочиненное правило, виднѣется обычное тогдашнимъ французскимъ начальникамъ легкое отношеніе къ первенствующему значенію боя. Дѣйствительно, въ то время, когда подъ Вертомъ рѣшалась участь дня, а съ нею, въ извѣстной мѣрѣ, и цѣлой кампаніи, командиръ 5го французскаго корпуса считалъ себя совершенно правымъ, задержавъ цѣлыя двѣ дивизіи для цѣлей, которыя, самое большее, можно признать „второстепенными". Суровая критика событій не замедлила произвести свой фактическій приговоръ надъ теоретическими соображеніями генерала Фальи. Послѣдній, вполнѣ достигнувъ своей цѣли — удержать въ теченіе дня 6го августа намѣченныя себѣ позиціи (Рорбахъ и Бичъ), тѣмъ не менѣе самъ бросилъ ихъ уже вечеромъ того-же дня, вслѣдствіе пораженія Макъ-Магона при Вертѣ. Наконецъ, не поддержавъ маршала въ бою, Фальи участвовалъ только въ его бѣгствѣ.

Совершенно также, и даже въ тѣ же самые часы, поступили и генералы, посланные Базеномъ на поддержку Фроссара, сражавшагося у Шпихерна. Они, подобно Фальи не попавъ въ бой, участвовали только въ отступленіи Фроссара. Это совпаденіе совершенно однородныхъ дѣйствій со стороны различныхъ французскихъ начальниковъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что ошибки и промахи ихъ не были, такъ сказать, личные, а напротивъ того — прямымъ послѣдствіемъ общей системы, среди которой воспитывались и дѣйствовали французскіе начальники. Если же вникнуть въ обстановку, въ коей разыгралось Вертское сраженіе, то, не смотря на скудость источниковъ, не трудно замѣтить, что и тутъ повторялись основные ошибки и промахи, столь пагубно проявившіеся и въ Шпихернскомъ пораженіи.

Легкое отношеніе къ первенствующему значенію боя выразилось и у Макъ-Магона, поставившаго одну изъ своихъ пѣхотныхъ дивизій, Дуэ, у Вейсенбурга, прямо лицомъ къ лицу съ арміею противника. При такой обстановкѣ, дивизія эта, не имѣя впереди кавалеріи, естественно никакъ не могла избѣжать неравнаго боя и пораженія при первой серіозной въ ту кампанію встрѣчѣ съ противникомъ, со всѣми невыгодными нравственными и матеріальными отъ этого послѣдствіями.

Далѣе, не обезпечивъ себя достаточно своевременнымъ прибытіемъ подкрѣпленій, плохо оріентированный относительно непрія-

теля, маршалъ рѣшилъ все-таки дать сраженіе, вопреки совѣтовъ нѣкоторыхъ изъ своихъ генераловъ, въ особенности Рауля [1]).

Невольно спрашивается: не выразилась-ли и тутъ въ рѣшеніяхъ маршала обще-присущая современнымъ ему французскимъ начальникамъ пассивность, склонная цѣпляться за все чужое, лишьбы уже данное и болѣе или менѣе готовое, во избѣжаніе необходимости принять какое-либо цѣльное, самостоятельное рѣшеніе? На вопросъ этотъ отвѣчаютъ, кажется, слѣдующіе факты [2]).

Скоро послѣ Австро-Прусской войны 1866 года, въ предвидѣніи близкаго возможнаго столкновенія Франціи съ нежданно возвысившеюся Пруссіей, императоръ Наполеонъ III поручилъ инженеръ-генералу Фроссару (адъютантъ императора и воспитатель императорскаго принца Людовика-Наполеона) составить соображеніе относительно будущихъ военныхъ дѣйствій.

Надо признать, что генералъ Фроссаръ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ обоюдное положеніе. Онъ предвидѣлъ раннее сосредоточеніе превосходныхъ силъ нѣмцевъ между нейтральною границею и Рейномъ (такъ оно и случилось въ дѣйствительности) и пришелъ къ вѣрному заключенію, что французамъ, при данной обстановкѣ, нельзя и думать о томъ, чтобы внести наступательную войну въ предѣлы непріятеля. Выработанный за тѣмъ Фроссаромъ планъ обороны чрезвычайно характеренъ: онъ вполнѣ обличаетъ въ авторѣ односторонняго спеціалиста-инженера.

Генералъ Фроссаръ задается мыслью непосредственно, пассивно „оборонять“ всю угрожаемую сухопутную границу. На Францію, или по меньшей мѣрѣ на значительную часть ея (театръ войны) онъ смотритъ какъ на общую крѣпость съ центромъ, цитаделью Лянгръ. Тутъ, у Лянгра, по предложенію Фроссара, сосредоточивается окончательная оборона всей страны, косвенно (какъ кажется) прикрывающая и другой центръ обороны — Парижъ. Хотя и эта мысль (косвенная фланговая оборона политическаго центра — Парижа, признаваемаго сердцемъ Франціи) въ основаніи, быть можетъ, вѣрна, но за то обще-инженерный элементъ, совершенно некстати введенный въ подробности дальнѣйшихъ стратегическихъ соображеній генерала Фроссара, могъ привести только къ пораженіямъ разрозненныхъ французскихъ армій, потому что Фроссаръ, желая прикрыть и оборонять „всю“ границу, принципіально раздѣляетъ французскія силы.

[1]) Вимпфенъ, стр. 87.
[2]) Предположенія генерала Фроссара, томъ 1 стр. 345—356 сочиненія Деррекаге.

Для первоначальной обороны Лотарингіи назначалась Фроссаромъ „армія Мозели“ въ 140 тысячъ человѣкъ, а Эльзаса — „армія Рейна“ въ 120 тысячъ; обѣ онѣ „по мѣрѣ неудачъ“ отходили къ Лянгру. Особая резервная армія въ 60 тысячъ (первоначально по линіи Реймсъ-Шалонъ) предназначалась преимущественно для прикрытія Парижа.

Такимъ образомъ слабѣйшія завѣдомо силы французовъ еще раздѣлялись; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ уже назначались позиціи, на которыхъ онѣ должны были принять бой, то пораженіе французскихъ армій, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, дѣлалось неизбѣжнымъ; мало того: даже въ борьбѣ съ болѣе слабымъ, но сосредоточенно-активно дѣйствующимъ противникомъ пораженіе французовъ было вполнѣ возможно.

Фроссаръ желаетъ „оборонять“ постепенно цѣлый рядъ другъ за другомъ лежащихъ позицій, или такъ называемыхъ оборонительныхъ линій, словно цѣлую, если можно такъ выразиться, футлярную систему верковъ старинной сложной крѣпости. Такимъ передовымъ веркомъ для обороны Лотарингіи была такъ называемая Каленбронская позиція (Calenbron, а во французскихъ сочиненіяхъ — Cadenbronn, къ юго-востоку отъ Форбаха), а для Эльзаса — линія по р. Ляутеру (Пижонье — Вейсенбургъ — Ляутербургъ), а за нею — позиція у Верта; первую (линію Ляутера), по мнѣнію Фроссара, слѣдовало занимать только до тѣхъ поръ, пока непріятель не покажется противъ нея въ превосходныхъ силахъ, и затѣмъ отступить на вторую — къ Верту, которую укрѣпить и на ней принять бой.

Планъ дѣйствій, предложенный генераломъ Фроссаромъ, не былъ принятъ къ исполненію въ 1870 году и замѣненъ указанными въ первой главѣ настоящаго сочиненія наступательными предположеніями; но когда послѣднія не состоялись, то мысли, выраженныя Фроссаромъ, не остались безъ вліянія на дальнѣйшія соображенія французскихъ начальниковъ: онѣ, видимо, нашли себѣ отголосокъ и въ рѣшеніяхъ маршала Макъ-Магона, приведшихъ его къ Вейсенбургскому и Вертскому пораженіямъ. Послѣднее служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу старой истины, что „опасно передавать готовые, шаблонные предположенія и планы въ руки, неуправляемыя собственнымъ, вполнѣ самостоятельнымъ сужденіемъ.

Затронувъ этотъ вопросъ, позволю себѣ небольшое отступленіе, которое, впрочемъ, отчасти находится въ связи съ задачами настоящаго сочиненія.

Всякій военачальникъ долженъ обладать умомъ (положительными познаніями) и характеромъ. Высшая степень этихъ свойствъ,

вполнѣ гармонически уравновѣшенныхъ, даетъ настоящаго, можно сказать, идеальнаго „полководца“. Настоящій полководецъ нуждается, конечно, въ свѣдѣніяхъ о территоріи театра войны, но отнюдь не въ готовыхъ стратегическихъ изъ нихъ заключеніяхъ. Не даромъ-же Наполеонъ I отрѣзалъ докладывавшему ему инженеръ-географу Жомини: „renseignements — et point d'avis!“ [1]).

Но если для „настоящаго полководца“ готовыя, впередъ сочиненныя стратегическія формулы по меньшей мѣрѣ безполезны, то онѣ могутъ быть положительно вредны для тѣхъ военачальниковъ, которые по не столь полному знанію или менѣе сильному характеру способны примѣнять предложенное имъ вкривь и вкось, въ противность дѣйствительной современной обстановкѣ. А между тѣмъ одни изъ подобныхъ-же начальниковъ, будучи предоставлены сами себѣ, быть можетъ, нашли-бы болѣе подходящія рѣшенія въ своемъ собственномъ знаніи, а другіе — въ силѣ своего характера.

А потому казалось-бы, что такъ называемыя стратегическія изслѣдованія, на сколько онѣ предварительно доступны болѣе широкому кругу, не должны забѣгать много впередъ, ограничиваясь самымъ основательнымъ изученіемъ свойствъ территоріи, а также тѣхъ мѣропріятій, которыя служатъ для исполненія первоначальнаго стратегическаго сосредоточенія или обезпеченія онаго. Всякіе дальнѣйшіе готовые стратегическіе выводы, въ особенности имѣющіе форму, такъ сказать, рецептовъ, или сдѣлаются прямо опасными въ рукахъ иныхъ исполнителей, или-же могутъ породить въ умахъ ихъ недоумѣніе и пожалуй даже уныніе въ случаѣ, если старшій полководецъ вдругъ отступитъ отъ прежде предполагавшихся подробностей. А между тѣмъ подобныя отступленія совершенно въ порядкѣ вещей. Это ясно выражено въ словахъ фельдмаршала графа Мольтке: „Полководецъ стремится, конечно, къ достиженію своей главной цѣли, не сбиваясь случайностями войны, по пути, по коимъ онъ стремится къ достиженію этой цѣли, никакимъ образомъ впередъ опредѣлены быть не могутъ“ [2]).

Возвращаясь къ дѣйствіямъ Макъ-Магона, приходится замѣтить, что онъ, точно такъ-же какъ Базенъ съ Фроссаромъ, не сумѣлъ употребить своей конницы для надлежащаго освѣщенія и оріентировки; поэтому французскіе начальники тутъ и тамъ одинаково ходили въ потемкахъ. Повторялись и другія основныя ошибки.

[1]) Случилось это, кажется, въ одну изъ Австрійскихъ кампаній, въ 1805 или 1809 году. Объ этомъ упоминаетъ самъ Жомини въ одномъ изъ своихъ сочиненій.

[2]) Страница 12 настоящаго сочиненія; приводится тамъ высказанное въ исторіи войны 1870—71 г., составленной прусскимъ генеральнымъ штабомъ, мнѣніе, почему сказанное можно припять и за мнѣніе Мольтке, главы этого штаба.

Духъ пагубной централизаціи, господствовавшій въ главной французской арміи и имѣвшій тамъ послѣдствіемъ Шпихернское пораженіе, насквозь проникалъ и армію маршала Макъ-Магона.

Въ предыдущей главѣ сказано было, что Макъ-Магонъ собирался было ѣхать изъ Страсбурга въ Вейсенбургъ, для того чтобы рѣшить, можно-ли тамъ оставить одинъ баталіонъ, или нѣтъ? Сочиненіе Деррекаге приводитъ весьма любопытные документы, касающіеся того-же Вейсенбургскаго эпизода, которые ярко обрисовываютъ командныя отношенія и воззрѣнія на дѣло въ арміи маршала Макъ-Магона.

Вотъ что говоритъ Деррекаге [1]).

Маршалъ Макъ-Магонъ, узнавъ о намѣреніи императора двинуть его 1[й] корпусъ (усиленный 7[мь]) въ Нижній-Эльзасъ и озабоченный неоднократными просьбами Вейсенбургскаго магистрата по поводу набѣговъ баварскихъ патрулей, рѣшилъ измѣнить расположеніе своихъ войскъ.

На этомъ основаніи маршалъ 2 августа отдалъ слѣдующее приказаніе:

„Главная квартира. Страсбургъ, 2 августа 1870 г.“

„1ая дивизія оставитъ свое расположеніе 4 числа утромъ, чтобы расположиться въ Лембахѣ, гдѣ быть штабу дивизіи; она будетъ имѣть одинъ полкъ въ Нотвейлеръ, одинъ баталіонъ въ Оберштейнбахъ и одинъ полкъ въ Климбахъ. Въ Лембахъ будетъ одна бригада, стрѣлковый баталіонъ, артиллерія и инженерныя войска. Генералъ Дюкро дастъ приказанія относительно подробностей расположенія войскъ всѣхъ оружій. Подъ его начальствомъ будетъ 2ая пѣхотная дивизія“ (Дуэ), „которая будетъ имѣть свой правый флангъ въ Альтенштатъ и займетъ Вейсенбургъ (гдѣ будетъ штабъ-дивизіи), Вейлеръ и сосѣднія позиціи, равно проходъ Голубятни“ (du Pigeonnier), „черезъ который онъ свяжется съ 1[ою] дивизіею“ (Дюкро). „1ая конная бригада, состоящая изъ 3го гусарскаго и 11го егерскаго полковъ, въ тотъ-же день расположится у Гейсберга такъ, чтобы связаться со 2[ою] дивизіею и освѣщать вправо до Шлейталь. Генералъ Септейль“ (командиръ конной бригады) „получитъ отъ генерала Дюкро инструкціи относительно расположенія каждой части и роли, которую придется ей играть. Генералъ Дюкро, знакомый съ мѣстностью Вейсенбурга и съ окрестностями его, возьметъ на себя трудъ указать расположенія, которыя придется назначить разнымъ частямъ дивизіи Дуэ“.

„за командира 1го корпуса
Начальникъ штаба
(подп.) Кольсонъ“.

Это распоряженіе дополнено приказаніемъ генерала Дюкро, даннымъ генералу Дуэ, слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Томъ I (Стратегія), стр. 478—85. Сочиненіе это, какъ уже сказано, не могло быть принято въ расчетъ въ предыдущихъ главахъ настоящаго труда.

„Рейхсхофенъ, 3 августа 1870 г.

„Инструкція генерала Дюкро, 3 августа".

„Согласно полученному вами приказанію Маршала вы направитесь къ Вейсенбургу съ вашею дивизіей, 3^мъ гусарскимъ полкомъ и двумя эскадронами 11го егерскаго. Вы поставите вашу 1^ую бригаду на плато Гейсбергъ, 2^ую влѣво, на плато Фогельсбергъ, занимая такимъ образомъ линію гребней, которая дорогою изъ Вейсенбурга въ Бичъ соединяется съ проходомъ Голубятни; кавалерія и артиллерія—на юго-западной покатости мѣстности. Впрочемъ думаю, что легко будетъ дефилировать ваши войска. Еще сегодня вы пошлете баталіонъ въ Вейсенбургъ. Завтра, рано утромъ, пошлете полкъ отъ 2ой бригады смѣнить 96ой" (дивизіи Дюкро) „въ его позиціяхъ между Климбахъ, Голубятнею и Шафеншликъ; 96ой пойдетъ впередъ по направленію Нотвейлеръ; одинъ изъ его передовыхъ постовъ расположится у Дюрембергъ, связываясь такимъ образомъ съ лѣвымъ флангомъ вашей дивизіи, къ сторонѣ Климбаха. Мой лѣвый флангъ будетъ у Оберштейнбахъ, гдѣ онъ у Хюльзельхофъ соединится съ правымъ флангомъ 5го корпуса. Мой штабъ и главныя силы будутъ въ Лембахѣ; вы можете расположить вашъ штабъ или въ Гейсбергѣ, въ Оберхофенѣ или-же въ Ротъ. Кавалерійская бригада подчиняется вамъ непосредственно, и вы воспользуетесь ею, чтобы освѣтить себя или впереди Вейсенбурга, или-же вправо, по направленію къ Ляутербургу".

Приведенные два документа помѣщаются тутъ цѣликомъ для того, чтобы показать, что и тутъ старшіе французскіе начальники хватались за подробности и мелочи. Замѣняя своихъ подчиненныхъ и стѣсняя послѣднихъ, они упускали между тѣмъ самую суть дѣла. Не вдаваясь затѣмъ въ оцѣнку приведенныхъ распоряженій въ детальномъ ихъ значеніи, достаточно сказать, что въ нихъ „пропущено самое главное и единственно существенное", а именно не сказано вовсе, „какая именно цѣль и назначеніе войскъ, выдвинутыхъ на границу".

Такимъ образомъ воззрѣнія на дѣло въ арміи Макъ-Магона, а за симъ и распоряженія, ничуть не отличались отъ раскрытыхъ въ своемъ мѣстѣ по поводу Шпихернскаго пораженія. Немудрено послѣ того, что одинаковыя причины тутъ и тамъ породили одинаковыя-же послѣдствія.

Найдутся и другія родственныя, такъ сказать, черты между виновниками „Шпихерна" и „Верта".

Полное подчиненіе почину непріятеля и чуть-ли не страхъ предъ нимъ, обнаруженные при разборѣ Шпихернскаго дѣла, видны и изъ словъ генерала Фальи, который упоминаетъ, что дивизія Гозъ 5 числа совершила длинный и трудный переходъ „въ присутствіи непріятельскихъ партій", какъ будто присутствіе это было для нея опасно и вынуждало къ какимъ-либо особымъ усиліямъ. Далѣе Фальи говоритъ, что двѣ тревоги (конечно напрасныя), одна ночная

съ 5 на 6 августа, а другая утромъ 6 числа, замедлили выступленіе бригады Мосіонъ (Maussion) изъ Рорбаха. „Войска эти", пишетъ далѣе генералъ Фальи, „аттакованныя превосходными силами, должны были съ боемъ отходить на Лембергъ". Между тѣмъ изъ нѣмецкихъ источниковъ видно, что въ то время французы могли тутъ имѣть противъ себя только разъѣзды или незначительные отряды нѣмецкой конницы, вдобавокъ, весьма плохо вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ и мало способной къ пѣшему бою. По свидѣтельству же генерала Николя (Nicolas), командира 2ій бригады дивизіи Гозъ, послѣдняя (дивизія), подъ громъ доносившейся отъ Верта канонады и даже ружейной трескотни, простояла у Бича на оборонительной позиціи въ боевомъ порядкѣ, съ разсыпанными стрѣлками, и даже примѣняясь къ мѣстности для укрытія отъ взоровъ воображаемаго, конечно, непріятеля [1]).

Наконецъ и самая съ виду самостоятельная рѣшимость командира 5го французскаго корпуса — оставить свои войска въ разныхъ важныхъ, по его словамъ, пунктахъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ къ Макъ-Магону, была скорѣе выраженіемъ инертности и пассивности, цѣпляющихся за разные болѣе или менѣе благовидные предлоги, нежели послѣдствіемъ самостоятельнаго почина, основаннаго на полномъ раціональномъ сознаніи современной обстановки. Оттого-то и рѣшимость генерала Фальи выразилась не въ плодотворной дѣятельности (какъ это бывало у нѣмцевъ), а въ пагубномъ бездѣйствіи.

Сраженія при Вертѣ и Шпихернѣ даны были на крайнихъ флангахъ нѣмецкихъ силъ въ одинъ и тотъ-же день, и оба кончились въ пользу нѣмцевъ.

Оба эти сраженія вовсе не входили въ расчетъ старшихъ нѣмецкихъ начальниковъ. Но сраженіе при Вертѣ было вообще неминуемо, коль скоро Макъ-Магонъ не намѣренъ былъ отступить безъ боя. Дѣло же при Шпихернѣ было собственно случайное, потому что Фроссаръ да и вся главная армія французовъ готовилась къ отходу ближе къ Мецу.

Подъ Вертомъ и подъ Шпихерномъ, по особымъ обстоятельствамъ, шансы успѣха для французовъ были возможно лучшіе, такъ какъ нѣмцы на поляхъ этихъ сраженій не воспользовались своимъ общимъ превосходствомъ силъ.

Какъ въ томъ, такъ и другомъ столкновеніи ярко выказались починъ и самостоятельность нѣмецкихъ частныхъ начальниковъ,

---

[1]) Вимпфенъ, стр. 351—352.

самое высшее проявленіе чувства товарищеской выручки рядомъ съ полнымъ почти отсутствіемъ чего-либо подобнаго у французовъ.

Подъ Вертомъ побѣда одержана преимущественно благодаря распорядительности старшихъ частныхъ начальниковъ, командировъ корпусовъ и дивизій, исправившихъ упущенія главнаго начальства 3й нѣмецкой арміи. Подъ Шпихерномъ, независимо отъ общаго стремленія старшихъ начальниковъ идти на выручку своимъ, честь дня безспорно принадлежитъ младшимъ начальникамъ отъ бригаднаго до взводнаго и, пожалуй, до начальника стрѣлковаго звена включительно.

Въ общемъ, въ обоихъ сраженіяхъ самостоятельные порывы нѣмцевъ, хотя и переходившіе отчасти за предѣлы желаннаго, въ концѣ-концовъ исправляли и вознаграждали собственные-же промахи, все равно кѣмъ бы то ни было допущенные, между тѣмъ какъ бездѣятельность французовъ упускала изъ рукъ лучшіе для нихъ шансы.

Въ итогѣ каждая изъ сражавшихся армій,—скажу болѣе, каждая изъ борющихся государственныхъ системъ,—получила на поляхъ сраженій только себѣ должное; побѣда досталась болѣе достойному. Лучшее общее государственное и военное устройство дозволило нѣмцамъ организовать превосходныя числомъ,—а во многомъ и качествомъ,—силы и своевременно собрать ихъ на театрѣ дѣйствій. Тутъ на первыхъ порахъ счастіе улыбнулось французамъ и дозволило имъ помѣриться съ противникомъ въ двухъ одновременныхъ сраженіяхъ, при возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ распредѣленія силъ. Это были шансы, павшіе на долю французовъ. Но Базенъ и Фальи не поддержали сражавшихся товарищей, а это, въ свою очередь, были шансы въ пользу нѣмцевъ.

Какъ въ день 6 августа подъ Вертомъ и Шпихерномъ, такъ и вообще на войнѣ, шансы и случайности распредѣляются равномѣрно на обѣ стороны. Не даромъ же приписываютъ Суворову изреченіе: „вчера счастіе, сегодня счастіе, помилуй Богъ! надо-же приписать что-либо и умѣнію“. Основная мысль великаго полководца та, что „успѣхъ въ концѣ-концовъ достигается умѣніемъ а не случаемъ“. Вотъ этого-то умѣнія недоставало французамъ; за это они и поплатились.

Въ послѣдне сказанномъ и заключается отвѣтъ на скороспѣлые выводы, что „вотъ-де и хваленые нѣмцы подъ Вертомъ и подъ Шпихерномъ близки же были къ неудачѣ“. Пожалуй и были, но вывезъ нѣмецкую армію не слѣпой случай, а нравственное и научное превосходство ея начальниковъ надъ воспитанниками Наполеона III.

VIII.

Сосредоточеніе французовъ у Меца и Шалона, наступленіе нѣмцевъ на рѣку Мозель и сраженіе при Колёбе-Нуйли 14го августа.

Отступленіе главной французской арміи на позицію за р. Нидъ-Французскую.—Отступленіе 1го, 5го и 7го французскихъ корпусовъ къ Шалону; формированіе тамъ новой арміи.—Наступленіе 3ей нѣмецкой арміи на рр. Мертъ и Мозель и попутныя дѣйствія ея противъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ Вогезскихъ горахъ.—Ударъ 2ой нѣмецкой арміи на воздухъ (на Рорбахъ) вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній изъ 3ей арміи. Командиръ 3го прусскаго корпуса, генералъ Альвенслебенъ, занимаетъ Сенъ-Аволь въ секретѣ отъ командира 1ой прусской арміи, генерала Штейнмеца. Наступленіе 1ой и 2ой нѣмецкихъ армій. Соображенія объ аттакѣ французовъ на р. Нидъ-Французская. Дальнѣйшее наступленіе. Нѣмецкіе отряды на переправахъ черезъ р. Мозель, повыше крѣпости Меца, и подготовка переправы тамъ-же 2ой нѣмецкой арміи. Распоряженія нѣмцевъ на 14 августа.—Отступленіе французовъ отъ р. Нидъ-Французская къ Мецу. Рѣшеніе отступить за р. Мозель къ Вердену. Расположеніе французовъ впереди Меца 14 августа и начало отступательной ихъ переправы за р. Мозель.—Рѣшимость командировъ 1го прусскаго корпуса, генерала Мантейфеля, и 26ой бригады (7 корпуса), генерала Гольца. Сраженіе 14 августа.—Ошибочныя дѣйствія французовъ въ сраженіи.—Особое стратегическое значеніе сраженія 14 августа. Оцѣнка мотивовъ дѣйствій Мантейфеля и Гольца. Отличное пониманіе обстановки со стороны нѣмецкихъ частныхъ начальниковъ и цѣлесообразныя самостоятельныя ихъ дѣйствія. Параллель между генераломъ Штейнмецемъ и его подчиненными.

(Чертежъ 5).

Французское начальство, какъ сказано прежде, уже въ самыхъ первыхъ дняхъ августа отказалось отъ всякихъ наступательныхъ предположеній. Ему предстояло теперь серіозно позаботиться о защитѣ собственной страны; для этой цѣли тогда еще можно было притянуть Мак-Магона (черезъ Нанси) поближе къ главной французской арміи.

Французамъ представлялись разныя оборонительныя комбинаціи, болѣе или менѣе исполнимыя, пока арміи ихъ были цѣлы и духъ войскъ не ослабленъ. Но гроза уже надвигалась. Насталъ послѣдній срокъ; дѣйствовать надо было быстро и рѣшительно, не теряя уже ни одного часа. Между тѣмъ французы все еще оглядывались на дѣйствія противника, не вполнѣ еще для нихъ обрисовавшіяся. Они какъ будто отказались отъ собственной своей воли и соображеній, выжидая толчка со стороны нѣмцевъ. Французы дѣйстви-

тельно въ день 6 августа, скорѣе нежели ожидали, получили не одинъ лишь толчекъ, а разомъ два жестокихъ удара, которые заставили ихъ наконецъ взглянуть прямо въ лицо неприглядной для нихъ дѣйствительности.

Двойное, одновременное пораженіе подъ Шпихерномъ и Вертомъ потрясающе подѣйствовало на умы французскихъ начальниковъ. Рѣшено было немедленно начать отступленіе и отойти прямо къ самому Шалону. Еще 7 числа изъ главной квартиры императора даны соотвѣтственныя приказанія. Между прочимъ, приказано 6му корпусу, Канробера, оставаться у Шалона и вернуть туда-же обратно часть его войскъ, перевезенныхъ уже къ Мецу.

Армія Базена съ 7 числа отходила къ Мецу. Фроссаръ, на первое время предоставленный самому себѣ, собравъ свои войска рано утромъ 7 числа у Сааргемюндъ, въ тотъ-же день достигъ Пютелянжъ, захвативъ съ собою изъ Сааргемюндъ бригаду Ляпассе (при коей находился 3iй уланскій полкъ), потерявшую всякую связь со своимъ корпусомъ (Фальи). Далѣе, получивъ 8 числа распоряженіе объ отступленіи къ Шалону, Фроссаръ двинулся къ Мецу уклоняющимся къ югу кружнымъ путемъ черезъ Гро-Танкенъ (Gros-Tenquin).

Между тѣмъ 8 числа въ главной императорской квартирѣ мнѣнія перемѣнились; намѣреніе безостановочно отступать было оставлено. Произошло это не столько подъ вліяніемъ надеждъ, основанныхъ на болѣе правильной оцѣнкѣ положенія дѣлъ на театрѣ войны, сколько подъ гнетомъ династическихъ опасеній. Французское начальство пришло къ заключенію, что ради общественнаго мнѣнія рѣшительно невозможно начать войну безостановочнымъ отступленіемъ на полпути къ Парижу. Остановились на мысли дать нѣмцамъ отпоръ впереди Меца. Корпусу Канробера приказано вновь начать перевозку къ этой крѣпости. Туда-же направлена и резервная кавалерія изъ Нанси.

Около Меца, какъ видно, французы могли теперь собрать пять корпусовъ (2й, 3й, 4й, 6й и гвардію), силою свыше 200 тысячъ человѣкъ. Въ виду подобной силы, французамъ (по мнѣнію прусской официальной исторіи войны) нечего было еще отчаиваться въ успѣхѣ.

„Хотя на сторонѣ нѣмцевъ“ (говорится въ помянутой исторіи) „и было значительное численное превосходство, но большія массы войскъ, которыя могутъ драться на незначительномъ пространствѣ, требуютъ для движенія своего очень обширныхъ райновъ какъ по фронту, такъ и въ глубину“.

„При переходѣ нѣмцевъ черезъ Мозель въ удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ возможны были промахи. Пользуясь ими, французы могли въ одинъ день и на одномъ пунктѣ собрать превосходныя силы. Побѣда же надъ частью нѣмецкой арміи заставила бы пріостановиться и остальныя“.

„Конечно, чтобы достигнуть подобнаго успѣха, недостаточно было одной выжидательной обороны; требовалось вниманіе и дѣятельность, причемъ большая крѣпость Мецъ могла служить надежнымъ опорнымъ пунктомъ“.

Но къ тому времени Мецъ, какъ и всѣ прочія французскія крѣпости, не находился въ должномъ оборонительномъ положеніи, такъ какъ, въ виду предполагавшагося наступленія въ Германію, ничего въ этомъ отношеніи во́ время сдѣлано не было.

Комендантъ Меца, генералъ Кофиньеръ, заявилъ, что крѣпость, предоставленная сама себѣ, не можетъ продержаться 14 дней. Такимъ образомъ арміи приходилось прикрывать крѣпость [1]).

Избранная французами для боя позиція находилась на западной сторонѣ рѣчки Нидъ-Французской (Nied Française). Французы достигли ея 10 числа и расположились: въ центрѣ 3ій корпусъ, бывшій Базена теперь Дэкана; загнутые назадъ фланги заняты: правый 2мъ корпусомъ, Фроссара, лѣвый—4мъ, Лямиро; въ резервѣ находилась гвардія подъ начальствомъ Бурбаки. Корпусъ Канробера собирался позади, у Меца, по мѣрѣ подвозки. Французы приступили немедленно къ укрѣпленію позиціи.

Обращаюсь къ войскамъ маршала Макъ-Магона.

Въ предыдущей главѣ было уже сказано, что Макъ-Магонъ, вѣроятно встревоженный появленіемъ конницы принца Альбрехта

[1]) Весьма рѣзкій приговоръ генерала Кофиньера, произнесенный имъ надъ крѣпостью Мецомъ, невольно вызываетъ замѣчаніе. По расписанію французской Рейнской арміи генералъ Кофиньеръ-де-Нордекъ (Coffinières de Nordeck) значится начальникомъ инженеровъ этой арміи. Если комендантъ крѣпости и начальникъ инженеровъ одно и то же лицо, то дѣлается понятнымъ приговоръ спеціалиста въ узкомъ значеніи этого слова, который не хочетъ видѣть далѣе своего предмета, то есть собственно мертваго фортификаціоннаго матеріала, забывая, что сила крѣпости — въ духѣ ея начальника и храбрости войскъ гарнизона. Что Мецъ не былъ подготовленъ такъ какъ слѣдовало—не подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ, пришлось бы увеличить нѣсколько гарнизонъ, но крѣпость нуждалась главнымъ образомъ въ запасахъ—въ особенности продовольствія. На это надо было обратить все вниманіе и силы. Если бы вмѣсто перевозки 6-го корпуса, который могъ идти и пѣшкомъ (хотя бы отъ Вердена, до котораго изъ Шалона велъ особый путь), свезены были въ Мецъ запасы и вывезены лишніе жители, то Базенъ съ своею арміей продержался бы въ Мецѣ подольше, а нормальный или хотя бы усиленный гарнизонъ крѣпости Меца и подавно.

у Штейнбурга 7 августа, поднялся вечеромъ того-же числа и отступилъ отъ Саверна къ Саарбургу (Saarburg или Sarrebourg), куда прибылъ 8 числа утромъ. Туда же въ тотъ самый день подошелъ и Фальи.

Въ свою очередь, нѣмецкая конница принца Альбрехта еще вечеромъ 7 числа (какъ сказано уже) отошла назадъ къ Ингвиллеру. Прекратившееся такимъ образомъ соприкосновеніе войскъ 3й нѣмецкой арміи съ отступившимъ Макъ-Магономъ уже болѣе не возстановилось.

Французы, уклоняясь къ югу, продолжали 9 числа свое поспѣшное отступленіе, никѣмъ уже не безпокоимые. На пути Фальи неоднократно получалъ непосредственныя приказанія главной императорской квартиры, регулировавшія его движенія, несмотря на то, что 5ый корпусъ подчиненъ былъ Макъ-Магону. Между прочимъ, Фальи 10 числа, находясь въ Решикуръ (Réchicourt, на полупути между Саарбургомъ и Люневилемъ), получилъ черезъ маршала Ле-Бефа приказаніе идти къ Нанси, откуда корпусъ Фальи легко могъ быть притянутъ къ Мецу. Однако Ле-Бефъ ослабилъ это приказаніе въ дополнительномъ сообщеніи, предоставивъ Фальи избрать по обстоятельствамъ (во избѣжаніе встрѣчи съ превосходнымъ непріятелемъ) и другое направленіе отступленія, напр. на Лангръ, то есть въ сторону совершенно противуположную Нанси. Вслѣдствіе ложныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, Фальи, не провѣривъ этихъ свѣдѣній, избралъ болѣе южное направленіе на Шомонъ (Chaumont) и такимъ образомъ вторично, какъ и въ день Верта, утратилъ случай быть тамъ, гдѣ готовились рѣшительныя событія, и на этотъ разъ у Меца.

Въ Шомонъ Фальи прибылъ 16 числа вечеромъ и тамъ 17го получилъ распоряженіе, что онъ окончательно подчиняется Макъ-Магону и долженъ идти въ Шалонъ.

Макъ-Магонъ, не доходя Шомона, началъ посадку своихъ войскъ на желѣзную дорогу, каковую посадку, отступая, продолжалъ на всѣхъ попутныхъ станціяхъ. Кавалерія и часть артиллеріи его шли пѣшкомъ. Всѣ войска Макъ-Магона 19 августа были уже собраны въ Шалонѣ. Туда же 20 и 21 числа прибылъ корпусъ Фальи, большею частью пѣшкомъ. Почти одновременно прибылъ къ Шалону по желѣзной дорогѣ и 7ой корпусъ, генерала Феликса Дуэ, съ двумя пѣхотными дивизіями, такъ какъ остальная дивизія этого корпуса, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, присоединилась къ Макъ-Магону еще въ ночь передъ сраженіемъ при Вертѣ.

Кромѣ исчисленныхъ трехъ корпусовъ въ составѣ 9 1/2 пѣхотныхъ дивизій (недоставало бригады Ляпассе 5го корпуса), у Шалона

находился еще въ формированіи 12ый корпусъ, Лебрена. Онъ формировался изъ нѣсколькихъ десантныхъ морскихъ и изъ маршевыхъ полковъ, далѣе, изъ войскъ, притянутыхъ отъ испанской границы, и, наконецъ, изъ нѣкоторыхъ частей 6го корпуса, Канробера, запоздавшихъ въ переѣздѣ къ Мецу.

Главное начальство надъ всѣми этими войсками возложено было на маршала Макъ-Магона.

Для того, чтобы впослѣдствіи не прерывать уже разсказа о событіяхъ, разыгравшихся между 6 и 15 августа на сѣверной части театра войны, въ окрестностяхъ Меца, приходится перейти теперь къ арміи наслѣднаго принца Прусскаго, не принимавшей участія въ этихъ событіяхъ.

Армія наслѣднаго принца провела 7 число августа, оставаясь на полѣ сраженія у Верта.

Баденской полевой дивизіи дано приказаніе: на другой день, 8 числа, перейти къ Гагенау для того, чтобы потомъ черезъ Бруматъ идти къ Страсбургу. Она обезпечивала съ этой стороны лѣвый флангъ 3^ей нѣмецкой арміи и подготовляла осаду Страсбурга. Виртембергская дивизія присоединена къ 5^му корпусу; такимъ образомъ корпусъ Вердера пересталъ существовать. Части 6го корпуса (за исключеніемъ 12ой пѣхотной дивизіи, шедшей на Бичъ), а также и 2ая каваллерійская дивизія высаживались и собирались у Ляндау.

Неточныя свѣдѣнія, доставленныя нѣмецкою конницей, вслѣдствіе слабаго ея дѣйствія въ продолженіе 7 августа, утвердили кронпринца въ предвзятомъ имъ уже убѣжденіи, что Макъ-Магонъ отошелъ на Бичъ. Туда, какъ уже сказано было, направилась 12ая пѣхотная дивизія, недавно высадившаяся у Ляндау. Предполагаемый путь отступленія Макъ-Магона на Бичъ, впослѣдствіе побѣды у Шпихерна, могъ быть пересѣченъ войсками 2ой нѣмецкой арміи. Такимъ образомъ 3^ей арміи при дальнѣйшемъ наступленіи предстояло, повидимому, не заботясь много о Макъ-Магонѣ, ушедшемъ якобы на сѣверо-западъ, войти только въ связь съ арміею принца Фридриха-Карла и ускореніемъ наступленія своего на западъ пресѣчь Макъ-Магону и пути ведущіе на югъ, если бы онъ вздумалъ уклониться въ эту сторону подъ напоромъ войскъ 2ой нѣмецкой арміи. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ надо понимать послѣдующія распоряженія кронпринца.

Ближайшею цѣлью 3^ей арміи опредѣлено достичь до линіи р. Саары между Саарюніонъ (Saarunion; верстъ 18 южнѣе Саар-

гемюндъ) и Саарбургъ (верстъ 20 южнѣе Саарюніонъ). Для этого войскамъ выданъ былъ 7 числа маршрутъ прямо на 5 дней; пути ихъ пролегали, впрочемъ, черезъ Вогезскія горы.

Всѣмъ колоннамъ приказано: отбрасывать непріятеля гдѣ бы онъ ни встрѣтился, поддерживать другъ друга и, по возможности, держать связь между собою. Обозамъ на первое время приказано отстать отъ войскъ на два перехода, и вообще не входить въ горы, пока войска не достигнутъ потивуположныхъ выходовъ.

Войска 3ей нѣмецкой арміи двигались черезъ Вогезы 6ю колоннами. Правофланговая колонна состояла изъ 12ой пѣхотной дивизіи; она содержала связь со 2ю арміею. 4ая кавалерійская дивизія шла отдѣльною колонною; она потребовала себѣ отъ пѣхоты 11го корпуса нѣсколько ротъ для окарауливанія своихъ бивуаковъ [1]).

Войска арміи кронпринца, хотя и задерживаемыя кое-гдѣ Вогезскими крѣпостцами, тѣмъ не менѣе 11 числа перешли уже Вогезы, а къ назначенному сроку, 12 августа, достигли линіи верхней Саары. Какъ ни желательно было дать тутъ войскамъ дневку, но 3я армія, находясь, такъ сказать, на отлетѣ общаго захожденія всѣхъ 3хъ нѣмецкихъ армій и отставшая, въ видѣ уступа сзади, должна была поспѣшить впередъ, чтобы скорѣе выравняться съ остальными двумя арміями. Дѣйствительно, уже 15 числа головы колоннъ 3ей арміи достигли рѣкъ Мерты (Meurthe) и Мозели. Фронтъ ея простирался отъ Нанси (верстъ 30 южнѣе Понтъ-а-Мусонъ) до Баіонъ (Bayon, верстъ 30 южнѣе Нанси). Наконецъ, 16 числа 4ая кавалерійская дивизія выдвинута передъ фронтъ 3ей арміи; ей тогда-же отказано въ дальнѣйшемъ оставленіи при ней пѣхотныхъ ротъ для окарауливанія бивуаковъ [2]).

И такъ, къ 15 числу августа 3я армія уже совершенно выравнялась по 2й арміи, головные корпуса коей въ то время тоже утвердились на Мозели, южнѣе Меца. Однако колонны кронпринца, находясь 15 числа въ разстояніи отъ 2 до 6 переходовъ отъ Меца, уже не могли принять участія въ событіяхъ, быстро, день за днемъ, тамъ разыгрывавшихся.

Во время передвиженія 3й нѣмецкой арміи отъ Верта къ р. Мозели, армія эта пришла въ прикосновеніе съ Вогезскими крѣпостцами, господствовавшими надъ пролегающими черезъ горы дорогами.

Изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ крѣпостца Люцельштейнъ (Petite-Pierre) оказалась вовсе незанятою французами. Въ Марсаль

---

[1]) „Исторія 3-ей арміи“, стр. 59, 62, 77.
[2]) „Исторія 3-ей арміи“, стр. 77.

не было ни одного артиллериста, и крѣпость, вслѣдствіе бомбардировки ея полевыми батареями, сдалась нѣмцамъ съ 60 орудіями.

Бичъ отказалъ въ сдачѣ, почему 12[й] прусской дивизіи и 2[му] баварскому корпусу пришлось обойти эту крѣпость по весьма неудобнымъ горнымъ дорогамъ, причемъ 2ой баварскій корпусъ попалъ на дорогу, назначенную для 1го баварскаго корпуса.

Важный для нѣмцевъ Пфальцбургъ (Pfaltzburg) лежалъ на пути 11го корпуса. Командующему имъ (за раною Бозе) генералу Герсдорфу приказано было, по пути, оставить отрядъ для блокады крѣпости. По опискѣ въ телеграммѣ, вмѣсто „блокировать“ крѣпость за пропускомъ одной буквы вышло „разгромить“ (einschiessen вмѣсто einschliessen). Почему 10 августа ночью изъ полевыхъ орудій въ $^3/_4$ часа брошено было въ крѣпость около 1000 гранатъ, но крѣпость не сдалась. Такъ-же безуспѣшна была и вторичная бомбардировка 14 числа, во время коей брошено въ крѣпость 1800 гранатъ; поэтому нѣмцамъ пришлось пока ограничиться блокадою крѣпости [1]).

Крѣпостца или вѣрнѣе замокъ Лихтенбергъ (Lichtenberg) взятъ былъ виртембергцами при обстановкѣ довольно интересной съ точки зрѣнія разбираемаго тутъ вопроса.

Для взятія Лихтенберга назначены были два егерскіе баталіона съ двумя батареями, которые подошли къ замку 9 числа. Батареи открыли огонь; онѣ потомъ усилены еще одною батареею. Часть егерей, пользуясь мѣстностью, близко подошла къ замку, обстрѣливая бойницы.

Въ это время, неожиданно, по собственному почину, явились и двѣ роты виртембергской пѣхоты, которыя, будучи оставлены временно позади дивизіи, теперь ее нагоняли. Роты эти сами собою, немедленно приняли участіе въ дѣлѣ, стрѣлки ротъ незамѣтно для французовъ приблизились на 100 шаговъ къ за́мку, а одинъ взводъ помѣстился у самаго палисада. При этомъ усмотрѣно, что рвы и стѣны не допускаютъ аттаки открытою силою. А потому, хотя французская артиллерія уже должна была замолчать, тѣмъ не менѣе, начальникъ виртембергской дивизіи, генералъ Оберницъ (Obernitz) приказалъ отряду отойти изъ подъ огня и ограничиться пока блокадою.

Виртембергской пѣхотѣ приходилось теперь отходить подъ близкимъ огнемъ французовъ, которые посылали отходящимъ залпъ за залпомъ. Но занятые боемъ французы не обращали вниманія на

[1]) О дѣйствіяхъ противъ Вогезскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ—„Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 390—401.

пожары, произведенные въ замкѣ виртембергскими гранатами. Еще прежде сгорѣли нѣкоторыя меньшія постройки, а теперь огонь показался на главномъ зданіи за́мка. Тогда подполковникъ Мархталеръ, замѣтя этотъ пожаръ, возвратился на позицію съ своею батареею, и обстрѣливалъ горѣвшую постройку такъ долго пока она не рухнула. За́мокъ сдался [1]).

Перехожу къ дѣйствіямъ 1ой и 2ой нѣмецкихъ армій послѣ дѣла у Шпихерна.

Утромъ 7 августа густой туманъ застилалъ Шпихернское побоище и окружающую мѣстность. Изъ ночевавшихъ на полѣ битвы прусскихъ войскъ дивизіи 7го корпуса разъединены были между собою: войска 14ой пѣхотной дивизіи—раскинуты по мѣстамъ вчерашняго боя у Шпихерна и Старнигъ—Вендель, а 13ая дивизія находилась еще по ту сторону Форбаха. Такимъ образомъ, корпусу этому пришлось искать сообщенія между своими войсками впереди, у Форбаха, занятаго пока еще отсталыми французами.

Авангардъ 13ой пѣхотной дивизіи, не смотря на туманъ, атаковалъ Форбахъ и запялъ его послѣ незначительнаго боя. Сражавшаяся у Форбаха 13ая пѣхотная дивизія образовала теперь авангардъ 1ой арміи, обращенный фронтомъ на Сенъ-Аволь (Мецъ). Бригада 6ой кавалерійской дивизіи съ частью конницы отъ пѣхотныхъ дивизій вынеслась впередъ и раскрыла значительныя силы французовъ у Сенъ-Аволь. Это были войска корпуса Базена, который стягивался и прикрывалъ собою путь на Мецъ.

Войска 1ой нѣмецкой арміи и 3го корпуса 2ой арміи устраивались въ теченіе 7 числа; 1ый корпусъ, Мантейфеля (Manteuffel), и 1ая кавалерійская дивизія, назначенные въ составъ 1ой арміи, подходили къ р. Саарѣ.

Въ штабѣ 1ой арміи получено было отъ генерала Мольтке извѣщеніе о побѣдѣ при Вертѣ съ добавкою, что „стойкость сопротивленія непріятеля тамъ (у Верта), равно и нахожденіе его восточнѣе Саарбрюкена намекаютъ на то, что большія силы противника находятся еще вблизи р. Саары. Освѣщеніе кавалеріею необходимо“.

Такъ какъ прямо передъ фронтомъ 1ой арміи находилось уже достаточно кавалеріи (отъ 2ой арміи), то Штейнмецъ возложилъ на свою 3ю кавалерійскую дивизію, графа Гребена (von der Gröben), освѣщеніе мѣстности на правомъ флангѣ арміи, по направленію отъ Саарлюи на Мецъ [2]).

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“. т. 1, стр. 390—392.
[2]) „Исторія 1 арміи“, стр. 46—47.

Свѣдѣнія, собранныя кавалеріею 1ой и 2ой арміи въ теченіе 7 числа, показывали, съ одной стороны, что значительныя силы французовъ находятся еще западнѣе Сенъ-Аволь до Буле, а съ другой,— что утромъ того-же числа видны были еще французскія войска и восточнѣе, а именно у Сааргемюнда, Бича (гдѣ въ теченіе дня французы усиливались вновь прибывавшими войсками) и въ Рорбахѣ (между Бичемъ и Сааргемюндъ) [1]). Изъ прежде уже изложеннаго можно заключить, что прусская конница раскрыла въ Сааргемюндѣ, утромъ, войска корпуса Фроссара и бригаду Ляпассе 5го корпуса, а у Бича прусская конница могла замѣтить одну бригаду дивизіи Лепара, корпуса Фальи, отступавшую отъ Индерборна послѣ Вертскаго сраженія, а также партіи солдатъ, отбившихся отъ корпуса Макъ-Магона.

Выше, въ своемъ мѣстѣ, было сказано, что въ штабѣ 3й арміи существовало убѣжденіе, будто Макъ-Магонъ изъ подъ Верта отходитъ на Бичъ. Въ этомъ смыслѣ сообщено было главной королевской квартирѣ и штабу 2ой арміи. Свѣдѣнія, добытыя кавалеріею 2ой арміи, по мнѣнію главной королевской квартиры, подтверждали это предположеніе и, естественно, родили мысль преградить Макъ-Магону 8 числа путь у Рорбаха, что и было возложено на 2ую армію. Командиръ 2ой арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ, весьма охотно ухватился за это предложеніе Мольтке.

Для непосредственнаго прегражденія пути французамъ назначенъ былъ 4й корпусъ, который долженъ былъ прибыть въ Рорбахъ 8 числа, до полудня. Онъ могъ быть поддержанъ въ теченіе того же дня — сзади гвардейскимъ корпусомъ, а слѣва—12ою пѣхотною дивизіею (3й арміи), шедшей на Бичъ.

Однако, маневръ 2ой арміи 8 числа оказался ударомъ на воздухъ. Макъ-Магонъ въ то время уже соединялся съ Фальи у Саверна, да и вообще французы уже очистили всю мѣстность къ юго-востоку отъ Саарбрюкена. Направленная въ этотъ районъ 8 числа конница 2ой арміи нигдѣ французовъ не встрѣтила [2]).

Неудачный ударъ на Рорбахъ значительно выдвинулъ впередъ лѣвый флангъ 2ой арміи и растянулъ послѣднюю по фронту влѣво. Первое изъ этихъ обстоятельствъ не имѣло неблагопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ нѣмецкимъ арміямъ, во всякомъ случаѣ, приходилось совершать всѣмъ фронтомъ захожденіе лѣвымъ флангомъ, что соотвѣтствовало, въ общемъ, основной мысли генерала Мольтке: „оттѣснить непріятеля отъ Парижа и прижать его къ сѣверу. Но,

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 410.
[2]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 412.

вслѣдствіе излишняго растяженія 2ой арміи по фронту, послѣдняя потомъ нѣсколько потѣснила подходившую лѣвѣе ея 3ью армію. Для бо́льшаго единства обѣ отдѣльныя кавалерійскія дивизіи 2ой арміи распредѣлены были временно по головнымъ корпусамъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ командирамъ оныхъ [1]).

Въ день наступленія части 2ой арміи на Рорбахъ предположено было оставить 1ую армію на мѣстѣ; почему генералъ Штейнмецъ еще 7 числа получилъ изъ главной королевской квартиры слѣдующую телеграмму [2]):

„Его Величество приказываетъ 1ой арміи съ 7мъ и 8мъ корпусами оставаться завтрашній день въ настоящемъ расположеніи, между Фельклингенъ и Саарбрюкенъ, занявъ высоты у Шпихерна, которыя и отстаивать въ случаѣ аттаки противника. Директивы для дальнѣйшаго наступленія могутъ быть даны только тогда, когда кавалеріею доставлены будутъ достовѣрныя свѣдѣнія о нахожденіи противника. 2ая армія тоже останавливается“.

Однако это понужденіе со стороны главной королевской квартиры не имѣло требуемыхъ послѣдствій. Кавалерійскія дивизіи 1й арміи все еще не выдвигались впередъ, а свѣдѣнія, добытыя разъѣздами конницы, бывшей при пѣхотныхъ дивизіяхъ, и конечно имѣвшей свои спеціальныя цѣли и задачи, не могли быть полны и не поспѣвали во-время. Эти обстоятельства вызвали слѣдующую телеграмму Мольтке, данную въ штабъ 1й арміи въ ночь съ 8 на 9 число.

„Такъ какъ по сей часъ не доставлены свѣдѣнія, оставилъ-ли противникъ Буле и Бузонвиль, то 1й арміи оставаться въ указанномъ сегодня расположеніи. 9 августа 2я армія собираетъ свои корпуса на Саарѣ“ [3]).

Въ то время когда 1я армія на основаніи приведеннаго приказанія оставалась въ теченіе 9 числа въ прежнемъ положеніи, генералъ Альвенслебенъ, командиръ 3го корпуса (2ой арміи), стоявшаго рядомъ съ 1ою арміею у Саарбрюкена, узнавъ, что Сенъ-Аволь оставленъ французами, рѣшилъ немедля занять этотъ пунктъ. Дѣйствительно, 3й корпусъ 9 же числа достигъ Сенъ-Аволь и выдвинулъ по авангарду на каждую изъ двухъ дорогъ, ведущихъ оттуда въ Мецъ.

Замѣчательно, что Штейнмецъ только отъ разъѣздовъ своихъ узналъ объ этомъ, столь важномъ движеніи своего ближайшаго со-

[1]) „Оффиціальная исторія прусской арміи“, т. 1, стр. 413.
[2]) „Оффиціальная исторія 1-й арміи“, стр. 50.
[3]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 52.

сѣда [1]). Генералъ Альвенслебенъ секретничалъ, видимо, изъ боязни, чтобы 1ая армія опять не воспользовалась сообщеннымъ 3мъ корпусомъ свѣдѣніемъ для того, чтобы забѣжать ему дорогу, подобно тому, какъ это было у Саарбрюкена 6 августа [2]).

Къ этому времени, 1ая и 2ая нѣмецкія арміи уже подравнялись и на столько подтянули задніе свои эшелоны, что нѣмцамъ можно было приступить къ подготовкѣ ближайшей операціи перехода или форсированія линіи р. Мозели въ связи съ 3ю арміею, которая подходила, держась лѣвѣе 2й.

Собранныя нѣмцами свѣдѣнія разъяснили положеніе дѣлъ на столько, что французы въ полномъ отступленіи очистили всю ближайшую мѣстность, хотя и не дознано было, гдѣ собственно въ данное время находится ихъ армія. На основаніи этого, 9 числа, въ 8 часовъ вечера, изъ главной королевской квартиры разослано слѣдующее, общее для всѣхъ трехъ армій письменное приказаніе [3]).

„Изъ полученныхъ свѣдѣній можно предполагать, что непріятель отошелъ за р. Мозель или, быть можетъ, за р. Сейль“ (восточнѣе Мозели). „Всѣ три арміи послѣдуютъ за этимъ движеніемъ. Для этого 3й арміи назначена дорога Саарюніонъ—Діезъ и болѣе южные пути; 2й арміи—дорога Сенъ-Аволь—Номени и пути южнѣе; 1й арміи—дорога Саарлюи—Буле — Лесъ-Этанъ и южнѣе“.

„Для обезпеченія движенія выслать впередъ на большія разстоянія кавалерію, которую поддерживать далеко выдвинутыми авангардами, чтобы арміи, въ случаѣ надобности, имѣли время собраться“.

„Измѣненіе указанныхъ направленій послѣдуетъ только по приказанію Его Величества, если того потребуетъ расположеніе непріятеля, или его наступленіе“.

„10 число можетъ быть употреблено 1ю и 2ю арміями для отдыха или перехода на назначенныя дороги“.

„Такъ какъ лѣвый флангъ можетъ достигнуть р. Саары только 12 числа, то корпуса праваго фланга должны соотвѣтственно укоротить свои переходы“ [4]).

Приказаніе это, какъ сказано, дано было изъ Саарбрюкена, пункта лежащаго на чертѣ раздѣла между 1ю и 2ю арміями. На путь этотъ перешла теперь, наконецъ, главная королевская квартира для ближайшаго управленіями этими арміями.

---

[1]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 53.
[2]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 33—34.
[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 393.
[4]) Впервые упоминаемыя тутъ названія пишутся Seille, Dieuze, Nomeny, Les Etangs.

Для того, чтобы лучше понять дальнѣйшія операціи нѣмецкихъ силъ, связанныя съ передвиженіями намѣченными въ приказаніи 9 августа, необходимо пояснить слѣдующее:

Средняя часть теченія рѣки Мозели, завладѣніе коею дѣлалось теперь ближайшимъ предметомъ дѣйствій нѣмцевъ, имѣетъ направленіе съ юга на сѣверъ; между тѣмъ всѣ три нѣмецкія арміи первоначально (до 4го августа) обращены были общимъ фронтомъ на югъ, то есть подъ прямымъ угломъ къ направленію теченія помянутой части Мозели. Наступленіе 3ей арміи на р. Зауэръ и погоня корпусовъ 2й арміи за призракомъ арміи Макъ-Магона — къ Рорбаху — дали общему фронту нѣмецкихъ армій направленіе на югозападъ и растянули его влѣво.

Распоряженія верховнаго вождя нѣмецкихъ армій клонились теперь къ тому, чтобы, по возможности, сократить общій фронтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему направленіе на западъ, причемъ рѣзко обрисовалось намѣреніе — всѣми силами трехъ армій совершить переправу черезъ Мозель повыше, то есть южнѣе Меца, такъ какъ крайней право-фланговой колоннѣ дано было направленіе прямо на Мецъ (Лесъ-Этанъ), а всѣмъ остальнымъ — болѣе южное.

Предположенный маневръ соотвѣтствовалъ, какъ уже замѣчено, основной мысли генерала Мольтке, согласно коей слѣдовало стремиться „оттѣснить непріятеля отъ его сообщеній съ Парижемъ и прижать его къ сѣверу“, то есть къ бельгійской границѣ.

На кратчайшемъ пути наступленія нѣмцевъ лежалъ на р. Мозель большой французскій плацдармъ — Мецъ, который, будучи обнесенъ фортами, хотя и не вполнѣ оконченными, давалъ французамъ возможность по усмотрѣнію своему дѣйствовать на лѣвомъ или на правомъ берегу рѣки.

На Мозели же, повыше Меца, верстахъ въ 35 находилась крѣпость Туль а верстахъ въ 25 пониже — крѣпость Тіонвиль (называемый нѣмцами Диденхофенъ (Diedenhofen).

Ширина рѣки на этомъ пространствѣ 150—200 шаговъ; броды открываются только въ продолжительную сухую погоду. Постоянныхъ мостовъ между Мецомъ и ниже до Тіонвиль не было. Нагорные берега возвышаются отъ 300—500 футъ надъ рѣкою, при ширинѣ долины среднимъ числомъ 2.000 шаговъ. Долина рѣдко съуживается до 500 шаговъ, а у Меца — раздвигается на 3000—4000 шаговъ [1]).

Предпринятая нѣмцами операція обхода Меца, соединенная съ фланговымъ движеніемъ мимо крѣпости, была довольно слож-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“ т. 1, стр. 129—130.

ная и при дѣятельномъ противникѣ представляла опасности, которыя не вполнѣ уравновѣшивились общимъ перевѣсомъ въ числительности нѣмецкихъ войскъ. Войска эти поневолѣ раскинуты были не только вдоль по широкому фронту наступленія, но и въ глубину, такъ какъ въ нѣкоторыхъ колоннахъ приходилось идти по-эшелонно корпусами: одинъ корпусъ за другимъ, въ два и даже три эшелона.

Во весь періодъ этой операціи возможность почина переходила къ французамъ; послѣдніе могли драться гдѣ и когда хотѣли, или-же уклониться отъ всякаго столкновенія. Они могли аттаковать правофланговые корпуса нѣмцевъ по лѣвую сторону Мозели, или-же накинуться на тѣ изъ нихъ, которые раньше другихъ покажутся на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Меца. Эти обстоятельства тяготѣли надъ соображеніями нѣмцевъ во все время операціи, и поэтому періодъ подхода ихъ къ Мозели весьма поучителенъ не только самъ по себѣ, но и съ точки зрѣнія разбираемаго нами вопроса въ особенности.

Возвращаюсь къ исполненію приказаній короля, данныхъ 9 числа:

Войска 1й арміи въ теченіе 10 числа переходили на вновь указанные имъ пути, причемъ немало утомились движеніемъ по растворившимся отъ дождей дорогамъ, а также — распутываясь между собою и съ частями 2ой арміи.

Командиръ 1ой арміи, генералъ Штейнмецъ, созвалъ въ этотъ день командировъ корпусовъ и отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, чтобы дать имъ директивы для предстоящихъ дѣйствій. Штейнмецъ полагалъ, что французы всѣми силами бросятся на его армію, коль скоро послѣдняя подойдетъ къ Мецу и начнется переправа 2ой нѣмецкой арміи повыше этой крѣпости. Поэтому Штейнмецъ, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ потерь, понесенныхъ при аттакахъ 6 числа, настоятельно указывалъ своимъ генераламъ, чтобы они держались оборонительнаго образа дѣйствій. Далѣе Штейнмецъ сказалъ, что на сколько отъ него будетъ зависѣть, онъ не пойдетъ далѣе рѣки Нидъ-Французской. Вообще, онъ высказалъ, что не надо аттаковать противника на его позиціяхъ (какъ дѣлали до того), а напротивъ того — самимъ на избранныхъ позиціяхъ выждать аттаку французовъ [1]).

Командиръ 2й арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ, распорядился съ своей стороны такъ, чтобы четыре корпуса, а именно (считая съ праваго фланга) 3й, 10й, гвардейскій и 4й двигались каждый по своей дорогѣ. Во вторыхъ эшелонахъ шли: 9й корпусъ — за

[1]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 55—56.

3имъ, то есть за правымъ флангомъ общаго наступленія, а 12й саксонскій — за центромъ; за правымъ-же флангомъ долженъ былъ идти и 2ой корпусъ, теперь высаживавшійся. Такимъ образомъ, правый флангъ 2й арміи былъ значительно усиленъ для того, чтобы онъ могъ оказать надежную поддержку 1й арміи. Помянутые головные корпуса 2ой арміи были нацѣлены такъ, что должны были выдти на переправы черезъ Мозель повыше (южнѣе) Меца: Понтъ-а-Муссонъ, Діелюаръ и Марбашъ [1]) (Dieulouard, Marbache).

Между тѣмъ кавалерійскія дивизіи 1ой арміи въ теченіе 10 числа все оставались еще позади, почему соприкосновеніе съ французами противъ праваго фланга общаго фронта всѣхъ нѣмецкихъ силъ почти совершенно прекратилось [2]). Разъѣзды же отъ 2ой нѣмецкой арміи въ теченіе 10 числа раскрыли значительныя силы французовъ за р. Нидъ-Французскою; казалось, что послѣдніе намѣрены тамъ дать отпоръ нѣмцамъ.

Въ виду серіознаго положенія дѣлъ, главная королевская квартира 11 числа перешла въ первую линію, въ Сенъ-Аволь.

Въ теченіе того же 11 числа въ королевскую главную квартиру поступили сообщенія командировъ обѣихъ армій съ изложеніемъ взгляда ихъ на положеніе дѣлъ и предположенія на 12 число.

Начальникъ штаба 2ой арміи, генералъ Штиле, писалъ 11го августа:

„Свѣдѣнія, добытыя разъѣздами вчерашняго числа, производятъ впечатлѣніе, что непріятель прекратилъ свое отступленіе и съ довольно значительными силами двинулся отъ Меца опять впередъ, быть можетъ, съ намѣреніемъ дѣйствовать наступательно и, во всякомъ случаѣ, отстоять свою крѣпкую позицію западнѣе р. Нидъ-Французской“.

„Въ этомъ случаѣ кажется соотвѣтственнымъ направить рѣшительный ударъ въ правый флангъ непріятеля, а съ фронта лишь сдерживать его. Эта послѣдняя, болѣе оборонительная роль, сообразно положенію дѣлъ, принадлежитъ 1ой арміи. Съ своей стороны, во 2ой арміи положено, въ видахъ фланговой аттаки, подготовить захожденіе направо, при коемъ 3ій корпусъ, остановясь у Фолькемона, будетъ осью поворота. На 12 число приказаны уже передвиженія, нужныя въ указанныхъ цѣляхъ, не уклоняясь однако пока отъ главнаго направленія на Мозель болѣе чѣмъ это крайне необходимо“ [3]).

---

[1]) „Исторія 2 арміи“, стр. 35.
[2]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 427.
[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 430—431.

Подобное же сообщеніе сдѣлано было штабомъ 2ой арміи и генералу Штейнмецу. Послѣдній донесъ въ главную королевскую квартиру, что онъ 12 числа намѣренъ перейти съ 1ою арміею болѣе широкимъ фронтомъ на р. Нидъ-Французскую, имѣя по одной кавалерійской дивизіи по флангамъ.

Въ главной королевской квартирѣ, какъ гласитъ оффиціальная исторія войны, въ общемъ одобрены виды обоихъ командировъ армій. Однако, для бо́льшаго согласія въ дѣйствіяхъ и для сближенія обѣихъ армій, которыя разошлись при захожденіи 2ой арміи, сочтено было необходимымъ на 12 число дать каждому корпусу точное направленіе. Въ исполненіе этой мысли, въ 7 часовъ пополудни 11 августа послано изъ Сенъ-Аволь 1ой и 2ой арміямъ слѣдующее приказаніе:

„Весьма возможно, что значительная часть непріятельскихъ войскъ стоитъ впереди Меца, на лѣвомъ берегу р. Нидъ-Французской, почему необходима болѣе тѣсная связь между 1ю и 2ю арміями. Его Величество приказалъ слѣдующее:

„3ій корпусъ у Фолькемонъ будетъ опорною точкою этой связи“.

„1я армія направляется завтра утромъ двумя корпусами на линію Буле—Маранжъ и однимъ — въ Бушпорнъ“.

„2ой арміи двинуть 9ый корпусъ къ Лёнжевиль западнѣе Сенъ-Аволь. Къ послѣднему пункту направляются и части 2го корпуса, на сколько онѣ въ распоряженіи [1]). 10й корпусъ (примѣрно черезъ Леленъ) направить за 3имъ“.

„Корпуса гвардейскій, 4й и 12й придвинуть къ лѣвому флангу указаннаго расположенія на столько, чтобы они, смотря по надобности, могли къ нему (лѣвому флангу) пристроиться или же продолжать наступленіе по направленію Нанси“.

„Всѣ корпуса оставляютъ 2е эшелоны обозовъ въ районахъ 11 августа, причемъ дороги оставить совершенно свободными“.

„Эти распоряженія сообщены 3му и 9му корпусамъ непосредственно изъ королевской квартиры“.

„Аванпосты 1ой арміи придвинуть въ общемъ къ рѣкѣ Нидъ-Французская“ [2]).

Независимо сего, въ виду недостаточнаго освѣщенія со стороны 1ой арміи, приказано ей изъ королевской квартиры выдвинуть передъ свой фронтъ обѣ принадлежащія ей кавалерійскія дивизіи [3]).

[1]) Корпусъ этотъ подходилъ только по мѣрѣ высадки.

[2]) „Исторія 2 арміи“, стр. 39—40. Помянутыя тутъ названія пишутся: Longeville, Lelling, Marhange.

[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 430.

Такъ какъ приведенное выше приказаніе на 12 число не поспѣло въ штабъ 2ой арміи до 5 часовъ пополудни, то послѣдній распорядился о разсылкѣ своихъ, прежде уже изготовленныхъ распоряженій, которыя, впрочемъ, несущественно только разнились въ направленіи 10го корпуса. Съ согласія королевской квартиры, направленіе это не измѣнилось, и 10ый корпусъ направленъ лѣвѣе 3го, къ Ляндрофу (Landroff).

Всѣ указанныя распоряженія на 12 число были исполнены, но приказаніе, данное во 2ой корпусъ 11 числа, не дошло, а потому только по дубликату, полученному 12 числа, успѣли въ тотъ день перевезти въ Сенъ-Аволь лишь одинъ полкъ этого корпуса.

Къ вечеру 12 числа, отъ Буле до Фолькемонъ, по фронту въ 2½ мили, собрались пять нѣмецкихъ корпусовъ, которые въ теченіе 13 числа, по расчету королевской главной квартиры, могли быть поддержаны еще четырмя корпусами.

Между тѣмъ еще 11 числа, въ то время, когда нѣмецкое начальство дѣлало распоряженія свои на основаніи свѣдѣній о присутствіи большихъ силъ французовъ на позиціи у р. Нидъ-Французской, послѣдніе уже начали свое отступленіе къ фортамъ Меца и продолжали его въ теченіе 12 числа.

Отходъ французовъ не ускользнулъ отъ вниманія нѣмецкой конницы, которая, въ видѣ общей связной завѣсы, находилась теперь впереди общаго фронта обѣихъ нѣмецкихъ армій, слѣдуя по пятамъ за французами.

Правый флангъ общей передовой кавалерійской линіи нѣмцевъ, естественно, долженъ былъ умѣрить свое движеніе сообразно отступленію французовъ; между тѣмъ лѣвый флангъ, ничѣмъ не задерживаемый, головными своими частями еще 11 числа достигъ р. Мозели повыше Меца. Разъѣзды прусской конницы отъ 2ой арміи нашли переправы черезъ Мозель повыше Меца незанятыми французами; у Діелюаръ мосты оказались даже неразрушенными. Въ этомъ пунктѣ прусская конница прервала телеграфную линію. Начальство арміи сочло теперь необходимымъ освѣтить мѣстность за Мозелью посредствомъ большой кавалерійской массы и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно скорѣе захватить переправы черезъ эту рѣку, для сообщенія съ конницею, направляемою на тотъ берегъ рѣки, а равно и въ видахъ дальнѣйшихъ операцій 2ой арміи за Мозелью. Для исполненія имѣлась въ виду 5ая кавалерійская дивизія Рейнбабена и на первое время одна пѣхотная дивизія.

Дивизія Рейнбабена (3 бригады, всего 36 эскадроновъ) находилась въ то время въ составѣ двухъ бригадъ — въ подчиненіи командиру 10го корпуса, генералу Фохтсъ-Рецу, а 3ья бригада

(Бредова) этой дивизіи была при 4^омъ^ корпусѣ. Въ 2 часа пополудни 12 числа передано Рейнбабену (черезъ посредство командира 10го корпуса) приказаніе, чтобы онъ пошелъ на переправы Понтъ-а-Муссонъ и Діелюаръ и затѣмъ, перейдя Мозель, направился въ тылъ Меца, на путь, соединяющій эту крѣпость съ Верденомъ (Verdun, крѣпость). Бригадѣ Бредова приказано возможно скорѣе присоединиться къ своей дивизіи.

Далѣе, 6ой кавалерійской дивизіи, бывшей временно при 3^емъ^ корпусѣ, приказано, распространившись влѣво до Мозели, наблюдать дороги, ведущія отъ Меца къ югу (по правому берегу Мозели), причемъ дивизіи указанъ замокъ Сенъ-Блезъ (St Blaise), какъ отличный обсерваціонный пунктъ. Въ указанномъ расположеніи 6ая кавалерійская дивизія прикрывала отъ стороны Меца подходъ 2ой арміи къ Мозели. Обѣ кавалерійскія дивизіи, 5ая и 6ая, вмѣстѣ съ тѣмъ возвращались уже въ непосредственное распоряженіе начальства 2ой арміи [1]).

Наконецъ, начальствомъ 2ой арміи еще того-же 12 числа приказано генералу Фохтсъ-Рецу рано утромъ 13 числа двинуть къ Понтъ-а-Муссону одну изъ пѣхотныхъ дивизій съ легкимъ понтоннымъ паркомъ. Между тѣмъ Фохтсъ-Рецъ немедленно по полученіи приказанія о направленіи 5ой кавалерійской дивизіи на Мозель, двинулъ туда же еще 12 числа свою 19^ую^ пѣхотную дивизію, которая въ тотъ-же день достигла Дельмъ (Delme) по направленію на Понтъ-а-Муссонъ.

Въ тотъ-же день, 12 числа, прусская конница у Понтъ-а-Муссона, Діелюаръ и Фруаръ (Frouard) прервала и частью испортила желѣзную дорогу между Мецомъ и Шалономъ, идущую вдоль лѣваго берега Мозели, причемъ прусская партія въ Понтъ-а-Муссонъ была почти истреблена французскими африканскими егерями, а отъ Діелюаръ и Фруаръ пруссаки прогнаны проѣзжавшею въ то время французскою пѣхотою — вѣроятно 6го корпуса Канробера. Французы немедленно возстановили сообщеніе. Тѣмъ не менѣе видно, что правильнаго занятія и защиты столь важной для французовъ желѣзно-дорожной линіи вовсе не было, хотя оборона ея очень облегчалась теченіемъ рѣки Мозели, прикрывавшей ее отъ покушеній пруссаковъ.

Развѣдки прусской конницы, направленныя 12 числа на Мецъ, на правомъ берегу р. Мозели, въ особенности — усиленная рекогносцировка, предпринятая всею 6^ою^ кавалерійскою дивизіею, подтвердили, что французы совершенно бросили свою укрѣпленную

[1]) „Исторія 2-й арміи“ стр. 41—42.

позицію на р. Нидъ-Французская и сосредоточились пока у Меца. Въ главной королевской квартирѣ вывели заключеніе, что французы отступаютъ за Мозель, черезъ Мецъ, на основаніи чего, въ 4½ часа пополудни 12 числа, изъ Сенъ-Аволь отдано всѣмъ нѣмецкимъ арміямъ слѣдующее приказаніе [1]):

„Главныя силы противника, на сколько можно судить изъ донесеній, отступаютъ черезъ Мозель у Меца".

„Его Величество Король приказываетъ 1ой арміи подвинуться завтра, 13 числа, до рѣки Нидъ-Французской, на линію Лесъ-Этанъ —Панжъ, занявъ желѣзно-дорожную станцію Курсель. Кавалеріи рекогносцировать на Мецъ и перейти Мозель ниже крѣпости. 1ая армія, такимъ образомъ, прикроетъ правый флангъ 2ой арміи. Послѣдняя идетъ на линію Бюши — Шато-Салинъ, выдвигаетъ аванпосты на р. Сейль и старается, если возможно, овладѣть переправами черезъ Мозель у Понтъ-а-Муссонъ, Діелюаръ, Марбашъ и т. д. Кавалерія развѣдываетъ и за Мозель".

„3ья армія продолжаетъ наступленіе на линію Нанси — Люневиль" [2]).

(подписалъ) „Мольтке".

Изъ прежде сказаннаго видно, что распоряженія по 2ой арміи предупредили уже желанія, выраженныя въ приказаніи короля.

Въ „Прусской оффиціальной исторіи войны" слѣдующимъ образомъ оцѣнивается ближайшее положеніе и взаимное отношеніе трехъ нѣмецкихъ армій, вызванное послѣдними королевскими распоряженіями [3]).

„1ой арміи приходилось стоять всего двѣ мили отъ французовъ, собранныхъ у Меца, которые могли аттаковать Штейнмеца превосходными силами. Но въ такомъ случаѣ пруссаки для обороны могли воспользоваться раздѣломъ мѣстности, образуемымъ теченіемъ р. Нидъ-Французская. А если бы 1ой арміи пришлось уклониться отъ боя, то 2ая армія простою перемѣною фронта направо вынудила бы французовъ отказаться отъ преслѣдованія".

„Съ другой стороны — расположеніе 1й арміи гарантировало 2ю армію, наступавшую къ переправамъ на Мозели широкимъ фронтомъ, отъ всякихъ покушеній французовъ на правомъ берегу р. Мозели, потому что 1я армія могла немедленно перейти въ наступленіе, если-бы непріятель дерзнулъ устремиться къ югу, мимо фронта 1й арміи".

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 443.
[2]) Упомянутыя тутъ вновь названія пишутся: Pange-Courcelles, Luneville.
[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны" т. 1, стр. 443—4.

„Если-бы французы отступили черезъ Мецъ, съ тѣмъ чтобы по другому берегу пойти вверхъ по рѣкѣ на 2ю армію, то послѣдняя, въ случаѣ надобности, могла отойти на 3ю армію кронпринца, и въ такомъ случаѣ 1я армія имѣла бы возможность, оставивъ наблюдательные отряды у Меца, переправиться повыше этого пункта и идти въ тылъ непріятелю. При такой обстановкѣ необходимо было близко и зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ французовъ".

Исчисляя различныя сочетанія дѣйствій нѣмецкихъ армій, въ предположеніи разныхъ возможныхъ наступательныхъ предпріятій французовъ, оффиціальная прусская исторія войны пропускаетъ однако одно весьма существенное предположеніе.

Французы могли броситься превосходными силами на 1ю нѣмецкую армію въ то именно время, когда 2я уже перешла за Мозель. Эту послѣднюю армію французы имѣли возможность занять частью своихъ силъ. Арміи Штейнмеца приходилось стоять слишкомъ близко къ крѣпости, и поэтому ей было трудно совершенно уклониться отъ неравнаго боя.

Если-бы 1я нѣмецкая армія была разбита, или только сильно потѣснена французами, то послѣдніе прямо становились на сообщеніяхъ нѣмецкихъ силъ, перешедшихъ за Мозель, и этимъ самымъ французы, по всей вѣроятности, вынудили бы нѣмцевъ къ поспѣшной обратной переправѣ черезъ Мозель, а можетъ быть—и къ дальнѣйшему, хотя-бы временному отступленію, напримѣръ по недостатку въ продовольствіи, такъ какъ обозы и ближайшіе склады нѣмцевъ на правомъ берегу Мозели могли быть захвачены французами или, по меньшей мѣрѣ, отрѣзаны отъ 2й нѣмецкой арміи.

Конечно, для подобнаго образа дѣйствій требовался ясный взглядъ на положеніе дѣла и твердая рѣшимость со стороны французовъ. Послѣднимъ въ такомъ случаѣ пришлось бы рискнуть и своими собственными тыльными сообщеніями, ограничиваясь до времени только опорою Мецкаго плацдарма. Наконецъ, въ видахъ послѣдняго обстоятельства, требовалась соотвѣтственная подготовка крѣпости хотя-бы своевременнымъ же снабженіемъ Меца необходимыми средствами и припасами. Но послѣдняго то имено и не было. Однако нѣмцы въ то время знать этого не могли и не должны были упустить изъ виду возможности указанныхъ выше дѣйствій французовъ.

Впрочемъ, почти безошибочно можно допустить, что не смотря на пропускъ въ прусской исторіи войны не было пропуска на дѣлѣ; иными словами: что прусское начальство разбирало возможность наступленія французовъ при указанной обстановкѣ, но въ прусской исторіи не приводятся предполаемыя мѣры противудѣйствія, быть

можетъ потому, что исходъ обоюдныхъ операцій зависѣлъ бы не столько отъ плана дѣйствій, основаннаго на общей обстановкѣ, заранѣе въ крупныхъ чертахъ предвидѣнной, сколько отъ быстрыхъ и цѣлесообразныхъ детальныхъ соображеній и дѣйствій въ ближайшую минуту исполненія.

Наконецъ, если 1ая нѣмецкая армія при близости французовъ въ Мецѣ, вообще съ перваго взгляда, подвергалась опасности отдѣльнаго боя съ превосходными силами французовъ, то, съ другой стороны, мѣра этой опасности обусловливалась единственно степенью энергіи и дѣятельности французовъ. Рискованный, во всякомъ случаѣ, ближній обходъ Меца, соединенный съ переправою черезъ Мозель, самъ по себѣ показываетъ, что нѣмцы именно и не были высокаго мнѣнія объ энергіи и дѣятельности французскаго начальства. Начало кампаніи, такъ сказать, узаконило подобное воззрѣніе, а грядущія послѣдствія предпринятаго нѣмцами обходнаго маневра вполнѣ его оправдали.

Полководецъ долженъ умѣть оцѣнить характеръ и свойства своего противника, а разъ имъ это сдѣлано—то вѣрные выводы его въ этомъ отношеніи, хотя и взятыя изъ мира психическаго, являются для дальнѣйшихъ его соображеній данными вполнѣ реальными; полководецъ вправѣ брать ихъ въ расчетъ наравнѣ съ любыми матеріальными данными, напр. съ силою своихъ войскъ, крѣпкою позиціею и т. п. [1]).

Въ исполненіе королевскаго приказанія отъ 12 августа, Штейнмецъ на слѣдующій день занялъ двумя корпусами, 1^мъ и 7^мъ, линію Лесъ-Этанъ—Панжъ длиною верстъ 7. За ними расположился во второй линіи 8ой корпусъ, отъ котораго прежде еще отдѣлилась одна бригада, для внезапнаго нападенія на крѣпость Тіонвиль (Диденхофенъ).

По фронту 1^й арміи передовыя войска ея пришли въ столкновеніе не только съ французскою конницею, но и съ пѣхотою. Потерянное 7 числа прикосновеніе было теперь возстановлено непосредственно. Обѣ кавалерійскія дивизіи 1ой арміи отошли на ея фланги.

Конница Рейнбабена (двѣ бригады) отъ 2^й арміи утромъ 13 числа захватила переправу у Понтъ-а-Муссонъ, послѣ незначительной перестрѣлки спѣшенными гусарами. Гусарскій полкъ бригады

[1]) Многія удачныя операціи наши въ послѣднюю войну съ турками построены были именно на завѣдомой бездѣятельности послѣднихъ.

Барби перешелъ на другой берегъ; направленные отъ него во всѣ стороны разъѣзды неоднократно сталкивались съ французскими конными егерями.

Дошедшая къ вечеру 12 числа до Дельмъ 19ая пѣхотная дивизія корпуса Фохтсъ-Реца пополудни 13 числа достигла тоже Понъ-а-Муссона и рядомъ съ существовавшимъ уже мостомъ устроила другой, понтонный. Отъ этой дивизіи, по направленію на Мецъ, двинуты два отряда по обѣ стороны Мозели, а два баталіона отдѣлены въ Діелюаръ, для занятія этой переправы. Баталіоны прибыли въ Діелюаръ вечеромъ и застали его занятымъ еще съ утра прусскою гвардейскою драгунскою бригадою, которая перевезла съ собою на подводахъ одну пѣхотную роту. Головной эскадронъ бригады прервалъ сообщеніе по желѣзной дорогѣ, заставивъ идти назадъ четыре поѣзда съ французскими войсками двигавшимися къ Мецу. Это должно быть были войска Канробера, которыя, равно какъ и вообще остальные задніе эшелоны, окончательно такимъ образомъ отбились отъ своего корпуса. Они, какъ уже сказано, вернулись въ Шалонъ, гдѣ поступили въ составъ 12го корпуса.

Войскамъ 2ой нѣмецкой арміи въ теченіе 13 числа приходилось, съ одной стороны, спѣшить къ переправамъ на Мозель, съ другой — быть въ готовности поддержать 1^ю армію въ случаѣ надобности. Первая изъ этихъ задачъ пала на лѣвофланговые корпуса, то есть болѣе удаленные отъ Меца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе дальніе отъ Мозели; а вторая задача выпала на долю правофланговыхъ, которымъ пришлось нѣсколько задерживать свое движеніе.

Изъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 10^й двинулся уже впередъ въ видѣ авангарда и одною дивизіею — 19^ю, какъ сказано, достигъ Мозели; за нимъ въ переходѣ поспѣвали корпуса гвардейскій и 4^й.

Правофланговые корпуса 2^й арміи, 3^й, 9^й и 12^й, двигались поэшелонно за фронтомъ и южнѣе 1^й арміи. 2^й корпусъ еще собирался у Сенъ-Аволь; онъ въ теченіе 13 числа высадилъ тамъ уже три пѣхотныя бригады.

Въ указанныхъ выше видахъ (переправы повыше Меца), въ 9 часовъ вечера 13 числа даны были изъ главной королевской квартиры на 14 число слѣдующія приказанія:

„По дошедшимъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ значительныя силы непріятеля сегодня до-полудни стояли еще у Сервиньи и Борни, по сю сторону Меца“.

„Его Величество приказываетъ, чтобы 1ая армія оставалась завтра, 14 числа, въ своемъ расположеніи на р. Нидъ-Французской, и посредствомъ авангардовъ наблюдала, отходитъ-ли непріятель, или переходитъ въ наступленіе? Въ виду этой послѣдней возможности,

3му корпусу отъ 2ой арміи дойти завтра пока только до Паньи, а 9му до Бюши [1]), гдѣ они, будучи на готовѣ въ разстояніи одной мили и при своевременномъ выступленіи, могутъ принять участіе въ серіозномъ дѣлѣ у Меца".

„Съ другой стороны, 1ая армія имѣетъ возможность аттакою во флангъ помѣшать наступленію непріятеля къ югу".

„Остальные корпуса 2й арміи продолжаютъ наступленіе къ Мозели между Понтъ-а-Муссонъ и Марбашъ. 10й корпусъ занимаетъ позицію впереди Понтъ-а-Муссонъ".

„Кавалерію обѣихъ армій выдвинуть возможно дальше впередъ; она должна безпокоить непріятеля при возможномъ его отступленіи по пути отъ Меца на Верденъ [2]).

(подп.) „Мольтке".

Приказаніе это, для выигрыша времени, разослано было въ 3й и 9й корпуса съ ординарцами непосредственно изъ главной королевской квартиры. Что касается другихъ корпусовъ 2й арміи, то имъ, еще до полученія приведенной выше депеши генерала Мольтке, даны принцемъ Фридрихомъ-Карломъ приказанія, которыя совершенно согласовались съ видами главной королевской квартиры.

Во исполненіе помянутыхъ приказаній во 2й арміи началось передвиженіе съ утра 14 числа, причемъ корпуса первой правофланговой колонны (3й, 9й и 12й) совершили указанные имъ переходы; вторая колонна—10й корпусъ—стянулась къ Понтъ-а-Муссону и заняла позицію по ту сторону рѣки. Въ третьей колоннѣ гвардейскій корпусъ головною частью занялъ переправу у Діелюаръ, а четвертая колонна — 4й корпусъ — приблизилась къ переправѣ у Марбашъ верстъ на 14.

Между тѣмъ, въ тотъ же день, 14 числа, достигшая Мозели кавалерія 2й арміи (5ая кавалерійская дивизія и гвардейская кавалерійская) распространилась на лѣвомъ берегу рѣки вѣерообразно, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. На правомъ флангѣ разъѣзды дошли до фортовъ Меца и до дороги Мецъ — Верденъ (путь отступленія французовъ). Только пунктъ Анси (Ancy) въ долинѣ Мозели, верстъ 10 недоходя Меца, оказался занятымъ французскою пѣхотою. На лѣвомъ флангѣ драгунскій эскадронъ имѣлъ у самаго Туля удачную стычку съ французскими конными егерями и даже послалъ въ крѣпость парламентера, требуя сдачи, конечно безъ успѣха.

---

[1]) Папьи на шоссе отъ Меца въ Нанси, а Бюши на шоссе отъ Меца въ Страсбургъ.

[2]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 453. Впервые упоминаемыя тутъ названія пишутся: Servigny, Borny, Pagny, Buchy.

Избранная французами оборонительная позиція за р. Нидъ-Французской оказалась неудобною, почему и рѣшено было сосредоточить армію поближе и непосредственно у Меца; туда и отошли французы, бросивъ свою, частью уже укрѣпленную позицію.

У Меца собрались теперь французскіе корпуса: 2^й^, 3^й^, 4^й^ и 6^й^ и гвардейскій. Изъ нихъ 6^й^, по причинѣ перерыва пруссаками желѣзно-дорожной линіи въ Шалонъ, не былъ въ полномъ составѣ частей: въ немъ недоставало 9^ти^ баталіоновъ, 13^ти^ батарей и вовсе не было кавалеріи.

Въ общемъ, 12 августа собралось подъ Мецомъ 201 французскихъ баталіона, 116 эскадроновъ и 540 орудій.

Казалось, что во французской арміи и въ командномъ отношеніи произойдетъ, наконецъ, перемѣна къ лучшему, и что двойственное начальствованіе кончилось [1]). Того же 12 числа Наполеонъ III сложилъ съ себя командованіе Рейнскою арміею, возложивъ его на маршала Базена; но такъ какъ императоръ, пока, продолжалъ оставаться при арміи, то Базенъ не былъ вполнѣ свободенъ въ своемъ командованіи. Ему приходилось заботиться о безопасности главной императорской квартиры и считаться съ высказываемыми тамъ мнѣніями.

Между тѣмъ, драгоцѣнное время уходило, и близился роковой моментъ, послѣ котораго никакія мѣропріятія не могли уже вернуть того, что было упущено.

Коль скоро отступленіе дѣлалось неизбѣжнымъ, то дальнѣйшее промедленіе, въ виду прусскихъ войскъ, утвердившихся уже на Мозели, повыше Меца, могло быть гибельнымъ для французовъ. Эта истина сознавалась однако далеко не всѣми французскими начальниками. Самъ Базенъ, видимо, до своего назначенія главнокомандующимъ мало слѣдившій и обдумывавшій общій ходъ дѣлъ, еще 13 августа вечеромъ обсуждалъ возможность перехода въ наступленіе на правомъ берегу р. Мозели, не имѣя, однако, ни малѣйшаго понятія о движеніи и мѣстахъ нахожденія войскъ противника. Врочемъ, не много болѣе зналъ объ этомъ и самъ императоръ Наполеонъ. Лично онъ, а равно и болѣе осторожные изъ лицъ окружавшихъ его, клонились въ пользу безотлагательнаго отступленія за Мецъ, вслѣдствіе чего императоръ вмѣнилъ Базену въ ближайшую обязанность отвести армію къ Вердену (по пути въ Шалонъ и Парижъ) [2]).

---

[1]) Надо припомнить, что еще съ 5 числа маршалъ Базенъ номинально принялъ командованіе надъ 2-мъ и 4-мъ корпусами независимо своего 3-го. Въ то время 6-й корпусъ еще не подошелъ, а гвардія оставалась въ непосредственномъ распоряженіи императора Наполеона.

[2]) Дѣйствія французскихъ начальниковъ за время съ 6 по 16 августа будутъ указаны нѣсколько болѣе пространно и разобраны ниже, въ особой главѣ.

Однако, для ближайшей операціи отступленія, то есть переправы арміи черезъ Мозель, ничего приготовлено не было. Понтонный паркъ, 1 августа выгруженный въ Форбахѣ безъ запряжки, взятъ былъ потомъ пруссаками; за постройку военныхъ мостовъ у Меца взялись поздно, такъ что они могли быть окончены только 14 числа утромъ Продовольствіе для движенія роздано еще не было[1]).

Между тѣмъ, при двойственномъ командованіи во французской арміи съ 5 августа и вслѣдствіе господствовавшей въ ней нерѣшительности до 12 числа, времени упущено было уже такъ много, что вообще вопросъ о возможности безпрепятственнаго дальнѣйшаго отступленія французовъ изъ подъ Меца поставленъ былъ, такъ сказать, „на остріѣ ножа“. Малѣйшій толчекъ могъ уже разстроить замыслы французовъ.

Этимъ „толчкомъ“ и было сраженіе 14 августа, названное пруссаками сраженіемъ при Колёмбэ — Нуйли, сраженіе самостоятельно затѣянное и разыгранное частными прусскими начальниками.

Отступившая къ Мецу 11 числа французская армія расположилась (съ частью 6го корпуса, прибывшаго изъ Шалона) на правомъ берегу р. Мозели, впереди Меца, въ разстояніи отъ 1½ до 2 верстъ отъ фортовъ крѣпости.

На правомъ флангѣ, между р.р. Мозель и Сейль, стояла часть 6го корпуса, лѣвѣе ея — 2й корпусъ, Фроссара; въ центрѣ — 3й корпусъ, Дэкана (бывшій Базена); на лѣвомъ флангѣ — 4й корпусъ, Лямиро; за центромъ — императорская гвардія подъ начальствомъ Бурбаки.

Въ день 13 августа, до полудня, нѣмцы не только подошли совсѣмъ близко и отыскали полное прикосновеніе съ французами, утерянное ими послѣ 6 числа, но и захватили уже переправы черезъ Мозель невдалекѣ отъ Меца (Понтъ-а-Муссонъ и Діелюаръ). Только въ это время наконецъ даны были французской арміи на 14 число приказанія:

„1ая и 3ья резервныя кавалерійскія дивизіи выступаютъ изъ своихъ лагерей въ часъ пополудни по направленію на Верденъ, а именно: 1ая дивизія по дорогѣ отъ Гравелётъ на Донкуръ и Конфлянъ, а 3я по дорогѣ отъ Гравелётъ черезъ Марсъ-ля-Туръ. 3му и 4му корпусамъ слѣдовать по первой изъ этихъ дорогъ, а 2му и 6му — по второй. Гвардіи идти за 6мъ корпусомъ“. Пониже крѣпости были наведены мосты.

Съ ранняго утра 14 числа начали переправу многочисленные французскіе обозы; до войскъ очередь дошла только около полудня.

[1]) Базенъ, стр. 61.

Войска начали движеніе къ переправамъ отъ обоихъ фланговъ, такъ что на позиціи въ центрѣ остались 3^й корпусъ и дивизія Гренье, 4го корпуса, а за ними гвардія.

Расположеніе французовъ было слѣдующее. Въ центрѣ, на высотахъ лѣваго берега ручья Вальеръ (Vallieres, текущаго тутъ съ юга на сѣверъ), фронтомъ на востокъ, почти на двѣ версты впереди центральнаго форта Ле-Бордъ (le Bordes), стояли двѣ дивизіи 3го корпуса, Дэкана, а именно: дивизія Метмана—правѣе и дивизія Эймара (Aymard) — лѣвѣе близкихъ другъ къ другу шоссейныхъ дорогъ, идущихъ въ Мецъ отъ Саарбрюкена и Саарлюи и соединяющихся у Белекруа (Bellecroix), непосредственно за фронтомъ французовъ.

Правый флангъ этого расположенія обезпечивался дивизіею Монтодона, загнутой назадъ, фронтомъ на юго-востокъ, продолженіе коего упиралось въ фортъ Келе (Queuleu). На продолженіи лѣваго фланга расположенія 3го корпуса, въ окрестности деревни Мей, (Меу) уже за ручьемъ Вальеръ (который поворачиваетъ круто на западъ къ Мецу недоходя Мей), стояла дивизія Гренье (Grénier) корпуса Лямиро, имѣя фортъ С.-Жюльенъ (St.-Julien) въ 1½ верстахъ позади своего лѣваго фланга. Остальныя двѣ дивизіи того же корпуса уже были на переправѣ. Впереди оконечности праваго фланга дивизіи Метмана стояла дивизія Кастаньи, занимая передовую позицію на самомъ склонѣ къ ручью Вальеръ.

Французы занимали еще нѣсколько пунктовъ за ручьемъ Вальеръ, впереди позиціи 3го корпуса, а именно: дер. Монтуа (Montoy), противъ центра, въ разстояніи 2 верстъ, далѣе замокъ Обиньи (Aubigny), впереди праваго фланга и дер. Нуасевиль (Noisseville) противъ лѣваго, кромѣ того—еще рощу, лежащую къ юго-западу отъ замка Обиньи. Другіе передовые пункты, болѣе удаленные отъ главной позиціи, въ теченіе дня, еще до начала сраженія, были уже очищены французами.

Распоряженія главной королевской квартиры на 14 августа получены генераломъ Штейнмецемъ только ночью, а въ 2½ часа утра 14 числа разослано войскомъ приказаніе „оставаться на своихъ мѣстахъ“.

Въ то время, не считая двухъ кавалерійскихъ дивизій, наблюдавшихъ по флангамъ 1^й нѣмецкой арміи, послѣдняя выдвинула прямо противъ Меца три отдѣльныхъ авангарда отъ двухъ передовыхъ корпусовъ, 1го и 7го, а именно, считая справа: авангардъ генерала Мемерти (Memerty, 3 баталіона, 3 эскадрона и 6 орудій)

отъ 2ой пѣхотной дивизіи, по дорогѣ изъ Саарлюи въ Мецъ; по дорогѣ изъ Саарбрюкена—авангардъ отъ 1ой пѣхотной дивизіи, бригада генерала Фалькенштейна (Falkenstein, 7 баталіоновъ, 4 эскадрона и 12 орудій).

Оба прусскіе авангарда какъ будто нацѣлены были на центръ расположенія французовъ у Белекруа, у котораго сходились пути, на коихъ стояли прусскіе авангарды. Отъ 7го прусскаго корпуса выставлена была въ видѣ авангарда 26ая бригада, генерала Гольца (7 баталіоновъ, 3 эскадрона и 12 орудій), по дорогѣ изъ Панжъ въ Мецъ, ведущей прямо на оконечность праваго флапга передовой французской дивизіи Кастиньи. Прусскіе разъѣзды съ утра уже начали доносить объ отступленіи французовъ.

Командиръ 1го прусскаго корпуса, генералъ Мантейфель, къ 2 часамъ прибылъ на свои аванпосты и лично наблюдалъ за движеніемъ французовъ (корпуса Лямиро). Съ его мѣста наблюденія нельзя было рѣшить навѣрное: отступаютъ ли французы, или только снимаются для того, чтобы всѣми силами аттаковать 7ой прусскій корпусъ или 2^ую армію [1]). Генералъ Мантейфель (Manteuffel) на всякій случай приказалъ поднять свои войска и готовиться къ бою, имѣя конечно въ виду перейти въ наступленіе, если французы станутъ угрожать сосѣднимъ прусскимъ корпусамъ.

Движеніе французовъ не ускользнуло и отъ вниманія авангарда 7го корпуса; но тутъ видно было ясно, что противникъ отходитъ назадъ, то есть просто отступаетъ. Сдѣлалось тоже извѣстнымъ, что сосѣдній 1ый корпусъ готовится къ бою.

Начальникъ авангарда 7го корпуса, генералъ Гольцъ, рѣшился аттаковать французовъ, желая нанести имъ уронъ, а главное для того, чтобы, по возможности, задержать ихъ отступленіе; это казалось ему умѣстнымъ на основаніи принципа, что „вообще слѣдуетъ всегда дѣйствовать наперекоръ противнику“. Притомъ Гольцъ полагалъ наступленіе вполнѣ соотвѣтственнымъ стратегической обстановкѣ, потому что 2ая нѣмецкая армія частью достигла уже Мозели съ видимымъ намѣреніемъ выиграть флангъ у французовъ при отступленіи ихъ отъ Меца.

О намѣреніи своемъ Гольцъ донесъ своему начальнику дивизіи и командиру 1го корпуса съ требованіемъ (Aufforderung) поддержки; съ этимъ-же онъ обратился и къ начальнику 1ой кавалерійской дивизіи [2]).

Первою задачею Гольцъ положилъ себѣ овладѣть раздѣломъ мѣстности по ручей Вальеръ въ окрестности дер. Колёмбэ (Colom-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 463—4.
[2]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 464.

bey), которая находилась на томъ (французскомъ) берегу, непосредственно впереди позиціи французской дивизіи Кастиньи.

Гольцъ первоначально, въ 3½ часа пополудни, двинулъ впередъ три баталіона при двухъ батареяхъ. Пруссаки, при слабомъ сопротивленіи со стороны французовъ, заняли замокъ Обиньи; потомъ спустились въ долину ручья и постепенно заняли паркъ и замокъ Колёмбэ. Оттуда они поднялись на высоты лѣваго берега ручья, занятыя французами; но тутъ получили рѣшительный отпоръ. Гольцъ ввелъ въ дѣло всѣ остальныя свои силы, но не могъ выиграть больше ни шагу. Завязалась кровопролитная перестрѣлка на мѣстѣ.

Въ 6^мъ часу положеніе слабаго прусскаго отряда было критическое: резервовъ не было никакихъ, а французы ежеминутно могли перейти въ наступленіе, охватить и задавить пруссаковъ. Но французы держались оборонительно, а къ пруссакамъ спѣшили подкрѣпленія.

Генералъ Мантейфель получилъ донесеніе Гольца нѣсколько позже 4 часовъ. Онъ немедленно приказалъ обоимъ авангардамъ своего корпуса „перейти въ энергическое наступленіе, не увлекаясь однако подъ огонь фортовъ, а остальнымъ частямъ 1го корпуса спѣшить за авангардами“ [1]).

Изъ войскъ Мантейфеля прежде всего поспѣла на поле сраженія артиллерія обоихъ авангардовъ подъ прикрытіемъ одной только кавалеріи. Артиллерія эта снялась съ передковъ у Нуасевиль и Монтуа, правѣе артиллеріи Гольца и по линіи продолженія ея фронта. Пѣхота поспѣшала за своею артиллеріею.

Къ 6 часамъ на полѣ сраженія дѣйствовало уже 60 прусскихъ орудій, на которыя и легла обязанность поддерживать неравный бой, въ который теперь фронтально ввязалась уже пѣхота всѣхъ трехъ авангардовъ, неся большія потери и не будучи въ состояніи двинуться впередъ. Прусская артиллерія, поддерживая пѣхоту, дѣйствовала вообще съ близкихъ разстояній, въ ружейномъ огнѣ до 800 шаговъ, а при отбиваніи контръ-аттакъ французовъ случалось стрѣлять на 500 и 400 шаговъ, неся очень чувствительныя потери. Густой дымъ, въ соединеніи со свѣтомъ прямо въ глаза отъ низко стоявшаго уже солнца, мѣшалъ прицѣлкѣ пруссаковъ и наблюденію за паденіемъ снарядовъ [2]).

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 470. По исторіи же 1-ой арміи (стр. 69) Мантейфель двинулся заслышавъ канонаду въ авангардѣ Гольца.

[2]) Эти подробности почерпнуты изъ сочиненія „Нѣмецкая артиллерія въ сраженіяхъ подъ Мецомъ“, ч. 1, стр. 12—25.

Первый успѣхъ одержанъ пруссаками на правомъ флангѣ Гольца съ прибытіемъ туда бригады Остенъ-Сакена (von-der-Osten-Sacken) того же корпуса.

Обращаюсь къ дѣйствіямъ войскъ 7го корпуса.

Начальникъ 13ой пѣхотной дивизіи, генералъ Глюмеръ, получивъ донесеніе о наступленіи Гольца, немедля приказалъ двинуться за нимъ остальной, 25ой бригадѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія командира корпуса, генерала Цастрова, поддержать Гольца.

Генералъ Цастровъ, съ своей стороны, въ виду приказаній командира арміи, не считалъ соотвѣтственнымъ наступленіе по направленію прямо на крѣпость, но, тѣмъ не менѣе, на всякій случай приказалъ подняться другой дивизіи своего корпуса и съ корпусною артиллеріею двинуться впередъ, предварительно на высоты между Лякенекси и Колиньи (Ars-Laquenexy и Villers-Laquenexy; Colligny — послѣднее версты 4 недоходя Колёмбэ).

Самъ Цастровъ отправился къ войскамъ Гольца. Прибывъ на поле сраженія, онъ замѣтилъ, что правѣе Гольца ввязались въ бой части 1го корпуса, а между послѣдними и войсками Гольца вступила уже въ бой голова 25ой бригады Остенъ-Сакена. Въ бригадѣ этой было налицо пять баталіоновъ.

Цастровъ убѣдился, что дѣло завязалось серіозное и что прекратить его невозможно. Онъ рѣшился продолжать бой и, принявъ непосредственное начальство надъ войсками своего корпуса, приказалъ 25ой бригадѣ поддержать войска Гольца у Колёмбэ, а 28ой бригадѣ отъ 14ой дивизіи — наступать лѣвѣе Гольца; остальной бригадѣ корпуса — стать въ общемъ резервѣ между Марсильи (Marsilly) и Колёмбэ.

Съ прибытіемъ бригады Остенъ-Сакена пруссакамъ удалось подняться на высоту лѣваго берега ручья и завладѣть наконецъ общими усиліями находившеюся тамъ „хвойною рощею“, что имъ, не смотря на всѣ старанія, до сихъ поръ не удавалось. Теперь пруссаки утвердились по окраинѣ высотъ занятыхъ французскою дивизіею Кастиньи. Французы отошли тутъ къ Борни; но сѣвернѣе, то есть въ центрѣ своемъ у Белекруа, держались, упорно отбивая всѣ дальнѣйшія попытки пруссаковъ въ этомъ мѣстѣ. Съ 7 часовъ и до окончанія боя пруссаки уже не подвинулись тутъ ни на шагъ.

Одновременно со взятіемъ пруссаками „хвойной рощи“ близъ Колёмбэ, дѣла ихъ на правомъ флангѣ повидимому принимали неблагопріятный оборотъ.

Генералъ Лямиро, въ началѣ сраженія наблюдавшій за переправою своихъ войскъ черезъ Мозель, вернулъ назадъ двѣ свои

дивизіи для поддержки оставшейся на позиціи его дивизіи Гренье. Французы теперь продолжили значительно свой фронтъ влѣво и легко могли охватить правый флангъ пруссаковъ, который послѣдніе вынуждены были поспѣшно уклонить назадъ.

Угрожающее положеніе французовъ не ускользнуло отъ вниманія Мантейфеля, наблюдавшаго за боемъ съ высотъ у Нуасевиль, откуда и разосланы имъ слѣдующія приказанія:

„Генералу Мемерти“ (начальнику праваго авангарда) „во что бы то ни стало держаться на позиціи у Нуасевиль и на раздѣлѣ мѣстности по долинѣ у Нуйли. Для поддержанія его корпусная артиллерія подвигается ближе къ Нуасевиль. Подходящей по Саарбрюкенской дорогѣ 1ой пѣшей бригадѣ стать въ общій резервъ у Брассери (Brasserie, пивоваренный заводъ, шаговъ 800 южнѣе Нуасевиль). Подходящая 4ая пѣшая бригада направляется сѣвернѣе Нуасевиль; она, оставивъ два баталіона въ видѣ резерва у долины тамъ находящейся, встрѣчаетъ охватъ непріятеля ударомъ въ его лѣвый флангъ“.

Бывшая въ бою прусская артиллерія 1го корпуса тоже вынуждена была откинуть свой правый флангъ назадъ; она усилена частью корпусной артиллеріи. Вообще къ 7 часамъ было уже на позиціи 90 орудій 1го корпуса, дѣйствовавшихъ въ трехъ группахъ, изъ коихъ самая сѣверная — у Сервиньи — могла взять во флангъ охватъ французовъ. Охватъ этотъ и не состоялся.

Въ то же самое время, около 7 часовъ вечера, съ прибытіемъ 28ой пѣхотной бригады отъ 14ой дивизіи, Камеке, дѣла на крайнемъ лѣвомъ флангѣ пруссаковъ приняли благопріятный для нихъ оборотъ. Генералъ Камеке поднялъ свою дивизію по первому же свѣдѣнію о намѣреніи Гольца аттаковать французовъ и двинулся впередъ. Около 4 часовъ пополудни Камеке, дойдя до Виллеръ-Лякенекси, получилъ просьбу Гольца о поддержаніи лѣваго фланга послѣдняго, почему Камеке и пошелъ далѣе въ этомъ направленіи; но по пути поспѣло къ нему приказаніе Цастрова оставить 27ую бригаду въ общемъ резервѣ, а съ остальною — поддержать лѣвый флангъ Гольца, что и было исполнено. 27ая бригада, ген. Война (въ составѣ, за деташировками, всего 4 баталіона, 1 эскадронъ и 6 орудій), двинулась черезъ Аръ-Лякенекси и около 7 часовъ пополудни явилась на поле сраженія къ юго-западу отъ Колёмбэ; тамъ присутствіе свѣжихъ войскъ пруссаковъ пришлось имъ очень кстати. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ войскъ Гольца съ самаго начала боя находился отдѣльно одинъ только егерскій баталіонъ, который, перестрѣливаясь съ французами занимавшими рощу, никакъ не могъ двинуться впередъ, но въ свою очередъ не дозволялъ фран-

*

цузамъ охватить лѣвый флангъ остальныхъ войскъ Гольца. Бригада Война поддержала теперь егерскій баталіонъ Гольца и постепенно, съ боемъ, заходя лѣвымъ плечомъ, очутилась передъ рощею, прикрывающею Борни съ юга; роща эта была аттакована пруссаками и взята ими. Находившіеся въ рощѣ французы отошли къ Борни.

Въ дѣйствіяхъ бригады Война приняла участіе 1ая кавалерійская дивизія, а также и часть 18 пѣхотной дивизіи 9го корпуса отъ 2ой арміи.

Перехожу къ дѣйствіямъ этихъ войскъ.

Генералъ Штейнмецъ возложилъ на 1ую кавалерійскую дивизію наблюденіе за Мецомъ, лѣвѣе войскъ 7го корпуса и до р. Сейль, такъ какъ далѣе влѣво, до Мозели, какъ уже сказано, наблюдала 6ая кавалерійская дивизія отъ 2ой арміи.

Уже во 2мъ часу пополудни въ 1ой кавалерійской дивизіи замѣченъ былъ постепенный отходъ французовъ. Прусская конница слѣдовала за ними, но не могла проникнуть за желѣзную дорогу, защищаемую французами. Дорога эта направляется тутъ прямо съ востока на западъ, изъ Гагенау въ Мецъ; она то насыпями, то выемками пересѣкаетъ мѣстность, образуя такимъ образомъ какъ бы общую непрерывную преграду.

Командиръ прусской кавалерійской дивизіи, генералъ Хартманъ, тоже получилъ въ свое время увѣдомленіе Гольца о намѣреніяхъ послѣдняго аттаковать французовъ. Не будучи пока въ состояніи принять участія въ дѣйствіяхъ, въ виду поставленной ему французами преграды, Хартманъ въ ожиданіи развитія дальнѣйшихъ обстоятельствъ собралъ свои полки и оставался въ выжидательномъ положеніи впредь до прибытія авангарда 18ой пѣхотной прусской дивизіи.

Дивизія эта (подъ начальствомъ генерала Врангеля, Wrangel) пополудни достигла Бюши (миляхъ въ 2½ къ юго-востоку отъ Меца), гдѣ расположилась на бивуакѣ. Авангардъ ея достигъ Орни. Генералъ Врангель на пути къ своему авангарду узналъ, что въ сѣверномъ направленіи идетъ дѣло. Возвращавшійся изъ рекогносцировки (къ сторонѣ Меца) командиръ 15го уланскаго полка (6ой кавалерійской дивизіи), полковникъ Альвенслебенъ, доложилъ Врангелю, что по его соображеніямъ ударъ 18ой дивизіи съ юга можетъ имѣть рѣшительныя послѣдствія. То же самое мнѣніе выразилъ и начальникъ аванпостовъ 18ой дивизіи, командиръ 36го пѣхотнаго полка, полковникъ Брандштейнъ (Brandstein).

Генералъ Врангель еще по первому извѣстію о боѣ приказалъ дивизіи изготовиться къ движенію, теперь же онъ приказалъ

главнымъ своимъ силамъ „поспѣшать на сѣверъ“, а самъ двинулся туда-же во главѣ авангарда.

Помянутый выше желѣзно-дорожный участокъ оказался теперь оставленнымъ французами. Полковникъ Брандштейнъ, захвативъ съ собою батарею подъ прикрытіемъ одного эскадрона, быстро двинулся впередъ и въ 6½ часовъ пополудни открылъ огонь противъ пѣхоты и артиллеріи французовъ, видныхъ у Грижи (Grygy, южнѣе Борни и восточнѣе форта Келе); скоро появилась другая батарея отъ 1^й кавалерійской дивизіи, прибывшая тоже подъ прикрытіемъ эскадрона, и наконецъ — третья отъ главныхъ силъ 18ой дивизіи. Батареи эти брали во флангъ французскія войска, дѣйствовавшія противъ 28ой пѣхотной прусской бригады, которая, какъ уже сказано, сражалась на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія 7го прусскаго корпуса.

Подъ прикрытіемъ огня помянутой артиллеріи подходили и выстраивались подоспѣвшія части пѣхоты, которыя, однако, по случаю отступленія французовъ, приняли въ дѣлѣ только слабое участіе. Пруссаки на этомъ флангѣ заняли рощу южнѣе Борни и пунктъ Грижи, такъ что лѣвый ихъ флангъ подъ конецъ дня очутился всего въ верстѣ отъ форта Келе. Положеніе это объясняется наступившею темнотою.

На правомъ флангѣ общаго расположенія пруссаковъ и въ центрѣ дѣло кончилось слѣдующимъ образомъ.

Генералъ Мантейфель намѣренъ былъ вести выжидательный бой впредь до прибытія подкрѣпленій, то есть частей 1ой и 4ой его бригадъ. Однако находящаяся въ дѣлѣ пѣхота 2ой и 3^ей бригады, подъ гнетомъ весьма тяжелаго боя на мѣстѣ, безотчетно почти бросилась впередъ, не дожидаясь поддержки. Наконецъ, при участіи въ аттакѣ и послѣднихъ наличныхъ сомкнутыхъ частей, пруссаки завладѣли высотою у Мей, на которой дотого стояла французская дивизія Гренье. Впрочемъ пруссаки, видимо, обязаны успѣхомъ своимъ нежеланію французовъ продолжать бой, который такъ некстати для нихъ прервалъ операцію переправы за Мозель.

Въ центрѣ пруссаковъ послѣдніе распространились и упрочились по высотѣ лѣваго берега ручья, за Колёмбэ и противъ Белекруа, но до этого послѣдняго пункта никакъ проникнуть не могли. Одно время пруссаки даже сильно попятились тутъ назадъ. Было это уже въ сумерки. Пруссаки противъ Белекруа, изнеможенные боемъ, разстроенные и лишившіеся начальниковъ, понемногу соскользнули совершенно назадъ, въ долину ручья, укрываясь отъ огня французовъ. Тогда командиръ 1ой дивизіи, генералъ Бентхеймъ (Bentheim), лично поспѣшилъ къ отступающимъ, ободрилъ

ихъ и, собравъ двѣ большія массы людей, съ барабаннымъ боемъ повелъ ихъ опять на высоты. Подъ конецъ сраженія въ дѣйствіяхъ въ центрѣ приняли участіе нѣкоторыя войска 1ой бригады, прибывшія на поле сраженія только въ 8 часовъ вечера.

Сраженіе 14 августа окончилось уже въ темнотѣ, въ 9 часовъ вечера. Французы, удерживаясь въ центрѣ, у Белекруа, отходили на флангахъ къ Мозелю и Мецу; пруссаки частью слѣдовали за ними. Въ гулъ замирающаго въ полѣ боя вмѣшались теперь громовые раскаты крѣпостныхъ пушекъ, стрѣлявшихъ съ фортовъ Меца, а съ высоты Брассери, на которой съ 8 часовъ находился генералъ Штейнмецъ, раздался прусскій народный гимнъ „Слава тебѣ — въ вѣнкѣ побѣды!“ (Heil Dir im Siegeskranz), сыгранный музыкою гренадерскаго полка имени наслѣднаго принца Прусскаго.

Обращаюсь теперь къ распоряженіямъ генерала Штейнмеца и дѣйствіямъ 8го корпуса.

Генералъ Штейнмецъ 14 числа никакъ не ожидалъ сраженія. Наступательнаго боя, по его мнѣнію, вообще быть не могло; обороняться тоже не приходилось, коль скоро съ утра начали поступать донесенія объ отходѣ французовъ къ Мецу. Поэтому Штейнмецъ очень былъ обезпокоенъ и озабоченъ, когда, около 5 часовъ пополудни, изъ 1го и 7го корпусовъ получилъ донесенія о предположенномъ и быть можетъ начавшемся уже сраженіи.

Штейнмецъ поспѣшилъ лично впередъ, разославъ адъютантовъ съ категорическимъ приказаніемъ „прекратить дѣло“. По пути, однако, онъ получалъ донесенія, изъ коихъ усмотрѣлъ, что бой идетъ серіозный, почему, на всякій случай, непосредственно отъ себя приказалъ идти впередъ бригадѣ Рекса, корпуса Гебена [1]). Подобное-же приказаніе послано было Гебену и по отношенію остальныхъ войскъ его корпуса, которымъ приказано „перейти изъ Біонвиля къ Варизъ, поближе къ полю сраженія“.

Командиръ 2ой дивизіи, генералъ Прицельвицъ, еще до означенныхъ приказаній Штейнмеца обратился къ Рексу съ просьбою о поддержкѣ. Рексъ съ своей стороны послалъ за разрѣшеніемъ къ командиру корпуса, по Гебенъ въ разрѣшеніи отказалъ на томъ основаніи, что 8ой корпусъ составляетъ резервъ арміи и поэтому долженъ оставаться въ непосредственномъ распоряженіи ея главнаго начальника, генерала Штейнмеца. Быть можетъ, что одно это уваженіе при другой обстановкѣ все-таки не удержало Гебена отъ самостоятельнаго распоряженія, но онъ думалъ,

---

[1]) Другая бригада той-же 16-й дивизіи еще ночью пошла для нечаяннаго нападенія на р. Тіонвиль (Диденхофенъ).

что бой произошелъ отъ наступленія французовъ, и расчитывалъ, что послѣдніе, въ виду поздней поры дня, ничего серіознаго не предпримутъ [1]). Самъ же Гебенъ съ высотъ Пляпенкуръ наблюдалъ издали за ходомъ боя.

Приказаніе Штейнмеца „идти впередъ съ остальными частями 8го корпуса“ получено Гебеномъ только въ 9 часовъ вечера. Послѣдній полагалъ, что въ виду поздней поры будетъ уже несвоевременнымъ подымать войска безъ надобности и утомлять ихъ ночнымъ движеніемъ. Поэтому Гебенъ приказалъ только изготовиться къ движенію къ утру слѣдущаго дня, о чемъ и донесъ Штейнмецу, который съ своей стороны одобрилъ это рѣшеніе Гебена.

Обращаюсь къ послѣдующимъ распоряженіямъ генерала Штейнмеца.

На поле сраженія Штейнмецъ прибылъ, какъ уже сказано, въ 8 часовъ вечера. Мѣстами шелъ тогда еще жаркій бой, но исходъ его уже былъ обезпеченъ для пруссаковъ; ясно видно было обратное движеніе лѣваго крыла французовъ. Принимая донесенія о ходѣ сраженія, командиръ 1ой арміи отдавалъ полную справедливость храбрости войскъ и искусному веденію боя, но съ другой стороны онъ порицалъ своихъ подчиненныхъ за то, что они затѣяли наступательное сраженіе безъ разрѣшенія свыше и безъ возможности воспользоваться плодами побѣды, въ виду близости фортовъ крѣпости [2]).

Прусскія войска къ концу сраженія были весьма растянуты, разстроены боемъ и перемѣшаны. Французы, по мнѣнію Штейнмеца, перейдя въ наступленіе рано утромъ 15 числа, легко могли разорвать и отбросить слабую линію пруссаковъ. На основаніи этихъ соображеній, Штейнмецъ приказалъ войскамъ отойти назадъ на свои бивуаки, разрѣшивъ впрочемъ оставаться нѣкоторое время на полѣ сраженія для уборки раненныхъ и „констатированія побѣды“.

Во исполненіе этого приказанія войска 1го корпуса отошли назадъ уже поздно ночью.

Что касается 7го корпуса, то командиръ его, генералъ Цастровъ, еще до полученія приведеннаго приказанія Штеймеца уже сдѣлалъ съ своей стороны распоряженіе, чтобы войска корпуса ночевали на полѣ битвы, „ружья при себѣ“, для прикрытія уборки раненыхъ и „упроченія за пруссаками чести побѣды“. Отойти назадъ предполагалось утромъ слѣдующаго дня. Такъ какъ приказаніе Штейнмеца (отойти назадъ немедленно) получено было Ца-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 504—505.
[2]) „Исторія 1 арміи“.

стровымъ уже ночью, то послѣдній оставилъ въ силѣ прежнія свои распоряженія [1]).

Генералъ Мантейфель на случай нападенія французовъ обѣщалъ Цастрову свою поддержку при первомъ выстрѣлѣ.

Изъ хода дѣла 14 августа со стороны французскихъ начальниковъ не видно яснаго пониманія настоящаго значенія предпринятой важной операціи отступленія арміи ихъ за Мозель, въ виду приближенія къ этой рѣкѣ превосходныхъ силъ пруссаковъ; не видно также надлежащей тактической оцѣнки положенія.

Обратная переправа французовъ началась правильно съ обоихъ фланговъ, но остававшіяся еще въ центрѣ въ моментъ начала боя пять французскихъ дивизій стояли непосредственно на позиціи, не имѣя вовсе пѣхотныхъ аріергардовъ; поэтому и случилось, что французы были аттакованы слабѣйшимъ противникомъ почти сразу по всему фронту.

Будучи вовлечены въ бой, французскія дивизіи остались на мѣстѣ и упустили время для переправы, но сдругой стороны онѣ и не воспользовались случаемъ, чтобы, по меньшей мѣрѣ, наказать слишкомъ смѣлаго противника. Впрочемъ слабыя тактическія дѣйствія французовъ, столь облегчившія положеніе пруссаковъ, указываютъ на то, что французы, въ сущности, чувствовали, что напрасно позволяютъ втягивать себя въ дѣло, но тѣмъ не менѣе они ни на что опредѣленное рѣшиться не сумѣли или уже не успѣли.

Генералъ Лямиро въ особенности дѣйствовалъ далеко не сообразно данной обстановкѣ, вызвавъ назадъ на поле сраженія свои двѣ дивизіи, совершившія уже переправу черезъ Мозель. Часто приводимая французами, но далеко не всегда оправдываемая ими (примѣръ „Шпихернъ“) аксіома, что надо „идти на выстрѣлы (marcher au canon)“, сослужила тутъ французамъ плохую службу. Дѣйствіе, которое 6 августа при Вертѣ, а въ особенности при Шпихернѣ, могло дать побѣду французамъ, было крупною ошибкою 14 числа, подъ Мецомъ, въ виду крайне нужнаго и начатого уже отступленія за Мозель.

Вообще французскіе генералы не сумѣли ни исполнить надлежащимъ образомъ своей стратегической задачи, ни заручиться по крайней мѣрѣ возможнымъ тактическимъ успѣхомъ; хотя какъ всегда, такъ и тутъ, они отлично выполнили свой солдатскій долгъ,

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 506.

что, между прочимъ, свидѣтельствуется смертью командира 3го корпуса, генерала Дэкана, и контузіею маршала Базена.

Подъ конецъ боя французы, видимо, старались по возможности исправить свою ошибку и отходили къ переправамъ; уступая пруссакамъ значительную часть поля сраженія; но они удержались тамъ, гдѣ этого сами желали, а именно въ своемъ центрѣ, у Белекруа.

Потери съ обѣихъ сторонъ были немаловажныя. Пруссаки опредѣлили свой уронъ безъ малаго въ 5 тысячъ, въ томъ числѣ 222 офицера; французы—3408 нижнихъ чиновъ и 200 офицеровъ. Самъ маршалъ Базенъ, какъ уже сказано, былъ контуженъ, а командиръ 3го французскаго корпуса, генералъ Дэканъ, смертельно раненъ.

Дѣло 14 августа у Меца одно изъ тѣхъ, о которыхъ говорится въ исторіи, что „обѣ стороны приписывали себѣ побѣду“. Прусскіе начальники опирались въ этомъ случаѣ на то, что они завладѣли значительною частью первоначальной позиціи французовъ, въ особенности на флангахъ; французы, съ своей стороны, указывали, что они все время держались въ центрѣ своей позиціи, и что пруссаки въ концѣ-концовъ отошли назадъ и съ другихъ частей поля сраженія частью еще вечеромъ, а частью на слѣдующее утро. Императоръ Наполеонъ, поздравляя Базена съ побѣдою, выразился: „вы наконецъ разорвали этотъ заколдованный кругъ“ [1]).

Очевидно, что приведенныя доказательства обѣихъ сторонъ взяты изъ сферы, доступной солдатскому пониманію. Эти и тому подобные малоосновательные по существу доводы нужны бываютъ подчасъ для поддержанія или поднятія духа войскъ, но серіозной критики выдержать не могутъ.

Не надо забывать, что если война ведется не ради только войны, а для достиженія государственныхъ политическихъ цѣлей, то точно также и сраженія даются не ради самого только боя, а въ видахъ достиженія ясно опредѣленныхъ стратегическихъ цѣлей. Насколько война есть только одно изъ средствъ политики государства, настолько и каждый частный бой есть только средство для достиженія опредѣленныхъ цѣлей войны.

Вотъ что говорится по поводу этого вопроса въ новѣйшемъ сочиненіи нѣмецкаго генерала Блюме подъ заглавіемъ „Стратегія“, въ главѣ „Цѣли боя“.

---

[1]) Впрочемъ маршалъ Базенъ въ сочиненіи своемъ лично признаетъ, что дѣло 14 августа принесло пользу только нѣмцамъ. Но таково-ли было мнѣніе маршала и непосредственно послѣ боя?

„Сраженіе можетъ быть предпринято одной или обѣими сторонами, или произойти отъ случайнаго столкновенія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оно можетъ имѣть цѣлью или просто ослабить противустоящаго непріятеля и даже, по возможности, совсѣмъ уничтожить его; или сраженіе служитъ средствомъ для того, чтобы побудить противника къ дѣйствію, для него по современной обстановкѣ вредному; или, наконецъ, съ цѣлью воспротивиться такому дѣйствію противника, которое для насъ вредно. Сраженія первой изъ этихъ категорій назовемъ—сраженіями истребительными, а второй—сраженіями косвенными (Nebengefecht)“.

Дѣло 14 августа, очевидно, принадлежало ко второй категоріи, такъ какъ пруссаки дѣйствительно имѣли прямую цѣль „побудить французовъ къ дѣйствію, вредному для нихъ по современной обстановкѣ“. Поэтому дѣло 14 августа для обѣихъ сторонъ какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ, должно было быть проникнуто стратегическимъ его значеніемъ.

Стратегическою цѣлью боя со стороны пруссаковъ, единственно оправдывающею ихъ наступленіе 14 числа, было замедлить переправу французовъ черезъ Мозель. Французы же были въ полномъ ходу своей стратегической операціи—переправы за рѣку,—и дѣло ихъ было не поддаваться искушеніямъ боя и, по возможности, не прерывать своей переправы.

Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то выходитъ, что пруссакамъ 14 августа не только не было выгодно тѣснить французовъ на переправы, но что они, наоборотъ, вѣрнѣе достигли бы своей цѣли, если-бы имъ удалось, отступая подальше назадъ, увлечь за собою хотя-бы часть французской арміи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, какъ мало умѣстно со стороны пруссаковъ хвастать тутъ захватомъ части поля сраженія. Очевидно, что если-бы французы, не перерывая по флангамъ переправы, скорѣе отошли за форты и въ центрѣ, то пруссаки выиграли бы пространства еще болѣе, пожалуй номинально и „съ боя“, но дѣло, по существу, было бы ими проиграно, т. е. цѣль задержать французовъ не была бы достигнута и всѣ понесенныя ими жертвы напрасны.

Это-же доказательство можетъ быть примѣнимо и обратно къ французамъ, которые въ данномъ случаѣ могли только потерять, увлекаясь безцѣльнымъ для нихъ боемъ, а еще больше—преслѣдованіемъ пруссаковъ, если-бы французы отбросили противника.

За всѣмъ тѣмъ, стремленіе пруссаковъ задержать отходящихъ французовъ посредствомъ боя нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ: плодомъ вѣрной оцѣнки общей современной обстановки. Послѣдствія показали, что цѣль эта была вполнѣ достигнута. Но такъ

какъ благопріятный для пруссаковъ исходъ могъ отчасти зависѣть и отъ ошибокъ противника, на которыя впередъ никогда расчитывать не слѣдуетъ, то спрашивается: были ли расчеты пруссаковъ безусловно раціональны, и не былъ ли рискъ съ ихъ стороны слишкомъ значителенъ? Однимъ словомъ, обязаны ли пруссаки успѣхомъ своимъ слѣпому счастью, или-же онъ обезпеченъ былъ вполнѣ цѣлесообразными дѣйствіями?

Если-бы французы, не принимая боя, какъ уже замѣчено, спокойно отошли за форты, то цѣль пруссаковъ не была бы достигнута; то же самое случилось-бы если-бы французы задержали пруссаковъ только своими аріергардами, или же, удерживаясь въ центрѣ на мѣстѣ или съ постепеннымъ отступленіемъ, своевременно между тѣмъ отходили по флангамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ для пруссаковъ не было бы конечно успѣха; слѣдовательно пруссаки рисковали извѣстными потерями; но безъ подобнаго риска не мыслимо на войнѣ ни одно предпріятіе.

Точно также, если-бы, на оборотъ, французы, пользуясь своимъ превосходствомъ силъ, большими массами перешли въ рѣшительное наступленіе, то они вѣроятно смяли бы и погнали вцѣпившихся въ нихъ пруссаковъ. Но за позднимъ временемъ французамъ въ тотъ день уже нельзя было воспользоваться своею побѣдою. Пруссаки же, рядомъ съ своей тактической неудачей или, вѣрнѣе, вслѣдствія ея праздновали бы крупную стратегическую побѣду надъ французами, отвлекши послѣднихъ отъ предпринятой ими переправы черезъ Мозель.

Наконецъ, возможная тактическая неудача пруссаковъ, независимо поздней-поры дня, не могла быть слишкомъ тяжела для нихъ, хотя-бы потому, что въ дѣло они ввели небольшія силы пѣхоты, которыя въ добавокъ при отступленіи нашли бы себѣ хорошую опору въ многочисленной и отлично дѣйствовавшей артиллеріи.

Оффиціальная прусская исторія войны [1]) высказывается въ этомъ отношеніи слѣдующимъ образомъ: она прежде всего отдаетъ полную справедливость быстрой рѣшимости частныхъ начальниковъ и ихъ чувству товарищества, находя въ послѣднемъ залогъ большихъ успѣховъ; но тѣмъ не менѣе исторія добавляетъ, что не слѣдуетъ упускать изъ виду, что „импровизованная форма наступательнаго сраженія можетъ повлечь за собою разныя опасности, и въ этомъ именно отношеніи можно извлечь полезный урокъ изъ сраженія 14 августа“. Далѣе указывается, что „пруссаки сразу атаковали слабыми силами по слишкомъ широкому фронту, что повлекло за собою не одинъ критическій моментъ боя“.

[1]) Томъ 1, стр. 808.

Съ своей стороны позволю себѣ на это замѣтить, что растянутое положеніе аттакующихъ прусскихъ войскъ было, во первыхъ, прямымъ послѣдствіемъ наступленія трехъ частныхъ авангардовъ и, во вторыхъ, вполнѣ соотвѣтствовало цѣли—„задержать противника“. Болѣе сильные, т. е. массированные удары пруссаковъ неминуемо встрѣтили бы и болѣе упорное сопротивленіе французовъ, у которыхъ не было недостатка въ войскахъ; притомъ французы легко могли бы тогда охватить пруссаковъ неаттакованными частями своего фронта, какъ это и было намѣчено одною дивизіею корпуса Лямиро.

Будучи охвачены превосходными силами французовъ, пруссаки окупили бы свой стратегическій успѣхъ слишкомъ чувствительнымъ тактическимъ пораженіемъ. Напротивъ того, растянутымъ расположеніемъ своихъ силъ пруссаки связывали противника по всему его фронту и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняли себя отъ охвата. Если бы пруссаки въ этомъ растянутомъ положеніи и были отброшены фронтально, то послѣдствія неудачи во всякомъ случаѣ не были бы для нихъ слишкомъ опасны.

Вообще, если оставить въ сторонѣ всякія общія, ходячія формулы и правила и взглянуть на дѣло попроще, то нельзя не придти къ заключенію, что при данной обстановкѣ пространства и времени пруссакамъ, замѣтившимъ отступленіе французовъ, оставалось только одно изъ двухъ, а именно: или не теряя ни минуты аттаковать противника по всему его фронту, наличными, хотя бы и слабыми, силами, или же — не аттаковать вовсе.

Придерживаясь этого послѣдняго рѣшенія, приходится присоединиться къ мнѣнію генерала Штейнмеца, который журилъ своихъ подчиненныхъ не смотря на одержанную послѣдними побѣду. Однако оффиціальная прусская исторія этого не дѣлаетъ; она, правда, въ приведенныхъ выше словахъ какъ будто высказываетъ нѣкоторое, болѣе косвенное порицаніе частнымъ начальникамъ, предпринявшимъ наступленіе, но за то въ другихъ мѣстахъ высказывается совершенно иначе.

Прусская оффиціальная исторія, приводя мотивы, побудившіе генерала Гольца къ наступленію, говоритъ между прочимъ: „Попытка причинить возможный уронъ отходящимъ французамъ и замедлить предпринятое ими отступленіе оправдывалась, повидимому, общими военными правилами и даже положительно требовалась современнымъ стратегическимъ положеніемъ“ [1]). Это кажущееся противорѣчіе въ прусской исторіи объясняется тѣмъ, что въ од-

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 464.

номъ мѣстѣ говорится о невыгодныхъ для пруссаковъ тактическихъ условіяхъ боя 14 августа, а въ другихъ имѣется въ виду стратегическое его значеніе; а можетъ быть это легкое, болѣе косвенное порицаніе частныхъ начальниковъ 1ой арміи высказано для того, чтобы не брать прямо сторону подчиненныхъ противъ бывшаго ихъ начальника, генерала Штейнмеца.

Что прусская военная исторія или — что все равно — высшее прусское начальство — въ сущности вполнѣ одобряло дѣйствія частныхъ начальниковъ 1ой арміи въ день 14 августа, это видно изъ мастерскаго очерка тогдашняго положенія дѣлъ и значенія сраженія 14 августа, который нельзя пропустить [1]).

„Сраженіе при Колёмбэ — Нуйли въ порожденіи своемъ и развитіи имѣетъ характеръ наступательной импровизаціи; это плодъ вѣрнаго вдохновенія, причемъ во имя высшихъ цѣлей пришлось принять и многія неудобства“.

„Извѣстные войскамъ и частью ими же одержанные успѣхи при Вейсенбургѣ, Вертѣ и Шпихернѣ вызвали во всей нѣмецкой арміи большую самоувѣренность. При наступленіи отъ Саары къ Мозелю не разъ приходилось видѣть брошенныя непріятелемъ позиціи, видимо приготовленныя имъ къ оборонѣ. Это непрерывное отступленіе безъ всякаго отпора и задержки само по себѣ должно было вызвать въ нѣмцахъ чувство большаго превосходства и породить желаніе остановить оробѣвшаго, какъ казалось, непріятеля. Къ этому въ 1ой арміи присоединился еще вѣскій поводъ, а именно естественное желаніе облегчить задачу 2ой арміи, которая, какъ было извѣстно, должна была переправиться черезъ Мозель и броситься на путь отступленія противника; но 2ая армія по большей части находилась тогда еще по сю сторону рѣки, поэтому требовалось задержать непріятеля у Меца, чтобы, по возможности, замедлить движеніе противника къ западу“.

„Когда пополудни 14 числа замѣчены были признаки, что французы хотятъ отойти за Мозель, то перешедшими за Нидъ войсками овладѣло безпокойство. Принимая всякое передвиженіе въ сосѣднемъ корпусѣ за начало боя, каждый хотѣлъ поскорѣе поддержать другаго; въ донесеніяхъ генераловъ Мантейфеля и Гольца виднѣется одна и таже мысль: каждый стремится впередъ, думая, что другой идетъ въ сраженіе“.

Въ заключеніе разбора сраженія 14 августа еще разъ позволю себѣ указать на чисто стратегическое его значеніе. Стратегическія условія, такъ сказать, насквозь проникаютъ дѣло подъ Мецомъ

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 506—7.

14 августа; эти условія должны озарять всякое о немъ сужденіе своимъ особымъ свѣтомъ.

Во имя стратегическаго значенія боя 14 августа пришлось выше уже оправдать пруссаковъ, аттаковавшихъ французовъ „очень слабыми силами по весьма растянутому фронту".

Далѣе, нельзя было не порицать генерала Лямиро, который „пошелъ на выстрѣлы" и „спѣшилъ на выручку своимъ", то есть исполнилъ только то, что требуется общимъ ходячимъ правиломъ.

Наконецъ, такъ какъ французы имѣли цѣлью поскорѣе отойти за Мозель, то никакъ нельзя оправдать ихъ въ томъ, что они безъ надобности приняли бой передъ Мецомъ. Наоборотъ, если бы французы тогда-же рѣшили оставаться у Меца, не отступая пока къ Вердену, то они 14 августа непремѣнно должны были воспользоваться случаемъ, чтобы возможно большими силами и самымъ энергическимъ образомъ накинуться на аттакующихъ ихъ пруссаковъ, съ цѣлью нанести вредъ противнику и одержать пока хотя частный успѣхъ, который могъ имъ послужить вводомъ къ успѣхамъ болѣе крупнымъ.

Итакъ, примѣръ сраженія 14 августа воочію показываетъ, насколько начальники, ведущіе войска въ дѣло, должны сознательно умѣть взвѣсить: что собственно они предпринимаютъ, къ чему должны стремиться и чего избѣгать? Иными словами: „войсковые начальники прежде всего должны оцѣнить стратегическое значеніе боя, въ который они ввязываются". Но для подобной оцѣнки недостаточенъ рутинный взглядъ дюжиннаго начальника, привыкшаго обнимать просторъ, можно почти сказать, не шире своихъ фланговъ и не далѣе полета снарядовъ и забѣгать впередъ мыслью много — много до слѣдующаго ночлега. Для стратегической оцѣнки требуется знаніе дѣла, нуженъ взглядъ ясный и широкій.

Такимъ именно широкимъ и дальновиднымъ взглядомъ на дѣло отличались тѣ прусскіе начальники, которые имѣли случай заявить себя въ день 14 августа.

Дѣйствительно, первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи дѣйствія пруссаковъ съ точки зрѣнія изслѣдуемаго нами вопроса, это то, что мысленный кругозоръ частныхъ начальниковъ 1ой арміи хваталъ далеко за предѣлы ближайше поставленной каждому на время задачи и забѣгалъ много впередъ противъ скромнаго подчасъ служебнаго ихъ положенія. Никто изъ нихъ не довольствуется уединенною дѣятельностью въ узкой рамкѣ обыденной своей роли, никто не выдѣляетъ себя и свою часть изъ общаго живаго организма вооруженныхъ силъ своего отечества; напротивъ того, каждый частный начальникъ чувствуетъ себя однимъ изъ

живыхъ членовъ этого громаднаго организма; онъ дышетъ общею жизнью послѣдняго, чутко слѣдитъ за его потребностями и, наконецъ, смѣло и быстро, ни на что не оглядываясь, дѣйствуетъ во имя общей пользы, по крайнему разумѣнію, на личную свою отвѣтственность.

А разумѣніе это было полное, основанное на вѣрной оцѣнкѣ современной обстановки; это былъ плодъ глубокаго знанія своего дѣла и правильнаго военнаго воспитанія, которое, не убивая самостоятельнаго мышленія въ подчиненномъ и не стѣсняя духа смѣлаго въ немъ почина, напротивъ того развиваетъ и укрѣпляетъ знаніе и природныя способности каждаго.

Замѣченное тутъ только-что пришлось говорить уже и прежде въ той или иной формѣ по поводу другихъ предшествовавшихъ дѣйствій нѣмцевъ и пожалуй придется повторять еще неоднократно. Подобное повтореніе, однако, никакъ нельзя назвать излишнимъ, потому что нельзя не повторять какъ можно чаще истину, которая не вездѣ еще признана и оцѣнена по неизмѣримой ея важности. Подразумѣваю тутъ не признаніе на словахъ въ однихъ лишь учебникахъ или литературно-военныхъ статьяхъ, а „проведеніе на дѣлѣ во всѣхъ проявленіяхъ практической жизни армій“.

Перехожу къ нѣкоторымъ подробностямъ, исчисляя и группируя случаи самостоятельнаго почина частныхъ прусскихъ начальниковъ въ день 14 августа.

Командиръ 1го корпуса, генералъ Мантейфель, еще до полудня, сознавая, что во всякомъ случаѣ необходимо помѣшать начатому французами передвиженію, нетерпѣливо ожидаетъ приказанія наступать и изготовляетъ свои войска. Командиръ авангарда 7го корпуса, Гольцъ, узнаетъ о движеніи въ сосѣднемъ корпусѣ; онъ принимаетъ его за наступленіе и рѣшается вцѣпиться прямо въ противника. При другой обстановкѣ Гольцъ вѣроятно прежде справился бы, что собственно значитъ движеніе въ корпусѣ Мантейфеля, но тутъ онъ, видимо, настолько проникнутъ былъ вѣрною въ основаніи мыслью о необходимости наступленія, что замѣтя движеніе, убѣжденъ былъ именно въ наступленіи 1го корпуса. Затѣмъ Гольцъ уже не колебался ни минуты, расчитывая, что во всякомъ случаѣ товарищи его не оставятъ.

Итакъ, по обстоятельствамъ, ни Мантейфелю, ни Гольцу не пришлось быть тутъ первымъ; никто изъ нихъ не взялъ на себя прямо и сознательно юридическую, если такъ можно выразиться, отвѣтственность за начало боя; никто не былъ собственно зачинщикомъ; однако каждый, будучи проникнутъ мыслью, что надо задержать противника во что бы то ни стало, ухватился за первую причину,

чтобы не сказать — за первый предлогъ для своего наступленія. А предлогъ этотъ былъ нелишній въ виду высказаннаго мнѣнія Штейнмецомъ, что „надо держаться оборонительно".

Начальникъ дивизіи, генералъ Глюмеръ, получивъ донесеніе о наступленіи Гольца и намѣреваясь поддержать его другою своею бригадой, послалъ испросить на то разрѣшеніе командира корпуса, Цастрова; но одновременно, въ ожиданіи отвѣта, пошелъ впередъ съ этою-же бригадою. Дивизія Камеке двинулась между тѣмъ впередъ на поддержку по первому извѣщенію со стороны Гольца.

Командиръ 7го корпуса, Цастровъ, съ своей стороны, не желалъ наступать въ противность указаній командира арміи, но выше этихъ указаній, имѣвшихъ одностороннее только значеніе, Цастровъ ставилъ требованія современной обстановки. Дѣйствительно, Штейнмецъ высказался, что надо держаться оборонительно и отнюдь не наступать, то есть не начинать боя.

Распоряженіе старшаго начальника, т. е. Штейнмеца, было безусловно обязательно и исполнимо до тѣхъ поръ, пока бой не начинался; но разъ возгорѣлось сраженіе (все равно по какой-бы то ни было причинѣ), оставалось только дѣйствовать по обстоятельствамъ, а именно — прекратить бой, если это еще возможно, въ противномъ-же случаѣ дѣйствовать самостоятельно, согласно требованіямъ новой обстановки, не предвидѣнной въ приказаніяхъ старшаго начальника. И вотъ Цастровъ отправляется впередъ для рѣшенія этого вопроса, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ остальнымъ частямъ корпуса, корпусной артиллеріи и дивизіи Камеке, подойти поближе къ полю сраженія. Приказаніе это, какъ сказано, застало дивизію Камеке уже въ движеніи по собственному почину ея начальника.

Самъ Штейнмецъ не поступилъ много иначе. Онъ немедля принялъ мѣры къ продолженію сраженія, лишь только бой завязался нешуточный.

Начальникъ 18ой пѣхотной дивизіи отъ 2ой арміи, генералъ Врангель, тоже спѣшитъ на выручку съ своею дивизіею. Еще раньше Врангеля имѣли возможность вѣрно оцѣнить обстановку полковникъ Альвенслебенъ (командиръ уланскаго полка отдѣльной 1ой кавалерійской дивизіи) и начальникъ авангарда Врангеля, Брандштейнъ, которые оба докладывали Врангелю о необходимости наступленія во флангъ французамъ, сражавшимся передъ Мецомъ; они-же вѣрно указали направленіе для наступленія 18ой дивизіи.

Наконецъ, обѣ кавалерійскія дивизіи, 1ая и 3^ья^, бывшія на флангахъ 1ой арміи, приняли въ дѣлѣ посильное участіе: первая дѣйствовала въ началѣ одна и потомъ съ авангардомъ 18ой дивизіи,

а другая пристроилась къ правому флангу 1го корпуса и приняла участіе въ бою посредствомъ своей артиллеріи; части 1ой кавалерійской дивизіи, кромѣ того, поддерживали связь между вступающими въ дѣло частями Врангеля и 7^мъ корпусомъ.

Если командиръ 8го корпуса, Гебенъ, не поддержалъ сражавшихся прямо отъ себя по первому требованію, то онъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду не одно лишь общее приказаніе Штейнмеца „держаться оборонительно“, но въ особенности то обстоятельство, что корпусъ его считался резервомъ 1ой арміи.

Резервъ всегда долженъ быть въ распоряженіи старшаго начальника, который безъ него не можетъ управлять ходомъ дѣла. Поэтому Гебенъ послалъ за разрѣшеніемъ къ командиру арміи. При другой обстановкѣ, въ случаѣ крайности, Гебенъ вѣроятно распорядился бы и прямо отъ себя, не ожидая разрѣшенія; но онъ, предполагая, что аттакуютъ французы, расчитывалъ, что начиная дѣло въ столь позднюю пору дня, непріятель ничего важнаго въ виду не имѣетъ, или же, что онъ ничего серіознаго въ тотъ еще день исполнить не въ состояніи. Что Гебенъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ совершенно сознательно, на основаніи своего убѣжденія, а не по недостатку самостоятельности, доказывается тѣмъ, что онъ, получивъ около 9 часовъ вечера запоздалое приказаніе Штейнмеца „идти впередъ“, сумѣлъ сберечь свои войска отъ безполезнаго уже ночнаго перехода и напраснаго утомленія. Гебенъ остался на своемъ мѣстѣ.

Помянутое рѣшеніе Гебена было вполнѣ раціонально; самъ онъ, наблюдая за ходомъ боя съ высотъ Пляпвиль, видѣлъ, что сраженіе на этотъ день кончено. А если-бы даже бой на слѣдующее утро возобновился, то и тогда лучше бы было, выступивъ нѣсколько раньше, прибыть на мѣсто со свѣжими и бодрыми войсками, нежели предпринимать безцѣльное, пока, ночное передвиженіе, лишая солдата сна и устроеннаго уже бивачнаго мѣста.

Точно также и командиръ 7го корпуса, поздно получивъ приказаніе Штейнмеца „отойти на прежнія мѣста“, остался съ своимъ корпусомъ на полѣ сраженія, избѣжавъ утомительнаго ночнаго перехода и всѣхъ неудобствъ и замѣшательствъ, которыя были-бы сопряжены съ отходомъ въ темнотѣ войскъ, разстроенныхъ и перемѣшанныхъ жаркимъ боемъ.

Рѣшенія Цастрова и Гебена, хотя и отмѣнявшія приказанія командира арміи „по буквѣ“, были однако одобрены Штейнмецомъ, такъ какъ въ германской арміи приказанія исполняются „по духу и существу“, а не по наружной ихъ формѣ.

Отдавая приказаніе Гебену „подойти впередъ“, Штейнмецъ желалъ имѣть поближе готовый резервъ, въ виду горѣвшаго еще

тогда боя. Слѣдовательно, Гебенъ разсудилъ правильно, что резервъ дѣлался излишнимъ, коль скоро сраженіе уже кончилось.

Если-бы въ прусской арміи считалось нужнымъ водить частныхъ начальниковъ на помочахъ, то Штейнмецъ, пославъ Гебену приказаніе идти отъ Біонвиля къ Варизъ, естественно послалъ бы потомъ другое, то есть отмѣняющее приказаніе „оставаться у Біонвиля“, а тогда, при буквальномъ исполненіи каждаго изъ этихъ приказаній, легко могло случиться, что войска Гебена всю ночь безъ толку ходили-бы взадъ и впередъ между обоими указанными пунктами.

Точно также, отдавая приказаніе Цастрову „отойти назадъ“, Штейнмецъ имѣлъ въ виду уклонить 7ой корпусъ отъ опаснаго по его мнѣнію сосѣдства французовъ. Но Цастровъ, находясь впереди, зналъ, что французы ушли, и что пока опасности нѣтъ. Къ утру же онъ отошелъ вовремя; а если-бы даже французы рѣшились напасть на Цастрова ночью, до его отхода, то войска 7го корпуса нашли бы себѣ опору въ свѣжихъ частяхъ 18ой дивизіи, прибывшихъ подъ конецъ дня 14 числа, не говоря о диверсіи со стороны Мантейфеля, который обѣщалъ поддержку и могъ распорядиться еще свѣжими, небывшими въ бою войсками.

Обращаясь собственно къ технической сторонѣ дѣла, нельзя не замѣтить, что и дѣло 14 августа доказываетъ отсутствіе прочно и правильно поставленной связи между разными прусскими колоннами. Приказанія и донесенія запаздывали, имѣвшіяся о сосѣдяхъ свѣдѣнія были неполны. Изъ описанія дѣла видно, что рядомъ дѣйствовавшія войска Гольца и Мантейфеля пошли въ бой подъ вліяніемъ далеко неточныхъ свѣдѣній о томъ что дѣлается у сосѣда. Гольцъ предполагалъ, что Мантейфель переходитъ въ наступленіе на отходящихъ французовъ, а Мантейфель, въ свою очередь, думалъ, что французы аттакуютъ Гольца. Далѣе, генералъ Цастровъ въ 5½ часовъ пополудни доносилъ изъ Колёмбэ, что „непріятель превосходными силами аттаковалъ авангардъ 1го корпуса“ [1]). Наконецъ, приказаніе Штейнмеца, чтобы остатокъ войскъ 8го корпуса перешелъ изъ Біонвиля въ Варизъ (по направленію къ полю сраженія), дошло до Гебена уже въ темнотѣ, около 9 часовъ вечера, почему и не было исполнено.

Ходъ дѣла 14 августа подтверждаетъ высказанное уже прежде, при обзорѣ обоихъ сраженій 6 августа, а именно, что „большая самостоятельность, признаваемая за частными начальниками, хотя и уменьшаетъ заботы общаго старшаго начальства по отношенію

[1]) „Исторія 1-ой арміи“, стр. 69.

къ деталямъ операцій, но зато взваливаетъ на него совершенно новую, крайне важную заботу — сохранить единство цѣли и дѣйствій, которое легко можетъ быть утеряно въ рукахъ многихъ, независимыхъ другъ отъ друга частныхъ начальниковъ, если каждый изъ послѣднихъ вздумаетъ или просто будетъ вынужденъ обстоятельствами дѣйствовать по своему".

Однимъ изъ средствъ для достиженія единства цѣли и дѣйствій будетъ, съ одной стороны, настоящая, правильная связь и обмѣнъ свѣдѣній между старшими и младшими и обратно, а съ другой — такое-же общеніе между независимыми сосѣдами. Наконецъ, въ критическіе періоды кампаніи старшимъ начальникамъ надо быть поближе передовыхъ войскъ. Если бы самъ Цастровъ или довѣренное отъ него лицо находилось у авангарда, подобно Мантейфелю, то легко можно было приостановить порывы Гольца, если они признавались несвоевременными. Точно также и генералу Штейнмецу легко было провести свои настоящія намѣренія, если бы онъ находился поближе передовыхъ своихъ войскъ [1]). Это было тѣмъ болѣе умѣстно, что въ виду обходнаго движенія 2ой нѣмецкой арміи, вся задача арміи Штейнмеца состояла, пока, въ наблюденіи „отходятъ ли французы назадъ или переходятъ въ наступленіе"; послѣднее ясно высказано въ королевскомъ приказаніи на 14 августа.

Остается коснуться еще послѣдняго и на этотъ разъ нѣсколько щекотливаго вопроса. Щекотливымъ онъ былъ въ свое время для прусскаго начальства на практикѣ и не переставалъ быть таковымъ даже для оффиціальной прусской исторіи войны, которая, видимо, старательно его избѣгаетъ. И не мудрено: ей пришлось-бы разсудить дѣло между начальникомъ, съ одной, и подчиненными съ другой стороны, коснуться вопроса объ авторитетѣ старшаго и высказаться противъ него же, нарушая, повидимому, основной принципъ, на коемъ зиждется всякій воинскій порядокъ, независимо мѣста и времени.

Оффиціальная прусская исторія войны весьма мѣтко называетъ сраженіе 14 августа съ своей точки зрѣнія „наступательною импровизаціею, внушенною правильнымъ чувствомъ" (вдохновеніемъ) [2]). Этимъ чувствомъ и были одушевлены прусскіе генералы, начавшіе дѣло; но недоступно было оно Штейнмецу, который порицалъ сво-

[1]) Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что Штейнмецъ такъ и поступилъ 17 августа, наканунѣ Гравелётскаго боя, когда рѣшено было недопустить 17 числа до преждевременнаго сраженія.

[2]) „Оффиціальная прусская исторія", т. 1, стр. 507.

ихъ подчиненныхъ даже послѣ окончанія сраженія, въ виду несомнѣннаго тогда успѣха.

По мѣрѣ хода настоящаго изслѣдованія выяснилось уже, что подчиненные должны развивать и дополнять приказанія начальника; они, очутившись вдругъ въ совершенно новой, непредвидѣнной приказаніями старшаго обстановкѣ, могутъ даже замѣнить старшаго начальника, распорядиться, такъ сказать, отъ его имени, но всегда „въ предѣлахъ его дѣйствительныхъ, общихъ намѣреній“, или по крайней мѣрѣ „въ его духѣ“. Слѣдовательно, между старшимъ и подчиненными должно существовать единство мысли и убѣжденій. Подобное единство въ каждомъ частномъ случаѣ вовсе не есть дѣло случая; оно просто плодъ достаточнаго выясненія общихъ цѣлей и намѣреній, а главное — продуктъ „одинаковаго знанія дѣла“.

Невозможно за симъ допустить, чтобы подчиненные начальники развивали и проводили на дѣлѣ свои совершенно независимые мысли и планы, несогласованные съ намѣреніями и взглядами старшаго начальника. Допустить что-либо подобное значитъ поставить хаосъ единичныхъ стремленій на мѣсто стройнаго порядка, проникнутаго одною мыслью и одною волею старшаго начальника. А если это такъ, то поневолѣ спрашивается: какъ быть въ случаѣ подобномъ настоящему, въ коемъ, съ одной стороны, пришлось бы поддержать авторитетъ старшаго, а съ другой — признать резонъ за подчиненными? Конечно, тутъ не идетъ рѣчь о единичныхъ разногласіяхъ, то есть о разницѣ во взглядахъ въ единичныхъ частныхъ вопросахъ, но о томъ именно случаѣ когда старшій въ знаніи дѣла видимо отсталъ отъ своихъ подчиненныхъ.

Отвѣтъ находимъ въ сухо-фактическомъ дальнѣйшемъ описаніи войны. Черезъ нѣсколько дней послѣ 14 августа, генералъ Штейнмецъ со своею арміею подчиненъ былъ принцу Фридриху-Карлу, не смотря на то, что въ то время сформирована была новая нѣмецкая, такъ называемая, армія Мезы. По сдачѣ же Меца, Штейнмецъ, бывшій командиръ 5 прусскаго корпуса, побѣдитель при Скалицахъ, герой 1866 года, проложившій тогда пруссакамъ путь въ Богемію, оставилъ командованіе арміею и совершенно сошелъ съ исторической арены: олицетвореніе поговорки:

„Tel brille au second — qui s'eclipse au premier“.

IX.

Слабая Кавалерійская подготовка обхода Меца со стороны нѣмцевъ.

Обоюдное положеніе послѣ сраженія 14 августа. Нѣмцамъ необходимо знать что дѣлается за Мецомъ; средство для этого — своевременный кавалерійскій поискъ за Мозель. Значительное наличное количество нѣмецкой конницы для отдѣльныхъ дѣйствій. Распоряженія главной королевской квартиры въ видахъ поиска за Мозель; онѣ неполны и ненастоятельны; не поняты и не оцѣнены нѣмецкими начальниками: въ 1ой арміи не сдѣлано ничего, а во 2ой — недостаточно.

Дѣло подъ Мецомъ 14 августа закончило собою первый періодъ франко-германской войны и подготовило послѣдующій.

Французская армія, выступившая въ походъ съ лозунгомъ „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“, отброшена теперь во внутрь собственной территоріи. Меньшая часть ея собиралась у Шалона, другая, бо́льшая — уходила за Мозель. Рейнская армія императора Наполеона III потеряла даже право на свое названіе.

Горько было разочарованіе французовъ, но и нѣмцы далеко еще не достигли всего того на что расчитывали.

Правда, что пять французскихъ дивизій на голову разбиты нѣмцами у Верта и увлекли съ собою другія, нетронутыя 4½ дивизіи корпусовъ 5го, Фальи, и 7го, Феликса Дуэ. Но за всѣмъ тѣмъ главная французская масса — армія Базена въ цѣлости ускользала за Мозель. Только авангардъ ея — корпусъ Фроссара, потерпѣлъ неудачу у Форбаха, чувствительную не столько въ матеріальномъ отношеніи, сколько невыгоднымъ нравственнымъ впечатлѣніемъ. Но это именно впечатлѣніе, вѣроятно, и предохранило главныя французскія силы отъ подобнаго Вертскому опрометчиваго столкновенія съ превосходными силами нѣмцевъ.

„Плоды побѣды 14 августа надо пожать по ту сторону Меца“ гласили директивы короля Вильгельма въ день 15 августа.

Туда, за Мозель, стремились теперь войска нѣмецкихъ армій и мысли ихъ начальниковъ. Тамъ, за рѣкою, находились главныя силы французовъ — „стратегическій предметъ дѣйствій“ нѣмцевъ, указанный еще въ мемуарѣ Мольтке 1868 года. Наступалъ теперь моментъ попытаться исполнить завѣтную мысль нѣмецкаго стратега, то есть „оттѣснить французовъ отъ сообщеній съ Парижемъ и прижать ихъ къ сѣверу“.

Исполнительный маневръ, начатый послѣ Шпихернскаго боя, близился теперь къ развязкѣ. Нѣмцы, видимо не теряя минуты, спѣшили исполненіемъ, но окончательный исходъ ихъ усилій все-таки всецѣло зависѣлъ отъ современнаго положенія французовъ.

Французы при двйженіи отъ Меца къ Вердену могли пользоваться двумя шоссейными дорогами: первая, болѣе южная, пролегала черезъ Резонвиль и Марсъ-ля-Туръ (Rezonville, Mars la Tour), другая, болѣе сѣверная,—черезъ Донкуръ и Конфлянъ (Doncourt, Conflans). Кромѣ того существовалъ еще третій, болѣе сѣверный и кружный путь на Бріей (Briey), выходящій на помянутый сѣвѣрный путь у Этена (Etain).

Рождался прежде всего вопросъ: отходятъ ли вообще французы за Мецъ? А если отходятъ, то по какимъ путямъ, и много-ли успѣли они уже въ своемъ отступленіи? Вопросы эти дѣлались теперь роковыми для обѣихъ сторонъ. Нѣмцамъ во что-бы то ни стало надо было знать что дѣлается за Мозелью, позади Меца? Очевидно, что добыть требуемыя свѣдѣнія можно было только посредствомъ своевременныхъ обширныхъ кавалерійскихъ поисковъ.

Обѣ нѣмецкія арміи, 1ая и 2ая, вмѣстѣ взятыя, имѣли на лицо 220 эскадроновъ конницы противъ 116 эскадроновъ арміи Базена, причемъ не надо забывать и того, что нѣмецкіе эскадроны слѣдуетъ считать въ 125 наличныхъ коней, а французскіе только въ 100.

Изъ нѣмецкой конницы, независимо конныхъ полковъ бывшихъ въ составѣ пѣхотныхъ дивизій, имѣлось для отдѣльныхъ дѣйствій 6 кавалерійскихъ дивизій (въ томъ числѣ гвардейская прусская и саксонская), всего 136 эскадроновъ при 36 конныхъ орудіяхъ; число послѣднихъ могло быть значительно усилено изъ корпусныхъ артиллерій, въ коихъ находилось болѣе 100 конныхъ орудій, независимо поименованныхъ 36, бывшихъ постоянно въ составѣ отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій.

И такъ, средствъ для исполненія обширныхъ кавалерійскихъ поисковъ было у нѣмцевъ очень много, а времени для подготовки вполнѣ достаточно, такъ какъ потребность въ поискѣ за Мецъ явилась не случайно и не вдругъ, а напротивъ того, она была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обходнаго маневра, предпринятаго нѣмцами немедленно послѣ Шпихернскаго дѣла.

Посмотримъ теперь въ какой именно мѣрѣ нѣмцы для поисковъ своихъ за Мозель, въ тылъ Мецу, воспользовались временемъ съ 6 по 15 августа и наличными своими средствами.

Первый слѣдъ соотвѣтственныхъ распоряженій находимъ только въ королевскомъ приказаніи отъ 12 августа, данномъ 1ой и 2ой арміи на 13 число, въ коемъ относительно 1ой арміи сказано между

прочимъ: „кавалеріи рекогносцировать на Мецъ и перейти Мозель пониже крѣпости“, относительно же 2ой арміи значилось: „кавалерія развѣдываетъ за р. Мозель“; а въ слѣдующемъ распоряженіи, данномъ обѣимъ арміямъ на 14 число, выражено: „конницу обѣихъ армій выдвинуть возможно дальше впередъ, коей безпокоить вѣроятное отступленіе непріятеля по пути отъ Меца на Верденъ“ [1]).

Наконецъ, въ распоряженіяхъ на 15 число, данныхъ обѣимъ арміямъ еще до полученія въ главной королевской квартирѣ свѣдѣній о сраженіи 14 числа, по коимъ большинству корпусовъ обѣихъ армій назначена дневка,—по отношенію кавалеріи сказано: „дальнѣйшее наступленіе кавалеріи и въ особенности 3^й кавалерійской дивизіи не ограничивается [2]). Означенная дивизія, видимо, предполагалась тогда уже за Мозелемъ.

Факты доказываютъ, что всѣ эти королевскія повелѣнія не были оцѣнены начальствомъ 1ой нѣмецкой арміи въ мѣрѣ серіознаго ихъ значенія и существенной важности. По первому изъ нихъ довольствовались передачею въ 3^ю кавалерійскую дивизію, находившуюся ближе Мозеля, на правомъ флангѣ 1ой арміи, приказанія на 13 число: „3^ья кавалерійская дивизія идетъ на Аванси (Avancy), выдвигаетъ части на Мецъ и Вижи (Vigy) и пытается переправить за Мозель партіи для того, чтобы видѣть что тамъ находится [3]).

Тутъ прежде всего бросается въ глаза то, что положительное, широкое приказаніе, полученное изъ главной королевской квартиры: „кавалеріи рекогносцировать на Мецъ и перейти Мозель“, при передачѣ его штабомъ 1ой арміи въ 3^ю кавалерійскую дивизію, обратились въ условное и совершенно съежилось въ объемѣ выраженіями: кавалерія „пытается“ и переправить „партіи“.

Дѣйствительно, по королевскому повелѣнію, предоставлялось, видимо, командиру 1ой арміи перебросить за Мозель хотя-бы цѣлую кавалерійскую дивизію, пожалуй и обѣ. По приказанію же генерала Штейнмеца 3^я кавалерійская дивизія могла и ничего не сдѣлать. Почти такъ она и поступила, подъ предлогомъ, что на рѣкѣ не оказалось судовъ для переправы. Такимъ образомъ раціональная мысль и воля главнаго начальника затерялись совершенно безслѣдно — точно двигающая сила отъ тренія плохо расчитанной машины.

Только одинъ разъѣздъ 3^ей кавалерійской дивизіи, отыскавъ судно, переправился за Мозель у Оконкуръ (Hautconcourt, на лѣвомъ бе-

---

[1]) Оба королевскія приказанія цѣликомъ помѣщены въ предыдущей главѣ.
[2]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 87.
[3]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 64.

регу Мозели), не встрѣтивъ тамъ французовъ. Онъ узналъ по разпросамъ, что вообще на той сторонѣ Мозеля (къ сѣверу отъ Меца) французскихъ войскъ нѣтъ. Нѣмцы не попытались даже попортить пролегавшій тутъ-же (на лѣвомъ берегу Мозеля) рельсовый путь, соединяющій Мецъ съ Тіонвилемъ и далѣе съ Шалономъ и Парижемъ.

Оффиціальная прусская исторія войны по случаю бездѣйствія конницы 1ой арміи замѣчаетъ благодушно: „назначенныя главною квартирою большія“ (это слово подчеркнуто) „рекогносцировки на лѣвомъ берегу Мозеля должны были быть отмѣнены, потому что всѣ суда убраны были непріятелемъ“. Точно главная королевская квартира, отдавая свое приказаніе, расчитывала именно на французскія суда. Въ 1ой нѣмецкой арміи находились піонерныя войска и понтонные парки. Далѣе, была кажется и возможность переправы вплавь черезъ рѣку шириною 150 до 200 шаговъ; наконецъ въ Мозелѣ въ сухое время (какъ значится въ прусской оффиціальной исторіи войны) „открываются броды“, надо полагать не только для конницы, но даже и для пѣхоты [1]).

Приведенное выше замѣчаніе оффиціальной прусской исторіи въ дальнѣйшемъ его развитіи приводитъ прямо къ несообразности, а именно, что главная королевская квартира отдала такое приказаніе (перейти рѣку), которое вполнѣ зависѣло отъ услужливости французовъ. А потому замѣтку прусской исторіи надо признать не болѣе какъ неудачнымъ повтореніемъ отговорки подлежащихъ начальниковъ 1ой арміи, и можно быть твердо убѣжденнымъ, что главная королевская квартира, въ свое время, едвали осталась довольна подобною отговоркою; однако и она сама по этому дѣлу далеко не безупречна.

На первыхъ же порахъ послѣ Шпихернскаго дѣла ярко обнаружилось вообще неумѣніе начальства 1ой арміи пользоваться своими отдѣльными кавалерійскими дивизіями, равно какъ и отсутствіе особой предпріимчивости именно со стороны 3ей кавалерійской дивизіи. Относительно перваго обстоятельства въ предыдущей главѣ приведенъ рядъ напоминаній штабу 1ой арміи со стороны главной королевской квартиры, вызванныхъ бездѣйствіемъ обѣихъ кавалерійскихъ дивизій этой арміи, а послѣднее достаточно обрисовалось нежеланіемъ 3ей кавалерійской дивизіи оставить свое безопасное мѣсто за рѣкою Саарою и отказъ идти на флангъ 1ой

[1]) Въ другихъ мѣстахъ исторіи встрѣчаются впрочемъ указанія, что въ описываемый періодъ времени, вообще, вслѣдствіе дождей рѣка была полноводна; но этого именно аргумента прусская исторія войны не приводитъ. Вопросъ этотъ болѣе подробно разобранъ ниже, въ этой же главѣ.

арміи (опередившею уже дивизію), подъ предлогомъ, что „мѣстность тамъ лѣсиста“ [1]).

При такой обстановкѣ, главной королевской квартирѣ по отношенію подготовки а также исполненія набѣга за Мозель слѣдовало дать 1ой арміи приказанія самыя категорическія и достаточно своевременныя. Главная королевская квартира не должна была упускать изъ виду, что по меньшей мѣрѣ рискованно расчитывать на то, что подчиненные начальники (въ данномъ случаѣ командиры армій) сами отъ себя предупредятъ и подготовятъ исполненіе неполученныхъ еще приказаній, касающихся будущихъ дѣйствій, хотя-бы дѣйствія эти и проистекали изъ современной обстановки.

Доказательство тутъ подъ рукою. Выше было сказано, что даже по второму, уже прямому повелѣнію на 14 число „безпокоить непріятеля за Мозелемъ по дорогѣ въ Верденъ“, въ 1ой арміи не только ничего не было исполнено, но даже, повидимому, ничего и не приказано; по крайней мѣрѣ спеціальная исторія 1ой арміи, приводя приказаніе, данное 1ой кавалерійской дивизіи на 14 число, „наблюдать не направляются-ли французы изъ Меца къ югу противъ 2ой нѣмецкой арміи“ [2]), вовсе умалчиваетъ о распоряженіяхъ, касающихся 3й кавалерійской дивизіи. Точно также и 15 числа, по третьему, приведенному выше королевскому повелѣнію, очевидно, ровно ничего не исполнено и не предпринято. Очень можетъ быть, что произошло это отъ того, что не подумали раньше объ устройствѣ переправы.

Начальство 1ой арміи, до того, надо полагать, поглощено было ближайшею своею временною задачею (оберегать правый флангъ обходящей Мецъ 2ой арміи), что вначалѣ не предвидѣло, а потомъ вовсе упустило изъ виду распоряженіе о кавалерійскомъ поискѣ за Мозель, касающемся общихъ интересовъ всѣхъ нѣмецкихъ силъ, а между тѣмъ приказаніе это по цѣли своей забѣгало въ будущее лишь немного дней впередъ.

Дѣйствія 2й нѣмецкой арміи въ этомъ отношеніи были хотя и много лучше противъ 1й, но все-таки далеко ниже требованій современной обстановки.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ еще 12 числа направилъ на Мозель кавалерію Рейнбабена (двѣ бригады 5й кавалерійской дивизіи), которая утромъ 13 числа завладѣла Понтъ-а-Муссономъ.

Конница Рейнбабена за Мозелемъ не испытала въ этотъ день со стороны французовъ никакого сопротивленія; только прусскіе

---

[1]) Справедливость требуетъ оговорить, что дивизія состояла только изъ кирасирскихъ (два) и уланскихъ (четыре) полковъ; впрочемъ, имѣла конную батарею.

[2]) „Исторія 2-ой арміи“, стр. 41.

разъѣзды встрѣчались съ французскими конными егерями. Поискъ въ тылъ Мецу былъ теперь вполнѣ возможенъ, но Рейнбабенъ, имѣя всего 24 эскадрона, могъ не считать себя особо сильнымъ.

Королевское приказаніе на 14 число категорически указывало цѣль „безпокоить непріятеля по пути въ Верденъ“. Казалось-бы, что въ виду подобнаго приказанія и при данной современной стратегической обстановкѣ, вся свободная сверхъ крайнихъ надобностей кавалерія 2ой арміи, въ кратчайшій срокъ—еще 14 числа, должна была очутиться за Мецомъ (разстояніе отъ Понтъ-а-Муссонъ въ тылъ Мецу верстъ 20—30, и тогда отъ нея никакъ не могло ускользнуть то обстоятельство, что до 14 августа и въ теченіе этого числа ни одна часть французской арміи не проходила еще по путямъ, ведущимъ изъ Меца къ Вердену, изъ чего само собою слѣдовало, что вся армія Базена находится еще у Меца. Но прусская конница этого вовсе не раскрыла. Большой-же кавалерійскій поискъ за Мозель, указанный королевскимъ приказаніемъ на 14 число, не былъ своевременно подготовленъ, то есть, соотвѣтственно большая масса конницы не была въ свое время собрана и направлена за рѣку.

Нѣмцы въ 1ой и 2ой арміи, какъ уже сказано, имѣли налицо для стратегическихъ цѣлей 136 эскадроновъ, изъ конхъ (въ критическій моментъ 14 августа) къ рѣшительному пункту, то есть въ тылъ Мецу, они пододвинули черезъ Понтъ-а-Муссонъ только 24 эскадрона Рейнбабена, который въ теченіе 14 числа едва отчасти только освѣтилъ мѣстность, лежащую южнѣе ближайшаго изъ трехъ путей, соединяющихъ Мецъ съ Верденомъ. Вопросъ, прошли-ли французы по этому пути, двигаются-ли они по другимъ болѣе сѣвѣрнымъ дорогамъ — все еще оставался неразрѣшеннымъ. Даже самое сраженіе 14 августа мало подвинуло для нѣмцевъ дѣло разъясненія дѣйствительной обстановки. Стало только яснымъ, что впереди Меца, на правомъ берегу Мозеля, дрались со стороны французовъ довольно значительныя силы; но это могла быть или часть главной французской арміи, или только довольно сильный аріергардъ ея. Нѣмцы скорѣе опасались послѣдняго, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, быстрое отступленіе было именно въ интересѣ французовъ.

Позволительно думать, что нѣмцы, распорядившись своевременно, могли переправить черезъ Мозель отъ 1ой и 2ой арміи даже до ста эскадроновъ съ многочисленною конною артиллеріею, со спеціальною цѣлью дѣйствовать въ тылъ Мецу. Положимъ, что за Мозель было бы двинуто только 80 эскадроновъ, то и это представило бы массу не менѣе 10 тысячъ коней. За выдѣленіемъ этой кон-

ницы, у нѣмцевъ оставалось кавалеріи для другихъ цѣлей значительно болѣе нежели было вообще налицо въ арміи Базена.

Вся масса нѣмецкой конницы, назначенная для поиска за Мецъ, переправившись повыше и пониже Меца, должна была уже 14 числа стать на сообщенія этой крѣпости и пересѣчь или, по меньшей мѣрѣ, зорко наблюдать за всѣми дорогами ведущими отъ Меца къ р. Мезѣ (Meuse, по нѣмецки Maas).

Выше было уже сказано, что для поиска за Мозель 1^ю нѣмецкою арміей ровно ничего не сдѣлано, а такъ какъ единственнымъ предлогомъ или отговоркою въ этомъ случаѣ могла послужить трудность переправы черезъ р. Мозель, то стоитъ разобрать этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Въ рѣкѣ Мозелѣ существовали въ то время броды, извѣстные конечно и нѣмцамъ. Такъ напримѣръ, они расчитывали на бродъ повыше Тіонвиля (Диденхофенъ), при предпринятомъ нечаянномъ нападеніи на эту крѣпость, которое не состоялось по случаю бдительности французовъ. Внезапная прибыль воды въ Мозелѣ случилась только въ ночь съ 12 на 13 августа [1]). Но въ виду предшествовавшихъ дождей явленіе это хотя, какъ сказано, внезапное, тѣмъ не менѣе не должно было быть совершенно непредвидѣннымъ. Во всякомъ же случаѣ еще 12 августа была, кажется, полная возможность пользоваться бродами. Наконецъ нетрудно было перебросить черезъ рѣку военный мостъ. Если французы, лишившись своего понтоннаго парка, оставленнаго въ Форбахъ, все таки успѣли устроить у Меца военные мосты и начать свою переправу уже въ ночь съ 13 на 14 августа, то 1ая нѣмецкая армія и подавно могла переправить свою конницу никакъ не позже этого срока, и въ тотъ же еще день 14 числа сомкнуть кругъ позади крѣпости, войдя въ связь съ конницею 2ой арміи, которая въ свою очередь должна была ускорить свое наступленіе и явиться въ бо́льшихъ силахъ.

Такимъ могло и должно было быть положеніе дѣла еще 14 августа, а если такъ не случилось, то, съ точки зрѣнія изслѣдуемаго тутъ вопроса о починѣ и самостоятельности частныхъ начальниковъ, въ высшей степени интересно: по чьей собственно винѣ дѣло поставлено было у нѣмцевъ такъ неудовлетворительно?

Начнемъ съ дѣйствій конницы генерала Рейнбабена.

Рейнбабенъ имѣлъ налицо 24 эскадрона и 13 числа завладѣлъ переправою Понтъ-а-Муссонъ. Согласно общей диспозиціи по 2ой арміи на 14 число ему предписывалось [2]):

---

[1]) Базенъ, стр. 61.
[2]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 45.

„5ая кавалерійская дивизія наступаетъ завтра на плато между р.р. Мозелемъ и Мезою къ Тіокуръ и выдвигаетъ передовые разъѣзды въ сѣверномъ направленіи для наблюденія дороги изъ Меца въ Верденъ. Съ пункта Ле-Баракъ, восточнѣе Шамбле и плато къ сѣверо-западу отъ Горзъ, можно наблюдать эту дорогу“ [1]).

Когда же въ ночь на 14 число поспѣло приведенное выше приказаніе короля, „выдвинуть кавалерію возможно далѣе впередъ и безпокоить ею вѣроятное отступленіе непріятеля на Верденъ“, то для исполненія этого силъ у Рейнбабена оказалось не много. Тѣмъ не менѣе, можно было и непремѣнно слѣдовало еще 14 же августа попытаться пересѣчь дальними развѣдками хотя двѣ главнѣйшія и прямыя дороги изъ Меца въ Верденъ, а именно — одну ведущую на Резонвиль и Марсъ-ля-Туръ, другую — на Конфлянъ и Донкуръ. Разстояніе отъ Понтъ-а-Муссона до Резонвиля до трехъ миль (верстъ 20), а до Конфлянъ — мили 4; отъ Тіокуръ же до Конфлянъ всего 3 мили.

Если бы прусскіе разъѣзды еще 14 числа достигли этихъ путей, то они могли бы убѣдиться, что французская армія по нимъ еще не отступала и что, слѣдовательно, болѣе нежели вѣроятно, что вся она еще у Меца, такъ какъ французская армія не могла отойти по одному лишь сѣверному пути на Бріей, да и не имѣла въ томъ надобности, располагая, пока, двумя болѣе прямыми дорогами на Резонвиль и Конфлянъ.

Такимъ образомъ нельзя не согласиться, что наличная за Мозелемъ нѣмецкая конница далеко не исполнила своей задачи въ томъ значеніи и размѣрѣ, какъ это повелительно требовалось современною стратегическою обстановкою. Нѣтъ нужды разбирать, произошло ли это отъ неисполнительности самой кавалеріи, или же отъ несоотвѣтственныхъ свыше приказаній. Впрочемъ, нельзя не признать, что данное Рейнбабену (только-что приведенное) приказаніе на 14 августа едва ли не ограничивало его роли наблюденіемъ „издали“ ближайшей дороги Мецъ — Верденъ „съ высотъ у Баракъ и у Горзъ“.

Сообразивъ все это, да и вообще сдѣланное, или вѣрнѣе не сдѣланное въ 1ой и 2ой нѣмецкихъ арміяхъ для своевременнаго поиска въ тылъ Мецу, позволительно сказать, что, по настоящему, значеніе поиска совершенно иначе могло быть понято, подготовлено и исполнено начальниками обѣихъ армій, и историческая критика въ извѣстной мѣрѣ вправѣ укорять ихъ въ слишкомъ малой или же неполной прозорливости. Повторяю, что историческая критика

---

[1]) Помянутыя тутъ названія пишутся: Thiaucourt, les Baraques, Chamblay, Gorze.

имѣетъ это право, потому что она служитъ военному искусству, а всякое искусство стремится къ идеалу.

Но полководецъ, стоящій лицемъ къ лицу съ прозаическою дѣйствительностью, по всей справедливости невправѣ ожидать, а еще менѣе — требовать, чтобы подчиненные его мыслью и дѣйствіемъ забѣгали впередъ въ видахъ достиженія общихъ будущихъ цѣлей, не всегда для нихъ вполнѣ ясныхъ. Достаточно если они раціонально и умѣло исполняютъ прямо имъ данныя задачи, а равно тѣ, которыя по обстоятельствамъ сами представляются самостоятельному ихъ рѣшенію.

Забота объ общихъ задачахъ лежитъ всецѣло на главнокомандующемъ и находится на прямой его отвѣтственности. Въ данномъ случаѣ отвѣтственность эта падаетъ на главную королевскую квартиру, тѣмъ болѣе, что изъ самой сущности предпринимаемаго маневра — переправы черезъ Мозель съ обходомъ Меца — проистекала необходимость своевременнаго появленія большой массы нѣмецкой конницы въ тылу этой крѣпости, хотя бы для предварительной ея блокады, впредь до смѣны пѣхотою, или же для преслѣдованія отступающихъ французовъ.

Между тѣмъ, изъ вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія, что распоряженія главной королевской квартиры о должномъ кавалерійскомъ поискѣ за Мозель были несвоевременны, то есть запоздалы и недостаточно настоятельны: это скорѣе намеки нежели положительныя приказанія.

Можно, пожалуй, допустить, что высшее нѣмецкое начальство, ограничиваясь такого вида распоряженіями, думало этимъ уважить самостоятельность командировъ армій; но въ такомъ случаѣ вѣрный въ основаніи своемъ принципъ примѣненъ былъ, если можно такъ выразиться, „слишкомъ академически-отвлеченно“; между тѣмъ какъ война, дѣло по существу своему самое практическое, обязана во всякомъ данномъ случаѣ считаться со всѣми условіями дѣйствительной современной обстановки.

Къ дѣйствительной обстановкѣ принадлежатъ и знаніе, умѣніе, наклонности и взгляды подчиненныхъ начальниковъ. Надо умѣть приказывать такъ, чтобы принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ проявлялся на дѣлѣ въ видѣ раціональной „самостоятельной дѣятельности частныхъ начальниковъ“, а никакъ не въ „самостоятельномъ бездѣйствіи“.

X.

Обоюдныя дѣйствія у Меца 15 августа и сраженіе при Віонвиль — Марсъ-ля-Туръ 16 августа.

Распоряженія нѣмцевъ на 15 августа и дѣйствія ихъ въ тотъ день. Нѣмецкая кавалерія за Мозелемъ не выясняетъ положенія дѣлъ. — Диспозиція по 2ой арміи и директивы главной королевской квартиры на 16 августа; существенная между ними разница. Настоящая причина неувѣренности нѣмцевъ. — Распоряженія маршала Базена и обоюдное положеніе въ ночь съ 15 на 16 августа. — Распоряженія у французовъ утромъ 16 августа. — Дополнительныя распоряженія нѣмцевъ на 16 число. — Описаніе поля битвы и предварительный очеркъ сраженія. — Описаніе сраженія 16 августа. — Опасное положеніе нѣмцевъ въ бою 16 числа было послѣдствіемъ промаховъ высшаго ихъ начальства; вывезли частные начальники. — Отличная дѣятельность частныхъ нѣмецкихъ начальниковъ; бездѣйствіе 9го прусскаго корпуса; подвигъ полковника Шенинга. Дѣйствительное значеніе дѣятельности начальства 2ой нѣмецкой арміи въ бою 16 августа [1]).

(Чертежъ 7-й).

Свѣдѣніе о дѣлѣ 14 августа и объ обстановкѣ, среди коей оно было закончено, не такъ скоро дошло до главной королевской квартиры и штаба 2ой нѣмецкой арміи. Измѣнившаяся и отчасти разъяснившаяся боемъ общая обстановка не могла быть еще принята въ расчетъ въ то время когда отдавались распоряженія на 15 августа. Поэтому приказанія дополнялись или отмѣнялись въ теченіе уже 15 числа, по мѣрѣ разъясненія обстоятельствъ, причемъ не обошлось безъ неизбѣжныхъ проволочекъ.

Первоначальныя распоряженія на 15 число изготовлены были 14 числа, подъ вечеръ, еще до полученія свѣдѣній о сраженіи подъ Мецомъ. Приказаніе, данное изъ главной королевской квартиры, разослано 14 числа въ 6 часовъ пополудни; въ немъ значилось:

„Наблюденія 1ой арміи противъ Меца не дали сегодня достовѣрнаго разъясненія о положеніи дѣлъ впереди этой крѣпости, а потому все еще возможно, что большая часть непріятельской арміи находится по сю сторону Меца“.

„Принимая затѣмъ во вниманіе, что арміи послѣ утомительныхъ маршей нуждаются въ отдыхѣ, который для нѣкоторыхъ

---

[1]) О дѣятельности французскаго начальства въ бою 16 августа сказано въ слѣдующей главѣ.

корпусовъ можетъ быть соединенъ съ бо́льшимъ обезпеченіемъ противъ возможныхъ наступательныхъ покушеній изъ Меца, Его Величество Король приказываетъ [1]): Головы 3го, 9го и 12го корпусовъ остаются на мѣстахъ; хвосты ихъ подтягиваются. Корпусамъ этимъ рано сварить пищу".

„1ая армія съ 1ымъ и 7ымъ корпусами тоже остается въ сегодняшнемъ расположеніи; 8ой корпусъ, за исключеніемъ части откомандированной на Буле, двигается къ Базанкуръ — Объ для болѣе близкой связи съ правымъ флангомъ 2ой арміи, чѣмъ и начинается необходимое впослѣдствіи передвиженіе 1ой арміи влѣво. Дальнѣйшее наступленіе кавалеріи, а въ особенности 3ей кавалерійской дивизіи, не ограничивается" [2]).

„А чтобы, между тѣмъ, точно выяснить положеніе дѣлъ безусловно необходимо наступать большими силами по лѣвому берегу Мозеля на непріятельскія комуникаціонныя дороги Мецъ—Верденъ. Для этой цѣли 2й арміи употребить всю конницу, находящуюся въ ея распоряженіи (свободную) на лѣвомъ берегу Мозеля, которую поддержать по направленію на Горзъ и Тіокуръ тѣми корпусами, которые первые перейдутъ за Мозель. Для этой же цѣли 3му корпусу уже завтра приготовить переправу пониже Понтъ-а-Муссона".

„2й корпусъ продолжаетъ движеніе въ принятомъ уже направленіи".

Донесеніе въ главную королевскую квартиру о сраженіи 14 числа и принятыхъ мѣрахъ доставлено было генераломъ Штейнмецомъ въ 14 на 15 августа во 2мъ часу ночи, а въ 6 утра 15 числа послѣдовалъ отвѣтъ [3]):

„Его Величество приказываетъ, чтобы 1ая армія сегодня удержала за собою мѣстность занятую вчерашнимъ боемъ насколько таковая не лежитъ подъ дѣйствительнымъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. 8ой корпусъ немедленно притянуть для поддержки 1го и 7го; корпусъ 9й, который уже вчера принималъ участіе въ дѣлѣ, будетъ притянутъ поближе къ полю сраженія".

Самъ король Вильгельмъ со своимъ штабомъ отправился изъ Эрни (Herny) на поле вчерашней битвы. Туда-же еще ранѣе короля прибылъ генералъ квартирмейстеръ арміи, Подбѣльскій, кото-

---

[1]) „Исторія 1-ой арміи", стр. 87—88. Помянутыя тутъ названія пишутся: Bazancourt, Aube.

[2]) Тутъ, видимо, указывается именно наступленіе 3-ей кавалерійской дивизіи за Мозелемъ, такъ какъ наступленіе прямо передъ фронтъ арміи по причинѣ близости Меца было или неисполнимо, или излишне въ виду конницы, бывшей и безъ того при пѣхотныхъ дивизіяхъ.

[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 514.

рый скоро убѣдился, что восточнѣе Меца не можетъ быть уже значительныхъ силъ французовъ. При такой обстановкѣ было желательно возможно скорѣе перебросить за Мозель и 1ю армію. На этомъ основаніи Подбѣльскій немедля послалъ указаніе въ 8ой корпусъ: двигаться на Орни (Orny), по направленію къ Мозелю; чѣмъ, въ сущности, по отношенію 8го корпуса возстановлялось приказаніе отъ 14 августа, данное для передвиженій 15 числа.

Король Вильгельмъ лично имѣлъ возможность убѣдиться въ справедливости заключеній Подбѣльскаго. Онъ и штабъ его съ высотъ Флянвиля наблюдали густыя облака пыли, которыя виднѣлись за Мецомъ. Ясно было, что французы находятся въ полномъ отступленіи. Но затѣмъ оставался еще неразъяснепнымъ весьма существенный вопросъ: въ какой мѣрѣ французы успѣли уже въ своемъ отступленіи? Виднѣется ли съ высотъ Флянвиля движеніе головныхъ ихъ частей, или-же наоборотъ — послѣднихъ отходящихъ отъ Меца эшелоновъ?

Въ $10^3/_4$ часовъ утра съ помянутыхъ высотъ отдано было приказаніе [1]):

„Его Величество король изволилъ лично убѣдиться въ томъ, что сегодня нѣтъ уже непріятеля впереди Меца, а потому нѣтъ болѣе надобности въ томъ, чтобы 1й и 7й корпуса подвинулись впередъ [2]). 1му и 7му корпусамъ непосредственно передано, чтобы они остановились и двинули впередъ только конницу для наблюденія за крѣпостью и для безопасности раненныхъ. 8ой корпусъ, насколько онъ уже въ движеніи, направляется на Орни, на что онъ получитъ непосредственное приказаніе“.

На основаніи этого Штейнмецъ возстановилъ свои приказанія, данныя имъ на 15 число, по коимъ, въ общемъ, армія передвигалась нѣсколько влѣво, споравливаясь такимъ образомъ съ успѣхомъ захожденія или вѣрпѣе фланговаго марша 2ой арміи, коей 1я армія, въ сущности, служила боковымъ авангардомъ.

Не обошлось безъ неудобствъ отъ перемѣны приказаній. 8ой корпусъ шелъ уже прямо впередъ, на западъ, направляясь къ полю сраженія, ближе къ Мецу, когда получилъ приказаніе идти на Орни (на юго-западъ), то есть въ обходъ Меца.

Въ то самое время 9й корпусъ, который, очевидно, не получилъ еще сообщенія объ отмѣнѣ, двигался къ Мецу (для поддержанія 1ой арміи), то есть на сѣверо-западъ. Корпуса 8й и 9й такимъ

---

[1]) „Исторія 1-й арміи“, стр. 89.
[2]) Это требовалось приведенною выше утреннею телеграммою Мольтке.

образомъ столкнулись и потеряли время пока, наконецъ, кое какъ распутавшись, расположились на ночь [1]).

Въ штабѣ 2ой нѣмецкой арміи въ теченіе дня 14 числа особо важныхъ свѣдѣній о непріятелѣ получено не было, равно какъ и распоряженій изъ главной королевской квартиры; почему, въ 6 часовъ пополудни того же дня, разослана на 15 число своя диспозиція, въ которой въ сущности приказывалось [2]):

„10й корпусъ сосредоточивается на лѣвомъ берегу р. Мозеля, прикрывая долину рѣки отъ стороны Меца".

„Гвардейскій корпусъ протягивается до Діелюаръ, авангардъ до Катръ-Ванъ" (на лѣвой сторонѣ Мозеля), „кавалерія его у Рожевиль въ связи съ 5ою кавалерійскою дивизіею распространяется подальше".

„4ый корпусъ идетъ на Кюстинъ, авангардъ и кавалерія—въ Марбашъ, и входитъ въ связь влѣво съ 3ею арміей".

„На лѣвомъ флангѣ, 3й корпусъ вмѣстѣ съ 6ю кавалерійскою дивизіей идетъ 15 числа въ Шемино" (на р. Сейль), „насколько не дошелъ еще туда сегодня".

„9му корпусу оставаться у Бюши, чтобы 15 числа быть подъ рукою на случай битвы по сю сторону Мозеля".

„2й корпусъ головною частью подходитъ къ Анъ-сюръ-Нидъ".

„Королевскій саксонскій 12й корпусъ достигаетъ Номени" (на р. Сейль) „головною частью и подтягиваетъ хвостъ на высоту Сольнь" [3]).

Согласно этимъ приказаніямъ 2я армія должна была тремя корпусами, общимъ фронтомъ, прочно утвердиться на Мозели отъ Понтъ-а-Муссонъ до Марбашъ. Къ правому флангу этого фронта подтягивались на рѣку Сейль еще два корпуса, 3й и 12й, для подготовки наступленія за Мозель, въ ближайшей окрестности Меца. Остальные два корпуса 2й арміи въ случаѣ надобности могли поддержать 1ю армію.

Уже послѣ разсылки помянутыхъ распоряженій дежурный постъ, стоявшій на замкѣ Муссонъ, донесъ вечеромъ, около 8½ часовъ, что съ 7 часовъ пополудни къ востоку отъ Меца виднѣется длинное облако пороховаго дыму, видимо, отъ жаркаго боя.

Съ своей стороны, 6я кавалерійская дивизія уже въ 5 часовъ пополудни слышала гулъ канонады и направила разъѣзды въ ея направленіи.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія", т. 1, стр. 517 и „Исторія 1-ой арміи", стр. 90.

[2]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 51.

[3]) Упоминаемыя тутъ названія пишутся: Quatre-Vents, Rogéville, Custines, Cheminot, Buchy, Han sur Nied, Nomeny, Solgne.

Наконецъ и командиръ 3го корпуса, находясь у Верни, разслышалъ канонаду. Онъ собралъ свою 5ую дивизію и корпусную артиллерію для поддержки сражавшимся; почему въ тотъ день до Шемино и не дошелъ [1]). Поддержку эту Альвенслебенъ кажется предполагалъ двинуть только на слѣдующее утро, расчитывая повидимому, что 14 числа засвѣтло она все равно не поспѣетъ.

Поименованное выше общее приказаніе для обѣихъ армій, данное изъ королевской квартиры еще 14 числа вечеромъ, получено въ штабѣ 2ой арміи уже во время ночи. Разнилось оно со сдѣланными уже по арміи распоряженіями только по отношенію трехъ правофланговыхъ корпусовъ, которымъ, впрочемъ, приказаніе передано непосредственно изъ королевской квартиры, а потому никакихъ дополнительныхъ распоряженій по 2ой арміи дѣлать не приходилось.

Далѣе, утромъ 15 числа въ штабѣ 2ой арміи получено слѣдующее приказаніе: [2])

„1й и 7й корпуса въ жаркомъ бою вогнали вчера въ Мецъ значительныя силы противника. Части 18ой дивизіи принимали въ этомъ участіе. 9ый корпусъ придвинется сегодня къ полю сраженія. Главная квартира пока предоставляетъ себѣ распоряженіе 3мъ корпусомъ. Преслѣдованіе по дорогѣ Мецъ — Верденъ имѣетъ особо-важное значеніе“.

На основаніи этой телеграммы передано въ 3ій корпусъ приказаніе „остановиться (предполагая, что онъ движется на Шемино), сварить пищу и ожидать приказаній изъ главной королевской квартиры“ [3]). Но пока приказаніе дошло до 3го корпуса, послѣдній уже прошелъ Шемино, и теперь, исполняя приказаніе, остановился возлѣ дорогъ между р.р. Сейль и Мозель.

Приказаніе принца Фридриха разошлось съ донесеніемъ командира 3го корпуса, генерала Альвенслебена, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что „онъ намѣренъ не только исполнить данную ему на 15 число задачу, то есть дойти до Шемино, но достигнетъ еще Мозеля; а если возможно, сегодня переправится на тотъ берегъ“. Къ такому рѣшенію побудилъ Альвенслебена результатъ сраженія предыдущаго дня, то есть извѣстный Альвенслебену отходъ французовъ въ Мецъ.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, отвѣчая Альвенслебену, выразилъ полное одобреніе воззрѣніямъ послѣдняго, но въ виду категорическаго приказанія королевской квартиры, подтвердилъ приказаніе —

---

[1]) „Исторія 2 арміи“, стр. 51—52.
[2]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, стр. 519.
[3]) „Исторія 2 арміи“, стр. 55.

остановиться. Это приказаніе захватило 3ій корпусъ на походѣ, уже на р. Сейль, почему войска корпуса стянулись на бивуакъ: одна дивизія къ Шемино, другая къ Померье (Pommerieux).

Между тѣмъ, какъ уже выше сказано, личная рекогносцировка короля Вилгельма совершенно измѣнила воззрѣнія главной его квартиры, почему въ 11 часовъ дня съ высотъ Флянвиля отправлено принцу Фридриху-Карлу слѣдующее приказаніе: [1])

„Французы совершенно вогнаны въ Мецъ и теперь вѣроятно въ полномъ отступленіи на Верденъ. Всѣ три корпуса (3й, 9й и 12ый) передаются въ неограниченное распоряженіе штаба 2й арміи; 12ый уже на походѣ въ Номени“.

На основаніи этой телеграммы 3му корпусу передано новое приказаніе „продолжать движеніе къ Мозелю“. Обѣ дивизіи корпуса, по большей части не окончивъ варки пищи, поднялись въ путь въ 5 часовъ пополудни. Онѣ перешли Мозель по постоянному мосту, не разрушенному французами, и частью по понтонному, который по причинѣ высокаго уровня воды въ рѣкѣ устроенъ былъ только для пѣхоты, такъ что большая часть кавалеріи, артилеріи и обозы 6ой кавалерійской дивизіи для ускоренія переправы направлены были кругомъ, черезъ Понтъ-а-Муссонъ. Наконецъ, между 12 и 1 часомъ ночи, войска 3го корпуса расположились бивуаками на томъ берегу Мозеля, выдвинувъ по баталіону съ эскадрономъ противъ Меца: одинъ въ долинѣ Мозеля а другой лѣвѣе, къ Горзъ (Gorze) [2]).

Всѣ эти подробности приводятся потому именно, чтобы показать насколько въ данномъ случаѣ для войскъ 3го корпуса было бы лучше, если бы Альвенслебену въ день 15 августа не помѣшали распорядиться по его собственному усмотрѣнію. Тогда, конечно, войска корпуса пришли бы на мѣсто раньше и были бы сыты; не говоря уже о томъ, что промедленіе въ занятіи переправы въ иномъ случаѣ могло дать непріятелю возможность преградить путь пруссакамъ, или, по меньшей мѣрѣ, уничтоженіемъ моста значительно замедлить ихъ переправу. Въ данномъ же случаѣ, какъ увидимъ изъ хода дѣла 16 числа, для нѣмцевъ все зависѣло именно отъ ускоренія переправы черезъ р. Мозель и наступленія на томъ берегу ея.

Альвенслебенъ былъ ближе поля дѣйствій 14 августа; онъ точнѣе и раньше главной королевской квартиры зналъ исходъ дѣла, а потому и рѣшеніе его было болѣе своевременно и цѣлесообразно.

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 520.
[2]) Тоже, стр. 521.

Примѣръ этотъ ясно показываетъ, насколько, при большей числительности нынѣшнихъ армій и при значительныхъ разстояніяхъ на коихъ разыгриваются дѣйствія, разумный починъ со стороны частныхъ начальниковъ является законнымъ и необходимымъ.

Прочія передвиженія войскъ 2ой арміи въ день 15 августа, въ общемъ, исполнены были по диспозиціи.

Свѣдѣнія доставленныя кавалеріею въ штабъ 2ой арміи въ теченіе 15 числа далеко не разъяснили положенія дѣлъ. Исторія 2ой арміи упоминаетъ о слѣдующихъ развѣдкахъ и ихъ результатахъ [1]).

Двѣ усиленныя развѣдки отъ 6ой кавалерійской дивизіи (по три эскадрона съ двумя орудіями каждая), направленныя на Мецъ, между р.р. Сейль и Мозель (по правому берегу послѣдней), нашли строющійся тогда еще фортъ Сенъ-Прива (St. Privat) равно и лагерь за нимъ оставленными французами. Прусская конница проникла даже въ предмѣстья Меца, Монтиньи и Сабліонъ, нашла тамъ продовольственные запасы безъ всякаго прикрытія и захватила четырехъ одиночныхъ французскихъ солдатъ.

Изъ донесеній же кавалеріи, развѣдывавшей на лѣвомъ берегу Мозеля (между Понтъ-а-Муссонъ, Горзъ и Мецомъ), оказалось, что почью слышно было большое колесное движеніе у Меца, по дорогѣ на Верденъ. У Гравелёта одинъ разъѣздъ наткнулся почью на французскіе аванпосты и слышалъ маршрующія войска.

Собственно Рейнбабену приказано было со своею вавалерійскою дивизіею идти 15 числа отъ Тіокура на Френъ (Fresnes, на сѣверо-западъ и верстъ почти 30 отъ Тіокура); оттуда повернуть къ востоку, по Верденской дорогѣ, по направленію на Мецъ.

Распредѣливъ соотвѣтственно свою дивизію, Рейнбабенъ нѣсколькими отрядами съ сильными поддержками подошелъ къ Верденской дорогѣ и повернулъ на нее недоходя Френъ. Тутъ пруссаки въ разныхъ пунктахъ наткнулись на довольно значительныя силы французской конницы. Это были части дивизіи Фортона. Дѣло окончилось канонадою въ окрестности Тронвиля (Tronville, близъ Марсъ-ля-Туръ), куда на выстрѣлы стянулись разные отряды Рейнбабена.

Въ часъ дня Рейнбабенъ доносилъ:

„Прибылъ въ полдень къ Тронвилю; наткнулся на непріятельскую конницу и превосходныя силы артиллеріи, которыя теперь отходятъ къ Мецу. Легкая кавалерія подвигается теперь ближе къ Мецу. Бригада Бредова вѣроятно скоро послѣдуетъ за нею.

---

[1]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 60—64.

Намѣренъ остановиться у Тронвиля или впереди, ближе къ Мецу. Связь съ 1^ою^ арміею еще не открыта".

Для этой связи, въ предположеніи, что и конница отъ 1ой арміи переправилась черезъ Мозель пониже (сѣвернѣе) Меца, отъ дивизіи Рейнбабена, бригады Бредова, направленъ былъ одинъ уланскій эскадронъ, который проникъ до другой сѣверной дороги изъ Меца въ Верденъ (на Допкуръ — Конфлянъ), а именно къ Жарни (Jarny). Пунктъ этотъ оказался занятымъ баталіономъ французской пѣхоты и значительнымъ отрядомъ конницы; это была часть дивизіи Бареля (du Barail). Прусскій эскадронъ отступилъ; на возвратномъ пути, въ Марсъ-ля-Туръ попался онъ въ засаду, устроенную французскими африканскими егерями и потерпѣлъ уронъ.

Дивизія Рейнбабена расположилась на ночь почти въ виду французовъ, по-бригадно, фронтомъ на Мецъ у Сюземонъ (Suzemont), на дорогѣ Мецъ — Верденъ и южнѣе ея у Пюксіэ и Ксонвиль (Puxieux, Xonville). Французскіе наѣздники смѣло подскакивали къ прусскимъ аванпостамъ и безпокоили ихъ до такой степени, что пруссакамъ неоднократно приходилось выдвигать противъ нихъ сомкнутые эскадроны. Бивуакъ прусской конной бригады Барби (Barby) у Пюксіэ, все время обстрѣливаемый дальнобойными карабинами французской конницы, былъ снятъ и отведенъ назадъ, на болѣе безопасное мѣсто [1]). Этотъ эпизодъ опять ярко выказалъ нераціональность тогдашняго вооруженія прусской конницы.

Обращаюсь къ задачѣ, въ какой мѣрѣ въ исходѣ 15 числа подвинулся для нѣмцевъ вопросъ о положеніи дѣлъ у французовъ?

Въ предыдущей главѣ подробно разобранъ вопросъ о кавалерійской подготовкѣ обходнаго движенія нѣмцевъ южнѣе Меца. Оказалось, что по запоздалымъ, въ сущности, королевскимъ приказаніямъ 12 и 13 числа къ ночи съ 14 на 15 августа ничего существеннаго не только не сдѣлано, но и вообще предпринято не было.

Въ теченіе 15 числа 6ая кавалерійская дивизія по правую сторону Мозеля раскрыла полное отступленіе французовъ за крѣпость Мецъ; этимъ 6ая дивизія вполнѣ разрѣшила свою задачу. Задачею же 5ой кавалерійской дивизіи, Рейнбабена, было раскрыть гдѣ именно находятся французы перешедшіе съ праваго берега Мозеля на лѣвый? Опредѣлить мѣсто нахожденія арміи Базена можно было или прямымъ прикосновеніемъ по всей линіи, или же, гораздо проще и вѣрнѣе, обслѣдованіемъ тѣхъ путей, по коимъ могли отойти французы отъ Меца.

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т. 1, стр. 528.

Въ теченіе дня 15 августа конница Рейнбабена, развлекаясь тактическими дѣйствіями, искала только прямаго прикосновенія съ французами, въ чемъ успѣла далеко не совершенно. Роковой вопросъ о мѣстѣ нахожденія арміи Базена не только не былъ разрѣшенъ, но, видимо, не былъ понятъ нѣмецкою конницею во всемъ его значеніи.

Кавалерія Рейнбабена въ теченіе дня стала прямо на южномъ отступательномъ пути французовъ, а къ слѣдующему послала эскадронъ на Жарни, собственно только для связи съ ожидаемою конницею 1ой арміи, которая, между тѣмъ, вовсе не переходила за Мозель. Помянутый эскадронъ вернулся отъ Жарни, не обслѣдовавъ, очевидно, самаго пути отъ Меца къ Вердену, съ цѣлью узнать — отступали ли по немъ французы и въ какомъ числѣ, хотя эскадронъ коснулся этого пути у Жарни. Далѣе, не видно, чтобы кавалеріею Рейнбабена дѣлались еще какія-либо попытки для обслѣдованія путей, по коимъ могли отходить французы, хотя лѣвофланговая бригада ея расположилась на ночлегъ у Сюземона, въ разстояніи верстъ 10 отъ Конфлянъ (средній путь) и верстъ 20 отъ Брісй, то есть отъ самаго сѣвернаго кружнаго пути, по коему французская армія могла отходить къ Вердену.

Если, такимъ образомъ, со стороны 5ой кавалерійской дивизіи не видно должнаго пониманія лежавшихъ на ней важныхъ обязанностей, то съ другой стороны, очевидно, что штабъ арміи не далъ ей прямыхъ указаній и напоминаній.

Штабъ 2ой нѣмецкой арміи, не получивъ въ теченіе 15 числа хотя приблизительно точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія арміи Базена, вывелъ только общее заключеніе, что французы отъ Меца отходятъ. Остальное пришлось дополнить собственными соображеніями.

Соображенія начальства 2ой нѣмецкой арміи повели къ предположенію, что французы, имѣя для отхода отъ Меца къ Вердену въ распоряженіи три дороги, воспользовались ими ночью съ 14 на 15 августа, чтобы отойти тремя корпусами, и что остальныя ихъ силы въ день 15 числа послѣдовали за ними; поэтому надо было спѣшить наперерѣзъ французамъ. Подъ этимъ-же общимъ впечатлѣніемъ, какъ уже замѣчено, двинуты были нѣмецкіе корпуса, задержанные временно въ началѣ дня 15 августа, которые и достигли мѣстъ назначенія. Наконецъ, на этомъ основаніи составлена была разосланная въ 7 часовъ вечера диспозиція по 2й арміи на 16 число слѣдующаго содержанія:

„Непріятель вчерашняго вечера аттакованъ былъ передъ Мецомъ частями 1ой арміи и 18ой пѣхотной дивизіи и отброшенъ въ крѣпость".

„Непріятель отступаетъ къ р. Мезѣ. 2ая армія безъ замедленія послѣдуетъ за непріятелемъ къ р. Мезѣ".

„3ій корпусъ исполняетъ подготовленную уже переправу черезъ Мозель, пониже Понтъ-а-Муссонъ, и черезъ Новэанъ-сюръ-Мозель и Горзъ достигнетъ завтра большой дороги Мецъ—Верденъ у Марсъ-ля-Туръ, или respective у Віонвиль. Штабъ корпуса, буде возможно, перевести въ Марсъ-ля-Туръ. 6ую кавалерійскую дивизію можно направить на ту же дорогу отъ Паньи черезъ Прэни и Тіокуръ. Если обозы не могутъ слѣдовать черезъ наведенный мостъ, то таковые могутъ пользоваться до 7 часовъ утра, но не долѣе, каменнымъ мостомъ у Понтъ-а-Муссонъ, и оттуда слѣдовать внизъ р. Мозеля, по дорогѣ на Новэанъ-сюръ-Мозель. Полевой мостъ 3го корпуса подъ соотвѣтственнымъ прикрытіемъ сохраняется пока для 9го корпуса или для блокады Меца".

„10ый корпусъ, который, предшествуемый кавелеріею, частью сегодня въ движеніи на Тіокуръ, продолжаетъ движеніе по дорогѣ на Верденъ, примѣрно до Сенъ-Илеръ—Мезерэ и возможно далѣе впередъ подтягиваетъ части корпуса, оставшіяся еще въ долинѣ Мозеля и у Понтъ-а-Муссонъ. Штабъ корпуса, если возможно, въ Сенъ-Илеръ. Кавалеріи рекогносцировать на Одіомонъ и Виніель".

„12ый королевско-саксонскій корпусъ идетъ завтра отъ Номеди черезъ Понтъ-а-Муссонъ; авангарды до Реньевиль-анъ-Ге, не доходя Тіокуръ, протягивая хвостъ до Понтъ-а-Муссонъ. Пунктомъ этимъ въ полной мѣрѣ воспользоваться для расквартированія войскъ и помѣстить штабъ корпуса. Кавалерійскую дивизію (саксонскую) направить къ Мезѣ на Виніель и южнѣе по черту на Бюксерюль. Она входитъ въ связь направо съ 5ою кавалерійскою дивизіею и налѣво съ гвардейскою".

„12ый корпусъ въ 7 часовъ утра можетъ переходить черезъ каменный мостъ и еще ранѣе черезъ военный мостъ".

„Гвардейскій корпусъ съ авангардомъ своимъ достигаетъ завтра Рамбюкуръ, а главными силами со штабомъ, (которымъ идти по дорогѣ на Виллеръ-анъ-Ге и Рожевиль) — Бернекуръ. Направленная впередъ конница вправо черезъ Бюксерюль входитъ въ связь съ саксонскою кавалеріей".

„4ый корпусъ направляетъ свой авангардъ отъ Марбашъ черезъ Сезерэ къ Жалльонъ. Корпусъ протягиваетъ хвостъ до Марбашъ и располагаетъ штабъ свой въ Ле-Сезерэ '.

„Въ сообщеніе съ 3ю арміею вступить черезъ Нанси. 9ый корпусъ идетъ завтра въ окрестности Силеньи, гдѣ расположить штабъ корпуса, чтобы на другой день слѣдовать за 3мъ корпусомъ на Горзъ, переправившись черезъ мостъ, устроенный этимъ корпусомъ у Новэанъ-сюръ-Мозель [1]).

„2ой корпусъ достигаетъ завтра головною частью Бюши, близъ Сольнь и, занявъ главную квартиру Его Величества Короля (Эрни), располагаетъ пѣхоту по возможности такъ, чтобы на другой день переправиться у Понтъ-а-Муссона. Главная квартира — Бюши".

---

[1]) Въ штабѣ 2-й арміи, видимо, было неизвѣстно, что 3-й корпусъ кромѣ полеваго моста пользовался еще и постояннымъ.

„Выдвинутымъ впередъ кавалерійскимъ дивизіямъ, по мѣрѣ подвиганія, рекогносцировать дороги до р. Мезы и переправы черезъ нее, имѣя въ виду, что 5ая кавалерійская дивизія рекогносцируетъ переправы Діезъ-сюръ-Мезъ и Женпкуръ для корпусовъ 10го, 3го и 9го; саксонской кавалерійской дивизіи — переправу у Бонинкуръ для 12го; а переправы у Сенъ-Міель, Понъ-сюръ-Мезъ и Коммерси рекогносцировать гвардейской кавалерійской дивизіи для корпусовъ гвардейскаго, 4го и 2го. Донесенія представить мнѣ возможно скорѣе“.

„Главная моя квартира остается завтра въ Понтъ-а-Муссонъ“.

„При усиленныхъ переходахъ, которые требуются положеніемъ дѣлъ, предоставляю корпусамъ распоряженіе о формированіи маршевыхъ ротъ изъ временно неспособныхъ къ походу людей, которыя, съ придачею соотвѣтственнаго числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, оставить въ видѣ гарнизоновъ въ главныхъ пунктахъ комуникаціонныхъ дорогъ, о чемъ сообщить генеральной этапной инспекціи, которая теперь въ Дельмъ, а съ 17 числа и послѣ—въ Понтъ-а-Муссонъ [1]).

„Смѣну этихъ гарнизоновъ и отправку за войсками исполнить генеральной этапной инспекціи. При этихъ гарнизонахъ оставить и неспособныхъ къ переходамъ лошадей съ коноводами“ [2]).

„Генералъ отъ кавалеріи“
(подписалъ) „Фридрихъ-Карлъ“.

Въ 6½ часовъ пополудни генералъ Мольтке послалъ командирамъ 1ой и 2ой арміи директивы для дѣйствій слѣдующаго, 16 числа; главное содержаніе ихъ было слѣдующее [3]):

„Пока еще не опредѣлены силы непріятеля, оставшіяся въ Мецѣ, 1ой арміи оставить одинъ корпусъ въ окрестности Курсель, который въ кратчайшій срокъ будетъ смѣненъ отрядомъ генерала Куммера, подходящаго отъ Саарлюи. Остальнымъ двумъ корпусамъ 16 числа занять линію Арри — Помеpіэ между р.р. Сейль и Мозель. Черезъ послѣднюю рѣку немедленно устроить переправу, если таковая не устроена 3мъ корпусомъ. О движеніяхъ 2ой арміи въ теченіе 15 числа ожидается скорое увѣдомленіе. Что же касается послѣдующихъ мѣропріятій, то въ общемъ замѣчается слѣдующее:

„Обстановка, при которой корпусами 1мъ и 7мъ, а также частями 18ой дивизіи одержана вчерашняго числа побѣда, исключала всякую возможность преслѣдованія. Плоды этой побѣды можно пожать только рѣшительнымъ наступленіемъ 2ой арміи на дороги изъ Меца, ведущія черезъ Френъ и Этенъ въ Верденъ. Предоставляется начальству этой арміи исполнить это наступленіе по собственному усмотрѣнію, всѣми въ распоряженіи его находящимися средствами“.

[1]) „Исторія 2-й арміи“, стр. 66—69.

[2]) Помянутыя тутъ названія пишутся: Novéant, Pagny, Prény, St.-Hilaire, Mayzeray, Haudiomont, Vigneulles, Regnéville en Haye, Buxerulles, Rambucourt, Villers en Haye, Bernécourt, Les Sezerais, Jaillon, Dieuse sur Meuse, Génicourt, St.-Mihiel, Pont sur Meuse, Commercy.

[3]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 531—32.

„Передовыя части 3й арміи достигли сегодня линіи Нанси—Домбаль—Баіонъ, кавалерія ея развѣдываетъ на Туль и южнѣе. Главная квартира Его Величества съ 5 часовъ пополудни завтрашняго числа будетъ находиться въ Понтъ-а-Муссонъ".

Директивы эти, разосланные изъ королевской квартиры, какъ сказано выше, въ 6½ часовъ пополудни, дошли до штаба 2й арміи въ 10½ часовъ, а до штаба 1ой арміи въ 11 часовъ вечера.

Во исполненіе этихъ приказаній послѣдовало по 1ой арміи распоряженіе, по коему она, въ общемъ, въ теченіе 16 числа должна была продолжать свое фланговое движеніе въ обходъ Меца. Во главѣ направлялся 8ой корпусъ; цѣлью движенія указано ему Арри (Arry) на Мозелѣ, нѣсколько болѣе 20 верстъ южнѣе Меца. За нимъ слѣдовалъ по тому-же направленію 7ой корпусъ, который долженъ былъ дойти до окрестностей Поммеріэ на р. Сейль, верстъ 18 отъ Меца. Движеніе это прикрывалось 1ю кавалерійскою дивизіею, которая въ видѣ боковаго авангарда шла къ Фэй (Fey, близъ переправы черезъ Мозель у Корни). Эта дивизія смѣняла тутъ 6ю кавалерійскую, которая до того содержала кордонъ противъ Меца. Корпусъ Мантейфеля переходилъ къ желѣзно-дорожной станціи Курсель, прикрывая большіе склады нѣмецкихъ армій; черезъ нѣсколько дней предполагали смѣнить его отрядомъ Куммера (Kummer), который 15 числа высаживался у Саарлюи, послѣ чего корпусъ Мантейфеля долженъ былъ слѣдовать за другими за Мозель. Пока же, 16 числа, 3я кавалерійская дивизія должна была содержать связь между 1мъ корпусомъ, Мантейфеля, и остальными 1ой арміи.

Что-же касается 2ой нѣмецкой арміи, то принцъ Фридрихъ-Карлъ еще въ 11 часовъ утра сообщилъ главной королевской квартирѣ о своихъ намѣреніяхъ на 16 число и, неполучивъ никакого оттуда увѣдомленія, въ 7 часовъ вечера разослалъ свою, приведенную выше диспозицію на 16 число. Поименованные директивы главной королевской квартиры получены въ штабѣ 2ой арміи только въ 10½ часовъ вечера; по нимъ никакихъ распоряженій не сдѣлано, по той причинѣ, какъ вскользь замѣчаетъ спеціальная исторія ея, что приказанія главной королевской квартиры на 16 августа согласовались съ диспозиціею, разосланною войскамъ 2ой арміи еще до полученія помянутыхъ приказаній, и что поэтому измѣненій въ диспозиціи не требовалось.

Съ подобнымъ воззрѣніемъ едва-ли можно согласиться, потому что королевское повелѣніе указываетъ цѣлью рѣшительное наступленіе „всѣми" находящимися въ распоряженіи силами въ обще-сѣверозападномъ направленіи, на Френъ и Этенъ, то есть именно на перерѣзъ путямъ ведущимъ отъ Меца въ Верденъ. Очевидно, что

по мысли генерала Мольтке надо было возможно быстрѣе двинуть по общему указанному направленію (Френъ—Этенъ) всѣ наличныя силы 2ой арміи. Между тѣмъ диспозиція принца Фридриха-Карла на 16 число давала приблизительно сѣверо-западное направленіе только двумъ корпусамъ, а именно 3му—на Горзъ, а 10му—на Френъ. Вдобавокъ, по исполненіи этого передвиженія оба корпуса къ вечеру 16 числа очутились бы въ разстояніи верстъ 18 одинъ отъ другаго, не имѣя за собою никакихъ поддержекъ, наступающихъ по тому-же сѣверо-западному направленію, такъ какъ 9ый корпусъ по диспозиціи принца долженъ былъ подойти къ Марсъ-ля-Туру только 17 числа. Всѣмъ остальнымъ корпусамъ 2ой арміи дано было прямо западное направленіе, на рѣку Мезу, южнѣе Вердена, причемъ лѣвофланговый корпусъ по достиженіи р. Мезы очутился бы отъ Вердена въ разстояніи верстъ 40.

Оффиціальная прусская исторія, при всей своей обычной сдержанности, все-таки указываетъ на эту основную разницу въ воззрѣніяхъ, какъ будто желая свалить съ главной королевской квартиры отвѣтственность за опасное положеніе дѣлъ въ теченіе 16 числа,—положеніе, прямо проистекавшее изъ распоряженій начальства 2ой нѣмецкой арміи.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ дѣлалъ свои распоряженіи на 16 число, предполагая возможно раціональныя (по его мнѣнію) дѣйствія французовъ. Еще 13 числа, вмѣстѣ съ занятіемъ нѣмцами главнѣйшихъ переправъ черезъ р. Мозель повыше Меца, достаточно, повидимому, уже обрисовалось опасное для арміи Базена обходное движеніе предпринятое нѣмцами.

Казалось, что французы, сознавъ свое опасное положеніе, постараются уклониться отъ угрожавшей имъ потери путей отступленія къ Шалону и Парижу. А это, по невозможности разбить превосходныя силы нѣмцевъ, достижимо было только посредствомъ самаго быстраго отступленія за Мезу. На основаніи такого разсужденія принцъ Фридрихъ-Карлъ предполагалъ, что французы, имѣя въ распоряженіи три пути отступленія, отходили уже до 15 числа по меньшей мѣрѣ тремя корпусами и что этого числа, самое большее, отступать будутъ еще остальныя войска Базена.

При подобной предполагаемой обстановкѣ принцъ, видимо не надѣясь поспѣть наперерѣзъ французамъ по сю сторону Мезы, рѣшилъ двинуть къ сѣверу 16 числа пока два корпуса, которые, въ случаѣ надобности, 17 числа могли быть поддержаны еще однимъ, а именно 9мъ, съ остальными же четырьмя корпусами принцъ хотѣлъ устремиться прямо къ р. Мезѣ, чтобы, обогнавъ французовъ параллельнымъ маршемъ, броситься имъ наперерѣзъ уже за этою рѣкою.

Генералъ Мольтке, напротивъ, видимо расчитывая, что французы пока не могли уйти далеко за Мецъ, предполагалъ возможнымъ застигнуть ихъ еще по сю сторону р. Мезы. Факты оправдали воззрѣніе Мольтке и опровергли соображенія принца Фридриха-Карла. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что первый былъ безусловно правъ, а послѣдній, наоборотъ, виновенъ? Отнюдь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что какъ соображенія Мольтке, такъ и расчеты принца были только гадательны. Никто изъ нихъ не былъ собственно правъ, а напротивъ того оба они, въ разной степени, виновны въ томъ, что имѣя въ рукахъ вполнѣ достаточныя средства, не позаботились своевременно о раскрытіи и разъясненіи положенія дѣлъ позади Меца, какъ это подробно изложено выше.

Мецъ, какъ уже сказано, соединялся съ Верденомъ двумя шоссейными дорогами длиною до 60 верстъ каждая. Изъ нихъ болѣе южная пролегаетъ черезъ Марсъ-ля-Туръ, болѣе сѣверная — черезъ Донкуръ и Этенъ. Кромѣ того, въ томъ положеніи, въ которомъ находилась армія Базена, она для скорѣйшаго отхода могла еще пользоваться кружнымъ сѣвернымъ путемъ черезъ Бріей. Послѣдній пунктъ соединенъ шоссейною дорогою съ Этеномъ (въ направленіи на Верденъ) и съ цѣлою сѣтью путей, направляющихся на западъ, сѣвернѣе Вердена.

Базенъ для отступленія своего къ Вердену намѣренъ былъ воспользоваться только двумя болѣе южными дорогами (черезъ Марсъ-ля-Туръ и черезъ Донкуръ); онъ совершенно пренебрегъ самою безопасною при данной обстановкѣ дорогою на Бріей, по которой можно было двинуть хотя-бы обозы.

Для оправданія этого рѣшенія Базенъ приводитъ нѣсколько причинъ: во первыхъ, затруднительную мѣстность въ окрестности Бріей, во вторыхъ, онъ полагаетъ, что армія, маршируя по двумъ близкимъ параллельнымъ дорогамъ, будетъ сосредоточеннѣе и легко можетъ выстроиться въ любую сторону и, наконецъ, — свѣдѣніе о присутствіи 20 тысячъ нѣмецкой конницы въ окрестности Бріей, что видимо подтверждало слухъ о переправѣ обѣихъ нѣмецкихъ армій пониже, то есть сѣвернѣе Меца [1]).

Неизвѣстно какія затрудненія мѣстности подразумѣвалъ маршалъ. На топографическихъ картахъ ихъ невидно, а собственно самая дорога на Бріей, будучи шоссейною, не могла быть хуже другихъ. Далѣе, колонны арміи, двигаясь только по двумъ дорогамъ, были конечно ближе между собою, но за то онѣ болѣе растягивались по длинѣ, въ особенности обозами, которые вообще лучше

[1]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ у Меца“, кн. 2, стр. 2 — 3.

было направить по болѣе дальней отъ противника дорогѣ, именно на Бріей. Что же касается свѣдѣнія о присутствіи будто 20 тысячной нѣмецкой конницы у Бріей, то этотъ слухъ, въ сущности выражавшій собою только опасеніе французовъ за самое больное теперь ихъ мѣсто, весьма рельефно очерчиваетъ крупную ошибку Штейнмеца, который на дѣлѣ не направилъ за Мозель, пониже Меца, ни одного—малѣйшаго поиска. Но если и можно повѣрить, что среди напуганнаго французскаго населенія могъ существовать подобный нелѣпый слухъ, то никакъ нельзя понять, какимъ образомъ онъ могъ повліять на рѣшенія Базена, въ особенности если принять въ соображеніе, что Бріей отстоитъ всего верстахъ въ 20 отъ Меца и что, слѣдовательно, нетрудно было узнать истину [1]).

Расположеніе обѣихъ непріятельскихъ армій, вмѣстѣ взятыхъ, въ ночь съ 15 на 16 августа представляло видъ довольно странный. Обѣ онѣ стояли лицемъ на западъ, по одной почти линіи фронта, причемъ промежутокъ между лѣвымъ французскимъ флангомъ и ближайшимъ право-фланговымъ 3^мъ нѣмецкимъ корпусомъ былъ значительно менѣе нежели между симъ послѣднимъ и ближайшими нѣмецкими корпусами, какъ наступавшими въ первой линіи, такъ и подходившими сзади. Притомъ французскія силы были почти вполнѣ сосредоточены, между тѣмъ какъ наступающіе нѣмцы по необходимости растянулись по фронту; а предписанныя на 16 число передвиженія корпусовъ 2ой ихъ арміи, можно сказать, еще болѣе разъединяли нѣмецкія силы.

Армія Базена, отходя отъ Меца къ Вердену въ теченіе 14 и 15 чиселъ, расположилась на ночлегъ съ 15 на 16 августа передовыми своими эшелонами въ разстояніи всего верстъ 15 отъ Меца и главными своими силами ($10^3/_4$ пѣхотныхъ дивизій) сосредоточилась по фронту верстъ на 5 лицомъ на Верденъ, между Донкуромъ и Віонвилемъ, при глубинѣ около 3 верстъ.

На правомъ флангѣ французскаго расположенія стоялъ 3^й корпусъ, теперь Ле-Бефа (три пѣхотныя дивизіи); въ центрѣ расположился 6ой корпусъ, Канробера ($3^1/_4$ пѣхотныя дивизіи), а на лѣвомъ флангѣ — 2ой корпусъ, Фроссара ($2^1/_2$ пѣхотныя дивизіи [2]); за центромъ, у Гравелётъ, находилась императорская гвардія, подъ начальствомъ Бурбаки (двѣ пѣхотныя дивизіи), тамъ же расположились императоръ Наполеонъ и маршалъ Базенъ.

---

[1]) Вопросъ о дѣйствіяхъ французовъ разбирается въ слѣдующей главѣ нѣсколько подробнѣе.

[2]) Дивизія Лявокупе этого корпуса осталась для усиленія гарнизона Меца, и взамѣнъ ея поступила бригада Ляпассе, отставшая отъ 5 корпуса, Фальи.

Корпусъ Лямиро, 4й (три дивизіи), и дивизіи Метмана 3го корпуса, задержанные боемъ 14 числа и обозами, запрудившими подъемы изъ долины р. Мозеля, отстали въ теченіе 15 числа отъ другихъ; изъ нихъ, впрочемъ, дивизія Лёрансе (Latrille de Lorencez) 3го корпуса находилась верстъ 6 позади гвардіи; остальныя двѣ дивизіи корпуса Лямиро верстъ 5—6 отъ Меца. Однако всѣ эти четыре дивизіи въ теченіе утра 16 числа, по настоящему, должны были поспѣть на усиленіе передовыхъ французскихъ корпусовъ въ случаѣ столкновенія съ нѣмцами.

Изъ нѣмецкихъ войскъ 5ая кавалерійская дивизія съ 15 на 16 число августа ночевала по-бригадно нѣсколько южнѣе дороги Мецъ—Марсъ-ля-Туръ—Верденъ, лицомъ на Мецъ, почти въ виду французской резервной кавалерійской дивизіи Фортона.

Далѣе на Мозелѣ, южнѣе Меца и арміи Базена, по фронту верстъ 25 до 30 длиною, стояли въ первой линіи: четыре корпуса 2ой нѣмецкой арміи, подставляя противнику свой правый флангъ; изъ нихъ самый близкій къ французамъ 3ій прусскій корпусъ расположенъ былъ на лѣвомъ берегу Мозеля, по дивизіямъ у Новэанъ и Паньи, въ разстояніи верстъ 6—8 отъ бригады Ляпассе лѣвофланговаго французскаго корпуса Фроссара.

Южнѣе 3го нѣмецкаго корпуса, въ разстояніи верстъ 10—12, въ Понтъ-а-Муссонъ, находились войска 10го нѣмецкаго корпуса и штабъ 2ой арміи; далѣе, по Мозелю-же, въ разстояніи верстъ 7 и 12—14 отъ Понтъ-а-Муссона стояли корпуса: прусскій гвардейскій у Діелюаръ и 4ый — у Марбашъ; наконецъ, 12ый саксонскій корпусъ — позади, во второй линіи, у Номени на р. Сейль, недоходя верстъ 15 до Понтъ-а-Муссона.

Передъ общимъ фронтомъ 2ой нѣмецкой арміи, въ Тіокуръ (верстъ 18 отъ Понтъ-а-Муссона), находилась 19ая дивизія, Шварцкопена, 10го корпуса въ видѣ общаго авангарда; при ней драгунская бригада гвардейской кавалерійской дивизіи. Другія двѣ бригады послѣдней дивизіи находились лѣвѣе, впереди фронта гвардейскаго и 4го корпусовъ. Въ теченіе 15 августа часть уланской гвардейской бригады опять забавлялась требованіемъ сдачи крѣпости Туля. Остальныя двѣ кавалерійскія дивизіи 2ой арміи, а именно 6ая и саксонская, равно обѣ кавалерійскія дивизіи 1ой арміи находились еще на правомъ берегу Мозеля; изъ нихъ только 6ой приказано 16 числа перейти Мозель для совмѣстнаго дѣйствія съ 3имъ корпусомъ.

Согласно направленію, указанному 3му нѣмецкому корпусу на 16 число, послѣдній рано утромъ долженъ былъ направляться черезъ Горзъ прямо на 2ой французскій корпусъ. Неравный бой

3го нѣмецкаго корпуса противъ французской арміи Базена сдѣлался уже неминуемымъ.

Принимая во вниманіе расположеніе нѣмецкихъ корпусовъ въ ночь съ 15 на 16 августа и указанныя имъ на 16 число поименованныя выше передвиженія, при опредѣленіи которыхъ не была принята въ расчетъ возможность крупнаго столкновенія вблизи Меца, выходитъ, что 3ій нѣмецкій корпусъ въ день 16 августа навѣрное могъ расчитывать только на поддержку 10го, который, хотя и расходясь съ 3имъ, но все-же, въ общемъ, двигался тоже въ сѣверо-западномъ направленіи. Ближайшій затѣмъ отъ 3го корпуса, стоявшій позади его, 9ый, ночевалъ на правомъ берегу р. Сейль, у Верни; ему по диспозиціи по арміи на 16 число назначенъ очень небольшой переходъ до Силеньи (Silleguy). Оттуда до мѣстъ, гдѣ того-же 16 числа должно было произойти столкновеніе съ французами, оставалось еще не менѣе 20 верстъ съ переправою черезъ Мозель.

За 9ымъ корпусомъ, въ разстояніи верстъ 7, лицемъ на Мецъ, стоялъ 8ой корпусъ отъ 1ой арміи, эшелонированный въ глубину, съ сѣвера на югъ верстъ 6. Но такъ какъ корпусу этому цѣлью движенія 16 числа указанъ былъ пунктъ Арри на Мозелѣ близъ переправъ 3го корпуса, то 8ой корпусъ, по настоящему, скорѣе 9го долженъ былъ поддержать нѣмецкія войска за Мозелемъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что 3ій нѣмецкій корпусъ въ бою 16 августа могъ быть поддержанъ, кромѣ 10го корпуса, еще частями 8го и 9го; но степень своевременнаго участія послѣднихъ вполнѣ зависѣла отъ распорядительности частныхъ начальниковъ, а также и отъ различныхъ случайностей.

Въ ночь съ 15 на 16 августа кавалеріею 2ой нѣмецкой арміи замѣчались огни большихъ французскихъ бивуаковъ по западной сторонѣ Меца. Донесенія объ этомъ достигли штаба 2ой арміи въ 10 часу утромъ 16 августа; они, по мнѣнію этого штаба, подтвердили только отступленіе французовъ отъ Меца; предполагалось, что главныя силы французовъ уже впереди и что поблизости Меца могли находиться развѣ незначительныя отставшія ихъ войска. Новыхъ распоряженій поэтому не дѣлалось, а напротивъ — въ штабѣ 2ой арміи приступили къ разработкѣ диспозиціи на 17 число, имѣвшей въ виду дальнѣйшее движеніе къ рѣкѣ Мезѣ [1]).

---

[1]) Диспозиція эта, данная 16 августа въ полдень, гласила, что въ сущности „2-ая армія 17 числа продолжаетъ наступленіе къ р. Мезѣ“. Причемъ четыремъ лѣвофланговымъ корпусамъ арміи (12-му, 2-му, гвардейскому и 4-му) даны точныя указанія для движенія 17 числа. Относительно же 10 корпуса сказано, что „движеніе его въ ближайшій день обусловится погонею за французами на Этенъ“; причемъ

Однако другіе нѣмецкіе начальники не раздѣляли спокойствія штаба 2ой арміи и увѣренности его въ совершенной цѣлесообразности распоряженій исполнявшихся 16 числа. Съ одной стороны, генералъ Мольтке съ ранняго утра того числа отправилъ въ 9ый корпусъ офицера генеральнаго штаба съ открытымъ предписаніемъ, коимъ приказывалось корпусу, по возможности, еще того же 16 числа переправиться черезъ Мозель у Арри (менѣе 20 верстъ отъ Резенвиля, т. е. мѣста разыгравшагося въ тотъ день боя); причемъ корпусъ этотъ въ случаѣ встрѣчи съ войсками 1ой арміи долженъ былъ быть пропущенъ впередъ.

Съ другой стороны, командиръ 10го корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, полагалъ необходимымъ одновременно съ предписаннымъ ему движеніемъ на Френъ болѣе точно разъяснить положеніе дѣлъ противъ своего праваго фланга посредствомъ усиленной развѣдки 5ою кавалерійскою дивизіей въ присутствіи начальника штаба корпуса. Для усиленія этой дивизіи направлены изъ корпусной артиллеріи двѣ конныя батареи и отрядъ Линкера (часть 37ой пѣхотной бригады), находившійся у Новэанъ, въ долинѣ Мозеля, для первоначальнаго обезпеченія этой переправы впредь до прибытія 3го корпуса; кромѣ того изъ Тіокура для этой-же цѣли направлена остальная часть той-же бригады, подъ начальствомъ командира оной, полковника Лемана. Распоряженія эти имѣли довольно важное вліяніе на ходъ дѣла 16 августа, такъ какъ части 37ой бригады были первыми войсками, которыя поддержали 3ій корпусъ.

Первое свѣдѣніе отъ Альвенслебена, полученное въ штабѣ 2ой нѣмецкой арміи около полудня, писано было въ 10½ часовъ утра, южнѣе Віонвиля; въ немъ значилось:

„Непріятельскіе лагери у Віонвиля и Резонвиля; лѣвое крыло“ (подразумѣвается 3го нѣмецкаго корпуса) „на Жарни, чтобы эвентуально перейти на Конфлянъ. 5ая кавалерійская дивизія — у Марсъ-ля-Туръ, 6ая—у Резонвиль“.

Къ этому добавлено было, что „непріятель отходитъ къ сѣверу“. Это была ошибка, вызванная отходомъ французскихъ передовыхъ частей, которыя сосредоточивались къ главнымъ силамъ.

Адъютанту привезшему это донесеніе продиктованъ былъ отвѣтъ:

„Пока непріятель отступаетъ передъ 3имъ корпусомъ, — послѣднему горячо (heftig) преслѣдовать, имѣя лѣвый флангъ впереди. Постоянное согласованіе съ 10имъ корпусомъ“.

командиру корпуса, генералу Фохтсъ-Рецу, предоставлялось въ случаѣ предвидѣнія дѣла распорядиться 3-имъ и 9-ымъ корпусами. Въ заключеніе выражено мнѣніе, что „столкновенія съ французами вѣроятно не будетъ“, и указывалось 10-му корпусу мѣсто переправы черезъ Мезу пониже, то есть сѣвернѣе Вердена.

„9ый корпусъ завтра въ полдень у Марсъ-ля-Туръ послужитъ для обезпеченія праваго фланга противъ Меца и вообще для поддержки насколько понадобится".

Цѣль дѣйствій 3го корпуса принцъ опредѣлилъ въ „оттѣсненіи непріятеля къ сѣверу".

Черезъ офицера отъ 9го корпуса, прибывшаго за приказаніями въ штабъ арміи, передано командиру онаго, генералу Манштейну, что „3ій корпусъ съ 10 часовъ утра преслѣдуетъ непріятеля, массы котораго повидимому отходятъ по направленію къ сѣверу"; къ этому принцъ прибавилъ:

„Важно, чтобы 9ый корпусъ скорѣе занялъ Марсъ-ля-Туръ и еще сегодня прикрылъ правый флангъ 3го корпуса противъ Меца и вообще послужилъ ему поддержкою". [1]).

Въ этомъ приказаніи проглядываетъ уже нѣкоторое опасеніе за 3ій корпусъ, которое невполнѣ соотвѣтствуетъ спокойствію, съ коимъ штабъ продолжалъ заниматься диспозиціею на 17 число, а также его приведенному выше содержанію. Кажется, что въ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на положеніе дѣлъ въ то время не было еще полнаго согласія.

Поле битвы 16 августа лежитъ по обѣ стороны южной дороги, пролегающей отъ Меца къ Вердену, на которой, считая съ востока, находятся населенные пункты: Гравелётъ, Резонвиль и Марсъ-ля-Туръ. Оно ограничено съ востока ручьемъ Мансъ (Mance), протекающимъ на югъ, восточнѣе Гравелётъ, и къ западу рѣчкою Ironъ (Yron), протекающею въ сѣверномъ направленіи, западнѣе Марсъ-ля-Туръ. Вся ширина мѣстности между помянутыми двумя ручьями верстъ 13; она составляетъ водораздѣльное, слегка волнистое плято; только ограничивающіе его ручьи текутъ въ довольно глубокихъ и крутыхъ ложбинахъ.

На эту мѣстность со стороны 3го нѣмецкаго корпуса, отъ Горзъ, ведутъ на сѣверъ двѣ дороги: одна, восточная, прямо на Резонвиль, другая — на Флявиньи и Віонвиль. Поименованный восточный путь ближе къ Горзъ пересѣкаетъ довольно обширное лѣсистое пространство, которое, постепенно расширяясь, тянется къ востоку до самой долины р. Мозеля. Оно сѣверо-западнымъ угломъ своимъ не доходитъ версты 2 до Резонвиля и тянется южнѣе Гравелёта въ разстояніи 1—2 верстъ, огибая его съ востока особымъ выступомъ, направляющимся на сѣверъ по ручью Мансъ.

---

[1]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 71.

Гравелётъ высится надъ всею окружающею мѣстностью; напротивъ того, Резонвиль, Віонвиль и Марсъ-ля-Туръ скрываются въ ложбинахъ, равно какъ и имѣвшее въ бою того дня особое значеніе Флявиньи (Flavigny), лежащее около версты къ юго-востоку отъ Віонвиля, и Тронвиль — юго-западнѣе послѣдняго пункта въ разстояніи менѣе 2 верстъ.

Нѣсколко западнѣе Віонвиля, отъ дороги, ведущей въ Марсъ-ля-Туръ, тянется къ сѣверу почти на двѣ версты неширокій Віонвильскій лѣсъ или, вѣрнѣе, густой кустарникъ, частью болотистый, окаймленный съ сѣвера и съ сѣверо-востока довольно глубокою ложбиною. Лѣсу этому суждено было играть большую роль въ дѣлѣ 16 августа. По сѣверной опушкѣ Віонвильскаго лѣса пролегаетъ старая римская дорога; направляясь на востокъ въ Гравелётъ, она съ сѣверной стороны сопровождается небольшими лѣсами.

Вообще, волнистая, но совершенно открытая мѣстность поля сраженія весьма благопріятствовала сильному дѣйствію артиллерійскому и ружейному, равно и движенію кавалеріи.

Дебушированіе и развертываніе нѣмецкихъ колоннъ, наступавшихъ съ юга изъ лѣсовъ на мѣстность открытую, могло быть сильно затрудняемо огнемъ французовъ; но эти-же лѣса ограничивали кругозоръ послѣднихъ и помѣшали имъ разглядѣть и оцѣнить силы аттакующихъ нѣмцевъ.

Сраженіе 16 августа разыгралось въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ:

Нѣмецкая 5ая кавалерійская дивизія, наступая утромъ съ запада, отъ Марсъ-ля-Тура, внезапно открыла артиллерійскій огонь по лагерямъ французской кавалерійской дивизіи Фортона и 2го корпуса, Фроссара. Одновременно на нихъ же наткнулась и 6ая нѣмецкая кавалерійская дивизія, шедшая съ юга отъ Горзъ.

Кавалерія французовъ немедля уклонилась поспѣшнымъ отступленіемъ, пѣхота же выстроилась къ бою и двинулась на пруссаковъ. Къ тому времени подошла уже 5ая прусская дивизія отъ Горзъ и ввязалась въ бой съ французами, имѣя фронтъ на сѣверъ. Нѣкоторое время спустя, лѣвѣе 5ой прусской дивизіи, подоспѣла 6ая, предшествуемая выѣздомъ дивизіонной и корпусной артиллеріи. Пруссаки, пользуясь пассивностью французовъ, овладѣли пунктами Віонвиль и Флявиньи а также Віонвильскимъ лѣсомъ. Такимъ образомъ около 2 часовъ 6я прусская пѣхотная дивизія, выстроившись восточнѣе Віонвиля по обѣ стороны дороги ведущей изъ Меца въ Верденъ, лицомъ на востокъ, прямо пересѣкла южный путь отступленія французовъ; правѣе ея тянулась 5ая дивизія, загибая правый флангъ впередъ, по опушкѣ лѣса, лицомъ на сѣверъ.

Однако, не смотря на эти успѣхи, положеніе 3го корпуса, Альвенслебена, растянутаго въ одну линію, сдѣлалось крайне труднымъ. Первыми подоспѣли ему на помощь отряды Лемана и Линкера отъ 10го корпуса, Фохтсъ-Реца, а потомъ подошли постепенно къ лѣвому флангу и остальныя войска этого корпуса, правый же флангъ 3го корпуса поддержанъ былъ частями 8го и 9го корпусовъ силою въ общемъ около дивизіи пѣхоты.

Хотя затѣмъ новая аттака на лѣвый флангъ Базена была отбита, и французы, перемѣнивъ фронтъ правымъ флангомъ впередъ, стали параллельно дорогѣ въ Верденъ, но нѣмцы все таки удержались до ночи на занятой ими первопачально мѣстности у Віонвиля и Марсъ-ла-Туръ, по южную сторону шоссе.

Вялое въ сущности дѣйствіе французовъ на правомъ ихъ флангѣ, которымъ они легко могли охватить нѣмцевъ, объясняется опасеніемъ Базена, что нѣмцы могутъ отрѣзать его отъ Меца охватомъ его лѣваго фланга. Поэтому Базенъ держалъ тамъ, у Гравелёта, сильные резервы.

Вечеромъ 15 августа маршалъ Базенъ разослалъ войскамъ на 16ое число слѣдующее приказаніе:

„Супъ съѣсть завтра въ 4 часа. Въ 4½ часа быть готовыми къ выступленію, имѣя лошадей осѣдланными а палатки снятыми. Корпуса 2ой и 6ой должны имѣть предъ собою 30 тысячъ человѣкъ“ (непріятеля) „и быть въ ожиданіи завтра аттаки“.

Изъ выше сказаннаго видно, что по меньшей мѣрѣ къ тому времени Базенъ уже былъ совершенно достаточно оріентированъ относительно близкаго присутствія нѣмцевъ.

Рано утромъ 16 августа императоръ Наполеонъ, оставляя армію, направился изъ Гравелёта въ Парижъ; до Донкуръ (по дорогѣ на Верденъ) провожала его гвардейская кавалерійская бригада де-Франсъ, а далѣе кавалерійская бригада Маргеритъ отъ 2ой резервной дивизіи, дю-Баре.

Войска лѣвой колонны арміи Базена, находившіяся на южной дорогѣ, съ ранняго утра снялись съ бивуаковъ и были уже совсѣмъ готовы къ выступленію; но три дивизіи правой колонны, какъ уже сказано, находились еще позади, въ долинѣ Мозеля, отрѣзанныя отъ другихъ войскъ обозами, запрудившими дороги.

При такомъ положеніи дѣлъ, въ виду возможности сраженія, маршалъ Ле-Бефъ, командиръ 3го корпуса и старшій въ правой колоннѣ, предложилъ Базену отложить выступленіе, чтобы отставшимъ войскамъ дать время подойти. Базенъ согласился и разо-

слалъ войскамъ лѣвой колонны новое приказаніе, въ коемъ между прочимъ сказано было: „Какъ только разъѣзды вернутся и когда будетъ дознано, что поблизости нѣтъ сильнаго непріятеля, то можно опять разбить палатки".

„..... Выступимъ вѣроятно пополудни, когда я узнаю, что 3ій и 4ый корпуса въ цѣлости подошли на одну высоту съ нами" [1]).

Лѣвая французская колонна опять расположилась на отдыхъ, а въ правой офицеры генеральнаго штаба старались привести въ порядокъ обозы и очистить дороги для войскъ, какъ вдругъ, въ 9 часовъ утра, противъ лѣваго фланга т. е. корпуса Фроссара раздался громъ орудій, возвѣщавшій аттаку нѣмцевъ.

Въ 6 часовъ утра 16 числа поднялась съ бивуаковъ конница Рейнбабена (5ая кавалерійская дивизія) для производства усиленной рекогносцировки къ сторонѣ Меца. Непосредственная развѣдка возложена была на гусарскую бригаду Редерна, которой приданы четыре конныя батареи; бригада собралась въ ложбинѣ у Пюксіе (къ югу отъ Марсъ-ля-Туръ), а въ 8½ часовъ направилась мимо Тронвиля на Віонвиль. Лѣвѣе ея, уступомъ позади, по шоссе отъ Сюземонъ черезъ Марсъ-ля-Туръ шла бригада Бредова, а въ резервѣ за Редерномъ слѣдовала бригада Барби.

Прусскіе аванпосты донесли, что у Віонвиля, къ западу отъ этого пункта, расположенъ французскій кавалерійскій лагерь, въ которомъ производится варка пищи и т. п., и что вообще французы бездѣйствуютъ. Дѣйствительно, пруссаки не встрѣтили французскихъ разъѣздовъ. Безпечность французовъ (резервной кавалерійской дивизіи Фортона) простиралась до того, что нѣмецкая конная батарея, выѣхавъ на позицію, совершенно неожиданно для французовъ съ разстоянія 1.800 метровъ открыла огонь, а именно по драгунской бригадѣ принца Мюрата и въ особенности по нѣсколькимъ эскадронамъ, которые преспокойно направлялись на водопой къ сторонѣ нѣмцевъ [2]).

Съ первыми нѣмецкими гранатами паника охватила возчиковъ реквизиціонныхъ обозовъ, которые бросились назадъ на лагерныя мѣста корпуса Фроссара. За ними въ безпорядкѣ послѣдовала и драгунская бригада Мюрата. Отступленіе это нѣкоторое короткое время старалась прикрывать одна французская конная батарея съ эскадрономъ (вѣроятно дивизіи Валябрегъ, корпуса Фроссара). Замѣшательство драгунъ не передалось однако кирасирской бри-

---

[1]) Свѣдѣнія эти у Деррекаге (Тактика), стр. 206, и у Базена, стр. 80.
[2]) Деррекаге (Тактика), стр. 211, и нѣмецкіе источники.

*

гадѣ Фортона; она выстроилась спокойно, но уклоняясь отъ боя отошла на сѣверъ, къ лѣсу за Римскою дорогою. Кавалерійская дивизія Валябрегъ, то есть вся конница 2го французскаго корпуса, стоявшая на правомъ его флангѣ, послѣдовала примѣру кирасиръ.

Доступъ къ пѣхотному лагерю 2го французскаго корпуса, Фроссара, расположенному къ югу отъ Резонвиля, былъ такимъ образомъ совершенно открытъ [1]). Три конныя батареи бригады Редерна открыли по немъ огонь съ запада, а съ юга начала его обстрѣливать батарея передоваго эшелона 6ой нѣмецкой кавалерійской дивизіи, шедшей во главѣ 3го корпуса, Альвенслебена [2]).

Появленіе нѣмцевъ вообще не было для Фроссара совершенною неожиданностью, хотя онъ и не расчитывалъ увидѣть ихъ такъ скоро и не съ этой именно стороны. Еще съ ранняго утра Фроссаръ узналъ, что нѣмецкій авангардъ идетъ черезъ Горзъ и повидимому направляетъ свое движеніе параллельно пути французовъ. Но къ сторонѣ Горзъ выдвинута была Фроссаромъ пѣхотная бригада Ляпассе, а передъ фронтомъ, то есть западнѣе 2го корпуса, стояла кавалерійская дивизія Фортона. Слѣдовательно Фроссаръ имѣлъ полное право считать себя совершенно безопаснымъ отъ нечаяннаго нападенія.

Обѣ нѣмецкія конныя дивизіи—5ая, Рейнбабена, и 6ая, принца Мекленбургскаго (до 55 эскадроновъ при 36 орудіяхъ), охватывали теперь расположеніе французовъ съ юга и запада общею длинною дугою отъ Марсъ-ля-Туръ черезъ Тронвиль до лѣса Оніонъ (Bois des Ognons, между Гравелётъ и Горзъ). Расположенная лагеремъ французская пѣхота стала въ ружье, и расходясь подъ нѣмецкими гранатами лучеобразно, двигалась противъ наступавшей конницы нѣмцевъ.

Фроссаръ направилъ дивизію Батайль на юго-западъ, по направленію на Бюксіе; дивизія эта заняла Флявиньи и Віонвиль; на югъ, по направленію на Горзъ, двинута была дивизія Верже и лѣвѣе ея — бригада Ляпассе.

Ставшій въ ружье корпусъ маршала Канробера выстроился: дивизія Ля-Фонъ (la Font de Villiers) съ единственнымъ полкомъ

---

[1]) Генералъ Фортонъ въ обширномъ рапортѣ своемъ маршалу Базену старается доказать, что дивизія его „вовсе не была застигнута врасплохъ“. Онъ перечисляетъ всѣ охранительныя мѣры и ссылается на то, что „имъ исполнено все предписанное главою VIII Полеваго Устава“. Тѣмъ не менѣе самъ онъ подтверждаетъ, что безъ боя дозволилъ обстрѣлять непріятелю свой бивуакъ и что часть его всадниковъ (бригады Мюрата) разбѣжалась, доскакавъ до самаго Гравелёта. „Большая часть“ ихъ впрочемъ (по завѣренію Фортона) присоединилась къ своимъ частямъ еще до полудня. Наконецъ, изъ того же рапорта видно, что кирасирская бригада Фортона вслѣдствіе нападенія нѣмцевъ не успѣла даже напоить лошадей. (Базенъ, „Кампанія Рейнской Арміи“ и проч.; нѣмецкій переводъ 1872 года, стр. 158—165).

[2]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 541—45.

дивизіи Бизонъ (Bison) правѣе Фроссара, уступомъ позади; правѣе, у Сенъ-Марсель, оставлена дивизія Тиксіе (Tixier) для связи съ маршаломъ Ле-Бефомъ; наконецъ дивизія Левасоръ (Levassor-Sorval) стала къ сѣверо-востоку отъ Резонвиля, лицемъ на шоссе, для обезпеченія лѣваго фланга общаго расположенія и предохраненія отъ обхода. Для этой-же цѣли гвардія поставлена Базеномъ на позиціи Мальмезонъ—Гравелётъ до лѣса Оньонъ (надо полагать), фронтомъ на западъ. Маршалу Ле-Бефу послано приказаніе, чтобы онъ направился правѣе корпуса Канробера. Наконецъ, Базенъ расчитывалъ, что командиръ 4го корпуса, генералъ Лямиро (шедшій на Донкуръ), самъ явится на выстрѣлы [1]).

Сильный ружейный и пушечный огонь французовъ вынудилъ артиллерію и конницу нѣмцевъ отойти назадъ и укрыться въ складкахъ мѣстности; только одна нѣмецкая конная батарея, пользуясь болѣе благопріятными для нея условіями мѣстности, продолжала огонь съ позиціи своей между Марсъ-ля-Туръ и Тронвиль.

Таково было положеніе дѣлъ около 10 часовъ утра, въ тотъ моментъ когда на обоихъ крайнихъ флангахъ нѣмецкой кавалерійской линіи появились головныя части наступавшихъ войскъ 3го корпуса, отъ Горза и отъ Тронвиля.

Обращаюсь къ отряду генерала Альвенслебена, состоявшему изъ 3го нѣмецкаго корпуса и 6ой кавалерійской дивизіи, принца Вильгельма Мекленбургскаго.

Выше уже сказано, что 3ій корпусъ совершилъ переправу черезъ Мозель только ночью съ 15 на 16 и расположился въ долинѣ рѣки, выдвинувъ авангарды по направленію на Горзъ и Онвиль. Что же касается 6ой кавалерійской дивизіи, то она въ то время оставалась на аванпостахъ противъ Меца, на правомъ берегу р. Мозеля, и въ теченіе 15 числа смѣнялась частями 1ой кавалерійской дивизіи.

Приведенною выше диспозиціею по 2ой арміи на 16 число Альвенслебену приказано: „черезъ Горзъ дойти до шоссе Мецъ—Марсъ-ля-Туръ—Верденъ“.

Для исполненія этого Альвенслебенъ распорядился:

„1) 6ой пѣхотной дивизіи выступить къ 5 часамъ утра и черезъ Онвиль идти на Марсъ-ля-Туръ. За ней слѣдовать корпусной артиллеріи“ (это была лѣвая колонна).

„2) 6ой кавалерійской дивизіи къ 5 часамъ 30 минутамъ окончить переправу черезъ мостъ у Новэанъ и идти черезъ Горзъ на Віонвиль, за нею слѣдовать 5ой пѣхотной дивизіи“.

---

[1]) Фроссаръ, стр. 85—86, и Деррекаге (Тактика), стр. 213.

Но переправа 6ой кавалерійской дивизіи, спѣшенной по-одному черезъ висячій мостъ у Корни, замедлилась; движеніе ея впередъ отъ Мозеля началось только въ 7½ часовъ; этимъ противъ диспозиціи задержано было и выступленіе 5ой пѣхотной дивизіи [1]).

Весьма мало за-ночь отдохнувшимъ войскамъ 3го корпуса, частью и съ утра долго стоявшимъ подъ ружьемъ въ ожиданіи прохода 6ой кавалерійской дивизіи, пришлось теперь въ знойномъ уже воздухѣ подыматься по узкимъ ущельямъ. Передъ правою колонною (5ая пѣхотная дивизія) шла на Горзъ конная бригада Рауха, а лѣвѣе ея бригада Грюттера (Rauch, Grütter, обѣ 6ой кавалерійской дивизіи). Когда первая изъ нихъ показалась на плято сѣвернѣе Горза, то изъ Віонвильскаго лѣса встрѣчена была сильнымъ огнемъ пѣхоты и понеся довольно чувствительныя потери спустилась обратно въ долину. Между тѣмъ бригада Грюттера, тѣсня передъ собою французскихъ наѣздниковъ, направилась на Флявиньи, къ юго-востоку отъ Віонвиля; бывшая при ней конная батарея, какъ уже сказано выше, почти одновременно съ артиллеріею дивизіи Рейнбабена открыла огонь по французскимъ лагерямъ, расположеннымъ восточнѣе Віонвиля.

Командиръ 3го корпуса, генералъ Альвенслебенъ, ѣхалъ при 6ой дивизіи, генерала Буденброка, и опередивъ ее, утромъ рекогносцировалъ мѣстность съ высотъ Бюксіэ. Оттуда Альвенслебенъ высмотрѣлъ нѣсколько французскихъ лагерей въ окрестности Віонвиля и заключилъ, что тамъ расположены значительныя силы непріятеля. Тѣмъ не менѣе Альвенслебенъ рѣшилъ аттаковать французовъ, полагая, что необходимо задержать ихъ отступленіе.

Въ то время (утромъ, въ моментъ перваго наступленія 5ой кавалерійской дивизіи) подоспѣло донесеніе Рейнбабена, который сообщилъ, что наступаетъ на Віонвиль и отдаетъ себя въ распоряженіе Альвенслебена; онъ-же принялъ на себя сообщеніе 10^му корпусу о встрѣчѣ съ противникомъ.

Альвенслебенъ приказалъ артиллеріи своей лѣвой колонны, т. е. 6ой пѣхотной дивизіи, двинуться подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ на французовъ и участвовать въ боѣ нѣмецкой конницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано корпусной артиллеріи, шедшей за 6^ю пѣхотною дивизіею, спѣшить впередъ. Начальникъ артиллеріи корпуса, генералъ Бюловъ (Bülow), выѣхалъ впередъ, на мѣсто боя. Артиллерія 6ой пѣхотной дивизіи, двигаясь на рысяхъ, дѣйствительно поспѣла еще во́время, и съ позицій указанныхъ Бюловымъ участвовала въ канонадѣ противъ развертывавшихся и наступавшихъ французовъ.

---

[1]) Невыяснено, почему именно 6-я кавалерійская дивизія переправилась по висячему мосту у Корни, а не согласно диспозиціи — у Новэанъ.

Голова 5ой пѣхотной дивизіи, Штюльпнагеля (Stülpnagel), достигла Горза около 9 часовъ утра. Тамъ получено свѣдѣніе, что французы двигаются въ окрестности Резонвиля. Командиръ дивизіи полагалъ вначалѣ возможнымъ отбросить французовъ своимъ авангардомъ въ сторону, къ Резонвилю, и затѣмъ продолжать движеніе на Флявиньи. Однако скоро онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ значительными силами противника. Шедшіе впереди 5ой пѣхотной дивизіи два драгунскіе эскадрона, дебушировавшіе на плято по направленію на Флявиньи, осыпаны были пулями французовъ и подобно бригадѣ Рауха вынуждены были укрыться.

Съ другой стороны, 9ая пѣхотная бригада Деринга, повернувшая правѣе, на Резонвиль, встрѣтила въ лѣсу сильное сопротивленіе, и только подвигаясь съ боемъ, шагъ за шагомъ, успѣла наконецъ занять часть противуположной опушки. Тутъ, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ французовъ, первою выѣхала на позицію батарея Стефазіуса (Stöphasius); она въ первый-же моментъ понесла такія потери, что только тремя орудіями могла отбиваться отъ французскихъ цѣпей, засыпавшихъ ее пулями съ разстоянія 800—1.000 шаговъ; подъ такимъ-же огнемъ снялись и другія батареи 5ой дивизіи.

Лѣвѣе бригады Деринга, по мѣстности открытой, обстрѣливаемой прусскою артиллеріею, дѣйствовала другая бригада той-же 5ой дивизіи; она, подходя постепенно изъ за бригады Деринга, выстраивалась влѣво. Французы понемногу отходили тутъ на главную свою позицію, нанося пруссакамъ немаловажныя потери; на правомъ же флангѣ дивизіи, въ лѣсу, все еще кипѣлъ упорный бой, въ коемъ, около 11 часовъ утра, смертельно раненъ генералъ Деринтъ. Вообще положеніе растянувшейся 5ой дивизіи, въ виду значительныхъ силъ французовъ, было трудное, но тутъ она какъ нельзя болѣе кстати получила подкрѣпленіе отрядомъ Линкера.

Отрядъ Линкера (2 баталіона, 2 эскадрона и 6 орудій), по прибытіи 10го корпуса къ Понтъ-а-Муссонъ, еще 13 числа выдвинутъ былъ къ Новэанъ, по направленію къ Мецу. На 16 число отряду приказано „идти къ Шамбле“ (къ югу отъ Марсъ-ля-Туръ) „для присоединенія къ своей 37 бригадѣ въ видахъ поддержки 5ой кавалерійской дивизіи“. Дойдя до Горзъ, Линкеръ услышалъ канонаду справа; онъ пошелъ по ея направленію и явился подъ команду генерала Штюльпнагеля. Линкеръ занялъ теперь центръ между разрозненными боемъ бригадами 5ой пѣхотной дивизіи; артиллерія его усилила общую батарею дивизіи до 30 орудій.

Около 9½ часовъ Альвенслебену казалось, что французы отступаютъ передъ 5ю пѣхотною дивизіею, а потому 6ая получила приказаніе идти черезъ Марсъ-ля-Туръ на Жарни, чтобы пересѣчь путь непріятелю.

Но между тѣмъ дѣла принимали уже иной оборотъ. Французы около 10 часовъ, какъ уже сказано, сильно потѣснили конницу Рейнбабена, которая подалась назадъ, отыскивая себѣ закрытій. Нѣмецкая артиллерія (конная и дивизіонная 6ой пѣхотной дивизіи), сильно обстрѣливаемая французскими батареями, сама безъ поддержки отбивается отъ наступающей французской пѣхоты. Положеніе на этой части поля битвы становится для нѣмцевъ очень серіознымъ. Но тутъ на выручку и усиленіе нѣмецкихъ батарей прибыли (около 10½ часовъ) прежде всего двѣ конныя батареи корпусной артиллеріи 3го корпуса, а за ними на полныхъ рысяхъ отъ Онвиля — еще часть батарей той же артиллеріи [1]). Разстояніе отъ Онвиля до позицій батарей было 1—2 миль. Сильная нѣмецкая артиллерія заняла теперь вогнутою дугою расположеніе по направленію съ сѣвера на юго-востокъ—къ лѣвому флангу 5ой пѣхотной дивизіи. Она замѣстила укрывшіеся конные полки 5ой и частью 6ой кавалерійскихъ дивизій и огнемъ своимъ много содѣйствовала находящейся въ бою 5ой дивизіи, Штюльпнагеля, и прикрывала подходъ 6ой пѣхотной.

Когда 6ая пѣхотная дивизія, шедшая, какъ сказано, на Жарни, достигла высотъ Тронвиля, то стало ясно, что въ сѣверномъ направленіи ей дѣлать нечего и что напротивъ того приходится атаковать къ востоку. Это направленіе и указалъ Альвенслебенъ командиру 6ой дивизіи, генералу Буденброку (Buddenbrock). Послѣдній лично обрекогносцировалъ позиціи французовъ у Віонвиля и Флявиньи и убѣдился, что пункты эти сильно заняты французами, и поэтому для аттаки ихъ рѣшилъ сразу употребить всѣ свои силы. Съ этою цѣлью дивизія, еще у Бюксіэ развернувшаяся въ боевой порядокъ въ четыре линіи, полкъ за полкомъ, перемѣнила теперь (въ 10½ часовъ) фронтъ по-бригадно направо и начала наступленіе на востокъ, по обѣ стороны шоссе Марсъля-Туръ — Віонвиль.

Ближайшіе пункты французской позиціи, на которую направилась дивизія Буденброка, были деревни Віонвиль и Флявиньи (уступомъ нѣсколько позади и правѣе Віонвиля). Пункты эти заняты были частями французской бригады Пуже (Pouget) отъ дивизіи Баттайль.

Къ наступающимъ войскамъ Буденброка присоединилась отброшенная прежде французами артиллерія и конница Рейнбабена, а также и батарея отряда Лемана, опередившая послѣдній. Около 11½ часовъ деревня Віонвиль, сильно до того обстрѣленная ар-

[1]) „Оффиціалная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 557.

тиллеріею, охвачена концентрическою аттакою съ трехъ сторонъ и взята головною колонною 12ой бригады, полковника Бисмарка, который тутъ-же былъ раненъ. Защищавшій Віонвиль 12ый стрѣлковый французскій баталіонъ отошелъ къ Флявиньи.

Почти въ то-же время прибыли къ Буденброку и послѣднія батареи корпусной артиллеріи 3го корпуса, такъ что около полудня противъ французовъ (преимущественно противъ корпуса Фроссара) дѣйствовало концентрически съ западной стороны (фронтомъ на Мецъ) 16 нѣмецкихъ батарей и съ южной пять.

Но не смотря на первоначальные успѣхи, положеніе сильно растянувшагося корпуса Альвенслебена было трудное, а между тѣмъ приходилось все еще протягивать лѣвый флангъ къ сѣверу, чтобы противустать развертывавшимся французскимъ войскамъ корпуса Канробера, артиллерія коего держала подъ сильнымъ огнемъ взятый нѣмцами Віонвиль. Пунктъ этотъ могъ быть легко отбитъ французами пока послѣдніе владѣли еще ближнимъ Флявиньи, противъ коего и обратились послѣднія усилія нѣмцевъ.

Прежде всего подъ сильнѣйшимъ французскимъ огнемъ направлена аттака на ближайшую къ Віонвиль высоту, господствующую съ сѣвера надъ Флявиньи. Послѣ отчаяннаго боя, въ которомъ перемѣшались всѣ участвовавшія прусскія части, нѣмцамъ удалось утвердиться на означенной высотѣ. Обстрѣленное сильнымъ концентрическимъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи пылающее Флявиньи было оставлено французскою пѣхотою.

Французы все это время, послѣ перваго своего развертыванія впередъ противъ нѣмецкой конницы и до полудня, въ западной части своего фронта держались въ общемъ пассивно, какъ будто сберегая свои силы, и поэтому шагъ за шагомъ поддавались рѣшительному натиску нѣмцевъ.

По южной же части своего фронта французы, занимая расположеніе безъ опредѣленной позиціи, по мѣстности хотя волнистой, но открытой, много терпѣли отъ пушечнаго огня нѣмцевъ; они для облегченія своего неудобнаго расположенія бросались впередъ и аттаковали разновременно въ разныхъ пунктахъ безъ общей связи, почему и неимѣли успѣха, а напротивъ того отъ энергическаго напора пруссаковъ въ общемъ понемногу подавались назадъ.

Между тѣмъ генералъ Верже, противустоявшій прусской дивизіи Штюльпнагеля, фронтомъ на югъ, вынужденъ былъ правѣе своей сражавшейся бригады Жоливе выдвинуть изъ резерва бригаду Валязе, а когда послѣдняя начала подаваться назадъ отъ натиска прусской бригады Шверина, то Баттайль, занимавшій у Віонвиля и Флавиньи одною бригадою фронтъ на западъ противъ прусской

дивизіи Буденброка, повелъ резервъ свой, бригаду Фаваръ-Батуль, на помощь Валязе. Но бригада эта попала подъ сильный фланговый огонь нѣмецкихъ батарей Буденброка. Баттайль и вслѣдъ за нимъ Валязе пали раненые; обѣ бригады дрогнули, заволновались и вслѣдъ затѣмъ бросились назадъ, къ Резонвилю.

Этотъ моментъ (въ 12^мъ часу) совпалъ съ потерею Віонвиля и Флявиньи на западѣ; послѣ чего и весь западный фронтъ французовъ дрогнулъ и отхлынулъ къ Резонвилю.

Начальникъ штаба 3го прусскаго корпуса, полковникъ Фохтсъ-Рецъ, взявъ два эскадрона изъ артиллерійскаго прикрытія у Віонвиля, пустилъ ихъ за отступавшею отъ Віонвиля французскою пѣхотою; но послѣдняя отбила смѣлую аттаку нѣмцевъ, потерявшихъ тутъ 70 лошадей. Эта аттака была какъ будто вводомъ къ большимъ кавалерійскимъ дѣйствіямъ, коими день Марсъ-ля-Туръ и Віонвиля выдѣляется изъ ряда новѣйшихъ сраженій.

Для задержанія стремленія нѣмцевъ, наступавшихъ отъ Віонвиля на Резонвиль, Базенъ съ Фроссаромъ, въ виду полнаго въ этомъ мѣстѣ отступленія пѣхоты, хватились за наличную подъ рукою кавалерію, то есть 3^ій уланскій и гвардейскій кирасирскій полки; но первый изъ нихъ скоро отошелъ назадъ, отбитый огнемъ прусской пѣхоты; зато послѣдній, двинутый черезъ утреннее лагерное мѣсто, не смотря на большія препятствія отъ оставшихся тамъ разныхъ предметовъ, храбро и рѣшительно устремился впередъ. Это было въ 12½ часовъ. Тѣмъ не менѣе аттака была неудачна. Пять французскихъ эскадроновъ, прорвавшіеся между прусскою пѣхотою, потеряли около половины своего состава [1]).

Начальникъ штаба 10го нѣмецкаго корпуса, подполковникъ Каприви, замѣтивъ наступленіе французскихъ кирасиръ, склонилъ гусарскую бригаду Редерна къ контръ-аттакѣ. Одинъ изъ гусарскихъ нѣмецкихъ полковъ бросился на французскихъ кирасиръ, сильно разстроенныхъ уже громадными потерями, а другой врубился въ обломки отступавшей на Резонвиль французской пѣхоты. Причемъ гусары накрыли французскую гвардейскую батарею, только-что лично подведенную и поставленную Базеномъ для поддержки описанной выше кавалерійской аттаки. Самъ маршалъ, вовлеченный въ бѣгство своего штаба и орудійныхъ передковъ, находился лично въ большой опасности. Штабъ Базена отдѣлился отъ своего главнокомандующаго и присоединился къ нему нескоро, такъ что Фрос-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны“, т. 1, стр. 574, и Фроссаръ, стр. 89. По Деррекаге (Тактика), стр. 218, кирасиры потеряли 22 офицера изъ 47 и только 208 нижнихъ чиновъ изъ 651. Число потерянныхъ лошадей имъ не показано; вѣролятно это число имѣетъ въ виду Прусская исторія войны“.

сару пришлось на первое время снабдить маршала своими ординанцами,—обстоятельство, которое не могло не отозваться на управленіи боемъ. Впрочемъ нѣмецкіе гусары, угрожаемые съ разныхъ сторонъ, должны были отступить, бросивъ временно захваченныя ими орудія.

Почти одновременно съ описанными дѣйствіями, въ началѣ 1го часа, когда французская пѣхота стремительно отступала къ Резонвилю, генералъ Альвенслебенъ послалъ 6ой кавалерійской дивизіи приказаніе идти на Резонвиль, „такъ какъ непріятельская пѣхота уходитъ въ разсыпную“ [1]).

Но возможность аттаки большими силами, вообще не была, повидимому принята заранѣе въ расчетъ ближайшимъ начальствомъ этой конницы, а удобный моментъ, въ ожиданіи приказанія извнѣ, не могъ быть схваченъ своевременно, такъ что въ промежутокъ времени между приказаніемъ Альвенслебена и исполненіемъ его обстоятельства значительно измѣнились. Вмѣсто отходившихъ въ крайнемъ безпорядкѣ частей французской пѣхоты явились теперь стройно наступающія новыя массы гвардейской грепадерской дивизіи.

При наступленіи своемъ 6ая нѣмецкая кавалерійская дивизія (въ составѣ 20 эскадроновъ) не нашла нужнаго простора и не могла развернуться; произведя подъ огнемъ французской пѣхоты и артиллеріи нѣсколько перестроеній, „какъ на ученіи“, дивизія эта въ концѣ-концовъ вернулась назадъ ни съ чѣмъ, успѣвъ только выручить одинъ изъ гусарскихъ эскадроновъ Редерна, горячо преслѣдуемый французами. Собственно говоря, до аттаки дѣло не доходило, и потери 6ой дивизіи были незначительны.

Это, повидимому, безуспѣшное наступленіе конницы (какъ завѣряетъ Прусская оффиціальная исторія войны) принесло пользу настолько, что артиллерія получила желанную возможность занять позиціи болѣе впереди [2]). Кажется, что въ виду отступленія боевой линіи французовъ и безъ того не было особыхъ препятствій для наступленія прусской артиллеріи; а если дѣйствительно часть огня французовъ, которая досталась бы этой артиллеріи, и была перехвачена конницею принца Мекленбургскаго, то молодецкая нѣмецкая артиллерія достаточно доказала, что она вовсе не нуждалась въ такихъ мелкихъ облегченіяхъ; она, какъ видно изъ описанія сраженія, нуждалась только въ томъ, чтобы конница попапрасну не мѣшала ея обстрѣлу [3]).

---

[1]) Кеелеръ: „Конница въ сраженіи при Віонвиль и Марсъ-ля-Туръ и проч“: стр. 20. (Kaehler „Die Reiterei in der Schlacht von Vionville und Mars la Tour ꝛc.“)

[2]) Т. 1, стр. 577.

[3]) Объ этомъ просилъ Буденброкъ, какъ значится въ сочиненіи Кеелера, стр. 21.

Все это доказываетъ, что аттака, намѣченная 6ою нѣмецкою кавалерійскою дивизіею, не была подготовлена заранѣе, почему запоздала и оказалась совершенно неудачною, подтвердивъ старую истину, что „кавалерійскіе начальники сами должны ловить моментъ для аттаки и подготовляться къ ней тщательнымъ изученіемъ мѣстности и вообще обстановки боя", чего тутъ, видимо, вовсе не было.

Обѣ отступившія дивизіи Фроссара устраивались за Резонвилемъ; онѣ замѣнены гренадерскою дивизіею императорской гвардіи. Бригада же Ляпассе осталась въ бою.

Со взятіемъ Флявиньи сократился дугообразный фронтъ войскъ Альвенслебена. Нѣмцы достигли теперь главной, посильной своей цѣли; они изъ числа дорогъ ведущихъ отъ Меца на р. Мезу (къ Вердену) совершенно преградили французамъ ближайшій южный путь и втянули послѣднихъ въ бой настолько упорный, что, вообще, дальнѣйшее отступленіе арміи Базена должно было значительно замедлиться.

Для нѣмцевъ насталъ теперь оборонительный періодъ битвы: надо было непремѣнно удержать за собою захваченныя до полудня позиціи, не подвергнувъ себя пораженію; задача въ виду громадныхъ, сравнительно, силъ французовъ далеко не легкая.

Вся наличная артиллерія Альвенслебена стояла уже на позиціи, въ жаркомъ бою, отъ котораго, по временамъ, чувствовался и прежде уже недостатокъ въ снарядахъ, такъ что нѣкоторымъ батареямъ приходилось умѣрять или даже временно, впредь до пополненія, совершенно прекращать огонь; въ иныхъ — подбитыя части постоянно приходилось замѣнять новыми. Уронъ артиллеріи въ людяхъ и лошадяхъ былъ большой; много офицеровъ выбыло изъ строя. Главныя потери происходили отъ огня французской пѣхоты.

Вся пѣхота Альвенслебена растянута была теперь въ одну боевую линію; въ резервѣ у него оставалась одна только конница: 5ая кавалерійская дивизія, Рейнбабена, собравшаяся за центромъ 6ой пѣхотной дивизіи, Буденброка, западнѣе Віонвиля, и 6ая кавалерійская, принца Мекленбургскаго, — позади праваго фланга той-же дивизіи Буденброка, къ югу отъ Віонвиля. Да еще подходилъ къ Тронвилю отрядъ полковника Лемана, командира 37ой пѣхотной бригады отъ 10ой дивизіи (3½ баталіона), отъ котораго одна батарея и 1½ эскадрона уже раньше поспѣли на поле сраженія, опередивъ пѣхоту.

По диспозиціи на 16 августа приказано было Леману „идти на Шамбле (присоединивъ къ себѣ отрядъ Линкера той-же пѣхотной бригады), для того чтобы поддержать конницу Рейнбабена

въ ея усиленной рекогносцировкѣ на востокъ, къ Мецу". Пришедшій къ Шамбле Леманъ пошелъ оттуда на выстрѣлы, и, въ исходѣ 12го часа прибывъ къ Тронвилю, отдалъ себя въ распоряженіе Альвенслебена. Отрядъ же Линкера, какъ уже сказано, еще раньше присоединился къ ближайшей по пути 5ой дивизіи, Штюльпнагеля.

Къ тому времени жестокій до-того бой на восточной части поля сраженія началъ понемногу затихать, ограничиваясь только сильною канонадою. Пруссаки (5ая пѣхотная дивизія съ отрядомъ Линкера) совершенно уже истощили свои силы и не могли думать о дальнѣйшемъ наступленіи. Базенъ же съ своей стороны, подъ вліяніемъ страха за свои сообщенія съ Мецомъ, громоздилъ къ Гравелёту сильные резервы, не подумавъ о томъ, чтобы прикрыть свои сообщенія (разъ онъ за нихъ опасался), посредствомъ рѣшительнаго наступленія своего лѣваго крыла по направленію Понтъ-а-Муссонъ.

Зато на правомъ флангѣ Базена постепенно развертывались массы французовъ, готовыя, казалось, охватить съ лѣваго фланга и задавить сравнительно слабыя силы нѣмцевъ. Тутъ выстраивались дивизіи 6го французскаго корпуса, Канробера, и за ними поспѣшали части 3го корпуса, Ле-Бефа.

Нельзя не замѣтить, что при общемъ значительномъ перевѣсѣ силъ французовъ каждый маневръ и всякое наступленіе сулили имъ несомнѣнный успѣхъ, лишь бы были вполнѣ сознательно обдуманы и затѣмъ настойчиво исполнены. При этихъ условіяхъ пораженіе нѣмцевъ было неизбѣжно.

Альвенслебенъ чувствовалъ опасность своего положенія. Онъ, чтобы усилить и обезпечить свой лѣвый флангъ, двинулъ отрядъ Лемана въ Тронвильскіе кусты (къ сѣверо-западу отъ Віонвиля), а конницѣ Рейнбабена приказалъ двумя бригадами оберегать лѣвый флангъ общаго расположенія нѣмецкихъ войскъ; третью же бригаду, Бредова, Альвенслебенъ оставилъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи.

Во второмъ часу огонь батарей французовъ отъ Римской дороги все усиливался и усиливался; пѣхота ихъ развертывалась. Французы, видимо, готовились къ рѣшительному наступленію на лѣвый флангъ Альвенслебена; послѣдній, не имѣя уже резервовъ, приказалъ кавалерійской бригадѣ Редерна аттаковать восточнѣе Тронвильскихъ кустовъ, съ цѣлью задержать наступленіе французовъ. Приказаніе Редерну передано было лично начальникомъ штаба 3го корпуса, полковникомъ Фохтсъ-Рецомъ, и указано направленіе вдоль Тронвильскихъ кустовъ.

Бредовъ, въ то время, кажется, слишкомъ мало былъ оріентированъ по отношенію общаго положенія дѣлъ; онъ даже не зналъ, что видимая ему въ Тронвильскихъ кустахъ пѣхота — нѣмецкая. Принимая ее за французскую, Бредовъ рѣшилъ направить прямо на кусты по одному эскадрону отъ обоихъ полковъ и подъ прикрытіемъ этихъ двухъ „обреченныхъ на явную гибель и избранныхъ по жребію эскадроновъ“ пойти съ остальными шестью въ аттаку правѣе [1]).

Искусно пользуясь Віонвильскою ложбиною, Бредовъ, совершивъ въ ней скрытное фланговое движеніе къ сѣверу и развернувшись направо въ одну линію (правѣе 16ый уланскій, а лѣвѣе 7ой кирасирскій полки), совершенно неожиданно для французовъ показался въ разстояніи 1.500 шаговъ отъ первой линіи ихъ пѣхоты и ринулся въ аттаку.

Нѣмцы въ геройской своей аттакѣ прорвали пѣхотныя линіи французовъ; рубили орудійную прислугу и лошадей на ихъ батареяхъ [2]); они неудержимо неслись къ востоку, южнѣе Римской дороги, почти прямо на невидимое имъ расположеніе французскихъ кавалерійскихъ дивизій Фортона и Валябрега, значительная часть конхъ двинулась на нѣмецкіе эскадроны. Утомленная длинною, двухъ-верстною аттакою конница Бредова, окруженная со всѣхъ сторонъ и провожаемая и перемѣшанная съ тучею французскихъ всадниковъ, понеслась теперь назадъ среди общей ожесточенной рубки. Впрочемъ французы скоро отстали, убираясь изъ подъ огня собственной же своей пѣхоты и артиллеріи, палившихъ не разбирая по несущимся на западъ толпамъ всадниковъ.

Остатки шести эскадроновъ Бредова собрались у Флявиньи, недосчитавшись около половины своего состава. Между тѣмъ Редернъ для принятія на себя Бредова повелъ одинъ гусарскій полкъ впередъ, между Віонвиль и Флявиньи.

Блистательная аттака Бредова на время заняла французскую пѣхотную дивизію ля-Фонъ-де-Вилье, 6го корпуса, и артиллерію послѣдняго, причинивъ французамъ нѣкоторый уронъ, въ особенности въ артиллерійской прислугѣ. Но она доставила случай легкой побѣды французской конницѣ вообще, а въ особенности бригадѣ Мюрата — такъ легко сдавшей утромъ въ самомъ началѣ сраженія.

Въ противность завѣреніямъ нѣмецкихъ историковъ, позволительно усомниться, чтобы аттака Бредова принесла пруссакамъ су-

---

[1]) Кеелеръ, стр. 27.

[2]) Изъ рапорта генерала Фортона (сочиненіе „Кампанія Рейнской арміи“, стр. 165—67), видно, что это были обѣ батареи его дивизіи.

щественную пользу въ общемъ ходѣ сраженія. Обстоятельство, на которое указываетъ оффиціальная прусская исторія, будто аттака эта „пріостановила наступленіе 6го корпуса, Канробера“ (развѣ одной его дивизіи?), „и что послѣ аттаки Бредова французы не пытались болѣе наступать со стороны Резонвиля“ — ничего не доказываетъ. Французы вообще дѣйствовали вяло, притомъ они, если дѣйствительно расчитывали на развитіе и продолженіе своего праваго крыла для охвата имъ лѣваго фланга нѣмцевъ, то вовсе не нуждались въ фронтальномъ преждевременномъ наступленіи [1]).

Въ заключеніе позволю себѣ добавить, что болѣе нежели смѣло утверждать, чтобы конная аттака нѣсколькихъ эскадроновъ, пронесшаяся среди французовъ минутнымъ ураганомъ и въ концѣ-концовъ на половину уничтоженныхъ, могла оказать дѣйствительное вліяніе на исходъ сраженія. Геройскіе эскадроны Бредова безъ того сдѣлали все что отъ нихъ можно было ожидать; они не нуждаются въ томъ, чтобы прикрашивать ихъ подвигъ еще особыми небывалыми результатами. Подобными натяжками, принимаемыми на вѣру слишкомъ довѣрчивыми энтузіастами, созидаются эфемерные такъ называемые „примѣры“, подражаніе коимъ въ будущемъ можетъ повести только къ самымъ горькимъ разочарованіямъ.

Но какъ бы все это ни было, остается только замѣтить съ точки зрѣнія разбираемаго въ настоящемъ сочиненіи вопроса, что починъ для аттаки Бредова, равно какъ и предыдущаго наступленія 6ой кавалерійской дивизіи, принца Мекленбургскаго, вышелъ отъ главнаго начальника на полѣ сраженія, а не отъ самостоятельнаго порыва кавалерійскихъ начальниковъ. Затѣмъ, способъ аттаки и предметъ дѣйствій избранъ Бредовымъ вполнѣ самостоятельно и по обстоятельствамъ совершенно вѣрно; аттака произведена имъ безъ оглядки, самая рѣшительная. Въ концѣ своего отступленіи Бредовъ былъ товарищески поддержанъ распорядительностью Редерна, выдвинувшаго гусарскій полкъ для принятія на себя обломковъ бригады Бредова.

Наконецъ, нельзя не припомнить, что Бредовъ, находясь позади Тронвиля, до аттаки не позаботился собрать свѣдѣній о томъ, что̀ именно находится въ лежащихъ передъ его фронтомъ Тронвильскихъ кустахъ, мимо конхъ, все равно правѣе или лѣвѣе, лежалъ единственный путь для всякаго возможнаго наступленія его бригады. Точно также приходится констатировать, что и начальникъ штаба корпуса, передавшій Бредову приказаніе „аттаковать“, не

[1]) Деррекаге (Тактика), стр. 220, утверждаетъ, что по отбитіи аттаки Бредова, Канроберъ хотѣлъ аттаковать по направленію на Віонвиль, но что „Базенъ этому воспротивился, опасаясь за свой лѣвый флангъ“.

оріентировалъ послѣдняго относительно весьма важнаго въ данномъ случаѣ обстоятельства, что въ Тронвильскихъ кустахъ находится уже пѣхота Лемана. Это упущеніе и было причиною, по коей шедшій въ аттаку Бредовъ ослабилъ себя двумя эскадронами, направивъ ихъ для прикрытія къ сторонѣ Тронвильскихъ кустовъ.

Послѣ 3 часовъ пополудни противъ лѣваго фланга нѣмцевъ, то есть Тронвильскихъ кустовъ, развернулись значительныя силы французовъ; сюда подошли: двѣ дивизіи 3го корпуса, Ле-Бефа, и одна 4го корпуса, Лямиро.

Подъ сильнымъ огнемъ и натискомъ французовъ, много потерпѣвшія нѣмецкія войска должны были бросить Тронвильскіе кусты и совершенно откинуть назадъ свой лѣвый флангъ, который изъ охватывающаго до того положенія, фронтомъ на востокъ, очутился параллельнымъ шоссе, лицемъ къ сѣверу. Нѣмцы наскоро укрѣплялись въ Тронвилѣ, ставшимъ теперь опорною точкою ихъ крайняго лѣваго фланга. Но на этомъ важномъ пунктѣ нѣмцы имѣли лишь немного уже сильно потерпѣвшихъ баталіоновъ; между тѣмъ какъ ежеминутно можно было ожидать рѣшительнаго напора французовъ.

Корпусъ Альвенслебена, кромѣ обломковъ своей пѣхоты, могъ противуставить теперь французамъ только свои все еще сильныя, но уже чувствующія по временамъ недостатокъ въ снарядахъ, батареи, да безотвѣтныя аттаки храброй конницы. Очевидно, что всего этого было далеко недостаточно; поэтому, въ началѣ 4го часа пополудни положеніе нѣмцевъ становилось крайне опаснымъ; но, точно такъ-же какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ этой войны, нѣмецкія поддержки стремились уже къ угрожаемому пункту.

Изъ войскъ 10го корпуса, какъ сказано прежде, 37ая бригада (отряды Лемана и Липкера) уже сражались вмѣстѣ съ 3мъ корпусомъ. Теперь-же, въ 3½ часа, прибыла на поле сраженія къ Тронвилю, съ юга, голова 20ой пѣхотной дивизіи, а остальная часть 10го корпуса, 38ая бригада, Веделя (Wedell) дивизіи Шварцкопена (Schwartzkoppen), слѣдуя съ запада, подошла въ то время къ Сюземону, близъ Анонвиль (Suzemont, Hannonville), недоходя Марсъ-ля-Тура. Часть принадлежавшей отряду Шварцкопена гвардейской драгунской бригады (5 эскадроновъ) съ конною батареею, опередивъ свой отрядъ еще въ 3мъ часу, прибыла къ лѣвому флангу общаго расположенія нѣмцевъ. Въ 4мъ же часу подходила уже къ Горзъ (версты 2 — 3 отъ поля сраженія) одна бригада 16ой дивизіи 8го корпуса, а за нею потомъ одинъ полкъ 9го корпуса. Остальныя войска того корпуса находились еще за Мозелемъ. Наконецъ, въ 4 часа, прибылъ на поле сраженія къ войскамъ 5ой дивизіи командиръ арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ и принялъ начальство надъ сражавшимися войсками.

Обращаюсь теперь къ описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ подходъ помянутыхъ подкрѣпленій и дѣятельности начальства 2ой арміи, начиная съ послѣдняго.

Въ главной квартирѣ 2ой нѣмецкой арміи, въ Понтъ-а-Муссонъ, до 2 часовъ дня спокойно занимались распоряженіями на слѣдующій день. Тамъ послѣ донесенія Альвенслебена, полученнаго въ 10½ часовъ утра о томъ, что онъ наткнулся на французовъ, „которые (въ моментъ донесенія) отступаютъ къ сѣверу", не получалось, видимо, никакихъ другихъ извѣщеній, а поэтому и не дѣлалось особыхъ распоряженій, лишь на всякій случай, какъ уже сказано, послано 9му корпусу указаніе, чтобы онъ, по возможности еще въ тотъ-же день, исполнилъ передвиженіе къ Марсъ-ля-Туру, назначенное собственно на слѣдующій день. Спокойствіе это прервано было въ 2 часа дня донесеніемъ начальника 20ой дивизіи, генерала Крааца, изъ Тіокура (посланнымъ вѣроятно въ 12омъ часу дня), что 3ій корпусъ находится въ жаркомъ дѣлѣ съ непріятелемъ и что онъ, Краацъ, со своею дивизіею идетъ ему на выручку [1]).

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, безъ того предполагавшій пополудни отправиться къ 3му корпусу, сѣлъ на коня около 3½ часовъ и со своимъ штабомъ поспѣшилъ на поле сраженія черезъ Горзъ. Онъ прибылъ въ расположеніе 5ой дивизіи, проскакавъ въ 55 минутъ 3½ мили, какъ гласитъ спеціальная исторія 2ой нѣмецкой арміи.

Прусскія войска на полѣ сраженія, равно какъ и ранѣе того встрѣчавшіеся принцу по пути необозримые ряды и транспорты раненыхъ 3го корпуса, привѣтствовали любимаго своего начальника предвѣщавшимъ побѣду неописаннымъ восторгомъ [2]).

Ко времени прибытія принца пруссаки на правомъ флангѣ занимали тѣ-же позиціи, которыя захватили первымъ натискомъ, около часа дня. Открытое пространство отдѣляло тутъ обѣ противныя стороны. Фронтальное наступленіе какъ той, такъ и другой, дѣлалось весьма затруднительнымъ, чтобы не сказать—невозможнымъ; впрочемъ, нѣмцы не имѣли въ этомъ никакого уже интереса. Усиливъ тутъ свою артиллерію до 100 орудій прибывшими въ 3емъ часу четырьмя батареями 10го корпуса и тремя отъ 8го корпуса, нѣмцы къ 4 часамъ одною лишь артиллеріею давали жестокій отпоръ разрозненнымъ, впрочемъ, наступательнымъ попыткамъ французовъ; да

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія войны", т 1, стр. 609.

[2]) Принцъ Фридрихъ-Карлъ въ теченіе 10 лѣтъ командовалъ тѣмъ-же корпусомъ. Подобная душевная прочная связь дѣйствительно возможна преимущественно въ арміи какою была въ то время прусская; въ ней корпусъ офицеровъ, не подвергаясь частой перетасовкѣ, сростался со своею частью, которая и укомплектованіе до военнаго состава получала изъ нижнихъ чиновъ, отпускныхъ своей-же части.

и сами пруссаки тоже отбиваемы были всякій разъ, когда свѣже подходившія войска ихъ нетерпѣливо бросались впередъ.

Вообще, на восточной части поля битвы, при данной обстановкѣ, до самаго вечера ничего рѣшительнаго уже приключиться не могло, не смотря на большія силы, нагроможденныя Базеномъ въ окрестности Гравелёта[1]), и на подкрѣпленія, подходившія съ этой стороны къ нѣмцамъ отъ 8го и 9го корпусовъ черезъ Горзъ.

Обращаюсь къ этимъ корпусамъ.

Согласно приведенныхъ выше директивовъ главной королевской квартиры на 16 число, два корпуса 1ой арміи (7ой и 8ой) должны были перейти на линію Силеньи (на р. Сейль) — Арри (на р. Мозель), фронтомъ на Мецъ; причемъ устроить переправу черезъ Мозель, если таковая не устроена 3^мъ^ корпусомъ. Съ своей стороны начальство 2ой арміи диспозиціею на 16 число распорядилось, чтобы 9ый корпусъ изъ Верни перешелъ въ тотъ день самымъ малымъ переходомъ къ Силеньи, съ тѣмъ чтобы лишь на слѣдующій день, 17 числа, переправиться черезъ Мозель у Новэань и идти на Горзъ за 3^мъ^ корпусомъ.

Такимъ образомъ 9ый корпусъ въ ночь съ 16 на 17 августа очутился бы непосредственно позади обоихъ поименованныхъ корпусовъ 1ой арміи, или, пожалуй, на ихъ правомъ флангѣ, коль скоро они въ видѣ прикрытія общаго фланговаго движенія 2ой арміи стояли какъ будто фронтомъ на Мецъ. Но между тѣмъ генералъ Мольтке, видимо обезпокоенный обособленностью 3го корпуса, направленнаго 16 числа въ тылъ Мецу, послалъ съ офицеромъ генеральнаго штаба, въ 7¼ часовъ утра, изъ Эрни непосредственное открытое предписаніе, въ которомъ значилось:

„9^му^ корпусу, буде возможно, сегодня перейти переправу, устроенную 3^имъ^ корпусомъ, или по крайней мѣрѣ дойти вплоть до рѣки. Поэтому нужно, чтобы 1ая армія пропустила впередъ означенный корпусъ, и сообразно сему слѣдуетъ перемѣнить бивуачные пункты 8го корпуса“.

Дивизія Барнекова (отъ 8го корпуса), въ составѣ одной только бригады Война, — такъ какъ другая не вернулась еще изъ неудачнаго поиска своего противъ Диденхофенъ (Тіонвиль), — послѣ 11 часоваго марша 15 числа выступила на другой день, въ 6 часовъ утра, и около полудня прибыла къ Арри, на р. Мозелѣ. Въ это время послышалась сильная канонада въ сѣверо-западномъ напра-

---

[1]) Тутъ впачалѣ была гвардія, смѣненная потомъ двумя дивизіями Фроссара, далѣе, дивизія Левасоръ 6-го корпуса, наконецъ туда-же по необходимости должны были подойти отставшія дивизіи Метмана и Лёрансе (3-го и 4-го корпусовъ).

вленіи, и вдали надъ Горзъ видны были большіе клубы дыма, свидѣтельствовавшіе о жаркомъ въ этой сторонѣ дѣлѣ.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что 3ій корпусъ находится въ упорномъ неравномъ бою между Горзъ и Резонвиль, и будто ощущается уже недостатокъ въ зарядахъ. Вслѣдъ затѣмъ одна за другою поступили отъ 5ой дивизіи просьбы о поддержкѣ. Барнековъ донесъ объ этомъ въ штабъ корпуса и получилъ указаніе послѣдовать приглашенію 5ой дивизіи и принять участіе въ бою по своему усмотрѣнію. На этомъ основаніи Барнековъ пошелъ въ бой съ наличными войсками своей дивизіи. За нимъ, какъ сказано ниже, послѣдовалъ черезъ нѣкоторое время одинъ изъ полковъ 18ой дивизіи 9го корпуса. Что же касается 15ой дивизіи 8го корпуса, то она уже въ 9 часовъ утра у Шершэ наткнулась на колонны 9го корпуса и остановилась въ исполненіе предъявленнаго ей открытаго приказанія генерала Мольтке.

Генералъ Врангель, начальникъ 18ой дивизіи 9го корпуса, очутившейся непосредственно за дивизіею Барнекова, получилъ отъ своего корпуснаго командира, генерала Манштейна, на 16 число безусловное приказаніе „не дѣлать никакихъ передвиженій безъ его (Манштейна) распоряженія“. Тѣмъ не менѣе Врангель по предложенію командира 8го корпуса, генерала Гебена, согласился дать въ распоряженіе Барнекова головной свой пѣхотный 11ый полкъ. Такъ по крайней мѣрѣ представляется дѣло это въ спеціальной исторіи 1ой нѣмецкой арміи. Изъ оффиціальной же исторіи прусской арміи [1]) можно вывести заключеніе, что 11му полку было поручено только занятіе и обезпеченіе переправы у Корни, но что командиръ этого полка, полковникъ Шенингъ, въ виду жаркаго боя впереди Горза, полагалъ, что „двинувшись впередъ по направленію поля битвы надежнѣе всего прикроетъ переправу“.

Согласно этой версіи невидно, что бы Шенингъ получилъ приказаніе или разрѣшеніе „присоединиться къ войскамъ 8го корпуса“, а дѣйствовалъ онъ на свою отвѣтственность. Мало того, Шенингъ, находясь уже на той сторонѣ рѣки, позади бригады Рекса, получилъ около 6 часовъ пополудни отъ своего начальства приказаніе „вернуться на свои бивуаки“ (надо полагать къ Корни); но такъ какъ одновременно съ этимъ Шенингъ получилъ приглашеніе идти въ бой на выручку Рексу, то онъ разсудилъ, что отдававшему ему приказаніе „вернуться назадъ“ не было извѣстно, что нѣмецкія войска находятся въ жаркомъ неравномъ бою съ непріятелемъ, и поэтому онъ, какъ говоритъ оффиціальная прусская исторія

[1]) Т. 1, стр. 630.

*

войны [1]) „не колебался ни минуты, чтобы рѣшить вопросъ куда долгъ повелѣваетъ ему идти". Шенингъ пошелъ въ бой на выручку своимъ и нашелъ тамъ скоро славную смерть во главѣ своего полка.

Что касается остальныхъ войскъ 9го корпуса, то изъ нихъ только одна бригада 25ой гессендармштатской дивизіи (4 баталіона, 4 эскадрона и 3 батареи), послѣ мѣшкотной переправы черезъ узкій, качающійся висячій мостъ между Корни и Новэанъ, приняла подъ вечеръ небольшое участіе въ бою въ лѣсу, на крайнемъ правомъ флангѣ общаго расположенія нѣмцевъ. Принадлежащія этой бригадѣ три батареи подъ прикрытіемъ конницы, опередивъ пѣхоту, присоединились къ батареямъ 5ой прусской дивизіи. Такимъ образомъ, кромѣ этихъ батарей и самовольно, такъ сказать, попедшаго въ бой полка Шенинга, 9ый корпусъ не далъ въ сущности 3^му^ корпусу должной и крайне нужной поддержки.

Изъ оффиціальной прусской исторіи [2]) видно, что командиръ 9го корпуса, генералъ Манштейнъ, въ виду перенесенныхъ до того войсками трудовъ, не полагалъ въ теченіе 16 числа зарываться впередъ противъ указаннаго ему въ диспозиціи; отсюда, быть можетъ, и произошло положительное по корпусу приказаніе — „не дѣлать въ теченіе 16 числа никакихъ передвиженій безъ особаго на то распоряженія корпуснаго командира".

Только въ 3 часа пополудни, получивъ извѣстіе о желаніи главной королевской квартиры, чтобы 9ый корпусъ по возможности еще 16 числа совершилъ передвиженіе, назначенное на 17ое, Манштейнъ далъ своимъ войскамъ приказаніе переправиться на ту сторону Мозеля, у Арри и Корни.

Командиръ 25ой дивизіи, принцъ Гессенскій, какъ значится въ оффиціальной исторіи, еще ранѣе зналъ о видахъ главной королевской квартиры и готовился къ переправѣ, а изъ исторіи 1ой арміи [3]) можно заключить, что командиръ другой дивизіи 9го корпуса, а именно 18ой, Врангель, уже около полудня, или немного позже узналъ о дѣлѣ сѣвернѣе Горзъ и о томъ, что части 8го корпуса идутъ туда въ бой. Однако оба они, въ противность обычной рѣшимости нѣмецкихъ начальниковъ, не посмѣли предупредить приказаній своего корпуснаго командира.

Но какъ бы все это ни было, принцъ Фридрихъ-Карлъ еще въ началѣ 5го часа убѣдился, что въ этотъ день правымъ нѣмецкимъ крыломъ не удастся уже нанести французамъ окончательнаго удара,

---

[1]) Т. 1, стр. 632.
[2]) Т. 1, стр. 634.
[3]) Стр. 102.

а потому онъ рѣшилъ произвести аттаку своимъ лѣвымъ крыломъ, которое къ тому времени усилилось свѣжими войсками 10го корпуса изъ колонны генерала Крааца [1]).

Въ этихъ видахъ принцъ, переѣхавшій между тѣмъ къ Флявиньи, переслалъ генералу Краацу, около 5 часовъ пополудни, приказаніе „наступать на правое непріятельское крыло съ барабаннымъ боемъ всѣми въ распоряженіи находящимся силами".

Въ это время у Крааца было налицо только 8 баталіоновъ, изъ коихъ нѣкоторые уже были въ бою въ Тронвильскихъ кустахъ, почему Краацъ, донося объ этихъ обстоятельствахъ, обѣщалъ атаковать „когда соберетъ достаточныя силы" [2]). Надо предполагать, что на рѣшеніе Крааца вліяло и превосходство силъ французовъ, болѣе замѣтное ему нежели принцу Фридриху-Карлу.

Перехожу къ дѣйствіамъ войскъ 10го корпуса.

Командиръ 10го корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, какъ уже сказано выше, видимо не раздѣлялъ нѣсколько оптимистическаго воззрѣнія начальства 2ой арміи насчетъ вполнѣ безопаснаго положенія 3го корпуса при движеніи послѣдняго въ тылъ Меца, на Віонвиль и Марсъ-ля-Туръ. Приказавъ подчиненной себѣ 5ой кавалерійской дивизіи, Рейнбабена, утромъ 16 числа произвести усиленную рекогносцировку отъ Марсъ-ля-Туръ къ Мецу, Фохтсъ-Рецъ, какъ извѣстно, распорядился объ усиленіи Рейнбабена конною артиллеріею и пѣхотною бригадою Лемана (6 баталіоновъ, 4 эскадрона, 12 орудій). Туда-же онъ направилъ начальника штаба корпуса, полковника Каприви, для наблюденія за ходомъ событій.

Самъ Фохтсъ-Рецъ слѣдовалъ при колоннѣ Шварцкопена (7 баталіоновъ, 1 эскадронъ, 12 орудій), выступившей рано утромъ изъ Тіокуръ въ Сентъ-Илеръ. Впереди шла подчиненная Фохтсъ-Рецу гвардейская драгунская бригада (7 эскадроновъ съ конною батареею). Справа слабо слышалась пушечная пальба со стороны конницы Рейнбабена. Фохтсъ-Рецъ немедленно направился съ эскадрономъ въ ту сторону и по пути получилъ донесеніе Каприви о боѣ Рейнбабена и отъ Лемана, что бригада его (отряды Лемана и Линкера) направилась прямо на огонь. Прибывъ къ Тронвилю, Фохтсъ-Рецъ увидѣлъ, что весь 3^ій корпусъ ввязался въ серіозное дѣло, и сейчасъ послалъ приказанія своимъ колоннамъ поспѣшить на поле битвы.

Но между тѣмъ главная колонна 10го корпуса, 20ая пѣхотная дивизія, генерала Крааца, съ корпусною артиллеріею (12 баталіо-

[1]) Обстоятельства, сопровождавшія прибытіе Крааца на поле битвы (ему назначенъ былъ ночлегъ въ Тіокурѣ), изложены ниже.

[2]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 91.

новъ, 4 эскадрона и 8 батарей) въ 11½ часовъ утра достигла своего ночлега по диспозиціи, то есть Тіокура; тамъ получено увѣдомленіе Капрпви, что разыгралось дѣло. Это обстоятельство окончательно утвердило Крауца въ его мысли идти на капонаду, которую онъ слышалъ еще въ пути. Колонна Крауца, ускоряя по возможности свое движеніе, пошла теперъ прямо на Тронвиль.

Крауцъ выслалъ впередъ офицера генеральнаго штаба для ознакомленія съ мѣстностью и ходомъ дѣла; самъ же онъ подъѣхалъ къ Флявиньи. Замѣтивъ между тѣмъ, что центръ расположенія 3го корпуса нуждался въ поддержкѣ, Крауцъ направилъ туда, къ лѣвому флангу 5ой пѣхотной дивизіи, полкъ и 4 батареи. Между тѣмъ начальникъ корпусной артиллеріи 10го корпуса, полковникъ Гольцъ, испросилъ у Крауца разрѣшеніе ѣхать впередъ съ двумя батареями, подъ прикрытіемъ драгунскаго полка; но послѣдняго уже не оказалось; онъ еще раньше двинулся впередъ и присоединился къ конницѣ Рейнбабена. Тогда Гольцъ отправился съ своими батареями безъ прикрытія и подходя къ Тронвилю спялся съ передковъ на позиціи, указанной ему помянутымъ офицеромъ генеральнаго штаба.

Главныя силы пѣхоты 20ой дивизіи, по мѣрѣ прибытія (за исключеніемъ 4 баталіоновъ оставленныхъ въ резервѣ у Тронвиля), направлены съ приказаніемъ отбить у французовъ Тронвильскіе кусты, что и удалось около 5 часовъ пополудни. Такимъ образомъ тутъ возстановлено прежнее положеніе, бывшее до появленія французскихъ корпусовъ Канробера и Ле-Бефа.

О дальнѣйшемъ же рѣшительномъ наступленіи согласно приказаній принца Фридриха-Карла думать было невозможно.

И безъ того, въ сущности, весьма благопріятный для нѣмцевъ результатъ боя на лѣвомъ ихъ флангѣ не можетъ быть, конечно, отнесенъ единственно къ дѣйствію нѣсколькихъ свѣжихъ ихъ баталіоновъ, какъ бы храбро они ни дѣйствовали. Настоящая причина успѣха нѣмцевъ кроется въ вяломъ вообще дѣйствіи французовъ. Начальники послѣднихъ, лишенные всякой самостоятельности, привыкли ждать указаній свыше, то есть въ настоящемъ случаѣ отъ Базена.

Но Базенъ самъ, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Меца, заботился болѣе о безопасности своего лѣваго фланга, почему и удерживалъ сильные резервы у Гравелёта, какъ будто менѣе заботясь о своемъ правомъ крылѣ. Съ другой стороны, подошедшій на правый флангъ общаго французскаго расположенія, командиръ 6го коршуса, генералъ Лямиро, мѣшкалъ, видимо, по причинѣ свѣдѣній о движеніи ему во флангъ со стороны Анонвиль и Виль-

сюръ-Иронъ „большихъ силъ нѣмцевъ“. Это была колонна генерала Шварцкопена, т. е. остатокъ 19ой дивизіи, именно 38ая бригада (5½ баталіоновъ и 12 орудій); впереди этой колонны находилась гвардейская драгунская бригада (налицо 6 эскадроновъ) съ конною батареею [1]).

Обращаюсь къ этому отряду:

Колонна Шварцкопена, двигаясь по диспозиціи на Сентъ-Иллеръ, достигла этого пункта до полудня. По пути разъѣзды ея разслышали не слишкомъ внятную пальбу, а такъ какъ гулъ дальняго боя не прекращался, то командиръ драгунской бригады, генералъ графъ Бранденбургъ, съ разрѣшенія Шварцкопена направился съ однимъ полкомъ и батареею прямо на Марсъ-ля-Туръ.

Самъ Шварцкопенъ „не считалъ пока нужнымъ уклоняться съ своею колонною туда-же, на востокъ, съ общаго своего сѣверо-западнаго направленія, полагая, что ему быть можетъ придется идти и далѣе въ этомъ-же направленіи на Этенъ, на перерѣзъ отступающей французской арміи, съ аріергардомъ коей въ состояніи справиться 3й прусскій корпусъ, поддержанный бригадою его-же дивизіи“. Наконецъ, Шварцкопенъ зналъ, что его командиръ корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, направился въ сторону дѣла и ожидалъ приказаній послѣдняго. По всѣмъ этимъ причинамъ Шварцкопенъ полагалъ остановиться у Сентъ-Иллеръ. Пока-же, онъ сдѣлалъ распоряженіе о развѣдкѣ къ Этену, лежащему на другомъ, болѣе сѣверномъ шоссейномъ пути, по коему могли двигаться французы, отступавшіе отъ Меца къ Вердену.

Отрядъ Шварцкопена не успѣлъ еще стянуться къ Сентъ-Иллеръ и выставить аванпосты, какъ вскорѣ послѣ 12 часовъ было получено имъ приказаніе командира корпуса, призывающее отрядъ „къ Шамбле, для поддержки 3го корпуса“. Между тѣмъ Шварцкопенъ узналъ, что 37ая бригада находится въ жаркомъ бою сѣвернѣе Тронвиля (сѣвернѣе Шамбле) и поэтому онъ взялъ направленіе не на Шамбле, то есть болѣе вправо, а прямо по шоссе на Марсъ-ля-Туръ (нѣсколько сѣвернѣе Тронвиля), расчитывая, что въ этомъ направленіи онъ или войдетъ прямо къ флангу 37ой пѣшей бригады, если она еще держится, или же аттакуетъ флангъ французовъ, если послѣдніе потѣснятъ означенную бригаду. Около 3½ часовъ пополудни Шварцкопенъ достигъ Сюземона и Анонвиль.

Весьма удачно избранное Шварцкопеномъ направленіе было причиною большаго переполоха на сторонѣ французовъ, начальники

---

[1]) Остальныя войска этой колонны оставлены въ окрестности Сентъ-Иллеръ.

коихъ какъ будто искали предлоговъ для оправданія своей нерѣшительности и отсутствія энергіи.

По пути Шварцкопенъ получилъ приказаніе Фохтсъ-Реца, данное съ высотъ Тронвиля въ 3½ часа, въ коемъ излагалось, что положеніе дѣла весьма опасное, и требовалось, чтобы Шварцкопенъ аттаковалъ французовъ въ правый ихъ флангъ, съ указаніемъ, что лѣвый флангъ Шварцкопена прикрывается кавалерійскою дивизіею. Но пока Шварцкопенъ къ 5 часамъ пополудни поспѣлъ на поле сраженія, обстоятельства для нѣмцевъ уже нѣсколько измѣнились къ лучшему; лѣвый ихъ флангъ опять двигался впередъ и вновь занялъ Тронвильскіе кусты.

Шварцкопенъ рѣшилъ немедленно воспользоваться этимъ выгоднымъ обстоятельствомъ и съ своей стороны аттаковать флангъ французовъ, направляясь на Брювиль (Bruville), лѣвѣе Тронвильскихъ кустовъ. Драгунской гвардейской бригадѣ Бранденбурга онъ приказалъ идти восточнѣе Марсъ-ля-Тура, на Виль-сюръ-Ironъ (Ville sur Yron), для прикрытія фланга своей пѣхоты и нападенія на правый флангъ французовъ, совмѣстно съ 5ою кавалерійскою дивизіею, которая, согласно сообщенію Фохтсъ-Реца, предполагалась въ этой сторонѣ. Прибывшій командиръ корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, одобрилъ предположенія Шварцкопена.

Но на дѣлѣ къ тому времени не только 5ая кавалерійская дивизія, оставаясь у Тронвиля, т. е. правѣе отряда Шварцкопена, не могла прикрывать лѣваго фланга Шварцкопена, но даже и подчиненная послѣднему конница Бранденбурга задержана была у Марсъля-Туръ порученіемъ командира корпуса „прикрыть стоявшіе тамъ на позиціи батареи“. Только гвардейская конная батарея, подъ прикрытіемъ одного эскадрона драгунъ, случайно взяла указанное Шварцкопеномъ направленіе, составляя все обезпеченіе наружнаго его фланга.

При такой обстановкѣ Шварцкопенъ пятью своими наличными баталіонами 38ой пѣхотной бригады Веделя и двумя піонерными ротами, построенными въ двѣ линіи ротъ и полубаталіоновъ, повелъ рѣшительную аттаку. Эта слишкомъ смѣлая аттака, какъ и многія другія дѣйствія со стороны нѣмцевъ въ тотъ день, основывалась на убѣжденіи, что имъ противустоитъ только часть арміи Базена, т. е. ея аріергардъ.

Пущенная въ аттаку бригада Веделя, вмѣсто того, чтобы попасть на флангъ французовъ, наткнулась прямо на фронтъ ихъ дивизіи Гренье отъ 4го корпуса, Лямиро, расположенной, вдобавокъ, за оврагомъ съ частью отвѣсными нижними краями.

Не смотря на тяжелыя потери, баталіоны Веделя, тогда уже въ видѣ почти одной только общей стрѣлковой цѣпи, дружнымъ

натискомъ ворвались на тотъ край оврага; но тутъ они очутились лицемъ къ лицу съ французами, въ разстояніи 150—100 и даже до 30 шаговъ. Затрещалъ убійственный взаимный огонь; въ то-же время на правый флангъ дивизіи Гренье бѣглымъ шагомъ выдвинулись части дивизіи Сиссэ того-же корпуса и бросились на сильно разстроенныхъ нѣмцевъ. „Еще нѣсколько минутъ неравнаго боя и обломки бригады Веделя скатываются обратно въ оврагъ и отходятъ подъ близкимъ, убійственнымъ огнемъ, усилившимъ ея потери почти до уничтоженія“ [1]).

Большинство офицеровъ бригады Веделя легло убитыми и ранеными. Изъ старшихъ начальниковъ контуженъ самъ Ведель; убитъ командиръ полка, подполковникъ Роэль; подъ другими перебиты лошади. Единственный, оставшійся верхомъ полковникъ Кранахъ со знаменемъ въ рукѣ повелъ остатки бригады назадъ къ шоссе. „Послѣ непрерывнаго почти марша въ 6 миль и жаркаго боя люди были въ крайнемъ изнеможеніи; болѣе 300 человѣкъ не имѣли уже силъ подняться обратно изъ оврага и попали въ плѣнъ“.

Между тѣмъ, три батареи, провожавшія баталіоны Веделя почти до самаго оврага, остались однѣ на своей позиціи, самоотверженно и съ громадными потерями прикрывая теперь отступленіе своей пѣхоты. Нѣкоторыя орудія очутились только на парѣ лошадей; всѣ командиры батарей и бывшій при батареяхъ начальникъ артиллеріи корпуса, полковникъ Гольцъ, лишились лошадей. Батареи начали отступленіе уступами [2]).

Аттака Веделя, видимо, вывела французовъ изъ ихъ инертнаго равновѣсія. Они, какъ будто нуждаясь въ какомъ нибудь толчкѣ извнѣ, потянулись теперь за отступающими нѣмцами, а кавалерійскія массы французовъ (такъ по крайней мѣрѣ казалось нѣмцамъ) ежеминутно могли обрушиться на сильно пошатнувшійся лѣвый флангъ противника. Ближайшая же опасность грозила уходившимъ останкамъ бригады Веделя и прикрывавшей ихъ артиллеріи. Было это незадолго до 6 часовъ пополудни.

На первое время надобно было во что-бы то нистало задержать французовъ, преслѣдовавшихъ остатки 38ой бригады. Эта задача выпала на долю 1го драгунскаго гвардейскаго полка. Послѣ труднаго дебушпированія, три эскадрона (четвертый оставленъ позади, въ резервѣ) стройно и стремительно бросились на правый флангъ наступавшей французской пѣхоты, главнымъ образомъ на 13ый линейный

---

[1]) По свидѣтельству прусской оффиціальной исторіи войска эти потеряли 60% своего состава.

[2]) „Нѣмецкая артиллерія въ битвахъ подъ Мецомъ“, ч. 2, стр. 63—64.

полкъ дивизіи Гренье и заставили его скучиться у своего орла, составивъ отличную цѣль для нѣмецкой артиллеріи. Правѣе драгунъ, для поддержки ихъ, двинулись два эскадрона кирасиръ, но подъ сильнымъ огнемъ до аттаки не дошли. Дорого обошлась драгунамъ молодецкая ихъ аттака; они потеряли 12 штабъ и оберъ-офицеровъ, около $^1/_3$ людей и $^2/_3$ лошадей. Самъ командиръ полка, полковникъ Ауерсвальдъ (Auerswald), смертельно раненый, успѣлъ еще поблагодарить полкъ и вмѣстѣ съ нимъ прокричать „ура!“ въ честь короля, послѣ чего сдалъ команду ротмистру Гогенцоллерну [1]). Ауерсвальдъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Цѣль аттаки драгунъ была вполнѣ достигнута; французы и на этотъ разъ поддались первому внѣшнему толчку и, прекративъ преслѣдованіе, отошли назадъ. Обломки бригады Веделя спасались къ Тронвилю, а батареи, отойдя, заняли позицію у Мецкаго шоссе и вмѣстѣ съ другими дали новую твердую опору пошатнувшемуся было лѣвому флангу нѣмецкой боевой линіи.

Другой и на этотъ разъ большой, чисто кавалерійскій бой разыгрался вслѣдъ за тѣмъ на крайней западной части общаго поля сраженія, т. е. на лѣвомъ флангѣ нѣмцевъ и правомъ французовъ. Бой произошелъ на части длинной, открытой, возвышенной полосы, шириною немного болѣе версты, которая служитъ раздѣломъ двухъ ручьевъ, текущихъ на сѣверъ въ глубокихъ, частью овражистыхъ долинахъ. Изъ этихъ ручьевъ незначительный восточный начинается у Марсъ-ля-Тура, протекая близъ фермы Грюеръ (Gruyère) и далѣе у Жарни, а западный, побольше, въ видѣ рѣчки, называемый Ironъ (Yron), протекаетъ у Аноивиль (на Мецъ—Верденскомъ шоссе), а потомъ у Виль-сюръ-Ironъ и Конфлянъ. Часть этой мѣстности, т. е. собственно поле боя, совершенно открыта и тянется отъ шоссе Мецъ—Верденъ версты на 3—4 до лѣса, который, преграждая все поле, лежитъ сѣвернѣе Гранжъ (Grange, у Виль-сюръ-Ironъ).

Причиною столкновенія тутъ большихъ массъ конницы было, съ одной стороны, вполнѣ раціональное стремленіе командира 10го нѣмецкаго корпуса, генерала Фохтсъ-Реца, усилить и поддержать, по возможности, лѣвый флангъ общаго расположенія нѣмцевъ, находившихся тогда дѣйствительно въ критическомъ положеніи, а съ другой, ни на чемъ не основанное опасеніе командира право-фланговаго французскаго корпуса, генерала Лямиро, которому чудились какія-то громадныя массы (des masses énormes), будто угрожавшія его наружному, правому флангу [2]).

[1]) Кеелеръ, стр. 43.

[2]) Вотъ какъ Лямиро объяснилъ это дѣло передъ парламентскою коммисіею: Прибылъ онъ лично около полудня въ Брювиль; при немъ находилась его кавалерій-

Спасеніе свое Лямиро видѣлъ въ кавалерійской аттакѣ по направленію на Марсъ-ля-Туръ. Для исполненія были на лице дивизія Ле-Гранъ (три полка), гвардейская бригада де-Франсъ (два полка) и полкъ африканскихъ егерей резервной дивизіи дю-Баре, который впрочемъ, независимо приказаній Лямиро, предупредилъ, кажется, остальную наличную французскую конницу и первый появился на полѣ предстоявшей конной свалки. Вообще со стороны французовъ пошло въ дѣло 29 эскадроновъ силою почти въ 3.000 коней.

Видимо, мысль о кавалерійскомъ наступленіи родилась у французовъ и сдѣланы у нихъ соотвѣственныя распоряженія въ то еще время, когда нѣмецкая бригада Веделя только-что подошла съ запада къ Марсъ-ля-Туру и готовилась къ столь гибельной для себя, описанной выше аттакѣ. Исполненіе со стороны французской конницы послѣдовало значительно позже, то есть уже послѣ отбитія аттаки Веделя. Притомъ наступленіе французовъ какъ будто не имѣло характера самостоятельнаго рѣшительнаго стремленія „впередъ“, а вызвано было скорѣе смѣлымъ и назойливымъ дѣйствіемъ прусской гвардейской конной батареи, дѣйствовавшей подъ прикрытіемъ одного эскадрона гвардейскихъ драгунъ изъ отряда Шварцкопена. Къ нимъ и обращаюсь.

Надо припомнить, что отрядъ Шварцкопена, подойдя къ Марсъ-ла-Туру, прикрылъ себя слѣва пятью эскадронами гвардейскихъ драгунъ бригады Бранденбурга съ конною батареею, выдвинутыхъ на высоту Виль-сюръ-Ironъ. Между тѣмъ командиръ 10го корпуса, генералъ Фохтсъ-Рецъ, ошибочно предполагая, что наружный флангъ Шварцкопена прикрытъ 5ю кавалерійскою дивизіею, отозвалъ одинъ гвардейскій драгунскій полкъ, такъ что въ этой сторонѣ (восточнѣе Виль-сюръ-Ironъ) осталась всего на все, какъ сказано, одна гвардейская конная батарея съ однимъ лишь эскадрономъ.

Въ то время за фермою Грюеръ находились французскіе африканскіе егеря и три полка дивизіи Ле-Грана, а далѣе, ближе къ Брювилю — гвардейская бригада де-Франсъ. Конная же дивизія Клерамбо (въ составѣ 20 эскадроновъ), присланная Ле-Бефомъ, находилась еще дальше, у Брювиля.

ская дивизія Ле-Гранъ, которой данъ отдыхъ во вниманіе того, что она съ 4 часовъ утра была на ногахъ. Около 5 часовъ подошла гвардейская конная бригада де-Франсъ (уланы и гусары), которые утромъ провожали императора.

„Я обратился къ нимъ“ (говоритъ Лямиро) и сказалъ: „громадныя массы угрожаютъ мнѣ справа; наши 12 фунтовыя орудія держатся противъ ихъ артиллеріи; но противникъ усиливается съ каждою минутою, и хотя непріятельская пѣхота не спускалась съ высотъ Тронвиля, но видны застрѣльщики со стороны Марсъ-ля-Тура. Пора аттаковать; освободите меня отъ этихъ массъ и мой правый флангъ будетъ спасенъ. Начальники этихъ войскъ были исполнены энтузіазма; тамъ были генералы дю-Баре, де-Франсъ и Ле-Гранъ, который былъ величественъ“. (Базенъ, стр. 82—83).

Поименованная прусская гвардейская батарея (Пляница) испросила себѣ разрѣшеніе двинуться впередъ; пользуясь удобнымъ расположеніемъ за оврагомъ, она снялась съ передковъ противъ фермы Грюеръ и около 4½ часовъ пополудни открыла фланговый огонь по ближайшей французской конницѣ, мало заботясь о превосходствѣ силъ противника.

Въ виду этого французскіе африканскіе конные егеря, перейдя оврагъ, накинулись на батарею Пляница, которая спаслась только быстрымъ отступленіемъ къ Марсъ-ля-Туру, да и то благодаря самоотверженной контръ-аттакѣ прикрывавшаго батарею эскадрона гвардейскихъ драгунъ. Смявшіе драгунъ французскіе егеря, разстроенные столкновеніемъ, неслись теперь въ безпорядкѣ вмѣстѣ съ пруссаками по направленію на югъ, къ Марсъ-ля-Туру. Но въ то время выѣхалъ уже впередъ головной полкъ прусской конной дивизіи Рейнбабена, 13ый драгунскій, Браушича (Brauschitsch). Полкъ этотъ принялъ на себя гвардейскихъ драгунъ и сильно погналъ французскихъ егерей; но затѣмъ, видя приближающіяся большія массы французской конницы, полкъ отошелъ назадъ, собрался и устроился.

Указанный эпизодъ служилъ началомъ общаго большого кавалерійскаго столкновенія, въ которое нѣмцы ввели 22 эскадрона численностью въ 3.000 коней, т. е. силы равныя французскимъ.

Подробный разборъ этого весьма поучительнаго общаго кавалерійскаго боя выходитъ изъ предѣловъ задачъ настоящаго сочиненія; можно впрочемъ замѣтить слѣдующее: со стороны французовъ не было ни общаго управленія, ни направленія. Насколько конница ихъ мешкала до наступленія, настолько опрометчиво, хотя и храбро, дѣйствовала она въ бою.

Ле-Гранъ пошелъ въ аттаку въ 7омъ часу, не дождавшись нетолько подхода дивизіи Клерамбо, но даже гвардейской бригады де-Франсъ, и былъ опрокинутъ. Нескоро подоспѣвшій съ невполнѣ выстроенною бригадою де-Франсъ не могъ уже возстановить дѣла, и послѣ получасовой всеобщей схватки (6.000 всадниковъ), которую французскій писатель Бони (Bonie) уподобляетъ „бѣшенному, вращаемуся вокругъ своей оси смертоносному урагану“, французы отхлынули за Грюерскій оврагъ, снося съ собою только теперь подходившую головную конно-егерскую бригаду Брюшара дивизіи Клерамбо (Bruchard, Clérembault) [1]).

Со стороны нѣмцевъ бой этотъ веденъ былъ дружно и связно; въ немъ принялъ весьма дѣятельное и полезное для нѣмцевъ уча-

[1]) По французскимъ источникамъ отступленіе это произошло по недоразумѣнію, вслѣдствіе сигналовъ „къ сбору“.

стіе одинъ драгунскій гвардейскій эскадронъ, бывшій въ боковомъ разъѣздѣ отъ отряда Шварцкопена.

Однако нѣмцы, завладѣвъ полемъ битвы, очутились подъ огнемъ французской конницы, отступившей частью въ лѣсъ, къ сѣверу, и пѣхоты съ восточной стороны, а также и французской артиллеріи. Поэтому нѣмецкая конница собравшись отошла назадъ, къ Марсъ-ля-Туру. До того еще другой драгунской бригадѣ Мобранша (Goyault de Maubranche) дивизіи Клерамбо удалось наконецъ дебушировать на плато. Французскіе драгуны накинулись на отставшихъ или занесшихся нѣмецкихъ всадниковъ; они утвердились на сѣверной части коннаго побоища и наблюдали за отходящими нѣмцами. Бой прекратился.

Ле-Гранъ и два командира прусскихъ полковъ нашли славную смерть во главѣ своихъ эскадроновъ. Раненый французскій бригадиръ Монтегю (Montaigu) взятъ въ плѣнъ.

Обѣ стороны какъ будто достигли своихъ цѣлей, и обѣ приписываютъ себѣ побѣду: нѣмцы какъ взявшіе верхъ при общей схваткѣ, а французы какъ обладатели поля битвы послѣ отхода нѣмцевъ. Но по существу побѣда нетолько тактическая, но и стратегическая принадлежитъ нѣмцамъ. Дѣйствительно для нѣмцевъ, очутившихся въ бою 16 августа значительно слабѣе французовъ и имѣвшихъ главною цѣлью остановить движеніе арміи Базена, достаточно было хотя-бы удержаться вообще на полѣ битвы; поэтому-то нѣмцы послѣ пораженія бригады Веделя двинули массы своей кавалеріи, чтобы задержать противника. Для французовъ же, отступавшихъ къ Вердену, напротивъ того, предстояла крайняя необходимость самымъ рѣшительнымъ наступленіемъ, во что́ бы то ни стало „разбить противника“, въ особенности противъ своего праваго фланга; поэтому они никакъ не должны были удовольствоваться однимъ только отбитіемъ непріятеля.

Но, какъ бы то ни было, достаточно сказать, что бездѣйствіе французовъ дозволило остаткамъ бригады Веделя собраться за Тронвилемъ и кое-какъ устроиться. Войска дивизіи Крааца, бывшія частью въ Тронвильской рощѣ, а частью за нею — въ резервѣ, и вовлеченныя въ отступленіе сосѣдней бригады Веделя, оправились и заняли прежнее расположеніе. Боевая линія нѣмцевъ на этой части поля битвы опять окрѣпла [1]).

[1]) Въ оффиціальной прусской исторіи сказано, что по недоразумѣнію передано офицеру присланному Краацемъ, что „надо собраться у Тронвиля“, т. е. отойти назадъ. Вслѣдствіе чего бо́льшая часть войскъ Крааца бывшихъ въ Тронвильскихъ кустахъ очистила ихъ. Однако Краацъ, замѣтивъ, что французы не пользуются неудачею Веделя, вернулъ войска въ лѣсъ, предупредивъ этимъ новое приказаніе свыше.

Вечеръ приближался, а съ нимъ и увѣренность, что посильная задача этого дня рѣшена нѣмцами удовлетворительно. Въ тактическомъ смыслѣ сраженіе, конечно, надо было считать нерѣшеннымъ; но тѣмъ не менѣе нѣмцы на цѣлый день задержали Базена и совершенно пересѣкли одну изъ двухъ избранныхъ имъ для отступленія дорогъ. Проложить себѣ дальнѣйшій путь Базенъ могъ развѣ на слѣдующій день посредствомъ рѣшительной побѣды надъ значительно усилившимися тогда нѣмцами. Такимъ образомъ день 16 августа закончился для нѣмцевъ несомнѣнною стратегическою побѣдою. Этимъ результатомъ, казалось, можно было удовольствоваться. Но не такъ думалъ командиръ 2ой нѣмецкой арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ.

Принцъ наблюдалъ за ходомъ сраженія съ высоты у Флявиньи, откуда видны были перепетіи боя на обоихъ флангахъ. Около 7 часовъ пополудни замѣтно усилившійся на правомъ нѣмецкомъ крылѣ огонь указывалъ, казалось, на участіе въ боѣ свѣжихъ войскъ 9го корпуса, прибытія коего принцъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Фридрихъ-Карлъ рѣшилъ теперь до наступленія ночи нанести непріятелю еще одинъ, послѣдній ударъ лѣвымъ своимъ крыломъ, по направленію на Резонвиль, употребивъ въ дѣло и большія артиллерійскія массы, находившіяся на позиціи у Віонвиля и далѣе, вправо, до Віонвильскаго лѣса, а также 6ую кавалерійскую дивизію, которую, не смотря на опасныя колебанія боя, принцъ держалъ все еще въ резервѣ, позади Флявиньи.

Однако средствъ для исполненія намѣченнаго принцемъ Фридрихомъ-Карломъ удара было далеко недостаточно. Пѣхота 10го корпуса, Фохтсъ-Реца, послѣ отбитія аттаки Веделя, удержала Тронвильскіе кусты и вообще лѣвый флангъ общаго нѣмецкаго расположенія только благодаря бездѣятельности французовъ; бывшія на позиціи батареи нѣмцевъ терпѣли недостатокъ въ зарядахъ и въ лошадяхъ. Одною же 6ою кавалерійскою дивизіею много сдѣлать было нельзя, тѣмъ болѣе, что лошади въ ней съ третьяго часа утра находились уже подъ сѣдломъ.

Но принцъ Фридрихъ-Карлъ расчитывалъ на нравственное впечатлѣніе внезапной поздней аттаки (уже въ сумерки), которая могла привести непріятеля въ смятѣніе. Притомъ онъ хотѣлъ „чтобы послѣдній въ тотъ день ударъ палъ съ его стороны, доказавъ непріятелю во очію, что сила и энергія нѣмцевъ далеко не исчерпаны“.

Принцемъ даны приказанія для аттаки къ сторонѣ Резонвиля [1]). Исполненіе послѣдовало въ сумерки и частью уже въ потьмахъ. Въ на-

---

[1]) „Оффиціальная прусская исторія“, т. 1, стр. 636 — 637. „Исторія 2-ой арміи“, стр. 99—100.

ступленіи участвовало 8 батерей. Изъ нихъ шесть давно были уже въ бою, а двѣ свѣжія, отъ 25ой гессенъ-дармштатской дивизіи 9го корпуса, только-что прибыли на поле сраженія. Лѣвѣе этой артиллеріи, то есть сѣвернѣе шоссе Мецъ — Верденъ, наступали немногіе, сильно уже потерпѣвшіе до того баталіоны 6ой прусской дивизіи.

Ближайшею цѣлью новаго наступленія нѣмцевъ была взаимно оспариваемая въ теченіе всего боя открытая высота, лежащая къ югу отъ Резонвиля. Лѣвофланговая часть нѣмецкой артиллерійской линіи скоро была задержана сильнымъ ружейнымъ огнемъ французовъ, а правая около 8 часовъ пополудни, на время, увѣнчала помянутую высоту. Но скоро на эти батареи обращенъ былъ убійственный перекрестный огонь французской пѣхоты, а сверхъ того генералъ Бурбаки выставилъ противъ нихъ 54 орудія императорской гвардіи. Нѣмецкія батареи вынуждены были отойти на прежнія свои позиціи. Во время этихъ дѣйствій нѣмецкая артиллерія подверглась близкому огню французской пѣхоты, отъ которой и приходилось ей отбиваться съ разстоянія 600 и даже 150 шаговъ [1]).

Наступленіе 6ой кавалерійской дивизіи на Резонвиль произведено частью въ глубокія сумерки, частью же въ совершенной почти темнотѣ, такъ что разсмотрѣть предметы аттаки было трудно или невозможно. Расположеніе своихъ и непріятельскихъ войскъ опредѣлялось только по мѣрѣ открытія огня. Дивизія наступала въ слѣдующемъ порядкѣ:

Правѣе бригада Грюттера (13 эскадроновъ), которая, попавъ подъ огонь французской пѣхоты, вынуждена была вернуться. Собственно въ аттаку (на пѣхоту) ходилъ одинъ только полкъ этой бригады, причемъ командиръ послѣдняго смертельно раненъ. Другая бригада, подъ начальствомъ полковника Шмита (12 эскадроновъ), наступала лѣвѣе. Прежде всего она попала подъ огонь баталіоновъ своей-же 6ой пѣхотной дивизіи, которые, считая себя угрожаемыми непріятельскою пѣхотою, палили во всѣ стороны. Тѣмъ не менѣе часть бригады Шмита аттаковала французскую пѣхоту, прорывая ея цѣпи и нѣкоторыя сомкнутыя части, но, обстрѣливаемыя со всѣхъ сторонъ, вынуждена была вернуться, причемъ полковникъ Шмитъ раненъ.

Около 10 часовъ вечера повсемѣстно затихъ огонь, и прохладная ночь, смѣнивъ знойный день, закрыла кровавое побоище, на которомъ въ тотъ день легло болѣе 30 тысячъ человѣкъ.

[1]) „Нѣмецкая артиллерія подъ Мецомъ“, т. 2, стр. 79—80.

Уронъ нѣмцевъ простирался до 16 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 700 офицеровъ; французы потеряли до 17 тысячъ въ томъ числѣ болѣе 800 офицеровъ. Нѣмецкая конница числомъ 10.780 коней потеряла 1.425 человѣкъ и 1.837 лошадей [1]). Громадный расходъ артиллерійскихъ снарядовъ (до 20 тысячъ) со стороны нѣмцевъ показываетъ, что въ этомъ сраженіи еще болѣе чѣмъ въ другихъ артиллерія несла на себѣ значительную долю тяжести боя; немаловажны были и потери ея. Въ нѣмецкой артиллеріи выбыло изъ строя 25 офицеровъ, 685 нижнихъ чиновъ и 998 лошадей [2]).

Нѣмцы исчисляютъ свои войска, принимавшія участіе въ бою, болѣе чѣмъ въ 67 тысячъ, при нихъ 222 орудія, а французскія— въ 138 тысячъ, при 476 орудіяхъ (въ томъ числѣ конечно и картечницы).

Пруссаки вступили въ борьбу съ Франціею будучи въ союзѣ со всею Германіею; они открыли кампанію значительно превосходными наличными силами, въ то время когда французскіе дѣйствующіе корпуса еще не были сосредоточены и не вполнѣ укомплектованы, а резервы не сформированы.

Нѣмцамъ оставалось засимъ только—общій свой перевѣсъ на театрѣ войны по меньшей мѣрѣ сохранить и на поляхъ сраженій. Задача, видимо, вполнѣ исполнимая.

А между тѣмъ подъ Марсъ-ля-Туромъ 67 тысячамъ нѣмцевъ пришлось противустать цѣлой арміи Базена, которую по даннымъ самаго маршала можно опредѣлить, примѣрно, въ 130—135 тысячъ[3]).

Приключилось тутъ, слѣдовательно, нѣчто для нѣмцевъ совершенно „нежелательное и неладное“. Какъ-же это могло случиться? Причиною могли-бы быть вообще удачные маневры противника, то есть французовъ, или необыкновенная неожиданность, которую предвидѣть нѣмцамъ было рѣшительно невозможно, или-же, наконецъ, — собственные ихъ же промахи и ошибки.

Но объ искусныхъ дѣйствіяхъ французскихъ начальниковъ на дѣлѣ не было и помину. Далѣе, нѣмцамъ вполнѣ было извѣстно, что незадолго до того вся французская армія сосредоточилась у Ме-

---

[1]) „Кеелеръ“, стр. 69.

[2]) „Нѣмецкая артиллерія у Меца“, кн. 1, стр. 81, 111—115.

[3]) Взято число пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи (Базенъ стр. 60) за примѣрнымъ вычетомъ потерь 14 числа и выбывшей дивизіи Лявокупе, оставленной для усиленія гарнизона Меца. Исторія 2-й нѣмецкой арміи опредѣляетъ силы Базена бывшія на полѣ битвы въ 125 тысячъ.

Деррекаге, говоря о сраженіи 16 августа, опредѣляетъ силы французовъ въ 136 тысячъ а нѣмцевъ—въ 91 тысячъ „на продовольствіи“. Соображалсь съ этимъ, надо бы по его же показанію (т. 2, стр. 33), принять силы французовъ въ 152 тысячи.

ца и что не далѣе какъ за день до сраженія при Марсъ-ля-Турѣ, а именно 14 числа, значительныя силы французовъ до самой ночи дрались еще на правомъ берегу Мозеля; а потому, кажется, что присутствіе французской арміи 16 августа близъ Меца, на лѣвой сторонѣ рѣки, было обстоятельствомъ, по меньшей мѣрѣ, возможнымъ, которое нѣмцамъ никакъ не слѣдовало упускать изъ виду.

И такъ, остается предположеніе, что „критическое для нѣмцевъ положеніе дѣлъ въ бою подъ Марсъ-ля-Туромъ 16 августа было прямымъ послѣдствіемъ ошибокъ ихъ начальства". Это довольно откровенно, хотя съ разными оговорками признается и оффиціальною прусскою исторіею войны [1]).

Ошибка состояла въ предвзятомъ нѣмецкимъ начальствомъ, вообще, и начальствомъ 2ой арміи, въ особенности, мнѣніи, что армія Базена къ 16 числу уже отошла за Мецъ на довольно значительное разстояніе, которое штабомъ 2ой нѣмецкой арміи опредѣлено было въ два перехода [2]). Спеціальная исторія этой арміи, оправдывая воззрѣніе ея начальства, высказываетъ ту-же самую мысль, которую императоръ Наполеонъ III столь неудачно привелъ во главѣ своего приказа 4 августа, а именно, что „со стороны противника всегда надо предполагать рѣшенія самыя разумныя".

Такимъ „самымъ разумнымъ" рѣшеніемъ для французовъ (въ глазахъ начальства 2ой нѣмецкой арміи) было возможно быстрое отступленіе отъ Меца [3]). Задавшись вполнѣ этою предвзятою мыслью, нѣмцы никакъ не допускали другого, не менѣе, кажется, разумнаго и возможнаго рѣшенія противника, а именно „попытаться разбить 2ую нѣмецкую армію по частямъ, въ самый критическій моментъ переправы ея черезъ Мозель, почти въ виду Меца".

Французы могли притаиться у Меца (на лѣвомъ берегу рѣки) нарочно, или хотя бы замѣшкаться тамъ случайно, какъ и было на дѣлѣ. Сраженіе 14 августа на правомъ берегу Мозеля намекало на эту возможность довольно ясно.

Прусская оффиціальная исторія въ видѣ извиненія тоже ссылается на то, что ошибка начальства 2ой арміи произошла яко бы оттого, что оно предполагало „самое основательное рѣшеніе со стороны противника".

Но „самое основательное рѣшеніе противника моего будетъ то, которое для меня болѣе опасно". Самое опасное для Фридриха-

---

[1]) Т. 1, стр. 922.

[2]) „Исторія 2-ой арміи", стр. 72.

[3]) Въ диспозиціи по 2-й нѣмецкой арміи на 17 число предполагалось болѣе вѣроятнымъ, что Базену удастся отойти за р. Мезу безъ боя („Исторія 2-ой арміи", стр. 73—74).

Карла было испытать пораженіе хотя-бы и частное. Оффиціальная прусская исторія въ другомъ мѣстѣ совершенно признаетъ возможность этого, говоря прямо, что „если бы Базенъ въ бою 16 числа перешелъ въ рѣшительное наступленіе, то онъ, управившись съ нѣмцами, могъ бы, еслибъ пожелалъ, продолжать свое отступленіе при условіяхъ несравненно болѣе для себя выгодныхъ".

Такимъ образомъ по прусской оффиціальной исторіи выходитъ разъ, что Базенъ „обязанъ былъ уходить безъ оглядки", а другой, что онъ прежде всего долженъ былъ „разбить ближайшую часть нѣмецкой арміи".

Позволительно предположить, что противурѣчіе въ прусской исторіи происходитъ отъ далеко не случайной недомолвки. Нѣмецкіе историки просто не желаютъ коснуться вопроса объ „истинной причинѣ" ошибки начальства 2ой арміи. Ближайшая, кажущаяся причина было, конечно, невѣдѣніе о положеніи дѣлъ къ западу отъ Меца. Ошибки отъ неполнаго знанія обстановки часто случаются на войнѣ, которая постоянно имѣетъ дѣло съ неизвѣстностью и противудѣйствіемъ противника; но вопросъ заключается въ томъ, была-ли неизвѣстность въ данномъ случаѣ неизбѣжною, или-же она произошла отъ собственной небрежности или промаховъ нѣмцевъ?

Настоящая причина невѣдѣнія, а слѣдовательно и ошибокъ нѣмецкаго начальства, достаточно выяснена въ предыдущей главѣ. Она состояла въ томъ, что нѣмцы не сумѣли воспользоваться своею многочисленною и отличною конницею для „своевременнаго поиска за Мозель, въ тылъ Мецу".

Въ помянутомъ упущеніи, какъ выяснено, виновны начальства обѣихъ армій, а равно и главная королевская квартира. Неблагопріятныя послѣдствія общихъ ошибокъ явились въ видѣ крайне рискованнаго сраженія 16 августа подъ Марсъ-ля-Туромъ. Тутъ однако промахи старшихъ начальниковъ искуплены были энергіею и распорядительностью младшихъ и необыкновеннымъ самоотверженіемъ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, да и не у однихъ только нѣмцевъ, кровью своею искупили и впредь искупать будутъ промахи тѣхъ, за которыми однако остается потомъ вся слава успѣха.

Вотъ какъ въ данномъ случаѣ подчиненными исправлены были ошибки, допущенныя свыше.

Корпусъ Альвенслебена, наткнувшись нежданно на французовъ, не дрогнулъ, хотя противникъ оказался гораздо сильнѣе чѣмъ

казалось въ началѣ встрѣчи [1]). Со стороны пруссаковъ тутъ не было ни малѣйшаго колебанія, хотя-бы подъ благовиднымъ предлогомъ „ожиданія приказаній". Напротивъ того—войска 3го корпуса переходятъ въ самое энергическое наступленіе. Только это безъ оглядки стремительное наступленіе (поддержанное отличнымъ дѣйствіемъ артиллеріи) дало пруссакамъ возможность успѣшно совершить опасную операцію дебушированія изъ лѣсу въ виду противника и съ бою захватить себѣ оборонительную позицію, на которой пруссаки затѣмъ устояли, имѣя передъ собою всю армію Базена.

Понятно, что послѣ первоначальнаго неожиданнаго для нѣмцевъ столкновенія, бой во всякомъ случаѣ былъ уже неизбѣженъ, и что за симъ колебаніе, а тѣмъ болѣе несвоевременное уже отступленіе, могло быть гибельно для корпуса Альвенслебена, который по естественному ходу дѣлъ могъ увлечь за собою и превосходныя силы французовъ. Случилось ли бы это въ дѣйствительности (преслѣдованіе со стороны французовъ) сказать трудно, но Альвенслебенъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ имѣть въ виду вѣроятность наступленія противника. Точно также онъ вправѣ былъ расчитывать на помощь со стороны 10го корпуса и другихъ войскъ подходившихъ къ Мозелю.

Далѣе, изъ описанія хода дѣла видно, что командиръ 10го корпуса, Фохтсъ-Рецъ, съ своей стороны заранѣе принялъ посильныя мѣры для дѣйствительнаго разъясненія положенія дѣлъ у Меца. Онъ подкрѣпилъ временно подчиненную себѣ 5ую кавалерійскую дивизію, Рейнбабена, конными батареями изъ корпусной артиллеріи и направилъ ей въ поддержку отряды Лемана и Линкера. Усиленной такимъ образомъ дивизіи Фохтсъ-Рецъ приказалъ произвести развѣдку къ сторонѣ Меца, при коей долженъ былъ присутствовать и начальникъ штаба корпуса. Наконецъ, Фохтсъ-Рецъ 16 числа лично направился въ сторону 5ой кавалерійской дивизіи.

Когда завязалось дѣло, то Рейнбабенъ немедленно отдалъ себя въ распоряженіе Альвенслебена; Леманъ и Линкеръ уклонились отъ даннаго имъ по диспозиціи направленія и пошли въ сторону боя. Они составили первую, крайне нужную поддержку изнемогавшимъ въ неравномъ бою войскамъ 3го корпуса.

Рѣшеніе обоихъ этихъ начальниковъ было вполнѣ раціональное и соотвѣтственное обстановкѣ. Направлены они были изъ двухъ разныхъ пунктовъ къ Шамбле для поддержанія конницы, отправлявшейся для развѣдки къ сторонѣ Меца. Очевидно, что въ виду возго-

[1]) Пѣшая бригада Деринга вступила въ бой вскорѣ послѣ 9 часовъ, а за ней и остальныя части дивизіи.

рѣвшагося серіознаго боя дѣло развѣдки уже было окончено, и Леману съ Линкеромъ предстояло искать себѣ другихъ цѣлей, которыя они, не выжидая никакихъ приказаній или напоминаній, сами нашли себѣ въ поддержкѣ сражавшихся войскъ Альвенслебена.

Командиръ 20ой пѣхотной дивизіи 10го корпуса, генералъ Краацъ (съ корпусною артиллеріею), достигнувъ назначеннаго ночлежнаго пункта, Тіокура, двинулся оттуда на поле сраженія по первому извѣстію, что тамъ завязалось серіозное дѣло. При этомъ Краацъ выслалъ впередъ офицера генеральнаго штаба для ознакомленія съ обстоятельствами, а также и часть корпусной артиллеріи. Самъ онъ выѣхалъ впередъ, слѣдя гдѣ поддержка нужнѣе, и прямо по своему почину поддержалъ частью своихъ войскъ центръ Альвенслебена, съ остальными-же пошелъ на угрожаемый лѣвый флангъ.

Начальникъ 19ой пѣхотной дивизіи, генералъ Шварцкопенъ, шедшій съ одною своею бригадою и гвардейскою драгунскою на Френъ, въ видѣ авангарда 10го корпуса, разрѣшилъ командиру гвардейской бригады идти съ однимъ полкомъ и конною батареею на выстрѣлы, самъ же пока, незная гдѣ присутствіе его можетъ быть нужнѣе, продолжалъ движеніе къ сѣверо-западу, наперерѣзъ пути отступленія противника у Френъ, — откуда онъ могъ преслѣдовать противника, если-бы французы, какъ и предполагалось, главными силами успѣли уже отойти отъ Меца. Притомъ Шварцкопенъ зналъ, что командиръ корпуса направился уже въ ту сторону, гдѣ по свѣдѣніямъ доставленнымъ разъѣздами слышалась пальба, а потому разсудилъ, что Фохтсъ-Рецъ самъ потребуетъ его въ случаѣ надобности.

Получивъ затѣмъ въ Сенъ-Илеръ приказаніе Фохтсъ-Реца — повернуть къ востоку, на Шамбле,—Шварцкопенъ узналъ по пути, что жаркій бой идетъ сѣвернѣе этого пункта, а потому рѣшилъ не идти къ Шамбле, т. е. на усиленіе лѣваго фланга, сильно угрожаемаго французами, а взять нѣсколько сѣвернѣе, съ тѣмъ чтобы самому аттаковать правый флангъ противника. Это движеніе Шварцкопена имѣло вѣское значеніе въ окончательномъ благополучномъ для нѣмцевъ исходѣ дѣла, не смотря на полную неудачу собственно ихъ аттаки; оно крайне озаботило и можно сказать смутило командира право-фланговаго французскаго корпуса, Лямиро, и удержало французовъ отъ опаснаго для нѣмцевъ наступленія.

Командиръ 15ой дивизіи 8го корпуса, генералъ Барнековъ, достигнувъ съ наличною при немъ бригадою пункта Арри на р. Мозелѣ, у котораго предполагался ночлегъ, пошелъ далѣе, черезъ переправу у Новэанъ, въ бой. Исполнилъ онъ это по предложенію начальника штаба корпуса, полковника Вицендорфа (Witzendorff),

и съ полнаго одобренія командира корпуса, генерала Гебена; примѣру Барнекова послѣдовалъ и головной полкъ 18й дивизіи 9го корпуса.

Что же касается остальныхъ частей 9го корпуса, то онѣ, видимо, замѣшкались и запоздали, двинувшись потомъ впередъ собственно только по особому приказанію свыше, дошедшему до нихъ черезъ командира корпуса, генерала Манштейна.

Мѣшкотность войскъ 9го корпуса, столь несвойственная нѣмцамъ, произошла на этотъ разъ отъ категорическаго приказанія генерала Манштейна, который, въ виду утомленія войскъ предыдущими переходами, воспретилъ въ теченіе 16 числа передвиженія сверхъ уже приказанныхъ. Но приказанія начальника должны быть исполняемы по ихъ „существу“, а не по „наружной только ихъ формѣ“. Если Манштейнъ, отдавая свое приказаніе, мотивировалъ его прямо желаніемъ „дать войскамъ отдыхъ“, то частнымъ начальникамъ, въ виду разгорѣвшагося боя, оставалось просто разсудить, что тутъ важнѣе—отдыхъ войскъ, или возможное пораженіе своихъ, если они будутъ оставлены безъ поддержки? Это именно былъ тотъ серіозный для подчиненнаго, хотя и простой и несложный случай, когда ему приходится распорядиться, такъ сказать, „отъ имени старшаго“.

Въ данномъ случаѣ не могло подлежать никакому сомнѣнію, какое именно рѣшеніе принялъ бы самъ генералъ Манштейнъ, если-бы онъ находился тутъ-же, на мѣстѣ, и узналъ о тяжеломъ положеніи войскъ Альвенслебена. Онъ конечно пошелъ бы впередъ, на выручку своимъ; слѣдовательно на то-же самое обязательно должны были самостоятельно рѣшиться и его подчиненные, не смотря на воспрещеніе, которое отнюдь не относилось къ обстановкѣ, въ которой очутились войска 9го корпуса.

Если въ данномъ случаѣ Манштейнъ не мотировалъ своего запрещенія, то онъ, конечно, сдѣлалъ ошибку, совершенно связывая волю своихъ подчиненныхъ и заранѣе обрекая войска на безусловную бездѣятельность при такой общей обстановкѣ, при которой участіе ихъ, въ виду операціи переправы черезъ Мозель и возможной близости непріятеля, могло потребоваться по разнымъ непредвидимымъ ранѣе причинамъ и въ самой разнообразной формѣ.

Но эта ошибка старшаго начальника ничуть не могла оправдать его подчиненныхъ, оставившихъ безъ поддержки сражающихся товарищей. Имъ стоило только опять таки спросить себя: какую задачу въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ исполняю я, оставаясь съ войсками моими на мѣстѣ? Какая польза отъ этого для общаго дѣла? Какой вредъ можетъ произойти, если я вопреки приказанія уйду съ мѣста? Какая польза, если я поддержу товарищей и, наконецъ,

какое именно приказаніе далъ бы мнѣ мой начальникъ, если-бы онъ находился тутъ-же и зналъ то, что я знаю въ настоящее время?

Если бы подчиненные Манштейна задали себѣ подобные вопросы, если бы они постарались узнать о ходѣ и обстановкѣ боя, который разыгрался впереди ихъ, то рѣшенія ихъ не могли подлежать никакому сомнѣнію.

Изъ этого, сказать мимоходомъ, слѣдуетъ, что въ настоящее время для частнаго начальника вполнѣ необходимо, а слѣдовательно и обязательно, чтобы онъ охватывалъ умомъ своимъ и постоянно имѣлъ въ виду общую обстановку и общіе интересы своей арміи насколько они болѣе или менѣе въ связи съ его отрядомъ.

Такъ именно поступилъ командиръ головнаго полка 18ой дивизіи, полковникъ Шенингъ, которому начальникомъ дивизіи, генераломъ Врангелемъ, поручено было занять переправу у Корни, оставляемую Барпековымъ при движеніи послѣдняго на помощь 3му корпусу. Шенингъ, по свидѣтельству оффиціальной прусской исторіи разсудилъ, что онъ, двинувшись впередъ, этимъ самымъ еще лучше прикроетъ переправу; затѣмъ, когда, съ одной стороны, приказаніе Врангеля требовало Шенинга назадъ, а просьба 3го корпуса о поддержкѣ, напротивъ того, призывала его впередъ, въ бой, то Шенингъ, по словамъ той-же исторіи, не сомнѣвался куда „долгъ идти ему повелѣваетъ“.

Получивъ приказаніе идти назадъ, Шенингъ вправѣ былъ предположить, что Врангелю неизвѣстно опасное положеніе Альвенслебена; засимъ Шенингъ распорядился сообразно дѣйствительной обстановкѣ.

Всегда осторожная въ выраженіяхъ и въ высшей степени сдержанная оффиціальная прусская исторія не распространяется о причинѣ медленности начальниковъ 9го корпуса, но въ приведенныхъ немногихъ, но категорически высказанныхъ словахъ одобренія мужественному рѣшенію Шенинга, видимо звучитъ и порицаніе тѣмъ, которые не сумѣли стать на высоту серіозной минуты.

Настоящій трудъ въ критической своей части ставитъ себѣ задачею только науку, а никакъ не осужденіе отдѣльныхъ дѣйствій и личностей; подобное прямое осужденіе тѣмъ менѣе умѣстно коль скоро невполнѣ извѣстны всѣ подробности и настоящіе мотивы дѣйствій. Но во имя той же науки дозволительны извѣстныя условныя предположенія, имѣющія единственною цѣлью ту-же науку.

И такъ, можно сказать, что если Шенингъ пошелъ въ бой вопреки приказанію Врангеля, требовавшему его назадъ, то это потому, что онъ, находясь ближе мѣста событій, лучше Врангеля могъ взвѣсить и оцѣнить дѣйствительное положеніе дѣлъ. Спрашивается невольно: что-же могло помѣшать Врангелю поставить себя

въ подобное же положеніе, то есть просто отправиться лично впередъ, къ сторонѣ боя, или же послать туда по крайней мѣрѣ довѣреннаго офицера, какъ это неоднократно дѣлали другіе нѣмецкіе начальники?

За два дня до того, въ день 14 августа, Врангель дѣйствовалъ совершенно иначе; тогда онъ (какъ сказано было въ своемъ мѣстѣ) пошелъ на помощь войскамъ 1ой арміи. Неужто на тогдашнее его рѣшеніе повліяли главнымъ образомъ полковники Брандштейнъ и Альвенслебенъ, или же въ день 16 августа, наоборотъ, слишкомъ категорическое приказаніе или вѣрнѣе воспрещеніе Манштейна? Отвѣты на эти вопросы, насколько они касаются отдѣльныхъ лицъ, остаются совершенно въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что могли быть вѣскіе (неизвѣстные намъ) оправдательные мотивы.

Собственно-же съ научной стороны, можно высказать, что счастливые единичные порывы, могущіе быть даже просто послѣдствіемъ чужихъ совѣтовъ и посторонняго вліянія, никакъ не могутъ замѣнить собою прирожденной самостоятельности, основанной на ровной, толковой и постоянной умственной работѣ. Безъ подобной умственной работы, которая въ свою очередь покоится на полномъ знаніи своего дѣла, иными словами — безъ полнаго знанія своего дѣла каждый изъ частныхъ начальниковъ будетъ дѣйствовать по своему нраву, а не по дѣйствительной обстановкѣ. Одинъ всегда будетъ склоненъ горячиться и лѣзть впередъ, другой, пожалуй, — пятиться назадъ; одинъ будетъ искать встрѣчи съ непріятелемъ, а другой предпочтетъ бездѣйствовать во избѣжаніе хотя бы и не столько столкновенія съ непріятелемъ, сколько пересудъ своего начальства.

Наконецъ, нельзя не добавить, что настоящая самостоятельность не можетъ быть замѣнена никакими, такъ сказать, вспомогательными общими аксіомами и такъ называемыми правилами: „ходить на выстрѣлы“ и т. п., хотя бы потому, что нѣтъ правила безъ исключенія.

На такое исключеніе и наткнулся командиръ 4го французскаго корпуса, генералъ Лямпро, 14 августа, когда онъ совершенно напрасно повелъ обратно за Мозель свои двѣ дивизіи въ то время, когда требовалось непремѣнно поскорѣе окончить переправу.

Если бы командиръ 4го французскаго корпуса 14 августа выказалъ настоящую разумную самостоятельность и не слушался ходячаго правила „ходить на выстрѣлы“, то онъ 16го, подъ Марсъля-Туромъ, попалъ бы въ бой гораздо раньше, а главное имѣлъ бы полную возможность охватить и сбить лѣвый флангъ нѣмцевъ, пока еще не поспѣли всѣ подкрѣпленія лѣваго ихъ фланга. И на-

оборотъ, если бы Альвенслебенъ еще 15 числа не поспѣшилъ къ переправѣ на свою отвѣтственность, то онъ не могъ бы застигнуть французовъ рано утромъ 16 числа. Точно также Фохтсъ-Рецъ не могъ бы вóвремя появиться за Мозелемъ, еслибъ онъ не поторопился захватить переправу у Понтъ-а-Муссона, предупреждая приказанія свыше. Наконецъ, войска Гебена (отъ дивизіи Барнекова) вѣроятно не попали бы вóвремя на поддержку Альвенслебену, если бы Гебенъ 14 числа, согласно поздно полученному приказанію Штейнмеца, уже ночью пошелъ впередъ, на поле сраженія и тѣмъ напрасно лишилъ войска необходимаго имъ отдыха, въ особенности въ виду предстоявшихъ 15 числа трудовъ.

Покончивъ дѣло съ частными начальниками, приходится еще разъяснить, какое собственно вліяніе на ходъ боя 16 числа оказало главное начальство 2ой нѣмецкой арміи, независимо основной ошибки, поставившей нѣмецкія войска и частныхъ начальниковъ подъ Марсъ-ля-Туромъ въ крайне трудное положеніе.

Изъ описанія хода боя видно, что вліяніе старшаго начальника на окончательный исходъ боя подъ Марсъ-ля-Туромъ сводится почти къ нулю, подобно тому какъ это было и подъ Вертомъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ однѣ распоряженія старшаго начальника были предупреждены младшими, другія же оказались просто неисполнимыми; наконецъ, тутъ и тамъ частнымъ начальникамъ пришлось, въ сущности, исправить промахи старшихъ.

Впрочемъ, независимо ободряющаго на войска впечатлѣнія, присутствіе принца Фридриха-Карла обогатило сраженіе 16 числа знаменательными эпизодами и между прочимъ попыткою окончательной, уже почти ночной аттаки со вводомъ въ дѣло послѣднихъ средствъ и послѣднихъ силъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, съ тѣмъ, чтобы (какъ гласитъ исторія) „послѣдній въ тотъ день ударъ меча палъ со стороны нѣмцевъ“.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, вопреки очевиднаго неравенства силъ, все еще надѣялся сломить французовъ. Онъ не довольствовался тѣмъ, что устоялъ на полѣ сраженія; достигнувъ посильнаго стратегическаго успѣха, онъ во что́ бы то ни стало стремился одержать еще явственную тактическую побѣду. Въ этомъ, по обстоятельствамъ безсильномъ стремленіи проглядываетъ однако вполнѣ раціональный взглядъ нѣмцевъ на серіозное значеніе исхода всякаго разъ начатаго боя, въ противность французамъ, которые относились къ этому дѣлу очень легко.

Послѣдняя аттака нѣмцевъ, конечно, успѣха не имѣла, и холодный умъ быть можетъ и не оправдаетъ порыва, для котораго уже недоставало средствъ исполненія; но порыву этому не можетъ

не сочувствовать ретивое истинно военнаго человѣка. Это во всякомъ случаѣ былъ молніеносный проблескъ мужественной воли и энергіи, хотя громовой ударъ за молніей и не послѣдовалъ. Но блескъ ея освѣщаетъ общую, такъ сказать, душевную картину жестокаго боя 16 августа и ясно указываетъ настоящія причины по меньшей мѣрѣ стратегической побѣды слабѣйшихъ нѣмцевъ и неудачи болѣе сильныхъ французовъ.

Тутъ, подъ Марсъ-ля-Туромъ, вялыя стремленія Базеновскихъ сподвижниковъ помѣрились съ мужественною и разумною настойчивостью нѣмецкихъ частныхъ начальниковъ, тутъ половинная воля французскаго маршала наткнулась на желѣзную энергію принца Фридриха-Карла.

XI.

Командованіе Рейнскою арміею императора Наполеона III и маршала Базена и французскіе начальники въ бою 16 августа.

Французы 16 августа упустили вѣрную побѣду; причины — частью въ предыдущемъ командованіи императора Наполеона III. — Взглядъ на командованіе императора. Параллель между нимъ и королемъ Вильгельмомъ. Номинальное командованіе маршала Базена. Вмѣшательство императора. Императоръ настаиваетъ на отступленіи къ Вердену. Отступательная переправа у Меца императоромъ не подготовлена. Неисправимыя упущенія въ командованіи Наполеона III. — Ненормальныя командныя отношенія въ арміи маршала Базена и превратныя понятія французскихъ начальниковъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ какъ причина неудачной переправы у Меца. Характерное „стратегическое завѣщаніе“ бывшаго начальника штаба Рейнской арміи новому главнокомандующему. — Французскіе начальники въ бою 16 августа исполнили ходячія правила: они „шли на выстрѣлы“ и „выручали своихъ“. Для побѣды недоставало имъ пониманія общей обстановки и стратегическаго значенія сраженія. Параллель между французскими и нѣмецкими начальниками. Подъ Марсъ-ля-Туромъ выразились обычныя отрицательныя свойства французской системы. Побѣда досталась болѣе достойнымъ.

Надо признать, что счастіе особо благопріятствовало французамъ въ описанный донынѣ періодъ кампаніи.

Подъ Вертомъ нѣмцы далеко не воспользовались своимъ общимъ превосходствомъ силъ; аттаки ихъ были несвоевременны

и несвязны, такъ что многіе шансы на успѣхъ перешли на сторону французовъ.

Обстановка Шпихернскаго боя сулила французамъ несомнѣнную побѣду; отъ начальниковъ ихъ (корпуса Базена) требовалось только нѣкоторое, такъ сказать, тяготѣніе къ сторонѣ непріятеля.

Наконецъ, въ день 16 августа подъ Марсъ-ля-Туромъ отъ французскихъ начальниковъ, казалось, ничего уже не требовалось: тутъ все для нихъ было готово, не только безъ ихъ старанія и заслуги, но даже просто вслѣдствіе собственныхъ же ихъ промаховъ и упущеній. Точно судьба пожелала испытать пригодность французскихъ начальниковъ еще послѣднимъ, роковымъ искусомъ.

Армія Базена, собранная такъ сказать въ комокъ, очутилась прямо противъ фланга нѣмецкаго фронта, растянутаго на нѣсколько переходовъ. Французы 16 числа могли сразиться противъ нѣмцевъ не менѣе какъ съ двойнымъ превосходствомъ силъ [1]).

Положеніе, которое великимъ полководцамъ давалось только путемъ геніальныхъ соображеній и окупалось тяжелыми трудами ихъ войскъ, само собою, ни за-что ни про-что далось теперь маршалу Базену. Вдобавокъ слабѣйшіе нѣмцы, можно сказать, дерзко вызвали на бой превосходныя силы французовъ.

Казалось, что обычно столь суровый и жестоко требовательный „богъ войны“ на этотъ разъ самъ бросилъ побѣдный вѣнецъ къ ногамъ французскаго главнокомандующаго; послѣднему оставалось протянуть только руку.

Однако храбрая французская армія не одержала побѣды, а напротивъ того, день Марсъ-ля-Тура замѣтно подвинулъ ее по роковому пути къ окончательной катастрофѣ.

Причины этого столь грустнаго для французовъ событія весьма сложны и происходятъ не отъ однихъ только промаховъ, допущенныхъ въ день боя. Съ другой стороны, промахи эти не столько личные, сколько послѣдствіе общей системы французскаго начальствованія. Наконецъ, на исходъ дѣла 16 августа повліяло и далеко незавидное общее положеніе дѣлъ, унаслѣдованное Базеномъ отъ Наполеоновскаго командованія, которое, въ сущности, кончилось только съ раскатами утренней канонады, возвѣщавшей кровавый день Марсъ-ля-Тура.

---

[1]) На полѣ прямо аттакованномъ нѣмцами находилось три французскихъ корпуса: гвардія, 2-й и 6-й, всего на лицо $7^3/_4$ пѣхотныхъ дивизій. Непосредственно за ними стоялъ корпусъ Ле-Бефа, на лицо три пѣхотныя дивизіи, итого $10^3/_4$ пѣхотныхъ дивизій. Изъ остальныхъ четырехъ пѣхотныхъ только двѣ запоздали. Такимъ образомъ французы въ началѣ боя имѣли на полѣ битвы $10^3/_4$ пѣхотныхъ дивизій противъ двухъ Альвенслебена; подъ конецъ — $12^3/_4$ противъ счетомъ не болѣе 5 пѣхотныхъ нѣмецкихъ дивизій, изъ коихъ, впрочемъ, каждая сама по себѣ была нѣсколько сильнѣе французской.

Перехожу къ бѣглому обзору этого командованія.

Императоръ Наполеонъ III началъ войну, главнымъ образомъ, не зная, какимъ способомъ при нормальномъ теченіи дѣлъ выпутаться изъ своего крайне труднаго положенія, въ виду возраставшаго всеобщаго въ государствѣ противъ него недовольства. Затѣмъ, онъ отправился въ армію, считая неудобнымъ оставаться въ Парижѣ и въ надеждѣ на личную славу отъ первоначальныхъ хотя-бы и непрочныхъ успѣховъ.

Но самое состояніе здоровья не дозволяло уже императору лично командовать арміею. Людовикъ-Наполеонъ былъ уже далеко не тотъ, что 11 лѣтъ ранѣе въ дни Маджснты и Сольферино; не тѣ уже были его сподвижники, а главное и противники его оказались теперь совершенно инаго закала.

Наконецъ, и общественное мнѣніе, съ которымъ, — право-ли оно или нѣтъ, — все таки приходилось считаться повелителю Франціи, далеко неохотно видѣло императора во главѣ арміи.

Вотъ что замѣчаетъ оффиціальная прусская исторія, то есть можно сказать фельдмаршалъ Мольтке, по поводу командованія арміею императора Наполеона [1]):

„Монархъ, въ распоряженіи коего находится все государство со всѣми его средствами, тогда только на своемъ мѣстѣ во главѣ арміи въ полѣ, когда онъ въ дѣйствительности въ состояніи быть вождемъ своихъ войскъ и принять на себя тяжелую отвѣтственность за все, что можетъ случиться на театрѣ войны. Если все это не совпадаетъ, то присутствіе монарха при арміи будетъ вредно стѣснять ея свободу".

Произнося такой приговоръ надъ командованіемъ императора Наполеона III оффиціальная прусская исторія какъ будто забываетъ, или просто игнорируетъ, что и верховный вождь германскихъ силъ въ эту-же кампанію, король Вильгельмъ, не былъ главнокомандующимъ своей арміи въ смыслѣ Петра, Фридриха или Наполеона I, и что настоящимъ вождемъ нѣмецкихъ армій, то есть движущею на театрѣ войны силою, былъ не кто иной какъ генералъ Мольтке, скрывавшійся подъ скромнымъ званіемъ начальника главнаго королевскаго штаба. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что король Вильгельмъ удовлетворилъ главному: онъ безъ всякихъ увертокъ прямо и честно взвалилъ на себя всю отвѣтственность, предоставивъ Мольтке всѣ распоряженія.

Такимъ образомъ король и Мольтке составили одного, такъ сказать, сборнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣльнаго полководца, на подобіе Гнейзенау и Блюхера. Въ этотъ союзъ Мольтке внесъ свой

[1]) Т. 1, стр. 459.

глубокій умъ, обширныя военныя познанія и врожденную мудрость истиннаго стратега, а король—долголѣтній мирный и военный командный опытъ, авторитетъ и обояніе державнаго военачальника, и рыцарскій характеръ соединенный съ прямотою, можно сказать, солдатскою въ лучшемъ значеніи этого слова.

Король какъ военачальникъ зналъ слишкомъ много и понималъ дѣло слишкомъ ясно, чтобы не чувствовать, что есть предѣлъ его стратегическому знанію и умѣнію; пробѣлъ этотъ онъ дополнилъ умомъ генерала Мольтке. Вильгельмъ понималъ отлично что́ внесъ онъ самъ, а чѣмъ обязанъ своему помощнику. Онъ какъ монархъ ставилъ себя такъ высоко, что ему нечего было ревновать подданнаго. Вильгельмъ слишкомъ былъ честенъ, чтобы приписать лично себѣ то, что было заслугою другого.

Льстецы и стратегическіе фезеры не имѣли доступа къ державному вождю; къ нему велъ только одинъ „прямой“ путь, а на пути этомъ стоялъ генералъ Мольтке. Точно также близокъ былъ къ королю военный министръ, генералъ Роонъ, преобразователь прусскихъ военныхъ силъ.

„Изъ всѣхъ благопріятныхъ случайностей на войнѣ“ (говоритъ профессоръ Г. А. Лееръ) „рѣже всего случается геніальный полководецъ“. Однако король Вильгельмъ, который съ геніальнымъ Петромъ могъ сравниться развѣ только глубокимъ сознаніемъ долга и самоотверженіемъ перваго слуги отечества,—король Вильгельмъ, повторяю, сплотившись въ одно со своими сподвижниками, совершилъ такія дѣянія, какія оказывались по-плечу развѣ генію Петра, Фридриха, или Наполеона I.

А кто были помощники императора Наполеона III? Вмѣсто Роона—Ле-Бефъ и тотъ же Ле-Бефъ вмѣсто Мольтке! Вильгельмъ удесятерилъ свои личныя умственныя силы, сплотившись въ одно со своими сподвижниками; а Люи-Наполеонъ безспорно выходящую изъ ряда интеллигенцію свою сумѣлъ загубить въ чужой бездарности. Поэтому-то именно со стороны нѣмцевъ дѣло командованія и управленія войсками пошло легко и свободно. А какъ оно двигалось у французовъ?

Командованіе арміею императоръ Наполеонъ III предоставилъ себѣ лично. Впрочемъ, принялъ онъ командованіе не сразу, а первоначально поручилъ его Базену.

Съ объявленіемъ мобилизаціи Базенъ, бывшій въ то время командиромъ императорской гвардіи, назначенъ командиромъ 3го армейскаго корпуса, со штабомъ въ Мецѣ, причемъ императоръ лично заявилъ маршалу, что имѣетъ его въ виду для другого, гораздо болѣе высокаго назначенія.

Въ отзывѣ Ле-Бефа, (тогдашняго военнаго министра) отъ 15 іюля, извѣщавшемъ Базена о назначеніи его командиромъ 3го корпуса, добавлено было: „до прибытія императора генералы Лямиро и Фальи, командиры 4го и 5го корпусовъ со штабами въ Тіонвилѣ и Бичѣ, равно и 2ой корпусъ, генерала Фроссара, будутъ вамъ подчинены“ [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, 16 числа, Ле-Бефъ сообщилъ Базену, что „до времени прибытія императора къ арміи маршалу Базену принять начальство надъ всѣми корпусами, которые будутъ собираться на сѣверо-восточной границѣ, о чемъ сообщается командирамъ семи корпусовъ Рейнской арміи и командиру гвардейскаго корпуса“ [2]).

Первымъ изъ приведенныхъ документовъ маршалъ Базенъ назначался начальникомъ войскъ собравшихся въ окрестностяхъ Меца, а согласно послѣднему—ему ввѣрялось начальство надъ всѣми дѣйствовавшими войсками вообще. Подобная капитальная перемѣна черезъ день только времени доказываетъ, какъ мало точно и опредѣлительно французское начальство обдумало и подготовило войну, хотя-бы на бумагѣ.

Командованіе Базена, въ сущности только номинальное, прошло въ весьма мѣшкотномъ приведеніи въ исполненіе мобилизаціи и сосредоточенія французскихъ силъ и прекратилось ранѣе окончанія всего этого, 26 іюля, съ прибытіемъ въ Мецъ маіоръ-генерала (начальника штаба арміи), маршала Ле-Бефа. Однако, уже 30 того-же мѣсяца Базену поручено императоромъ общее начальство надъ войсками корпусовъ, долженствовавшими произвести наступленіе на р. Саару.

Базенъ по этому поводу получилъ весьма подробное предписаніе съ такими частностями, которыя вездѣ и всегда должны быть предоставлены ближайшему усмотрѣнію исполнителей [3]).

Въ духѣ этихъ подробностей 1 іюля перевезенъ по желѣзной дорогѣ изъ Меца въ Форбахъ понтонный паркъ (безъ запряжки) для устройства мостовъ черезъ р. Саару, который потомъ, какъ извѣстно, взятъ нѣмцами, одновременно съ занятіемъ ими Форбаха. А между тѣмъ паркъ этотъ оказался пока совершенно излишнимъ, такъ какъ на общемъ совѣщаніи Базена съ командирами 4го и 5го корпусовъ, при участіи начальниковъ артиллеріи и инженеровъ арміи, рѣшено было за р. Саару вовсе не переходить, довольствуясь занятіемъ высотъ лѣваго ея берега, господствующихъ надъ Саарбрюкеномъ и узломъ желѣзныхъ дорогъ: Триръ—Мангеймъ и Майнцъ—Мецъ.

---

[1]) Базенъ, стр. 1.
[2]) Тамъ-же, стр. 2.
[3]) Базенъ, стр. 11—12.

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ въ предписаніи, даннымъ Базену по поводу предположеній операціи, указаны ему мелочныя подробности исполненія, маршалъ на сказанномъ совѣтѣ рѣшилъ уклониться отъ самой сути предпріятія, цѣль коего предполагалась именно въ завладѣніи Саарбрюкеномъ и нѣкоторыми другими переправами черезъ р. Саару; Базенъ же рѣшилъ ограничиться въ сущности простою рекогносцировкою.

Это временное командованіе Базена кончилось 2 августа, то есть Саарбрюкенскою стычкою.

Между тѣмъ императоръ, продолжая свое пребываніе въ Мецѣ, отдалъ приказаніе, сообщенное Базену 5 числа пополудни: „маршалу непосредственно подчиняются 2ой и 4ый корпуса въ томъ, что будетъ относиться до военныхъ операцій“ [1]).

Сдѣлано это въ видахъ бо́льшаго единства въ дѣйствіяхъ войскъ, которыя съ минуты на минуту могли придти въ столкновеніе съ противникомъ. Впрочемъ, особаго штаба для Базена сформировано не было и этого не предполагалось; маршалъ продолжалъ непосредственно командовать своимъ 3^{мъ} корпусомъ, и даже часть дня Шпихернскаго боя 6 августа (во время котораго Базену пришлось разыграть роль далеко незавидную) онъ провелъ на аванпостахъ своего корпуса.

Нелишне тутъ сказать, что разбросанное и дѣйствительно невполнѣ удобное для поддержки Фроссара расположеніе 3го корпуса въ день 6 августа было послѣдствіемъ излишне подробнаго приказанія императора отъ 4 августа, даннаго всего наканунѣ новаго назначенія Базена. Такимъ образомъ, императоръ Наполеонъ, съ одной стороны, назначалъ Базена общимъ начальникомъ трехъ корпусовъ, а съ другой—распоряжался дивизіями корпуса, непосредственно подчиненнаго маршалу, передвигая ихъ даже поименно.

Вслѣдствіе событій 16 августа корпусъ императорской гвардіи, первоначально пододвинутый для поддержки Базена, подчиненъ былъ маршалу наравнѣ съ другими. Тѣмъ не менѣе, оффиціально признанная за Базеномъ власть начальствованія надъ четырьмя корпусами стѣснялась до крайности постояннымъ вмѣшательствомъ императора и Ле-Бефа, а также неполною подчиненностью корпусныхъ командировъ, которые и не знали, кого имъ собственно слушаться и куда обращаться за указаніями.

Управленіе французскою арміею въ періодъ съ 5 по 12 августа было вообще чрезвычайно своеобразно; съ одной стороны,

---

[1]) Фроссаръ (стр. 16) приводитъ текстъ полученнаго имъ распоряженія: „Мецъ, 5 августа, часъ вечера. По приказанію императора, начиная съ сего числа, 2-й, 3-й и 4-й корпусы подчиняются, касательно военныхъ операцій, маршалу Базену, а 1-й, 5-й и 7-й—маршалу Макъ-Магону“.

Базену номинально подчинены были всѣ наличные корпуса Мецской арміи, а съ другой — императоръ и Ле-Бефъ, не довольствуясь вмѣшательствомъ въ распоряженія Базена, распоряжались прямо, даже безъ его вѣдома; вотъ этому примѣры:

Выше (въ главѣ V) было уже сказано, что императоръ 7 августа помимо Базена вызвалъ къ Мецу корпусъ Лямиро, на который расчитывалъ маршалъ. Даже простую дневку 9 августа, крайне необходимую для утомленныхъ войскъ, Базенъ назначилъ только съ разрѣшенія Ле-Бефа, между тѣмъ какъ маршалъ императорскимъ повелѣніемъ отъ того-же числа назначенъ „главнокомандующимъ 3имъ, 4ымъ и 5ымъ корпусами", причемъ 3ій корпусъ долженъ былъ сдать генералу Дэкану [1]). Новый титулъ Базена не измѣнилъ, однако, сути дѣла и не послужилъ къ упорядоченію командныхъ отношеній.

Вообще, во французской арміи въ то время было уже не только двойственное, но чуть-ли не тройственное командованіе. Дѣйствительно, въ письмѣ Наполеона къ Базену отъ 12 августа сказано: „Когда я въ началѣ войны образовалъ нѣсколько армейскихъ корпусовъ, изъ коихъ нѣкоторымъ пришлось дѣйствовать вдали отъ меня, то я назначилъ маршала Ле-Бефа маіоръ-генераломъ для того, чтобы было единство въ управленіи военными операціями....." [2]). Но если бы единство управленія военными операціями лежало собственно на рукахъ Ле-Бефа (а не императора), то этотъ маршалъ не былъ бы уже просто начальникомъ штаба арміи, исполнителемъ въ деталяхъ общихъ предначертаній главнаго начальника, то есть Наполеона III, а напротивъ онъ очутился бы распорядителемъ всей такъ называемой Рейнской арміи.

Но какъ бы то ни было, императоръ, частью во избѣжаніе отвѣтственности за дальнѣйшія неудачи, частью же подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выразившагося въ Парижѣ въ преніяхъ законодательнаго собранія 10, 11 и 12 іюля, рѣшилъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго и передать таковое маршалу Базену. Этимъ исполнилось рѣшеніе, принятое еще 8 числа, которое однако откладывалось, видимо, въ надеждѣ на какой-либо успѣхъ [3]).

---

[1]) Базенъ въ сочиненіи „Походъ Рейнской арміи" и проч., стр. 156 (нѣмецкій переводъ: „Feldzug des Rhein-Heeres" &c., Leipzig, 1872).

[2]) Базенъ, стр. 48. Тутъ впрочемъ нельзя не замѣтить, что возвышая на словахъ значеніе званія Ле-Бефа, Люи-Наполеонъ тѣмъ самымъ сваливаетъ на него и бо́льшую долю отвѣтственности.

[3]) Вотъ что говорится по этому поводу въ письмѣ Пістри императрицѣ Евгеніи (Базенъ, стр. 50) отъ 8 іюля, т. е. непосредственно послѣ неудачъ Форбаха и Верта: „Слушаясь только моей преданности, я спросилъ императора, чувствуетъ ли онъ въ себѣ довольно физическихъ силъ, чтобы выдержать кампанію: проводить дни на конѣ и ночи на бивуакѣ? Онъ согласился со мною, что этого онъ не можетъ; тогда я сказалъ

Назначеніе маршала Базена „главнокомандующимъ Рейнскою арміею“ состоялось 12 августа съ помѣткою, что „онъ немедленно долженъ вступить въ командованіе“. Начальникомъ штаба къ нему назначенъ генералъ Жарра, бывшій до того въ штабѣ Ле-Бефа. Должность маіора-генерала упразднена [1]). Базенъ упоминаетъ, что вопреки обычаю, по которому главнокомандующій самъ избираетъ себѣ начальника штаба, Жарра назначенъ къ нему не спрашивая его (Базена) согласія. Маршалъ, видимо, недоволенъ былъ этимъ назначеніемъ. Подобное отношеніе не могло не отразиться вреднымъ образомъ на ходѣ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что Базенъ вступалъ въ должность въ самое критическое время.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ: обладалъ ли вообще маршалъ Базенъ качествами и способностями, которыя оправдывали бы высокое его назначеніе, и могъ ли онъ еще исправить дѣло при данной, далеко незавидной обстановкѣ? Во всякомъ случаѣ приходится констатировать, что и въ тѣ немногіе еще критическіе дни до роковаго сраженія 16 числа при Марсъ-ля-Турѣ новый главнокомандующій не былъ свободенъ въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Императоръ Наполеонъ не только стѣснялъ маршала своими совѣтами и указаніями, но даже — прямыми приказаніями въ такихъ мелкихъ частностяхъ, которыя вездѣ и всегда предоставляются усмотрѣнію начальника [2]).

Передавая маршалу командованіе, императоръ приказалъ ему отвести армію за Мозель, къ Вердену, и постоянно настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи этого, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ документовъ:

Императоръ писалъ маршалу 12 августа вечеромъ:

„Чѣмъ болѣе я думаю о положеніи арміи, тѣмъ болѣе нахожу его критическимъ, потому что если часть ея будетъ сбита и отступитъ въ разстройствѣ, то форты не обезопасятъ насъ отъ страшнѣйшаго безпорядка. Разсудите что дѣлать, и если мы завтра не будемъ аттакованы, то примите какое либо рѣшеніе“.

Маршалъ Базенъ отвѣчалъ на другой день:

„Я получилъ приказаніе вашего Величества ускорить переправу па лѣвый берегъ Мозеля; но генералъ Кофиніеръ, который

ему, что лучше вернуться въ Парижъ съ Ле-Бефомъ какъ военнымъ министромъ, организовать новую армію и поддержать народный духъ; командованіе же арміею оставить пользующемуся довѣріемъ маршалу Базену, которому приписываютъ способность все исправить. Если случится неудача, то императоръ не будетъ нести полной отвѣтственности. Это мнѣніе всѣхъ друзей императора“.

[1]) Базенъ, стр. 48 и 49.

[2]) Такъ напримѣръ, 14 числа императоръ предписалъ Базену „смѣнить одну изъ дивизій 6-го корпуса, назначенную для усиленія гарнизона Меца, дивизіею Лявокупе отъ 2-го корпуса“ (Базенъ, стр. 61).

теперь при мнѣ, заявляетъ, что не смотря на всѣ старанія мосты будутъ готовы едва завтра утромъ. Съ другой стороны, интендантъ заявляетъ, что онъ не можетъ приступить къ немедленной раздачѣ нужнаго войскамъ. Тѣмъ не менѣе отдаю приказаніе, чтобы осмотрѣны были подходы и выходы, и чтобы изготовиться къ началію движенія завтра утромъ".

Императоръ писалъ маршалу въ тотъ же день, 13 августа:

„Надо исполнить предположенное движеніе" (отступленіе за Мозель); „невозможно терять ни минуты".

Базенъ отвѣтилъ въ 9½ часовъ вечера:

„Непріятель, повидимому, приближается къ намъ съ намѣреніемъ сторожить наши движенія, такъ что отступленіе на лѣвый берегъ можетъ имѣть послѣдствіемъ невыгодный для насъ бой; лучше будетъ или ожидать его на нашей позиціи, или же пойти ему на встрѣчу общимъ наступленіемъ. Я постараюсь получить свѣдѣнія о расположеніи непріятеля и о протяженіи его фронта, тогда я распоряжусь передвиженіемъ и донесу Вашему Величеству".

Императоръ отвѣчалъ въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера:

„Депеша императрицы, которую прилагаю, доказываетъ, что непріятель считаетъ весьма важнымъ, чтобы мы не перешли на лѣвый берегъ, а потому надо переправиться; а если вы полагаете произвести наступленіе, то чтобы оно не увлекло васъ настолько, чтобы помѣшать вашей переправѣ. Что касается раздачъ войскамъ, то можно ихъ исполнить на лѣвомъ берегу, опираясь на желѣзную дорогу" [1]).

Изъ приведеннаго видно, что воззрѣнія маршала Базена далеко не сходились съ видами и убѣжденіями императора.

Можно пожалуй согласиться, что при данной обстановкѣ возможно быстрое отступленіе (хотя-бы первоначально за Мозель) было неизбѣжно; но дѣло въ томъ, что для этой операціи въ командованіе самого императора ничего своевременно приготовлено не было.

Мысль объ отступательной переправѣ у Меца родилась въ умѣ императора и его приближенныхъ еще 7 августа, подъ первымъ впечатлѣніемъ двойнаго пораженія у Верта и Шпихерна. Она, правда, смѣнилась потомъ намѣреніемъ дать сраженіе впереди Меца, но и подобное сраженіе не исключало возможности вынужденной послѣ него переправы. Такимъ образомъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ а, наконецъ, и въ третьемъ, если-бы французы, не отступая далѣе Меца, рѣшились маневрировать, опи-

[1]) Приведенная переписка взята изъ сочиненія Базена, стр. 61—63, и Дерекаге, т. 2, стр. 41—42.

раясь на эту крѣпость,—необходимо было тщательно устроить переправы у Меца и приспособить подступы къ нимъ для того, чтобы имѣть возможность быстро перебрасываться съ одного берега на другой.

Между тѣмъ понтонный паркъ, безъ надобности передвинутый 1 августа въ Форбахъ (безъ запряжки), былъ тамъ взятъ пруссаками и не замѣненъ подходящимъ надежнымъ матеріаломъ, такъ что для устройства переправъ у Меца пришлось въ послѣдніе дни наскоро устраивать мосты на козлахъ, которые были снесены внезапною прибылью воды съ 12 на 13 августа [1]). Самая же прибыль воды могла быть предвидѣна; она была послѣдствіемъ предыдущихъ дождей.

Точно также штабомъ Ле-Бефа не были своевременно обслѣдованы колонные пути, ведущіе къ мостамъ, и выходы на дороги противуположнаго берега, по коимъ войска могли бы отходить къ рѣкѣ Мезѣ.

Далѣе, не было принято должныхъ мѣръ для уничтоженія и обороны, или по крайней мѣрѣ наблюденія переправъ, по коимъ непріятель, повыше или пониже Меца, могъ обойти французскія войска, собранныя у этой крѣпости. Одинъ только комендантъ Тіонвиля забралъ съ рѣки лодки пониже Меца, чѣмъ, какъ было сказано, удержалъ конныя партіи 1ой нѣмецкой арміи отъ поисковъ на лѣвую сторону Мозеля; но за то часть постоянныхъ мостовъ повыше Меца досталась нѣмцамъ въ непопорченномъ видѣ и послужила для переправы ихъ войскъ.

Наконецъ, ближайшіе, болѣе другихъ угрожаемые нѣмцами участки желѣзно-дорожныхъ линій, крайне нужные теперь французской арміи, вовсе не были защищаемы. Изъ этихъ линій прежде всего входилъ въ расчетъ рельсовый путь, пролегающій вдоль лѣваго берега Мозеля и соединяющій Мецъ съ внутренними департаментами Франціи—въ сѣверномъ направленіи черезъ Тіонвиль и въ южномъ—черезъ Туль. Направленіе помянутой линіи — именно вдоль лѣваго берега рѣки Мозеля — было явно преднамѣренное въ видахъ стратегическихъ; дѣйствительно, путь этотъ прикрывался рѣкою отъ покушеній непріятеля, наступавшаго съ востока (какъ и было въ данномъ случаѣ), и непосредственная защита его почти совпадала съ обороною переправъ черезъ р. Мозель, перехода на два повыше Меца и на одинъ пониже этой крѣпости.

Для французовъ болѣе важнымъ былъ теперь желѣзно-дорожный участокъ Мецъ—Туль, по коему совершалось кратчайшее сообщеніе Меца съ Шалономъ. Участокъ этотъ легко могъ быть занятъ

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что надлежащіе мосты на понтонахъ или судахъ выдержали бы прибыль воды, или, въ худшемъ случаѣ, безъ вреда могли бы быть разведены и опять наведены черезъ короткій промежутокъ времени, тотчасъ по прекращеніи быстрой прибыли воды.

и защищаемъ одновременно съ соотвѣтствующею частью рѣки хотябы передовыми эшелонами войскъ 6го корпуса, Канробера, которые такимъ образомъ прикрыли бы подъѣздъ послѣдующихъ эшелоновъ того-же корпуса и обезпечили-бы прибытіе ихъ къ Мецу. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы переправа черезъ Мозель и желѣзная дорога на Туль были защищаемы французами, то отрядамъ нѣмецкой конницы нескоро удалось бы прервать желѣзно дорожное движеніе; тогда отъ корпуса Канробера не было бы отрѣзано 9 баталіоновъ, 13 батарей и вся его кавалерійская дивизія, какъ это случилось на дѣлѣ.

Вообще, при правильной распорядительности наличныя войска Канробера у Меца не были бы слабѣе, а между тѣмъ отряды на Мозелѣ, спеціально оставленные для прикрытія желѣзной дороги и защиты переправъ, разрушили бы всѣ мосты на р. Мозель и могли бы задержать переправу нѣмцевъ, положимъ хоть бы дня на два[1]). Столько же времени можно было выиграть болѣе прочнымъ, своевременнымъ устройствомъ мостовъ у Меца и бо́льшимъ порядкомъ при совершеніи переправы. Такимъ образомъ французская армія для отступленія своего легко могла выиграть дня 3 — 4 и безпрепятственно отойти за р. Мезу.

Въ общемъ, задача какой бы то ни было отступательной переправы самая простая (этимъ не сказано, что она легкая). Прежде всего надо обезопасить мѣсто переправы, что въ данномъ случаѣ отлично исполняла крѣпость Мецъ; далѣе—устроить самыя переправы, то есть мосты и колонные къ нимъ пути, и, наконецъ,—оборонять по возможности извѣстное пространство рѣки, повыше и пониже, дабы хотя временно задержать обходныя попытки непріятеля.

Выше указано, что французское начальство имѣло въ рукахъ всѣ средства для надлежащаго удовлетворенія задачѣ, поставленной ему обстоятельствами, а между тѣмъ мы видѣли каково было исполненіе. Воспитанникъ любаго высшаго военно-учебнаго курса за рѣшеніе на бумагѣ задачи отступательной переправы въ такомъ видѣ, въ какомъ она исполнена на дѣлѣ французскою арміею, получилъ бы баллъ неудовлетворительный. Неужели можно допустить, что тогдашнее французское начальство поголовно не стояло на высотѣ спеціальнаго класса кадетскаго корпуса? Допустить этого конечно невозможно. Такъ въ чемъ же тутъ дѣло?

Оно прежде всего въ томъ, что въ дѣлѣ военномъ, какъ и во всѣхъ другихъ, недостаточно „знать“, а надо еще „умѣть“.

---

[1]) Небольшой промежутокъ пониже крѣпости до Тіонвиля, вовсе неимѣвшій мостовъ, могъ быть защищенъ особымъ отрядомъ, или хотя бы частью резервной кавалеріи.

Умѣніе на войнѣ, независимо практическихъ пріемовъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, вникая подробно во все настоящее, никакъ не позволить поглотить себя заботамъ о современныхъ только, ближайшихъ задачахъ, а напротивъ того не упускать изъ виду будущее, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ [1]). Но есть предѣлы человѣческому уму и физическимъ силамъ.

Одинъ человѣкъ, даже самый геніальный, не можетъ одновременно обнять всего управленія большою арміей, а между тѣмъ ходъ военныхъ событій не ждетъ, онъ, напротивъ того, ставитъ все новыя и новыя задачи. Поэтому то гигантская работа управленія дѣломъ войны непремѣнно требуетъ раздѣленія труда, то есть соотвѣтственной организаціи управленія арміею, въ коей всякому отдѣльному лицу должна быть опредѣлена посильная, возможно упрощенная и непремѣнно „отвѣтственная“ работа.

Раціональная, исправно дѣйствующая организація управленія арміей уподобляется нервной системѣ живаго здороваго организма, работа коего легка и свободна. Напротивъ того, если первная система ненормальна и дѣйствуетъ неправильно, то и самый мощный организмъ поражается безсиліемъ и неспособенъ къ чему бы то ни было путному. Нѣчто подобное постигло французскую армію, благодаря ненормальному ея управленію.

Такъ называемая Рейнская армія императора Наполеона III въ сущности раздѣлялась на двѣ группы: одну, собиравшуюся въ Эльзасѣ (Макъ-Магонъ); и другую—въ Лотарингіи (Базенъ и проч.). Каждая изъ этихъ группъ естественно должна была имѣть своего спеціальнаго начальника, съ соотвѣтственнымъ штабомъ и другими вспомогательными управленіями.

Затѣмъ общій старшій начальникъ, въ данномъ случаѣ самъ императоръ со своимъ штабомъ, долженъ былъ согласовать дѣйствія поименованныхъ двухъ группъ французскихъ войскъ и заботиться о всемъ остальномъ на театрѣ войны. Между тѣмъ, въ дѣйствительности фактическое дѣленіе Рейнской арміи на двѣ группы признано было оффиціально только наканунѣ двойнаго пораженія при Вертѣ и Шпихернѣ [2]). Понятно, что оба новые начальника (Базенъ и Макъ-Магонъ) не только распорядиться чѣмъ-либо, но и одуматься передъ дѣломъ не успѣли. Притомъ, какъ уже сказано, для новыхъ подраздѣленій Рейнской арміи не было сформировано особыхъ штабовъ, а между тѣмъ императоръ съ Ле-Бефомъ,—и прежде

[1]) Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ французское главное начальство „заранѣе“ должно было позаботиться объ устройствѣ надлежащихъ переправъ у Меца.

[2]) Повелѣніе о подчиненіи Базену корпусовъ 2-го, 3-го и 4-го, а Макъ-Магону 1-го, 5-го и 7-го состоялось только 5 августа.

во вредъ дѣлу вмѣшивавшіеся въ разныя мелочи и частности относящіяся до Мецской арміи,—продолжали командовать этою арміею, ввѣренною Базену въ сущности только номинально.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось даже и послѣ оффиціальнаго назначенія Базена, 12 августа, „главнокомандующимъ Рейнскою арміей", причемъ повторилась та обыкновенная исторія, что занимающіеся чужими дѣлами упустили изъ виду свое собственное, прямо для нихъ обязательное. Вотъ тому примѣры:

Выше изложено, что для обезпеченія безпрепятственнаго отступленія Мецской арміи на лѣвый берегъ Мозеля и дальнѣйшаго отхода къ р. Мезѣ ничего своевременно сдѣлано не было. Мосты не устроены; подступы къ нимъ не обслѣдованы; всѣ обозы и тяжести все еще оставались на лѣвомъ берегу Мозеля.

Точно такъ же упущена всякая связь въ дѣйствіяхъ армій Базена и Макъ-Магона. Императоръ не только не воспрепятствовалъ слишкомъ поспѣшному отступленію, чтобы не сказать—бѣгству Макъ-Магона прямо въ Шалонъ, но допустилъ даже, что къ этому бѣгству присоединились корпуса Фальи и Феликса Дуэ, изъ войскъ коихъ только одна дивизія послѣдняго корпуса подверглась пораженію при Вертѣ совмѣстно съ корпусомъ Макъ-Магона.

Вообще, благодаря нераспорядительности французскаго главнаго начальства совершенно свѣжія 4½ дивизіи пѣхоты со всею артиллеріею и кавалеріею двухъ корпусовъ увлечены были далеко назадъ, въ Шалонъ, между тѣмъ какъ онѣ могли быть употреблены для усиленія Базена, или, по крайней мѣрѣ, для обезпеченія его праваго фланга. Первое въ особенности касается корпуса Фальи, которому пришлось даже совершить большой кружный обходъ арміи Базена передъ ея фронтомъ, какъ будто нарочно для того, чтобы отойти подальше отъ Меца, у котораго готовились роковыя схватки.

Далѣе, Мецъ вовсе не былъ готовъ къ осадѣ, а артиллерійскіе армейскіе парки оставлены у Нанси и отрѣзаны отъ войскъ Базена, которыя вслѣдствіе этого терпѣли потомъ недостатокъ въ зарядахъ.

Наконецъ, французскимъ главнымъ начальствомъ ничего не сдѣлано, чтобы правильно собирать и критически сортировать свѣдѣнія о непріятелѣ и вести хотя примѣрный расчетъ его силъ и движеній. Если-бы это исполнялось, то никакъ не могло бы случиться, чтобы французскимъ начальствомъ на вѣру принимались чудовищно-нелѣпые слухи.

Французское начальство, напримѣръ, въ серіозъ разбирало слухъ о томъ, будто армія принца Фридриха-Карла обходитъ Мецъ

сѣвернѣе, въ окрестностяхъ Тіонвиля, для того чтобы въ тылу этой крѣпости, у Вердена, подать руку арміи наслѣднаго принца [1]). Но въ это время, т. е. 13 августа, армія Фридриха-Карла довершала свой обходъ какъ разъ съ противуположной, южной стороны, а передовые ея отряды въ тотъ именно день захватили уже главнѣйшія переправы повыше (южнѣе) Меца. Что-же касается войскъ наслѣднаго принца Прусскаго, то имъ для дѣйствительнаго исполненія приписываемаго имъ движенія пришлось бы развѣ нестись по воздуху.

Только полному, постоянному невѣдѣнію о движеніяхъ противника можно приписать крайне странное явленіе, что въ бою 16 числа, когда французы имѣли противъ себя ничтожныя, сравнительно, силы противника, тѣмъ не менѣе Базенъ и Лямиро одновременно боялись — одинъ за лѣвый, а другой за правый флангъ общей боевой линіи французской арміи, вслѣдствіе чего Базенъ въ пассивномъ ожиданіи громоздилъ резервы у Гравелёта, а Лямиро, вмѣсто того чтобы самому охватить флангъ противника, искалъ въ кавалеріи спасенія противъ „огромныхъ массъ нѣмцевъ“, существовавшихъ только въ его воображеніи.

Таковы были плоды начальствованія императора Наполеона. Тутъ къ промахамъ отъ ненормальной организаціи и неправильнаго дѣйствія французскаго начальства, присоединились, быть можетъ, въ силу свойствъ человѣческой природы, еще и крупныя упущенія со стороны Ле-Бефа, который уже 8 августа могъ знать, что власти его предстоитъ скорый конецъ.

Вообще, двухнедѣльное командованіе Рейнскою арміею императора Наполеона III было фактическимъ отрицаніемъ всякаго правильнаго порядка. Вмѣсто мѣръ и организаціи, клонящихся прямо къ дѣлу, замѣчаются тутъ главнымъ образомъ только ухищренія, съ помощью коихъ можно бы себѣ лично приписать всякій возможный успѣхъ, а неудачу свалить на другаго. Все это смѣшивалось съ какимъ то слѣпымъ невѣдѣніемъ опасностей, грозившихъ отъ нарушенія самыхъ основныхъ началъ, на которыхъ зиждется всякій органическій порядокъ вообще и военный — въ особенности. Въ виду всего этого смѣло можно сказать, что кратковременное командованіе императора Наполеона, независимо всѣхъ другихъ промаховъ и частныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, положило основаніе небывалому почти въ исторіи погрому храброй французской арміи.

---

[1]) Базенъ, стр. 62—63.

Новый, хотя въ сущности номинальный только, главнокомандующій французской арміи, маршалъ Базенъ, въ самое первое время командованія не могъ еще помириться съ мыслью отступленія къ Вердену. Какъ видно изъ приведенной выше переписки съ императоромъ, Базенъ 13 августа носился еще съ наступательными предположеніями, о которыхъ докладывалъ императору и прежде, а именно 9 числа, когда французская армія находилась еще на р. Нидъ-Нѣмецкой. Насколько можно понять, Базенъ думалъ достигнуть Нанси и Фруаръ, гдѣ соединиться съ Макъ-Магономъ и, опираясь на желѣзную дорогу Парижъ — Шалонъ — Страсбургъ, занять очень сильную по его мнѣнію позицію лѣса Ля-Ге (la Haye). Для достиженія этой позиціи Базенъ 13 числа былъ готовъ (если вѣрить его сочиненію) „разрѣзать нѣмецкую армію пополамъ“ рѣшительнымъ наступленіемъ внизъ по правому берегу Мозеля [1]).

Не входя въ разбирательство, на сколько предположеніе это было въ дѣйствительности исполнимо, стоитъ однако остановиться на сдѣланномъ Базену тогда возраженіи, что „этимъ движеніемъ открывается Парижъ.“ Базенъ не безъ основанія критикуетъ это возраженіе, указывая, что „Парижъ, будучи укрѣпленъ, долженъ защищать самъ себя, предоставивъ арміи свободу маневрированія,“ причемъ онъ какъ будто намекаетъ на занятіе фланговаго расположенія по отношенію къ стремящимся къ Парижу нѣмцамъ. Достаточно вспомнить, какого переполоха и дѣйствительной опасности для нѣмцевъ, во время послѣдующей осады Парижа, была причиною французская Луарская армія, составленная изъ далеко ненадежныхъ новыхъ формацій, чтобы понять насколько справедливо было воззрѣніе Базена и насколько здравый смыслъ этого бывшаго фузилера 37го линейнаго полка [2]) оказался тутъ неизмѣримо выше полуученности другихъ французскихъ начальниковъ.

Впрочемъ, и самъ Базенъ подпадалъ дѣйствію чужаго полузнанія, если думалъ „разрѣзать нѣмецкую армію пополамъ (по правому берегу Мозеля)“ съ тѣмъ, чтобы занять свою пресловутую крѣпкую позицію Ля-Ге, давнымъ-давно, до войны, имъ изученную и видимо облюбованную [3]). Но „разрѣзать“ побѣдоносно наступав-

---

[1]) Базенъ, стр. 44 и 62.

[2]) На сочиненіи своемъ Базенъ подписался „бывшій фузилеръ 37 линейнаго полка и бывшій маршалъ Франціи.

[3]) Это между прочимъ потверждаетъ, что мирныя стратегическія изысканія на предполагаемыхъ театрахъ войны съ цѣлями практическими, а не просто учебными, не совсѣмъ безопасны для людей не имѣющихъ солидной научной подготовки и самостоятельнаго во всемъ сужденія.

шую нѣмецкую армію можно было только посредствомъ удачнаго боя или, вѣрнѣе, „цѣлаго ряда побѣдъ.“ А между тѣмъ, каждое крупное рѣшительное столкновеніе на войнѣ создаетъ новую обстановку, совершенно различную отъ предшествовавшей. Французы, потерпѣвшіе неудачи при Вертѣ и Шпихернѣ, могли пожалуй пока ограничивать свои желанія и стремленія достиженіемъ какой либо позиціи, хотя-бы Ля-Ге. Но французы побѣдители, разрѣзавшіе, то есть „разбившіе“ нѣмецкую армію, имѣли бы право искать полнаго торжества посредствомъ рѣшительныхъ наступленій, а заботу о крѣпкихъ позиціяхъ предоставить нѣмцамъ.

Слова Базена обличаютъ только еще разъ, что французскіе начальники того времени вовсе не сознавали рѣшающаго значенія боя на войнѣ, и приписывали какое то особое, чуть ли не магическое значеніе излюбленнымъ стратегическимъ якобы пунктамъ и крѣпкимъ позиціямъ, независимо современной дѣйствительной военной обстановки.

Но каковы бы ни были виды и убѣжденія Базена, они въ дѣйствительности не имѣли никакого практическаго значенія, коль скоро императоръ требовалъ отступленія по направленію къ Парижу, который онъ никакъ не намѣренъ былъ оставлять самому себѣ. Людовикъ-Наполеонъ, съ точки зрѣнія чисто династической, не безъ основанія считалъ Парижъ врагомъ болѣе для себя опаснымъ чѣмъ самихъ нѣмцевъ; ибо Парижъ готовъ былъ свергнуть Бонапартовъ съ престола Франціи, а нѣмцы никакого въ этомъ интереса не имѣли, скорѣе—напротивъ.

Базенъ, будучи предоставленъ самому себѣ, 14 числа по меньшей мѣрѣ могъ одержать извѣстный тактическій успѣхъ, посредствомъ рѣшительнаго наступательнаго отпора противъ аттакъ нѣмцевъ (Гольца и Мантейфеля). На дѣлѣ же французы тогда съ одной стороны (можно предположить, что подъ вліяніемъ мысли императора) не наказали нѣмцевъ за дерзкую, можно сказать, аттаку, а съ другой—не умѣли уклониться отъ боя, сопряженнаго съ потерею столь дорогаго для нихъ времени.

Не отказываясь еще въ теоріи отъ своихъ наступательныхъ намѣреній, Базенъ тѣмъ не менѣе отдалъ 13 числа приказанія для отступательной переправы.

Для того, чтобы надлежаще оцѣнить распоряженія, имѣвшія послѣдствіемъ безпорядочную переправу французовъ черезъ Мозель, необходимо припомнить слѣдующее:

Новый главнокомандующій Рейнскою арміей, маршалъ Базенъ, вступилъ въ эту должность только 13 августа. Онъ по настоянію императора Наполеона въ тотъ же еще день вынужденъ былъ отдать

приказанія для отступательной переправы черезъ р. Мозель, хотя, по завѣрснію его, все еще носился съ мыслью аттаковать нѣмцевъ.

Понятно, что спѣшная по необходимости, отступательная переправа слабѣйшей французской арміи, въ виду сильнѣйшаго торжествующаго противника, подъ прикрытіемъ лишь неокончепныхъ еще и невполнѣ вооруженныхъ фортовъ Меца, была операціею весьма сложною. Она требовала вполнѣ зрѣлаго спокойнаго обсужденія и соотвѣтственной подготовки.

Если полная централизація распоряженій въ подробностяхъ, вообще, когда либо примѣнима на войнѣ, то, конечно, прежде всего въ случаяхъ подобныхъ описываемому, когда сжатыя на небольшомъ пространствѣ массы войскъ и обозовъ приходилось протянуть черезъ дефилеи (улицы, мосты) и эшелонировать на избранныхъ путяхъ отступленія, сообразно желаемому маршевому порядку [1]).

Между тѣмъ штабъ Рейнской арміи, все время войны остававшійся въ Мецѣ, видимо не выработалъ никакого проекта распоряженій для обратной переправы у Меца и вообще не изучилъ этого дѣла, хотя переправа эта въ сущности (какъ уже сказано) рѣшена была еще 7 августа.

Только что принявшій командованіе арміей маршалъ Базенъ не былъ даже въ ближайшемъ общеніи со своимъ новымъ начальникомъ штаба, генераломъ Жарра. Базенъ оставался при войскахъ въ Борни, а Жарра со штабомъ въ Мецѣ. Не надо притомъ забывать, что Базенъ не былъ доволенъ назначеніемъ Жарра начальникомъ штаба арміи, предпочитая ему генерала Манека (Manèque, начальникъ штаба 3го корпуса), бывшаго съ нимъ въ Мексикѣ.

Только при указанной выше общей ненормальной обстановкѣ и могло случиться, что вмѣсто того, чтобы Жарра представилъ на усмотрѣніе маршала проектъ распоряженій для переправы, случилось совершенно обратное, а именно: главнокомандующій вынужденъ былъ дать соотвѣтствующія приказанія частью прямо въ войска, частью же своему начальнику штаба. Вдобавокъ, это послѣднее

---

[1]) Деррекаге, сочиненіе коего (т. 2, стр. 31—44) принято здѣсь во вниманіе, опредѣляетъ числительность арміи, которой пришлось двигаться, болѣе 152 тысячъ человѣкъ. Длину подобной общей колонны со всѣми обозами, даже при движеніи пѣхоты и кавалеріи „по-четыре“, а повозокъ—по двѣ въ рядъ, Деррекаге опредѣляетъ въ 152 километра. Кажется, что тамъ гдѣ повозки идутъ по двѣ въ рядъ и войска могутъ слѣдовать болѣе широко, но за всѣмъ тѣмъ длина подобной колонны во всякомъ случаѣ громадная. Даже при раздѣленіи общей колонны на двѣ отдѣльныя, длина каждой выйдетъ еще не менѣе двухъ переходовъ, а потому не подлежитъ сомнѣнію, что французамъ въ лучшемъ случаѣ все-таки пришлось бы пожертвовать большею частью своихъ обозовъ, оставивъ ихъ у Меца. Часть ихъ могла уйти сѣвернѣе, черезъ Бріей.

посланіе, сколько можно понять, принимается штабомъ не какъ матеріалъ для подлежащихъ распоряженій, а какъ окончательное приказаніе для непосредственнаго по немъ исполненія войсками и обозными колоннами.

Вотъ этотъ документъ, какъ онъ приведенъ въ сочиненіи Деррекаге.

„13 августа".

„Генералъ Жарра при содѣйствіи генерала Кофинье" (коменданта Меца) „удостовѣрится, что главнѣйшіе пути Меца, ведущіе къ обоимъ городскимъ мостамъ, будутъ свободны пополудни для прослѣдованія тяжестей" (bagages) „гвардіи и 3го корпуса, а также и артиллерійскаго резерва генерала Каню" (Canu). „Эти тяжести и обозы" (convois) „должны собраться въ вагенбургъ" (se parquer) „въ Банъ-сенъ-Мартенъ" (Ban-saint-Martin, у Меца за Мозелемъ) „для чего генералъ Жарра отдастъ приказанія дивизіямъ Фортопъ и Дю-Баре" (отдѣльныя кавалерійскія) „къ часу пополудни уйти изъ своего лагеря. Тяжести ихъ останутся въ Банъ-сенъ-Мартенъ и присоединятся къ обозу, чтобы дивизіи были возможно болѣе подвижны".

„Дивизія Фортопъ пойдетъ по дорогѣ въ Верденъ черезъ Марсъ-ля-Туръ, дивизія Дю-Баре — по дорогѣ въ Верденъ черезъ Донкуръ-ле-Конфлянъ; онѣ освѣтятъ себя впередъ и къ сторонѣ открытаго фланга и свяжутся между собою. Обѣ расположатся у Гравелёта, если воды окажется достаточно. Въ противномъ случаѣ, одна будетъ у Гравелёта, а другая у Резонвиля. Онѣ должны эшелонировать 2—3 эскадрона впередъ на право и на лѣво, такъ чтобы хорошо прикрыть мѣстность и дозволить войскамъ дебушировать впослѣдствіи".

„Равнымъ образомъ генералъ Жарра предупредитъ парки всѣхъ корпусовъ, чтобы они двинулись какъ только будетъ извѣстно, что обозы 2го и 4го корпусовъ начали свое движеніе. Эти парки помѣстятся на тѣхъ-же мѣстахъ что и обозы ихъ корпусовъ, но впереди этихъ обозовъ. Съ этою цѣлью надо заранѣе обслѣдовать мѣста, чтобы убѣдиться довольно ли они просторны; въ противномъ случаѣ парки должны слѣдовать за движеніемъ войскъ".

„Сегодня рано утромъ отправлены приказанія 2му и 4му корпусамъ. Корпуса гвардіи и 3іи тоже получатъ приказанія. Генералу Жарра предупредить 6ой корпусъ".

„2ой и 6ой корпуса размѣстятъ свои обозы между Лёнжевиль и Мулепъ-ле-Мецъ" (Longeville, Moulins-les-Metz, южнѣе Сенъ-Мартенъ), „4ый корпусъ размѣститъ свои обозы лѣвѣе своихъ мостовъ. къ сторонѣ Мезонъ-де-Пляшъ" (Maison de Planches, сѣвернѣе Сенъ-Мартенъ).

„2ой и 6ой корпуса будутъ слѣдовать по дорогѣ въ Верденъ черезъ Марсъ-ля-Туръ — Арвиль, Моэль" (Harville, Mauheulle); „4ый и 3іи корпуса будутъ двигаться черезъ Конфлянъ, Этенъ; гвардія послѣдуетъ за 3мъ корпусомъ или исполнитъ приказанія, которыя дастъ ей Императоръ" [1]).

„Движеніе войскъ вѣроятно не начнется ранѣе вечера, при лунномъ свѣтѣ, а если окажется возможнымъ, то движеніе начнется пополудни".

---

[1]) На дѣлѣ гвардія пошла за 2-мъ корпусомъ.

„Генералъ Жарра пришлетъ въ Борни офицера, чтобы доложить господину маршалу будетъ ли Банъ-сенъ-Мартенъ къ 2 часамъ свободно, и будутъ ли очищены пути въ городѣ, чтобы пропустить тяжести 3го корпуса и гвардіи".

„Какъ только господинъ маршалъ получитъ донесенія отъ разъѣздовъ, если ничего постановлено не будетъ, то онъ отправится въ Мецъ къ Императору за приказаніями".

„Но онъ не знаетъ, въ которомъ часу это будетъ возможно".

Приведенный здѣсь документъ Деррекаге называетъ „приказаніемъ", на основаніи коего „вся армія должна была двигаться въ одной колоннѣ въ дефиле 13 километровъ длиною, образуемомъ дорогою, ведущею отъ Меца къ Гравелёту". Засимъ, само собою разумѣется, что вся отвѣтственность за безпорядочную переправу со столпленіемъ массы войскъ и обозовъ на одной лишь дорогѣ Мецъ — Гравелётъ падаетъ на автора приказанія, т. е. на маршала Базена.

Но безпристрастный судья, не лишенный притомъ здраваго воззрѣнія на условія раціональной организаціи командованія войсками, едва ли можетъ присоединиться къ подобному мнѣнію.

Въ приведенномъ посланіи Базена (на сколько оно не дополнено иными распоряженіями маршала въ другомъ смыслѣ, которыхъ Деррекаге однако не приводитъ) нигдѣ не говорится о томъ, чтобы войска отъ переправъ шли по „единственной" дорогѣ и непремѣнно черезъ Гравелётъ. Напротивъ, въ одномъ только мѣстѣ упоминается слѣдующее: „дивизія Фортона пойдетъ по дорогѣ въ Верденъ черезъ Марсь-ля-Туръ, а дивизія дю-Баре по дорогѣ въ Верденъ черезъ Донкуръ-ле-Конфлянъ"; въ другомъ же мѣстѣ говорится: „2ой и 6ой корпуса пойдутъ по дорогѣ въ Верденъ черезъ Марсъ-ля-Туръ; 4ый и 3ій будутъ двигаться на Конфлянъ". Тутъ вездѣ совершенно ясно и какъ будто нарочно упоминаются только пункты, лежащіе уже далѣе развѣтвленія дорогъ (у Гравелёта).

Вопросъ, какъ войска дойдутъ до этихъ пунктовъ, лежащихъ уже на двухъ дорогахъ къ Вердену, остается у Базена незатронутымъ. Обстоятельство, которое можно бы считать важнымъ пробѣломъ „въ окончательномъ приказаніи, данномъ войскамъ для непосредственнаго исполненія". Хотя очевидно безсмысленно было-бы заключать изъ этого, что армія, которой суждено слѣдовать въ двухъ колоннахъ, будетъ предъ тѣмъ непремѣнно скомкана въ одну колонну, имѣя въ распоряженіи пять мостовъ и четыре различныя, довольно удобныя дороги, ведущія отъ переправъ къ двумъ путямъ, направляющимся къ Вердену отъ Гравелёта. Наконецъ, даже расположеніе мостовъ, раскинутыхъ на довольно большомъ протяженіи, само собою указывало разнымъ колоннамъ и различные отъ этихъ мостовъ пути.

Гораздо важнѣе то, что посланіе главнокомандующаго начальнику штаба никакъ нельзя считать „приказаніемъ войскамъ“ для непосредственнаго исполненія. Это не болѣе какъ матеріалъ (на этотъ разъ довольно подробный), для соотвѣтственныхъ распоряженій штаба. Тѣмъ хуже для послѣдняго, если онъ довелъ дѣло до того, что главнокомандующему приходится брать на себя хотя-бы отчасти работу, всецѣло лежащую на обязанности и отвѣтственности его штаба [1]).

Но какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ оставалось штабу Рейнской арміи по меньшей мѣрѣ дополнить и развить приказанія главнокомандующаго до того, чтобы всѣ распоряженія въ общей сложности замѣнили собою одно общее, обстоятельное и цѣльное распоряженіе, каковое тутъ требовалось по самому существу предпринятой операціи отступательной переправы большой арміи вблизи отъ непріятеля.

Позволительно думать, что въ любомъ благоустроенномъ штабѣ не только начальникъ онаго, но и старшій адъютантъ подлежащаго отдѣленія не успокоились бы ни на минуту до тѣхъ поръ, пока бы все дѣло распоряженій по переправѣ не было приведено къ удовлетворительному окончанію. Не такъ было въ штабѣ Рейнской арміи.

Поневолѣ пришлось коснуться этихъ подробностей, во первыхъ потому, что онѣ обличаютъ весьма своеобразные взгляды и отношенія французскихъ начальниковъ (о чемъ еще ниже) и во вторыхъ потому, что успѣхъ всѣхъ военныхъ операцій въ сущности всецѣло зависитъ именно отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія и исполненія подобныхъ „частностей и мелочей“.

„На войнѣ все очень просто.....“ говоритъ Кляузевицъ. Быть можетъ, что по этой именно причинѣ любой военный диллетантъ (иногда и въ крупномъ положеніи), или пожалуй иной военно-газетный репортеръ, воюя на словахъ, мнитъ себя законченнымъ стратегомъ. Но геніальный военный мыслитель къ приведенному выше тутъ-же добавляетъ, „но и самое простое — дается крайне трудно“ (Im Kriege ist alles sehr einfach, aber selbst das einfachste — äusserst schwer). Далѣе онъ уподобляетъ военныя дѣйствія „движенію въ отягчающей стихіи“ (Bewegung in einem erschwerenden Elemente).

---

[1]) Деррекаге говоритъ, что Базенъ сознательно хотѣлъ непремѣнно направить всѣ войска по одной дорогѣ, черезъ Гравелётъ, но доказательствъ тому не приводитъ. Впрочемъ, для нашего изслѣдованія это безразлично. Довольно того, что или штабъ Базена не зналъ своихъ обязанностей, или же маршалъ не сумѣлъ имъ пользоваться.

Должное сознаніе и надлежащая оцѣнка „препятствій и отягощеній“ въ каждой данной обстановкѣ и своевременныя вполнѣ раціональныя мѣры для ихъ преодолѣнія составляютъ едва ли не всю суть практическаго военнаго искусства. Но единичный, даже самый геніальный человѣкъ не въ состояніи справиться съ этимъ дѣломъ безъ должнаго содѣйствія хорошо организованнаго штаба, который составляетъ, такъ сказать, физическое и интеллектуальное продолженіе старшаго начальника. Такъ понимали и понимаютъ дѣло это нѣмцы. Французы этого не сознавали, какъ доказываетъ исторія ихъ распоряженій, предшествовавшихъ переправѣ 14—15 августа. Самая же эта переправа служитъ разительнымъ доказательствомъ неправильности воззрѣній французовъ.

Вотъ какъ совершилась отступательная переправа арміи маршала Базена.

Головной эшелонъ предполагаемой лѣвой колонны французской арміи, а именно 2ой корпусъ, Фроссара, выжидая прохода обозовъ, началъ свое движеніе постепенно съ 10 до 2 часовъ пополудни 14 августа, но по причинѣ страшной давки и сумятицы по дорогѣ запруженной обозами, отошелъ въ тотъ день только до Розеріель (Rozerieulles, верстъ 7 отъ Меца), а хвостъ пѣхоты 2го корпуса, бригада Ляпассе, сталъ лагеремъ въ 11 часовъ ночи; кавалерійская же дивизія корпуса подтянулась уже утромъ 15 числа. Понятно, что 6ой корпусъ и гвардія, долженствовавшіе слѣдовать за 2^мъ^ корпусомъ, вышли на указанную имъ дорогу Гравелётъ — Марсъ-ля-Туръ только 15 числа, хотя оба они начали движеніе еще 14го. Корпусъ Фроссара по недоразумѣнію подвинулся 15 числа лишь нѣсколько верстъ впередъ и дошелъ до Резонвиль [1]).

Корпуса 3^й^ и 4^й^, задержанные босмъ 14 числа, начали переправу только 15го, причемъ, по случаю запруженія пути Мецъ-Гравелётъ, только дивизія Лёрансе 4го корпуса пошла прямо на Гравелётъ и достигла Розеріель; съ остальными же войсками корпуса Лямиро пошелъ правѣе и расположился на ночлегъ по дорогѣ въ Бріей, у Лесси и у Сансоне (Lessy; Sansonnet), весьма мало отойдя отъ Меца. Только 16 числа Лямиро, двигаясь сначала по Бріейской дорогѣ черезъ Сентъ-Мари-о-Шенъ (Ste Marie aux Chênes), повернулъ съ нея по направленію на Донкуръ, куда голова его колонны прибыла въ 12½ часа дня. 3^й^ корпусъ искалъ себѣ прохода по дорогѣ черезъ Пляпевиль; войска его частью въ теченіе 15го, частью же ночью на 16 и даже утромъ того дня под-

[1]) Фроссаръ, стр. 80—81.

равнялись съ гвардіею; одна только дивизія Метмана 3го корпуса съ 15 на 16 августа оставалась у Меца.

Во время указанныхъ передвиженій, по расчетамъ Деррекаге, нѣкоторые изъ французскихъ корпусовъ, по причинѣ запруженія дорогъ и т. п., находились въ пути лишнихъ 10—20 часовъ и даже болѣе. Понятно, что сопряжено это было съ непомѣрнымъ, совершенно напраснымъ утомленіемъ войскъ и не могло не отозваться на нравственномъ ихъ состояніи. Это-же настроеніе подчиненныхъ въ свою очередь въ извѣстной мѣрѣ должно было передаться и ихъ начальникамъ.

Между тѣмъ, по мнѣнію того-же военнаго писателя (Деррекаге), подтвержденному подробными соображеніями и расчетами, при болѣе правильныхъ распоряженіяхъ „вся армія“ маршала Базена легко и свободно могла быть 15 числа къ вечеру совершенно сосредоточена на плато западнѣе Меца по двумъ путямъ, избраннымъ для отступленія къ Вердену. Обстоятельство, которое, ободривъ французскихъ начальниковъ, могло измѣнить участь боя 16 августа.

Неудачная переправа французовъ невольно напоминаетъ вопросъ о разграниченіи обязанностей, съ одной стороны, главнаго, а съ другой, подчиненныхъ начальниковъ. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ все дѣло переправы, впредь до вывода каждой части на подлежащую дорогу лежало на прямой обязанности главнаго начальника арміи черезъ посредство его штаба. Объ этомъ казалось-бы нечего и упоминать, если-бы не весьма странное, по вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени характерное мнѣніе, выраженное по этому поводу бывшимъ главнокомандующимъ французскою арміею, маршаломъ Базеномъ, и его начальникомъ штаба, генераломъ Жарра. Припомнимъ факты выше уже приведенные:

Головная дивизія 4го корпуса (Лёрансе) идетъ 15 августа отъ Меца по дорогѣ на Гравелётъ; дорога оказывается совершенно запруженною, а потому командиръ корпуса, Лямиро, направляется съ остальными частями своихъ войскъ по Брісйской дорогѣ, съ которой потомъ, 16 числа, сворачиваетъ на Донкуръ, ночлежный пунктъ, назначенный ему на тотъ день. Идя по этому пути, войска Лямиро успѣваютъ попасть въ бой 16 августа еще до 5 часовъ пополудни [1]).

Все это очень просто; это со стороны Лямиро было тутъ проявленіе самой заурядной обязательной распорядительности корпуснаго

[1]) Они могли попасть въ бой гораздо раньше, если бы свернули съ пути недоходя Донкура, куда голова ихъ колонны прибыла уже въ первомъ часу пополудни.

командира, который какъ могъ и умѣлъ старался исправить послѣдствія полнаго нерадѣнія штаба французской арміи. Но маршалъ Базенъ и черезъ 13 лѣтъ не додумался до того, чтобы найти настоящихъ виновныхъ, то есть: Ле-Бефа, ничего не подготовившаго заранѣе, или пожалуй Жарра, не принявшаго хотя-бы въ послѣдній моментъ посильныхъ мѣръ для сохраненія должнаго порядка при операціи переправы, и безъ того уже производившейся при самой трудной стратегической обстановкѣ.

Изъ приводимыхъ Базеномъ показаній генераловъ Лямиро и Жарра, а также и собственныхъ замѣчаній маршала [1]), можно вывести поло жительное заключеніе, что французскимъ войскамъ не дано было „никакихъ приказаній", но какой именно дорогѣ каждая изъ переправлявшихся колоннъ обязана слѣдовать для достиженія обоихъ прямыхъ путей, ведущихъ къ Вердену. Дороги эти даже вовсе не были обслѣдованы штабомъ арміи. Немудрено послѣ того, что каждая переправившаяся колонна искала себѣ прохода какъ сама знала и умѣла.

Базенъ же, вмѣсто того чтобы обвинить свой штабъ, обвиняетъ Лямиро.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія маршалъ ссылается на показаніе Жарра передъ парламентскою коммисіею, въ которомъ послѣдній высказывается въ томъ смыслѣ, что „не его дѣло было думать о частностяхъ операціи переправы, а дѣло это корпусныхъ штабовъ". Однако, тѣмъ не менѣе, Жарра призналъ, что 4ый корпусъ „вынужденъ былъ" избирать кружную дорогу въ виду запруженія болѣе прямыхъ.

Нельзя предполагать, чтобы высказанное генераломъ Жарра было одною только отговоркою, выдуманною впослѣдствіи; скорѣе можно предполагать, что онъ, въ свое время дѣйствуя или вѣрнѣе бездѣйствуя указаннымъ способомъ, считалъ себя совершенно правымъ. Базенъ же, такъ или иначе все таки допустившій безпорядочную переправу, то есть не исполнившій того, что составляло его прямую обязанность, укоряетъ между тѣмъ Лямиро за то, что послѣдній распорядился самостоятельно для исправленія его же (Базена) упущенія. Очевидно, что хаотическая переправа французовъ была прямымъ послѣдствіемъ хаоса въ понятіяхъ ихъ начальниковъ.

Однако Базенъ, поклонникъ идеи полной централизаціи начальствованія, требующій отъ подчиненныхъ только слѣпаго исполненія, иной разъ въ частныхъ случаяхъ удивляется вдругъ малой ихъ распорядительности и отсутствію самостоятельной предпріимчивости. Случилось это между прочимъ и по поводу стычки 15 августа [2]).

[1]) Базенъ, стр. 71—88.
[2]) Базенъ, стр. 75 и 76.

Надо припомнить, что французскія резервныя кавалерійскія дивизіи Фортонъ и дю-Барре сторожили 15 числа пути Мецъ — Верденъ; первая — лѣвый, черезъ Марсъ-ля-Туръ, а послѣдняя — правый, черезъ Донкуръ (Конфлянъ), причемъ дивизія Фортона въ окрестностяхъ Тронвиля встрѣтила часть наступавшей нѣмецкой конницы, Рейнбабена. Завязалась канонада.

Командиръ головнаго корпуса лѣвой французской походной колонны, генералъ Фроссаръ, находившійся близъ Гравелёта, поѣхалъ лично на выстрѣлы; туда-же двинулось нѣсколько драгунскихъ эскадроновъ его кавалерійской дивизіи (Валябрега), только-что подошедшей послѣ ночнаго перехода. Фортонъ доложилъ Фроссару, что ему трудно будетъ удержаться въ Марсъ-ля-Туръ и что онъ отойдетъ назадъ.

Фроссаръ въ сочиненіи своемъ не высказывается относительно цѣлесообразности рѣшенія генерала Фортона и упоминаетъ только, какъ будто въ видѣ оправданія своего безучастія, что „дивизія Фортона ему подчинена не была“ и что „она получила указанія непосредственно изъ главнаго штаба арміи“ [1]). Эти немногія слова Фроссара раскрываютъ цѣлую систему своеобразныхъ отношеній.

Базенъ по упомянутому случаю не безъ основанія (если судить безотносительно) укоряетъ своихъ подчиненныхъ, говоря, что 5 тысячъ французскихъ всадниковъ (дивизіи Фортона, дю-Барре и Валябрега), вооруженныхъ почти всѣ дальнобойными ружьями-шаспо, должны были опрокинуть противника и очистить дорогу. „О чемъ же думали корпусные командиры!“ восклицаетъ Базенъ, и далѣе прямо укоряетъ Фроссара въ его „инертности“. Такимъ образомъ Базенъ желалъ-бы, съ одной стороны, водить своихъ подчиненныхъ на помочахъ, а съ другой — считаетъ себя вправѣ требовать отъ нихъ порывовъ энергическаго самостоятельнаго почина. Но смѣлый починъ не является самъ собою въ соотвѣтственную минуту; онъ, напротивъ того, есть продуктъ цѣлой системы начальствованія, разумнаго равновѣсія власти и раціопальнаго воспитанія въ мирное еще время.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкіе начальники при данной обстановкѣ (говорится тутъ о дѣйствіяхъ 15 августа) поступили бы совершенно иначе. Чтобы не далеко искать доказательствъ, припомнимъ только, что напр. на слѣдующій же день и въ той же самой мѣстности Рейнбабенъ прямо передалъ себя съ дивизіею въ распоряженіе Альвенслебена, который и сумѣлъ ею воспользоваться. Но требовать, чтобы тогдашніе французскіе начальники распоряжались

[1]) Фроссаръ, стр. 82. По смыслу же рапорта Фортона, приведеннаго Базеномъ (стр. 75), Фортонъ отступилъ съ одобренія Фроссара.

и дѣйствовали такъ же какъ и нѣмецкіе, по меньшей мѣрѣ несправедливо; французскіе начальники были такими какими ихъ создала господствовавшая во французскомъ управленіи система [1]).

Безпристрастный судья никакъ не рѣшится заподозрить французскихъ генераловъ въ томъ, что они не понимали такого простаго дѣла, каковымъ была обстановка 15 августа, а напротивъ того — предположитъ, что французскіе генералы вообще „не считали себя вправѣ“ распорядиться самостоятельно. Наконецъ, если бы кто либо изъ нихъ, въ видѣ исключенія, и рѣшился когда-либо дѣйствовать на свою отвѣтственность, то онъ все-таки при общей системѣ централизаціи никакъ не могъ расчитывать на смѣлую самостоятельную распорядительность и поддержку со стороны своихъ товарищей. Поэтому французскіе начальники иной разъ могли бездѣйствовать всѣ вмѣстѣ и даже тогда, когда каждый порознь при должной оцѣнкѣ данной обстановки отлично понималъ необходимость дружнаго совмѣстнаго дѣйствія.

Все это выражено только въ видѣ отвѣта на вопросъ возбужденный Базеномъ; но если обратиться къ дѣйствительной обстановкѣ 15 августа, то подлежитъ обсужденію, не лучше ли было тогда французамъ воздержаться отъ энергическихъ дѣйствій, которыя могли обличить предъ нѣмцами присутствіе значительныхъ силъ ихъ у Меца.

Императоръ Наполеонъ 16 августа утромъ уѣхалъ наконецъ изъ арміи; но и тутъ онъ не преминулъ на самый послѣдокъ связать предпріимчивость и подавить духъ Базена, и безъ того не важные. Онъ приказалъ главнокомандующему „соблюдать самую большую осторожность; ничего не предоставлять случаю“, дабы не обезохотить тѣ державы, которыя въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій, казалось, хотѣли сблизиться съ Франціею. Далѣе онъ сказалъ, что ждетъ отвѣта на свои письма императору Австрійскому и королю Италіанскому и что „ничего не надо портить опрометчивостью, а болѣе всего избѣгать новыхъ неудачъ“.

Въ добавокъ къ помянутымъ указаніямъ императоръ закончилъ свое командованіе передачею Базену совершенно ложнаго свѣдѣнія о появленіи будто пруссаковъ въ Бріей, то есть наперерѣзъ самому сѣверному изъ трехъ путей, ведущихъ изъ Меца въ Верденъ, — единственному еще вполнѣ безопасному [2]).

---

[1]) Здѣсь можно кстати замѣтить, что отправляя за Мозель двѣ кавалерійскія дивизіи съ однимъ общимъ назначеніемъ, а за ними и другія войска, слѣдовало непремѣнно назначить и общаго начальника. Въ этомъ случаѣ Базенъ не исполнилъ прямой своей обязанности.

[2]) Базенъ, стр. 71.

Отъѣзжающій подъ громъ начинающейся битвы императоръ Наполеонъ III оставилъ свою армію въ далеко незавидномъ положеніи. Обходное движеніе нѣмцевъ уже заканчивалось; стратегическій узелъ генерала Мольтке затягивался вокругъ арміи Базена; онъ могъ быть еще разсѣченъ тактическою побѣдою, но смѣлый взмахъ меча былъ не по-плечу сподвижникамъ и воспитанникамъ Люи-Наполеона.

Вотъ до чего лишь додумался въ эти роковыя минуты главный помощникъ и совѣтникъ императора, маршалъ Ле-Бефъ:

Оставляя упраздненную должность маіоръ-генерала для принятія начальства надъ 3[имъ] корпусомъ, Ле-Бефъ 15 августа въ присутствіи императора передалъ Базену слѣдующую записку, нѣчто въ родѣ стратегическаго завѣщанія.

„Господинъ Маршалъ“!

„Наши нынѣшнія неудачи происходятъ отъ трехъ причинъ: нечаянность, разброска нашихъ силъ и меньшая ихъ числительность“.

„Нечаянность. Требуется поменьше небрежности со стороны начальниковъ и больше строгой бдительности на аванпостахъ [1]). Полная система шпіонства хорошо вознаграждаемая, контролированная и постоянная. Пруссаки шпіонствуютъ вездѣ постоянно, станемъ дѣлать какъ они и лучше ихъ“.

„Разброска силъ. Вейсенбургъ, Рейхсхофенъ, Форбахъ къ несчастію доказываютъ се. Наполеонъ I дѣйствовалъ ударами массъ. При Садовѣ у пруссаковъ не было иной тактики; эту тактику они возобновляютъ противъ насъ“.

„Меньшія силы. Это очевидно—800 тысячъ человѣкъ противъ 250“.

„Въ ближайшемъ сраженіи (потому что если мы сосредоточиваемся, то и они теперь сосредоточиваются) они введутъ въ линію 300 тысячъ человѣкъ и даже 400“.

„Наше мужество не опасается неравенства силъ, но надо, чтобы стратегія пособила; для этого необходимо“:

„1, сосредоточить столько силъ, сколько позволитъ послѣдняя возможность“.

„2, противопоставить первому удару только часть нашихъ силъ (потому что и нѣмцы такъ же поступятъ) и сберечь другую часть до вторичнаго поворота на поле битвы“.

„Но обѣ наши части должны, такъ сказать, соприкасаться между собою и составлять одно, чтобы войти въ линію тутъ-же, безотлагательно“.

„Если бы было возможно дать имъ (нѣмцамъ) ввести въ дѣло обѣ ихъ массы, задержавъ ихъ и расшатавъ [2]), если возможно, нашею первою арміею, то другая (соприкасающаяся съ первой, какъ уже сказано), устремившись на ослабленную вторую массу пруссаковъ, довершитъ побѣду“.

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что „нечаянностью“ для французовъ было до того времени только нападеніе подъ Вейсенбургомъ; подъ Шпихерномъ же и 14 числа у Меца, наоборотъ, нѣмцы совершенно нечаянно напоролись на силы французовъ гораздо большія нежели расчитывали. Наконецъ, подъ Вертомъ, Макъ-Магонъ отлично зналъ, что передъ нимъ большія силы нѣмцевъ и упоминалъ объ этомъ даже въ воззваніи къ войскамъ.

[2]) Слова „и расшатавъ“ (et les user) написаны рукою самого императора какъ значится въ сочиненіи Базена.

„Помните постоянно, что въ ближайшемъ сраженіи пруссаки захотятъ дѣйствовать массою, чтобы судьбу сраженія рѣшить въ свою пользу“ [1]).

„Господинъ Маршалъ“!

„Не случится ли, что соединяя громадныя массы пруссаки введутъ въ линію послѣдовательно, но съ весьма небольшими промежутками во времени, мало-по-малу, ударъ за ударомъ, ихъ арміи: Сѣверную, Среднюю у Южную (принцъ Фридрихъ-Карлъ, генералъ Штейнмецъ и наслѣдный принцъ)“.

„Надо расчитывать, что они введутъ въ дѣло большое число орудій и проч, и проч. и припомнить, что армію нашу подъ Фрэшвиллеромъ оставили безъ достаточнаго числа артиллеріи и снарядовъ“.

„Торжествующая въ полдень она побѣждена въ 5 часовъ пополудни“.

Въ заключеніе Ле-Бефъ добавляетъ совершенно теоретическое разсужденіе о томъ, что французской арміи придется перейти къ семилѣтнему сроку службы, съ ежегоднымъ контингентомъ въ 200 тысячъ, съ организованною подвижною національною гвардіею въ милліонъ.

Наконецъ онъ въ самыхъ общихъ цифрахъ перечисляетъ силы нѣмецкихъ державъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить приведенную записку маршала Ле-Бефа необходимо не упускать изъ виду, что послѣдній до войны былъ французскимъ военнымъ министромъ, и что онъ ровно за мѣсяцъ передъ тѣмъ склонилъ на сторону войны огромное большинство французскихъ депутатовъ, завѣривъ ихъ, что Франція „болѣе нежели готова къ войнѣ“ (nous sommes archiprêts), что налицо все „до послѣдней пуговицы“. Далѣе надо замѣтить, что на того-же Ле-Бефа, какъ на ближайшаго помощника императора Наполеона по командованію Рейнскою арміею, падала значительная доля отвѣтственности за всѣ испытанныя уже неудачи.

Приходится затѣмъ просто недоумѣвать, не зная чему болѣе удивляться: наивному ли почти, хотя косвенному самообвиненію бывшаго военнаго министра и маіоръ-генерала, когда онъ вспоминаетъ прежнія неудачи; набору ли самыхъ пустыхъ фразъ, когда онъ даетъ указанія на будущее; поразительно-ли грубому невѣдѣнію о непріятелѣ [2]), или, наконецъ, незлобивости на сей разъ Базена,

---

[1]) Не дальше какъ на слѣдующій уже день, 16 августа, случилось какъ разъ обратно: нѣмцы ввели въ дѣло слабѣйшія свои силы противъ сильнѣйшихъ французскихъ.

[2]) Ле-Бефъ еще 15 августа называетъ армію Штейнмеца центральною, а принца Фридриха-Карла — сѣверною, т. е. какъ будто принцъ идетъ правѣе Штейнмеца, а между тѣмъ еще 8 числа армія принца выстроилась и съ тѣхъ поръ наступала лѣвѣе Штейнмеца и 14 августа уже захватила переправы южнѣе Меца. Неужели французы изъ кровавыхъ дней 6 (Шпихернъ) и 14 (Мецъ) не извлекли по меньшей мѣрѣ свѣдѣній, что имѣли дѣло съ арміею Штейнмеца, а если по ихъ предположенію Штейнмецъ былъ въ центрѣ, а Фридрихъ-Карлъ сѣвернѣе его, то куда же онъ дѣлся по ихъ мнѣнію, если Штейнмецъ 14 числа дрался фронтомъ на западъ въ виду фортовъ Меца?

*

который повторяетъ все это съ полнымъ благодушіемъ, безъ малѣйшей тѣни ироніи или негодованія. А между тѣмъ назиданіе Ле-Бефа, данное Базену въ такую минуту и при данной критической обстановкѣ, смахиваетъ чуть-ли не на злую и вмѣстѣ съ тѣмъ неостроумную шутку.

Поистинѣ становится жутко и страшно, если подумать, что честь доблестной арміи и судьбы великой націи могутъ зависѣть отъ псевдо-стратеговъ, способныхъ сочинять или хотя принимать въ серіозъ что либо подобное посланію начальника штаба Рейнской французской арміи.

На ночь съ 15 на 16 число маршалъ Базенъ помѣстилъ свою главную квартиру въ почтовомъ домѣ близъ Гравелёта; въ послѣднемъ пунктѣ расположился императоръ, уѣхавшій потомъ къ Вердену рано утромъ 16 числа.

Ночью маршалъ принялъ главнаго интенданта арміи Вольфа, который былъ присланъ императоромъ, чтобы узнать какое направленіе возьметъ армія утромъ 16 числа. Базенъ отвѣчалъ: направленіе арміи будетъ рѣшено окончательно только утромъ, „когда мы узнаемъ намѣренія противника, показавшагося на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Если бы всѣ мои силы были сосредоточены, то я былъ бы склоненъ напасть на него, чтобы отбросить къ Понтъ-а-Муссону. Въ противномъ случаѣ мы должны идти на Верденъ, который сдѣлается нашимъ новымъ операціоннымъ базисомъ и мы будемъ наготовѣ подать руку Мецу въ случаѣ надобности“ [1]).

Очевидно, что существенный смыслъ отвѣта Базена былъ тотъ, что маршалъ на вопросъ императора не въ состояніи пока дать точнаго отвѣта. Придираться за симъ къ словамъ Базена было бы по меньшей мѣрѣ несправедливо; но если слова эти, или вѣрнѣе, надо полагать, другія изображающія тогдашнюю дѣйствительную мысль маршала, повторяются въ печати спустя 13 лѣтъ, то критика вправѣ подвергнуть ихъ анализу какъ выраженіе убѣжденія или по меньшей мѣрѣ мнѣнія Базена.

Первое, что бросается здѣсь въ глаза, это выраженіе полной пассивности. Базенъ не можетъ ни на что рѣшиться окончательно, „не зная намѣреній противника, показавшагося на его лѣвомъ флангѣ“. Казалось бы, что одно уже присутствіе нѣмцевъ южнѣе Меца достаточно обличало въ общемъ ихъ намѣренія помѣшать отступленію Базена. Узнать намѣренія нѣмцевъ точнѣе или по-

---

[1]) Базенъ, стр. 71.

дробнѣе можно было развѣ изъ ихъ же послѣдующихъ дѣйствій 16 августа, которыхъ по мысли Базена приходилось выжидать.

Изъ сказаннаго выходитъ, что маршалъ, въ сущности, заранѣе уже отказался отъ всякаго почина, передавая его всецѣло въ руки непріятеля. Такъ и поступилъ на дѣлѣ Базенъ въ день сраженія слѣдующаго, 16 числа; тутъ онъ громоздилъ резервы къ своему лѣвому флангу, къ Гравелёту, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Меца.

По словамъ Маршала, онъ намѣренъ былъ держаться оборонительно на лѣвомъ своемъ флангѣ и наступать правымъ, для чего лично далъ направленіе головному эшелону 3го корпуса, Ле-Бефа, указавъ ему дирекцію на Марсъ-ля-Туръ. Базенъ поясняетъ, что 3^й^ и 4^й^ корпуса должны были сдѣлать захожденіе правымъ флангомъ впередъ, для того чтобы отбросить нѣмцевъ, если окажется возможнымъ, въ дефилеи Горзъ, Шамбле и долину Мозеля. По словамъ Базена, онъ лично указалъ это направленіе первому эшелону 3го корпуса, но остальные его эшелоны (поясняетъ далѣе Базенъ) подходили постепенно очень медленно, а одна дивизія только ночью прибыла въ Гравелётъ [1]).

Но едвали подобныя приказанія были въ дѣйствительности отданы въ полномъ ихъ объемѣ. Самъ маршалъ въ сочиненіи своемъ не отрицаетъ, что во весь день 16 числа онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ командиромъ 4го корпуса, генераломъ Лямиро, и справедливо укоряетъ послѣдняго въ томъ, что онъ въ теченіе того дня не донесъ о своихъ движеніяхъ [2]).

Такимъ образомъ оказывается, что Лямиро попалъ дѣйствительно на правый флангъ французовъ по своему только почину; что же касается корпуса Ле-Бефа, то рапортъ Базена о сраженіи 16 числа прямо противорѣчитъ высказанному въ его сочиненіи 13 лѣтъ спустя [3]). Изъ рапорта этого видно, что Базенъ лишь въ началѣ сраженія носился съ мыслью охватить лѣвый флангъ нѣмцевъ корпусомъ Ле-Бефа, но что потомъ онъ совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе, приказавъ Ле-Бефу „сильно удерживать свои позиціи дивизіею Нейраля (Neyral), связаться съ 6^мъ^ корпусомъ посредствомъ дивизіи Эмара, а дивизію Монтодона направить къ Гравелёту.“ Такимъ образомъ всѣ распоряженія Базена

[1]) Базенъ, стр. 83. Отстала дивизія Метмана, ночевавшая съ 15 на 16 у Меца въ то время когда остальныя три дивизіи Ле-Бефа къ утру 16 стояли сѣвернѣе, близъ 6-го корпуса, Канробера, а гвардія—въ разстояніи не далѣе полумили отъ Резонвиля и $1^1/_2$—2 миль отъ Марсъ-ля-Тура.

[2]) Базенъ, стр. 84.

[3]) „Рапортъ маршала Базена о сраженіи при Резонвиль“ (Rapport du Maréchal Bazaine. Battaile de Rézonville. Bruxelles, 1870) стр. 8—11.

въ сущности имѣли характеръ самой пассивной обороны; о наступленіи же нѣтъ и помина.

Надо притомъ замѣтить, что если бы Базенъ дѣйствительно имѣлъ въ виду рѣшительное наступленіе, то указанный имъ планъ вообще былъ слишкомъ сложенъ и требовалъ много времени для своего исполненія. По мысли выраженной Базеномъ выходитъ, что лѣвому крылу французовъ предназначалась роль оборонительная, то есть пассивная, правому же—активная, то есть наступательная.

Очевидно, что правый флангъ французовъ долженъ былъ быть возможно сильнѣе, уже по самому свойству наступательной задачи, а такъ какъ наступленіе предположено было соединить съ охватомъ, то флангъ этотъ французамъ приходилось протянуть какъ можно дальше. Но такъ какъ Базенъ, не проложивъ себѣ еще свободнаго и безпрепятственнаго пути къ Вердену, естественно не желалъ пока быть отрѣзаннымъ отъ Меца, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ усиливать свой лѣвый флангъ и протягивать его къ сторонѣ Меца все дальше и дальше. Такимъ образомъ въ самомъ основаніи выраженной Базеномъ мысли лежало растяженіе силъ французовъ и разброска ихъ по слишкомъ длинному фронту, а между тѣмъ ничего не было проще, какъ соединить обѣ предположенныя Базеномъ задачи, активную и пассивную, въ одну рѣшительнымъ наступленіемъ лѣваго крыла французовъ, съ соразмѣрно его усиливъ.

Наступленіе лѣваго французскаго крыла надежнѣе всего прикрывало сообщенія съ Мецомъ, отрѣзывало нѣмцевъ отъ ихъ переправъ черезъ Мозель и запирало послѣднія для нѣмецкихъ подкрѣпленій, подходившихъ съ той стороны рѣки. Сосредоточеніе главнѣйшихъ дѣйствій французовъ на одномъ лѣвомъ ихъ крылѣ представляло еще ту выгоду, что могло быть исполнено единоличнымъ начальствованіемъ, а именно самого главнокомандующаго, который тутъ-же и находился.

Въ томъ видѣ какъ дѣла сложились въ дѣйствительности Базену оставалось только подвести къ своему лѣвому крылу соотвѣтственное количество войскъ, которыя находились у него подъ рукою почти въ избыткѣ. Наконецъ, такъ какъ главнѣйшія дѣйствія происходили бы на глазахъ самого Базена, то для исполненія не требовалось особаго согласованія и удачныхъ дѣйствій со стороны частныхъ начальниковъ, другъ отъ друга удаленныхъ. Подобное согласованіе лишь съ большимъ трудомъ достигается въ сраженіяхъ такъ называемыхъ случайныхъ; а крупное сраженіе 16 числа для обѣихъ сторонъ было дѣйствительно совершенною неожиданностью, по крайней мѣрѣ нѣмцы отнюдь его не предвидѣли въ данномъ раз-

мѣрѣ, а французы вовсе къ нему не готовились. Впрочемъ, превосходство силъ французовъ было настолько значительно, что успѣхъ ихъ былъ безусловно обезпеченъ рѣшительнымъ наступленіемъ въ любомъ направленіи.

Хотя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ французскихъ начальниковъ 16 августа очень скудны, видно однако, что командиры дивизій Фроссара съ появленіемъ нѣмцевъ приняли немедленно надлежащія мѣры. Войска Канробера тоже выстроились, поддерживая такимъ образомъ 2ой корпусъ. Командиръ 4го корпуса, Лямиро, опередивъ свою пѣхоту, около полудня прибылъ съ кавалеріею въ Брювиль, позади праваго фланга французскаго расположенія. Оказавшаяся тамъ гвардейская конная бригада Де-Франсъ, провожавшая туда императора отъ Гравелёта, и полкъ африканскихъ егерей дивизіи Дю-Баре поступили въ распоряженіе Лямиро, которому Ле-Бефъ прислалъ на подмогу и свою конную дивизію, Клерамбо. Лямиро и распорядился этою кавалеріею, когда счелъ нужнымъ, и ввелъ въ дѣло свои двѣ подоспѣвшія дивизіи, которыя продолжили правый флангъ общаго французскаго расположенія, то есть такъ именно, какъ этого желалъ Базенъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, что никакъ нельзя упрекнуть въ нераспорядительности храбрыхъ французскихъ генераловъ, изъ коихъ въ этотъ день шесть человѣкъ пали во главѣ своихъ войскъ. Напротивъ того, надо признать, что они удовлетворили ходячему правилу „о выручкѣ своихъ“. Однако французы проиграли сраженіе, не смотря на свое значительное превосходство силъ и несомнѣнную храбрость, засвидѣтельствованную тяжелыми потерями.

А если ни превосходство силъ, ни храбрость не дали французамъ побѣды, то очевидно имъ еще чего-то недоставало. Это „что то“ состояло въ томъ, что французскіе начальники не обладали яснымъ пониманіемъ общаго положенія дѣлъ и не было у нихъ надлежащаго серіознаго разумѣнія и отношенія къ бою, вообще, а къ разыгрываемому — въ особенности.

Положеніе дѣлъ, какъ оно опредѣлилось и подтвердилось боемъ въ теченіе дня, было слѣдующее:

Цѣль французовъ—Верденъ, или вообще р. Меза, находилась на западѣ; крѣпость Мецъ, временный опорный пунктъ—на востокѣ; на сѣверѣ, въ разстояніи двухъ переходовъ, была нейтральная граница, т. е. сфера гибели для французовъ; на югѣ—непріятель.

Очевидно было, что двигаться далѣе къ своей цѣли при данной обстановкѣ было для французовъ невозможно и немыслимо. Съ другой стороны, французы вполнѣ основательно не желали оставаться у Меца (хотя-бы по причинѣ недостаточнаго снабженія крѣ-

пости). По всѣмъ этимъ причинамъ оставалось одно: рѣшительнымъ ударомъ сбить ближайшаго непріятеля и затѣмъ, смотря по обстановкѣ, или продолжать свои успѣхи, если-бы они были особо значительны, или же, по меньшей мѣрѣ, выиграть болѣе спокойное отступленіе, имѣя уже ближайшія части непріятеля только позади а не на флангѣ. Наконецъ, въ случаѣ неудачи, Базену оставалось отступленіе къ Мецу, какъ самая худшая случайность.

Но именно сознанія общаго положенія дѣлъ у французскихъ начальниковъ вовсе не замѣчается; точно такъ же невидно, чтобы они вообще, а Базенъ въ особенности, достаточно серіозно относились къ важному значенію каждаго боя, а тѣмъ болѣе сраженія 16 августа.

Если-бы французскіе начальники способны были обнять данное положеніе дѣлъ, то они сознали бы, съ одной стороны, что французы 16 августа „непремѣнно должны одержать рѣшительную побѣду“ надъ противостоявшими имъ нѣмцами, съ другой стороны, они обязаны были знать, что побѣда вполнѣ возможна и достижима, такъ какъ нѣмцы никакъ не могли быть еще сильны на лѣвомъ берегу Мозеля.

Наконецъ нѣмцы, съ рѣкою въ тылу и не имѣя за собою близкаго опорнаго пункта подобно французамъ, болѣе послѣднихъ должны были опасаться ближайшихъ послѣдствій неудачи. Все это вмѣстѣ должно было склонить французскихъ начальниковъ „къ самому рѣшительному наступленію“, но они не оказались на высотѣ предстоявшей имъ задачи.

Для того, чтобы подробнѣе выразить, чего именно недоставало французскимъ начальникамъ, лучше припомнить нѣкоторыя дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ.

Въ день 14 августа прусскіе генералы, корпусный—Мантейфель и бригадный—Гольцъ, основываясь на общемъ положеніи дѣлъ, т. е. на обходномъ движеніи части нѣмецкихъ силъ по отношенію къ Мецу, чувствовали, что французовъ надо задержать подольше у этой крѣпости, и они тутъ-же, безъ оглядки со слабыми наличными силами, можно сказать, дерзко вцѣпились въ армію Базена и блистательно исполнили свою задачу.

Тогда-же, 14 августа, командиръ арміи, Штейнмецъ, не смотря на то, что лично не сознавалъ пользы сраженія, затѣяннаго его подчиненными, тѣмъ не менѣе старался поддержать Мантейфеля и Гольца всѣми наличными силами для того, чтобы не допустить отступленія. Подобнымъ образомъ въ видахъ чисто нравственныхъ, „для констатированія побѣды“, главная королевская квартира приказала войскамъ почевать на захваченномъ въ наступленіи полѣ

сраженія, подъ пушками фортовъ Меца, не смотря на то, или вѣрнѣе потому именно, что поле это приходилось во всякомъ случаѣ очистить на слѣдующее утро.

Точно такъ же принцъ Фридрихъ-Карлъ 16 числа уже почти ночью собралъ послѣднія наличныя силы для того, чтобы „послѣдній ударъ въ этомъ бою палъ непремѣнно со стороны нѣмцевъ". Въ такомъ-же духѣ беззавѣтнаго стремленія впередъ, недопускавшаго мысли объ отступленіи, ведено было нѣмцами и все дѣло 16 числа, не смотря на самое критическое ихъ положеніе. Нѣчто подобное было и подъ Шпихерномъ.

Кирхбахъ подъ Вертомъ на свою овѣтственность рѣшилъ продолжать бой и довести его до окончательнаго рѣшенія, даже вопреки буквѣ приказанія кронпринца. Кирхбахъ не допускалъ возможности кончить день хотя-бы частною неудачею (отбитіе аттакъ нѣкоторыхъ частей 3ей нѣмецкой арміи).

Между тѣмъ французскіе начальники относились къ серіозному значенію каждаго боя крайне легко, какъ это и выяснено выше по отношенію Шпихерна. Точно такъ же и подъ Марсъ-ля-Туромъ французы какъ будто полагали выдержать тамъ бой „такъ-себѣ, между прочимъ" и потомъ приступить къ дальнѣйшимъ своимъ операціямъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Базенъ и его сподвижники, видимо, не чувствовали крайней необходимости доводить всякое дѣло, а тѣмъ болѣе бой 16 августа до окончательнаго рѣшенія, то есть непремѣнно разбить непріятеля [1]).

Французскіе начальники подъ Марсъ-ля-Туромъ, не обнимая общаго, проявляли свою дѣятельность развѣ храбрыми, правда, но безплодными частными фронтальными ударами. Самъ же маршалъ считалъ возможнымъ, не довершая сраженія 16 числа, прервать, такъ сказать, партію съ тѣмъ, чтобы отыграться потомъ на новой позиціи. Базенъ упускалъ изъ виду, что „всякое крупное столкновеніе создаетъ совершенно новую обстановку" и что уступивъ побѣду нѣмцамъ въ день 16 числа, французы очутились 17го въ положеніи несравненно менѣе выгоднымъ, то есть, какъ показали послѣдствія, почти безвыходномъ.

Не задаваясь стремленіемъ непремѣнно разбить непріятеля, французы вели бой болѣе отбивами, нежели рѣшительными ударами, и въ совершенную противоположность нѣмцамъ для ударовъ своихъ не отыскивали больныхъ мѣстъ противника. Иначе дѣйствовали нѣмцы.

---

[1]) Понятно, что какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ говорится о необходимости „довести дѣло до конца", подразумѣвается рѣшеніе сообразное стратегической постановкѣ сраженія. Подъ Марсъ-ля-Туръ напр. французы „обязаны" были разбить нѣмцевъ; послѣдніе же могли удовольствоваться, пока, задержаніемъ французовъ.

Изъ описанія дѣла видно, что слабый отрядъ Шварцкопена (5½ баталіоновъ бригады Веделя), не заботясь о связи со своими, направился не къ Тропвилю, куда его призывалъ командиръ корпуса, а къ Марсъ-ля-Туру, отыскивая тамъ флангъ непріятеля. Не отыскавъ тамъ фланга французовъ, которые не подвинулись столь далеко впередъ, нѣмцы смѣло аттаковали французовъ, не заботясь объ относительной числительности.

Весьма любопытно сравнить рѣшительныя дѣйствія прусской бригады Веделя съ дѣйствіями противостоящаго ей французскаго корпуса.

Изъ собственныхъ же словъ командира 4го французскаго корпуса, генерала Лямиро, видно:

Еще задолго до появленія бригады Веделя, Лямиро имѣлъ подъ рукою цѣлую дивизію Гренье, а дивизія Сиссе уже подходила. Двигаясь отъ Донкура на Брювиль, войска эти, такъ сказать, сами собою шли по направленію внѣ фланга нѣмцевъ, занимавшихъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ Тронвильскіе кусты. Между тѣмъ Лямиро, помышляя въ сущности только объ оборонѣ, не думалъ продолжить свой правый флангъ для охвата нѣмцевъ. Онъ, напротивъ того, двинулъ влѣво цѣлую бригаду, употребивъ ее для непосредственной связи съ корпусомъ Канробера. По его словамъ, аттаку онъ откладывалъ. „Я ничего не хотѣлъ рисковать впредь до прибытія Сиссе“, говоритъ Лямиро; но когда Сиссе около 5 часовъ подходилъ, то Лямиро вмѣсто распоряженій къ аттакѣ обратился за помощью къ конницѣ: „Мнѣ угрожаютъ громадныя массы; освободите меня отъ нихъ и мой правый флангъ будетъ спасенъ“.

Далѣе Лямиро не безъ самодовольства разсказываетъ о своихъ оборонительныхъ мѣрахъ, которыя дозволили ему удержаться за крутымъ оврагомъ противъ аттаки 5½ баталіоновъ Веделя [1]). Но и по отбитіи этой смѣлой аттаки нѣмцевъ, кончившейся полнѣйшимъ ихъ пораженіемъ въ 5½ часовъ пополудни, Лямиро не думаетъ о наступленіи и ссылается на то, что войска его съ 4 часовъ утра были на ногахъ и не ѣли.

По поводу высказаннаго генераломъ Лямиро невольно приходится замѣтить, что начальники всегда обязаны заботиться объ отдыхѣ и довольствіи войскъ, а въ трудныя минуты умѣть воодушевить ихъ до крайнихъ усилій. Противостоявшіе тутъ французамъ нѣмцы (10го корпуса) были на ногахъ тоже съ ранняго утра, причемъ они (по увѣренію прусской оффиціальной исторіи войны) прошли въ тотъ день отъ 5—6 миль безъ варки пищи; между тѣмъ какъ дивизіи Сиссе и Гренье прошли во всякомъ случаѣ менѣе 4 миль, хотя шли

[1]) Базенъ, стр. 85—86.

кружною дорогою на Сентъ-Мари-о-Шенъ, притомъ они оставили ранцы въ Донкурѣ.

Наконецъ надо добавить, что обходное движеніе или охватъ лѣваго фланга противника со стороны французовъ (въ случаѣ неудачи) далеко не былъ для нихъ такъ опасенъ, какъ для нѣмцевъ охватъ ихъ — отбитый французами. Нѣмцы, охватившіе правый флангъ французовъ, могли быть отброшены отъ своего пути отступленія, между тѣмъ какъ войска Лямпро, обходя лѣвый флангъ нѣмцевъ, напротивъ того, выигрывали свою естественную комуникаціонную линію на Верденъ.

Явленія подобныя описанному замѣчаются и на остальныхъ двухъ противоположныхъ флангахъ сражавшихся сторонъ. Такъ, у Гравелёта большая часть гвардейскаго корпуса съ начала боя простояла въ совершенномъ бездѣйствіи (не имѣя противъ себя пока никого) подъ предлогомъ обезпеченія лѣваго фланга общей линіи; между тѣмъ какъ лучшее обезпеченіе состояло бы именно въ наступленіи. Такъ а не иначе понималъ дѣло очутившійся тамъ, за правымъ флангомъ нѣмцевъ, командиръ 11го пѣхотнаго полка, Шеннигъ, когда онъ, будучи отряженъ отъ 9го корпуса для обезпеченія переправы у Корни, пошелъ оттуда впередъ на выстрѣлы, считая, что этимъ способомъ, т. е. „пособляя побѣдѣ“ нѣмцевъ, онъ лучше всего обезпечитъ лежащую сзади переправу.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что недостаточно „идти на выстрѣлы“ или „спѣшить на выручку своимъ“, а надо знать „гдѣ, какъ и когда?“ Прежде же всего надо взвѣсить общую обстановку и стратегическое значеніе боя. Стратегическая обстановка 14 августа требовала отъ французовъ, чтобы они по возможности уклонились отъ боя и во всякомъ случаѣ ввели въ него возможно меньше войскъ, а наоборотъ — 16 числа французы должны были обрушиться на нѣмцевъ всѣми своими силами и дѣйствовать самымъ настойчивымъ образомъ. Между тѣмъ Лямпро и Базенъ, находясь въ день Марсъля-Тура на противоположныхъ флангахъ, одновременно, каждый съ своей стороны, видятъ опасность отъ „превосходныхъ силъ противника“ и обрекаютъ себя на пассивное выжиданіе.

Подобныхъ указаннымъ неосновательныхъ опасеній не могло бы быть, если-бы французское начальство мало-мальски основательно вело дѣло сбора свѣдѣній о противникѣ, учета его силъ и расчета движеній (что въ особенности было легко въ своей же собственной странѣ). На основаніи однѣхъ этихъ данныхъ, французы должны были заключить, что нѣмцы къ данному сроку и на данномъ мѣстѣ никакъ не могутъ имѣть „большихъ“ силъ. А за симъ, правильно веденныя развѣдки могли раскрыть, что силы нѣмцевъ, противосто-

явшія Базену въ день 16 августа, сравнительно съ французскими, въ особенности въ началѣ боя, просто „ничтожны“. Впрочемъ, совершенное отсутствіе организаціи собиранія свѣдѣній о противникѣ унаслѣдовано было Базеномъ отъ управленія Ле-Бефа.

Если бы пришлось сдѣлать общіе выводы изъ всего сказаннаго при разборѣ дѣйствій французскихъ начальниковъ съ 6 августа по день боя подъ Марсъ-ля-Туромъ, то слѣдовало бы повторить все то, что уже высказано по поводу дѣйствій ихъ въ день Шпихернскаго сраженія, а именно, съ ихъ стороны замѣчается:

1, „Игнорированіе первенствующаго значенія боя и легкое къ нему отношеніе,“ подтверждаемое убѣжденіемъ Базена, что можно безнаказанно уступить нѣмцамъ побѣду 16 числа съ тѣмъ, чтобы отыграться впослѣдствіи.

2, „Принципіальная централизація начальствованія, недопускающая никакой самостоятельности мысли и воли въ частныхъ начальникахъ, съ полнымъ притомъ пренебреженіемъ всякаго твердаго органическаго порядка при распредѣленіи начальствованія надъ большими массами войскъ,“ — вполнѣ подтверждаемая хаотическимъ командованіемъ императора Наполеона вообще, а также укорами Базена, обращенными къ Лямиро за то, что послѣдній не пошелъ по запруженной дорогѣ, а отыскалъ себѣ другую, свободную.

3, „Инертность частныхъ начальниковъ, постоянно ожидавшихъ толчка извнѣ, съ полнымъ подчиненіемъ себя почину противника“, доказываемая нераспорядительностью Фроссара 15 числа, а также пассивностью Лямиро въ день Марсъ-ля-Тура.

4, „Хожденіе ощупью за отсутствіемъ свѣдѣній о непріятелѣ, которыхъ не могли доставить кавалерійскіе начальники, лишенные воли и предпріимчивости.“ Это видно изъ всего хода дѣла Марсъ-ля-Тура, въ которомъ французскіе бивуаки сразу, совершенно неожиданно подверглись канонадѣ нѣмцевъ. Затѣмъ, французскіе начальники все время опасались воображаемыхъ „громадныхъ силъ“, которыхъ у нѣмцевъ тутъ не было и быть никакъ не могло.

Такимъ образомъ, причина неудачи французовъ въ день Марсъ-ля-Тура, подобно тому какъ и въ предыдущихъ бояхъ этой кампаніи, кроется не въ случайныхъ обстоятельствахъ или даже единичныхъ ошибкахъ, но въ общихъ основныхъ свойствахъ французскихъ начальниковъ, а свойства эти, въ свою очередь, были продуктомъ общей системы.

Можно, конечно, допустить, что иной начальникъ на мѣстѣ Базена высказалъ бы больше знанія дѣла, больше воли и энергіи, но не надо забывать, что о главнокомандующемъ болѣе чѣмъ

о комъ либо можно сказать, что „одинъ въ полѣ — не воинъ“. Въ данномъ же случаѣ, съ одной стороны, Лямпро при самой выгодной обстановкѣ бездѣйствовалъ въ виду ничтожныхъ остатковъ войскъ (пѣхоты) противника, а съ другой—Фроссаръ, находившійся съ 14 числа ближе всѣхъ къ непріятелю, ничего заранѣе не подготовилъ для выясненія дѣйствительной обстановки на лѣвой сторонѣ Мозеля [1]).

Наконецъ и самъ Базенъ, который, какъ доказано выше, при слабости нѣмцевъ могъ опрокинуть непріятеля наступленіемъ однихъ только нагроможденныхъ имъ резервовъ, стѣсненъ былъ приказаніями императора „ничѣмъ не рисковать“. Но „есть на войнѣ такія положенія“, говоритъ Клаузевицъ, „въ коихъ высшая мудрость состоитъ именно въ величайшемъ рискѣ“.

Въ такомъ положеніи и былъ Базенъ 16 числа, тѣмъ болѣе, что успѣшнымъ боемъ онъ долженъ былъ выиграть очень и очень много, а въ случаѣ неудачи (при соотвѣтственномъ дѣйствіи) могъ все-таки отступить еще къ Мецу, и тѣмъ спастись хотя на время. Отступивъ же 17 числа на вторую позицію, ближе къ Мецу, можно сказать добровольно, не попытавъ наканунѣ жребія самаго рѣшительнаго безъ-оглядки наступленія, Базенъ поставилъ себя въ положеніе неизмѣримо менѣе выгодное нежели оно было утромъ 16 августа. А между тѣмъ онъ долженъ былъ знать, что нѣмцы, при общемъ своемъ численномъ превосходствѣ, неминуемо будутъ 17 августа болѣе сильны нежели были наканунѣ. Рискъ Базена увеличивался съ каждымъ упущеннымъ часомъ. Слѣдовательно, если когда-либо, то конечно въ день 16 августа „высшая мудрость“ для французовъ состояла именно „въ величайшемъ рискѣ“.

Нелишне, кажется, добавить, что критику, спустя много лѣтъ послѣ событія и по сличеніи разныхъ данныхъ, не вполнѣ ясныхъ для современныхъ дѣятелей, нетрудно указать на промахи французскаго полководца; но послѣднему для ихъ избѣжанія надо было бы обладать стратегическою прозорливостью и рѣшимостью „настоящаго полководца“. Немудрено, что ими не обладалъ бравый и храбрый маршалъ, достигшій столь высокихъ степеней не по причинѣ дѣйствительной пригодности своей, а больше въ качествѣ личнаго приверженца Люи-Наполеона; послѣдній, въ свою очередь, какъ глава партіи временно взявшей верхъ во Франціи, ограниченъ былъ въ выборѣ своихъ сподвижниковъ. Даже приказаніе „не рисковать“ императоръ далъ Базену потому именно, что боясь за

[1]) При правильномъ взглядѣ на дѣло слѣдовало подчинить Фроссару и обѣ резервныя кавалерійскія дивизіи, поспѣвшія съ нимъ на лѣвый берегъ Мозеля.

свой престолъ бросился въ войну, не подготовивъ ее административно и политически.

Такимъ образомъ личныя свойства маршала и данное ему приказаніе „не рисковать“ имѣютъ одинъ и тотъ-же корень, а именно — политическое внутреннее положеніе Франціи, лишенной природной и безспорно царствующей династіи.

Наконецъ, если бы кто и захотѣлъ упирать на то, что такъ или иначе одна только вспышка воли и энергіи Базена въ день 16 августа все-таки могла доставить французамъ побѣду, то можно отвѣтить, что случайные шансы на войнѣ въ концѣ концовъ распредѣляются равномѣрно на обѣ стороны. Бездѣйствіе, то есть ошибки Базена, и были на сей разъ шансомъ въ пользу нѣмцевъ, но зато́ многіе незаслуженные шансы подарилъ французамъ цѣлый рядъ упущеній и промаховъ со стороны начальства нѣмцевъ, благодаря коимъ послѣдніе очутились подъ Марсъ-ля-Туромъ въ крайне невыгодномъ положеніи.

Итакъ приходимъ къ тѣмъ самымъ заключеніямъ, которыя пришлось высказать по поводу дня Верта и Шпихерна, а именно, что какъ тамъ, такъ и подъ Марсъ-ля-Туромъ сразились не только непріязненныя другъ другу войска, но и цѣлыя различныя системы, и что побѣда тутъ и тамъ досталась болѣе изъ нихъ совершенной.

Одна изъ этихъ системъ заявила себя живою и разумною сверху до́-низу, самостоятельною, плодотворною дѣятельностью, а другая — мертвящею рутиною и пагубнымъ бездѣйствіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе	. . . . .	3
I.	Причины войны и стратегическія предположенія обѣихъ сторонъ . . .	9
II.	Мобилизація и сосредоточеніе вооруженныхъ силъ обѣихъ сторонъ . .	17
III.	Саарбрюкенская стычка 2 августа и приближеніе 1-й и 2-й нѣмецкихъ армій къ пограничной рѣкѣ Саарѣ 5 августа	25
IV.	Сраженіе при Шпихернъ—Форбахъ 6 августа	36
V.	Французское начальство въ день Шпихернскаго боя 6 августа	54
VI.	Наступленіе 3-й нѣмецкой арміи и бой у Вейсенбурга 4 августа . . .	79
VII.	Наступленіе 3-й нѣмецкой арміи 5 августа, сраженіе при Вертъ—Рейхсхофенъ 6 августа и преслѣдованіе французовъ нѣмецкой конницею 7 августа	94
VIII.	Сосредоточеніе французовъ у Меца и Шалона, наступленіе нѣмцевъ на рѣку Мозель и сраженіе при Колёмбе—Пуйли 14 августа . . .	151
IX.	Слабая кавалерійская подготовка обхода Меца со стороны нѣмцевъ . .	197
X	Обоюдныя дѣйствія у Меца 15 августа и сраженіе при Віонвиль—Марсъля-Туръ 16 августа	206
XI.	Командованіе Рейнскою арміею императора Наполеона III и маршала Базена и французскіе начальники въ бою 16 августа	265

Таб. II

Чер. 3

СРАЖЕНІЕ
при
Шпихернъ Форбахъ
6го Августа 1870 г.

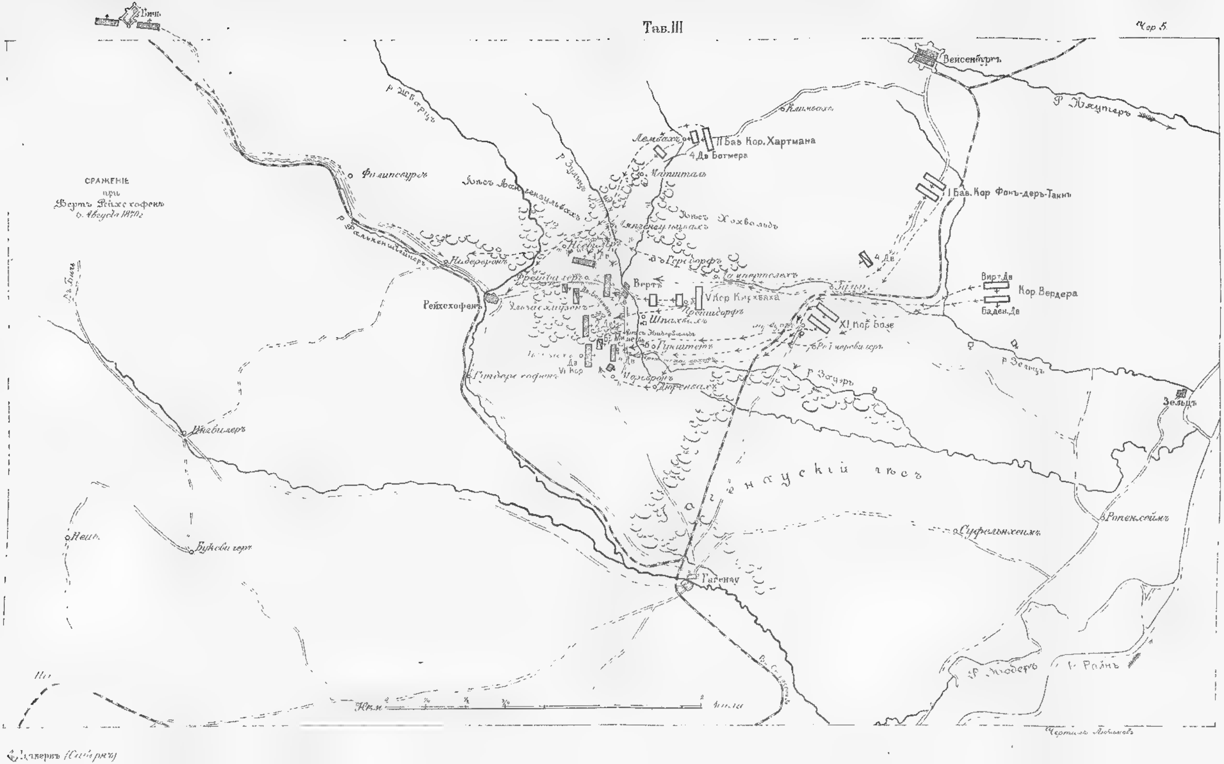
Саарлюи
Бр. Война
Бр. Франсуа
Дв. Барнекова
Зульцбахъ
Дудвейлеръ
Пютлингенъ
13 Дв. Глюмера
Аванг. Рекса
10 Бр. Шверина
9 Бр. Деринга
Аванг. Гольца
Фолькмингенъ
Верденъ
Отенхаузенъ
Горсвейлеръ
Саарбрюкенъ
Сенъ Арнуа
Людвейлеръ
Клейнъ Россель
Стирингъ Венгель
Шпихернъ
Левокуль
Форбахъ
Баттайль
Эйлингенъ
Морсбахъ
Росбрюкъ
Фолькмингъ
Бусбахъ
Кошеренъ
Рулингъ
Каленбронъ
Бенингъ
Тедингъ
Монтодонъ
Сааргемюндъ
Бр. Жюнакъ
Сенъ Авольдъ
Метманъ
Маріентал
Кастиньи
Пютелянжъ

Чер. 4

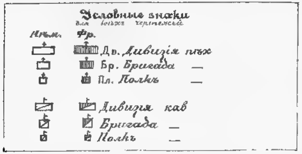
Наступленіе

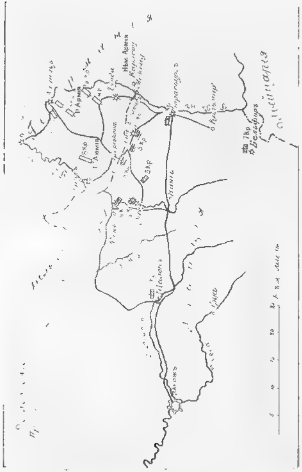
Таб. III

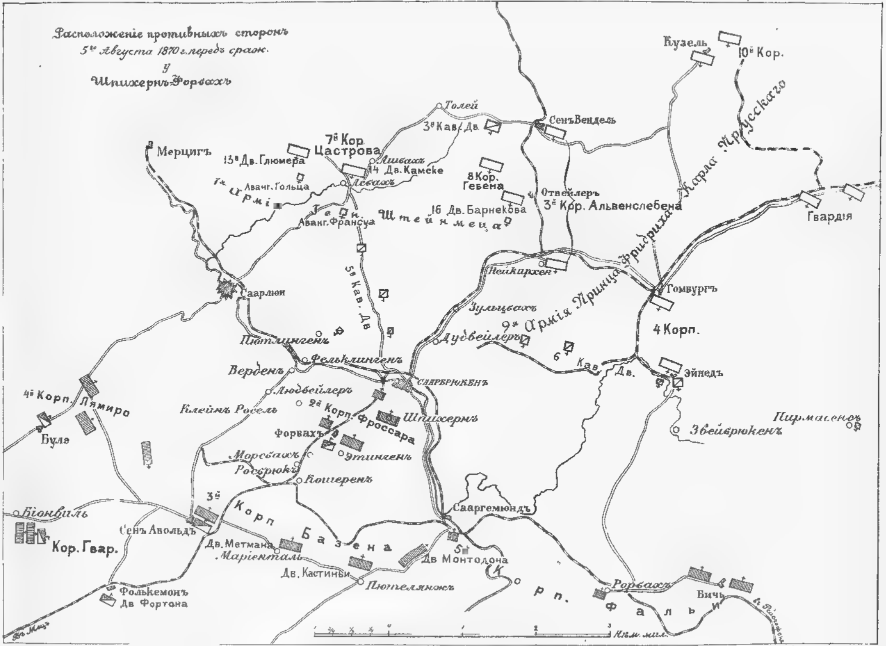
Чер. 5.



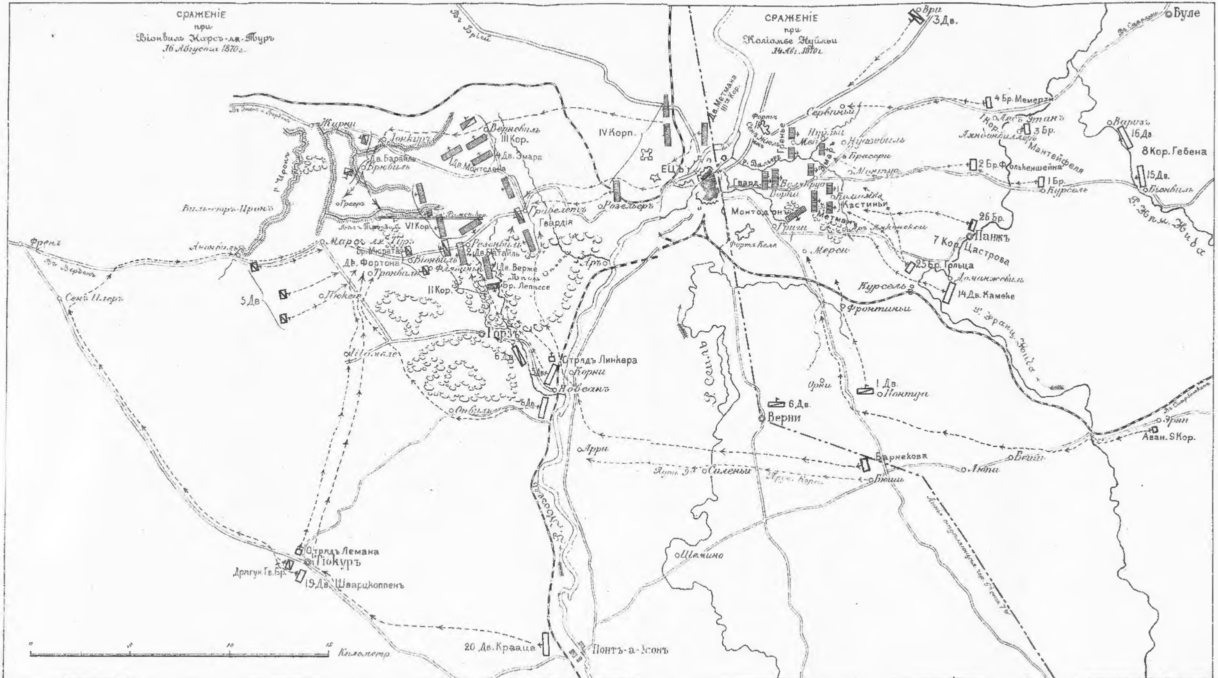
СРАЖЕНІЕ
при
Вертъ Рейхсхофенъ
6. Августа 1870 г.
Бичъ
Вейсенбургъ
р. Лаутеръ
Лембахъ
II Бав. Кор. Хартмана
4 Дв. Ботмера
I Бав. Кор. Фонъ-деръ-Танн
4 Дв.
Вирт. Дв.
Кор. Вердера
Баден. Дв.
Филипсбургъ
р. Фалькенштейнеръ
Ниедербронъ
Рейхсхофенъ
Фрешвилеръ
Вертъ
V Кор. Кирхбаха
Гунштетъ
XI Кор. Бозе
р. Зельцъ
Зельцъ
р. Зауеръ
Морсбронъ
Дурренбахъ
Гинбильеръ
Гагенаускій лѣсъ
Гагенау
Суфельнхеймъ
Рошпенсгеймъ
р. Модеръ
р. Рейнъ
Чертилъ Любимовъ
Цабернъ (Саверне)







Чертилъ Любимовъ


СРАЖЕНІЕ
при
Віонвиль Марсъ-ля-Туръ
16 Августа 1870 г.
СРАЖЕНІЕ
при
Коломбе Нуильи
14 Авг. 1870 г.
3 Дв.
Буле
4 Бр. Мемерти
3 Бр.
16 Дв.
8 Кор. Гебена
Мантейфеля
2 Бр. Фолькеншейна
1 Бр.
15 Дв.
Біонвиль
Курсель
Сервиньи
Нуильи
Нуазевиль
Брассри
Метмана
26 Бр.
Панжъ
7 Кор. Цастрова
25 Бр. Гольца
14 Дв. Камеке
Курсель
Фронтиньи
Кастиньи
Гвард.
Монтодонъ
Мерси
Ецъ
IV Корп.
Верневиль
III Кор.
Дв. Эмара
Дв. Монтодона
Жарни
Донкуръ
Дв. Барайль
Брювиль
Гріевъ
Вилль-сюръ-Ironъ
р. Ironъ
Френъ
Марсъ ля Туръ
Dв. Фортона
Тронвиль
Віонвиль
Флавиньи
Резонвиль
VI Кор.
Гвардія
Розельеръ
Гравелотъ
II Кор.
1 Дв. Верже
Бр. Лепассе
2 Дв. Батайль
Бр. Мсрата
Арсъ
Горзъ
6 Дв.
Страдъ Линквра
Корни
Новеанъ
5 Дв.
Онвиль
Сенъ Илеръ
5 Дв.
Пюксе
Шамбле
Арри
Силеньи
Верни
6 Дв.
1 Дв.
Понтуа
Орни
Варнекова
Бюши
Люпи
Ерни
Аван. 9 Кор.
Щемино
Страдъ Лемана
Гюкуръ
Драгун. Гв. Бр.
19 Дв. Шварцкоппен
20 Дв. Краатца
Понтъ-а-Мусонъ
р. Мозель
р. Сейль
Километр.
Чертилъ Любимовъ